

АЛАТАРИАНСКАЯ
ИМПЕРИЯ
ТОМ I

КУРАШ НИКОЛАЙ

Сможет ли Алатарианская Империя выстоять в эти нелегкие времена? Когда кольцо сужается и с одной стороны объединяются кланы дикарей, а с другой просыпается древняя цивилизация с продвинутыми технологиями, жаждущая уничтожить мир. В то же время девушка изобретатель Эмилия и парень алхимик Фин находят книгу с картой, ведущей к древней библиотеке. Еще не зная какие испытания их ожидают и как, эта находка отразится на всем мире. Друзья отправляются на встречу приключениям, по пути собирая команду, преодолевая препятствия. Смогут ли герои исправить ситуацию в мире, или их действия еще больше все усложнят и Алатарианская Империя падет.

Николай Каленич

Алатарианская Империя

ЧАСТЬ I

Глава I. Открытие Печати

Помощник Главного изобретателя при имперском дворе Эмилия Фрост и младший алхимик Фин Ламби вошли в закрытую часть имперской библиотеки, допуск к которой всегда согласовывался с самим императором Айрисом Таггерангом, дающим своё личное на то разрешение.

— Неужели нам и правда позволили посетить эту часть библиотеки? Не верится, — восхищённо вздохнула Эмилия, зачарованно оглядываясь вокруг.

— Помощнице Главного изобретателя Империи разрешено черпать знания из любых уголков библиотеки, — не разделил восторженности своей спутницы Фин, скользя рассеянным взглядом по переплёткам толстенных томов старинных книг.

— Почему ты расстроился? — Эмилия взяла его за руку. — У тебя ведь тоже есть доступ к знаниям.

— Его получил отец, это у него есть доступ, — опустил глаза, ответил парень.

— Поверь мне, ты превзойдешь отца и получишь собственный доступ, — приободрила его Эми. — Пойдем исследовать. Сколько книг, у меня просто глаза разбегаются! — и, повернувшись, она уверенной походкой зашагала вглубь по длинному слабоосвещенному коридору. Фин же не спешил поддаваться нетерпеливости своей подруги, оставаясь на месте. Через миг длинные рыжие, слегка кудрявые волосы девушки растворились в царящем вокруг мягком полумраке зала. Библиотека при дворце императора считалась самой большой во всей Алатарианской империи. В закрытом крыле вдоль стен располагались огромные высокие стеллажи с собранием книг, содержащих научные знания, доступные далеко не всем. Эти стройные, уходящие вдаль ряды полок образовывали подобие пролёта, больше смахивающего на тоннель. Все библиотечные секции аккуратно классифицировались по тематике, что позволяло посетителю находить искомое без особого труда.

Фин медлил, не торопясь за Эмилией, которая уже увлечённо крутилась меж громоздких стеллажей, изрядно углубившись вперед по коридору. Он надеялся найти печатные труды, в которых сможет обнаружить ответы на вопросы, связанные с его деятельностью в области алхимии. Разумеется, он не был настолько самонадеян, чтобы отыскивать здесь откровения о формуле эликсира молодости или философском камне — предмете, что сможет превратить один металл в другой, однако алхимия многогранна и хранит великое множество других, надёжно сокрытых завесой тайны знаний.

Судьба Фина определилась еще до его рождения. Он появился на свет в главном королевстве Алатарианской империи под названием Атуя, сердцем которого являлась столица Илатари, где его отец, гениальный алхимик, к тому времени уже преподавал в столичном университете. Несмотря на темный цвет кожи, семья Фина пользовалась известностью и уважением во всех пределах Империи. Его предок иммигрировал с земель Имиль в королевство Атуя, тогда еще не входившее в состав Империи. Благодаря своим гениальным познаниям в области алхимии он быстро нашел достойное место в новом

обществе, став востребованным ученым и уважаемым человеком. Отец с самого раннего возраста прививал Фину любовь к алхимии, щедро делясь с ним обретенными знаниями. Фин покорно учился, боясь огорчить отца. Тот, в свою очередь, относился к Фину скорее, как к ученику, нежели как к сыну.

— Финннн! Иди скорее сюда! — вырвал его из раздумий настойчивый голос девушки.

Фин быстрым шагом преодолел темный коридор, повернул направо и вошел в комнату с книжными полками, причудливо расположенными по кругу. В центре стоял огромный фонарь, накрытый стеклянной колбой и освещавший все пространство блеклым желтоватым светом. От него по стенам озорно прыгали золотистые блики, что перескакивали с книжки на книжку, словно соревнуясь между собой в мастерстве. Запах от горящего под колбой масла затейливо перемежался с древесным, создавая купаж, напоминающий аромат свежескошенной травы или только что срубленного дерева.

— Смотри, что я нашла! — Эмилия протянула ему толстую книгу в мягкой кожаной обложке со старинным переплетом.

Фин бережно взял книгу в руки и провел по ней рукавом рубахи, смахивая внушительный слой пыли. Сощурившись, он попробовал в свете библиотечной лампы прочесть название.

Попытки не увенчались успехом — неизвестные буквы не сказали ему ровным счётом ни о чём. «По всей видимости, это некий древний языковой диалект, — огорчился он, — используемый в отдаленных королевствах Империи». Ситуацию разрешила Эмилия. Будучи уроженкой именно тех краёв, а посему без труда разобрал написанное, она, догадавшись о причине ступора Фина, решительно выхватила книгу из его рук:

— Извини, мой друг. Я забыла, что вы, придворные, не учите древние, ненужные диалекты, — «ненужные» она выделила особой интонацией.

— Я не живу в замке Империи, — немного обидчиво протянул Фин, недовольно нахмутив брови. — И вообще, где ты взяла эту книгу? — он окинул взглядом стеллажи, однако книг, подобных этой по размеру, не заметил.

— Пока ты мечтал, стоя у входа, я успела пройти два коридора и да, ты правильно заметил, что книга куда массивней других. Она сразу бросается в глаза. А ещё меня заинтересовал рисунок в виде спиральной башни и слой пыли, указывающий, что ее давно никто не открывал.

Фин слушал ее с хмурым лицом.

— Ладно тебе, не сердись, — примирительно проговорила Эмилия, толкнув приятеля в плечо. — Сейчас сама все прочту, — и, вальяжно растягивая каждое слово, дабы выдержать интригу, зачитала: — «Академия знаний».

Фин горел желанием узнать, что внутри, однако всем видом старался этого не показывать.

— Это то, что я думаю? — сдержанно спросил он, натянуто изобразив легкую улыбку.

— Да. Думаю, речь идет именно о той самой академии, тему которой затрагивал мой вечно недовольный и ворчливый преподаватель в университете, рассказывая, что раньше люди были намного умнее и знали больше и все их знания хранятся в некой «Академии знаний», — на этих словах она скривила губы, поскольку слышала их каждое занятие.

Фин смущенно потупился в пол:

— Отец также упоминал о том, что люди раньше были умнее, особенно когда я не выполнял задание или не выучивал урок...

Он вздохнул:

— А знаешь, — его глаза неожиданно увлажнились, — в детстве у меня не было отца, с которым я играл бы, как другие дети, а только учитель. И кроме книг, я в детстве ничего не видел.

Повисла небольшая пауза.

— Извини, — спустя мгновение лицо Фина приобрело прежний невозмутимый вид. — Меня не туда понесло. Думаю, отцу понравится эта книга, — добавил он уже спокойным тоном, поглаживая шершавую кожаную обложку.

— Не спеши так, сначала нужно посмотреть, что в ней, — остудила его Эмилия. — Может, там и нет ничего важного? Или, наоборот, важные знания, которыми будешь владеть ты, а не твой отец, — она ткнула пальцем в грудь парня. — Давай-ка сядем за стол и посмотрим, какие тайны она хранит, — и, хитро улыбнувшись, Эми кивнула ему на небольшой стол в углу комнаты.

— Но за столом всего один стул, — Фин озадаченно огляделся вокруг.

Пока он думал, Эми выудила с полки несколько толстых книг. Тщательно стряхнув с них пыль, она сложила их у стола стопкой и спокойно уселась верхом. Фин никак не прокомментировал такое её инженерное решение и просто уместился на стул возле нее. Эмилия положила книгу на стол и открыла первую страницу. На пожелтевшей и растрескавшейся от времени коже перед ними предстал рисунок неизвестного им механизма, напоминавший собой три листа какого-то дерева, соединенных между собой.

— Странный рисунок, — задумчиво протянул Фин, с интересом разглядывая изображение со всех сторон.

— И вправду, — согласилась Эмилия, — я такого еще никогда не встречала. Посмотрим дальше, — с легким нетерпением произнесла она и перевернула страницу.

Следующая страница содержала текст, написанный на древнем диалекте.

Эмилия Фрост родилась в самом дальнем восточном королевстве империи Лунар, в небольшом поселении под названием Хурин. В королевстве Лунар разговаривали на двух языках: алатарийском, который было принято называть общим языком, и ранулском, считавшимся древним диалектом. Отец Эми Бивольд Фрост был известным изобретателем, его светлым разумом восхищались лорды, короли и даже сам император не был равнодушным к его творениям из железа, глины и дерева. Бивольд передавал знания своим четырем сыновьям, старшим братьям Эмилии. Однако видел, что в них нет нужного образа мышления. Маленькая Эми постоянно находилась возле них и воспринимала задания отца как игру. Бивольд начал замечать, что девочка отлично справляется со всеми заданиями и, самое главное, ей это очень нравилось, особенно когда братья злились. Со временем отец сконцентрировал обучение полностью на дочери. Ее светлый ум и рассудительность радовали его каждый день. Когда Эмили исполнилось шестнадцать лет, отец взял ее изобретения наряду со своими и уехал в столицу королевства Атуя на выставку изобретений, куда съезжались со всей Империи. На выставке император, хорошо зная Бивольда и его изобретения, сразу направился к нему, минуя всех остальных. Он хвалил его и восхищенно рассматривал творения. За все года Бивольд Фрост ни о чем не просил императора, однако в этот раз он, показывая изобретения дочери, попросил императора дать разрешения обучаться ей в университете Мэндри, в столице королевства Атуя. Таким вот образом, Эмилия с возраста восемнадцати лет поступила учиться в университет. Она оказалась единственной девушкой в Мэндри, однако ее стремление и упорство быстро вывело ее

вперед. Окончив университет и получив степень магистра в двадцать пять лет, она оказалась одной из лучших в своем выпуске, потому и взяли её на столь высокую должность в изобретательском центре при имперском дворе.

За чтением время пролетело незаметно. Эмилия на одном дыхании читала и переводила книгу. Фин же сидел неподвижно, стараясь уловить каждое слово, произнесенное его кареглазой спутницей. Перевернув очередную страницу, Эми притихла, всматриваясь в книгу.

— Что там? — спросил Фин, не выдержав молчания.

— Если я правильно перевела, то это карта расположения древней Академии знаний... — тихим задумчивым голосом закончила она, не отводя взгляда от книги.

— Той самой Академии? — переспросил Фин, округлив глаза.

Эмилия молча положила книгу так, чтобы ее могли видеть оба. Первое, что бросилось в глаза, это профессиональная прорисовка карты, такие карты они видели лишь в картографии Империи.

— Ты думаешь, это настоящая карта? — спросил Фин, вопросительно заглядывая в глаза Эмилии.

— Я думаю, что карта настоящая, а вот правда ли то, что она указывает путь к академии, этого я не могу сказать, — ответила Эми, вертя книгу в разные стороны.

— И что нам с ней делать? — спросил Фин.

— Мы должны показать ее картографу. У меня как раз имеется один знакомый, который может нам помочь, — с легкой улыбкой ответила Фрост.

— А как же мы ее покажем, если она находится в книге, а те экземпляры, что находятся в закрытой части библиотеки, нельзя выносить, — подняв бровь вверх, переспросил Фин.

— Очень просто, — Эми легким движением руки вырвала желтую шершавую страницу.

Лицо Финна побледнело, губы затряслись. Девушка между тем свернула кусок старой кожи с нарисованной картой в трубочку и, сунув её в голенище сапога, улыбнулась и хлопнула парня по плечу:

— Не бойся, твой отец не узнает, — после чего поднялась со своего импровизированного стула и, расставляя книги обратно по местам, добавила тоном, не терпящим возражений: — Нужно идти.

Фин не спеша поднялся, подвинул стул на место и погасил все свечи. В комнате воцарилась крошечная тьма, и молодые люди спешно направились к выходу.

Фин едва удерживал себя в руках, но изо всех сил старался выглядеть спокойным.

Когда они покинули библиотеку и вышли на улицу, оказалось, что уже давно стемнело, и на улицах города воцарился глубокий серый вечер. Первые звезды украсили собой полуночное небо, а легкий прохладный ветерок напоминал о скором приближении ночи. Фин выдохнул с облегчением.

— Дело сделано, — умеренно радостным голосом изрекла Эми и вытянула свернутый клочок из сапога.

— Спрячь, вдруг кто увидит, — прошептал Фин, с опаской оглядываясь по сторонам.

— Завтра с утра пойдем на рынок и найдем моего знакомого, дабы он пролил свет на карту, — серьезно говорила Эмилия.

— Согласен, — ответил Фин, не сводя глаз с карты.

После этого молодые люди разошлись в разные стороны. На улице осталось уже совсем мало людей. Шум и гам от разговоров и топота копыт умолк, уступая свои права тихому,

размеренному вечеру. И только из таверн доносились крики, песни и музыка.

В Империи существовало очень много подобных заведений на любой вкус и кошелек. Они пользовались большим спросом среди самых разных слоев населения — здесь могли провести время как бедняки за кружечкой пива, так и более богатые представители, испивая глинтвейн, разнообразное вино или изысканный ром. Всякий, кто проходил мимо подобных заведений, улавливал резкий специфический сладковатый запах. Этот дух был характерной особенностью здешних краев — смесь фирменного имперского эля, щедро сдобренная отборным табаком.

* * *

Для ребят ночь тянулась непривычно долго и мучительно. Фин не мог уснуть практически до самого утра, и только на рассвете, когда силы начали его покидать, смог немного вздремнуть. Мысли о карте не покидали его на протяжении всей ночи, мучая и выматывая все сильнее. Эмилия также ворочалась с боку на бок, а сон так и не приходил. Ожидание неизвестного всегда настолько мучительно, что лишает сна и отдыха, выворачивает наизнанку и переворачивает всё с ног на голову, не давая сосредоточиться ни на чём.

Как только показались первые лучи солнца, Эмилия стояла в указанном месте. Её рыжие длинные волосы были немного растрепаны, а усталость на бледном лице предательски выдавала последствия бессонной ночи. Фина все не было, и Эми начала нервно покусывать губы, эта вредная детская привычка всегда напоминала ей о себе в подобных ситуациях. Длительное ожидание порядком выматывало. В эту пору года погода стояла жаркая, однако по утрам бывало ещё ой как холодно. Это утро являлось одним из таких. Эмилия пританцовывала с ноги на ногу, растирая руки и вдыхая прохладный воздух с запахом дождя. Утреннее пение птиц стало понемногу перемежаться разговорами проходящих мимо людей, гулом карет и топотом лошадиных копыт. Люди торопливо бежали по улице, минуя девушку и не обращая на нее ровно никакого внимания. Но вот за её спиной послышалась знакомая походка. Эмилия юлой развернулась назад и увидела Фина, слегка нетвердой походкой, шаркая ногами, направляющегося к ней. По его внешнему виду девушка сразу догадалась, что не только она паршиво провела ночь — глаза парня были красными, веки опухшими, словно рой пчел посетил его накануне, а под ними — выразительные темные круги. То, что она не одинока в своей беде, ее немного приободрило и даже слегка подняло унылое настроение.

Фин подошел ближе.

— Доброе утро, Эми. Пошли или мы ещё кого-то ждем?

— Ждем, пока ты согреешься, — шутливо ответила Эми, посмотрев на его красный нос и руки, спрятанные в рукава бардовой рубахи.

— Как же. Здесь согреешься, — недовольно надул щеки парень и, исполнив ногами пару замысловатых па, вдруг спросил: — А кто вообще этот твой знакомый картограф? Или это тайна?

— Нам нужно будет пойти на рынок артефактов, — аккуратно ответила Эми, наблюдая за реакцией парня.

— На рынок артефактов?! — чуть не задохнулся Фин и брови его поползли вверх.

Эмилия знала, какой реакции следует ожидать от друга.

— Ты же знаешь, что нам нельзя там находиться. Мы — имперские служащие! Если нас увидят, то уволят! — продолжая негодовать Фин, перешел на более повышенные тона. —

Там одни воры и мошенники! И ты предлагаешь идти туда?

— Поэтому я и не хотела тебе рассказывать наперед, куда мы пойдём. Я знала твою реакцию, и ты вовсе откажешься от этой затеи, — тихим, невозмутимым голосом ответила Эмилия.

Фин недовольно цокнул, ни капли, не удивившись такому поведению своей подруги.

— Я иногда ходила туда втайне от всех и покупала редкие детали для новых изобретений, — постаралась успокоить его девушка.

— А если нас кто-нибудь увидит и донесет?

— Я могу пойти сама, — сказала тихим тоном Эми, зная, что Фин ни за что не отпустит ее саму.

— Я не отпущу тебя туда саму! — стараясь не заикаться, сдвинул брови Фин.

— Тогда пойдём, мой знакомый будет нас ждать на южном входе в рынок, — поманила рукой девушка и устремилась вперед.

Город полностью проснулся, томно зевая то прохладным ветерком, то жаром, исходящим из печных труб маленьких кирпичных домиков. Фин и Эмилия проходили мимо множества магазинов, пекарен и таверн, из печей, которых во всю валили клубы дыма, поднимаясь над городом тёмно-серой тучей. Приятно-бодрящий утренний воздух сменился задымленной гарью, царапающей горло, а ночная прохлада — жаром несвежего дыхания города и удушливым зноем многолюдных пыльных улочек. Люди на лошадях, повозках, просто бегущие пешком или медленно идущие, толкаясь и часто мешая друг другу, мелькали вокруг друзей нескончаемым хороводом. С каждым моментом пробуждения города шум становился все сильнее и отчетливее, наполнялся все новыми и новыми звуками, смешивающимися между собой и выливающимися в одну непрерывную какофонию.

— Очень интересно, как ты с ним познакомилась? — нарушил тишину Фин, искоса глянув на Эмилию.

Девушка сразу смекнула, о ком он говорит, но решила не показывать виду и удивленно переспросила с по-детски наивным выражением лица:

— Ты это о ком?

— Ты знаешь, о ком, — буркнул Фин, показывая недовольство.

— Разумеется, я поняла, — с ухмылкой ответила Эми. — Это знакомый отца. Отец продавал ему свои изобретения. Один раз он приезжал к нам домой за товаром, тогда я с ним и познакомилась. Он называл себя Равиц.

— Равиц? — переспросил Фин.

— Да.

— Странное имя.

— Это не имя. Псевдоним. На Рынке артефактов торговцы редко открывают свои настоящие имена, — объяснила девушка. — Он точно установит происхождение карты и ее достоверность, — добавила она.

Впереди показался южный вход в рынок. Большая мраморная арка, с узорами, вырезанными по кругу, предавала ему богатый вид. Люди входили и выходили. На рынке можно было встретить самые разные слои населения. От грязных оборванцев с перекошенными злобой лицами, шрамами и прочими увечьями, с глазами, наполненными злобой, и губами, кривящимися в злорадной ухмылке, до солидных, зажиточных торговцев, разодетых в разноцветные ткани, шелка и меха. Покупатели спорили с купцами, торговались, активно обсуждали тот или иной предмет, бежали, шли, толкались. Шум и

суматоха были визитной карточкой Рынка артефактов. Фин и Эмилия проходили мимо палаток с уличной едой, пряные, сладкие, горькие, кислые запахи будоражили желудки, заставляя их урчать. Далее расположились палатки с тканями, как для пошива низкокачественной одежды, так и для дорогой, яркой, соответствующей статусу покупателя. Эта часть рынка напоминала обычные торговые точки, места обмена и продаж, которых в империи, а в частности в Илатари, множество. Однако далее начиналась та часть рынка, за которую могут привлечь к ответственности честного жителя. Проходя в арку поменьше предыдущей, что служила входом в другую часть рынка, Фин поморщился и сузил губы. Он явно не хотел здесь находиться.

— Ты не находишь странным, что закон запрещает покупать предметы на Рынке артефактов имперским служащим, однако торговля ими разрешена и даже приветствуется? спросил Фин, склонившись к уху Эми.

Девушка пожала плечами, ничего не ответив. Идти стало намного проще, людей в этой части рынка наблюдалось значительно меньше, никто не бежал, не толкался, не спешил. Здесь один человек мог часами рассматривать какой-либо приглянувшийся ему предмет. Оружие, артефакты, доспехи, ювелирные изделия, дурмящие грибы и травы, и еще много чего запрещенного в изобилии продавалось в палатках здешних торгашей. В этом аспекте ни один рынок Алатарианской империи не мог похвастаться настолько щедрым разнообразием. Также рынок артефактов славился предоставлением услуг по продаже информации, слухов, секретов.

Эмилия остановилась возле одной разноцветной лавки, выделяющейся своим желтым, синим и красным цветами среди белых и серых.

— Видишь там, впереди, торговца в желтых штанах и синей рубашке? — сказала Эмилия, указывая вперед.

Парень утвердительно кивнул.

— Нам к нему, — объяснила Эми и направилась в ту сторону широким шагом.

Подойдя ближе, девушка встала.

— Это он? Твой тайный знакомый? — шепнул Фин ей на ухо.

— Нет, мужчина в желтых штанах — это ориентир, мы должны ждать возле него, ответила Эми, осматриваясь по сторонам.

Пока они ждали загадочного незнакомца, Фин обратил внимание на человека в синей рубашке, с надписью на ней «Купите смех».

— Как можно купить смех? — с презрением вслух проговорил Фин, недовольно закатив глаза, словно желая уличить торговца во лжи.

— Он продает препарат, вызывающий приступ непрерывного, неконтролируемого смеха. Он запрещен в Империи, — объяснила Эмилия.

— А вот и он! — радостно и с облегчением промолвила девушка, оторвавшись от объяснений и обратив внимание на подходящего к ним мужчину.

Фин обернулся и увидел перед собой невысокого полноватого человека средних лет с редкими полуседыми волосами, небрежно свисающими на плечи, слово маленькие тонкие змейки, и прозрачно-серыми круглыми глазами с жидким, почти незаметным рядом ресниц. Одет он был в черный длинный плащ с накидкой на голове. Вся одеяние напоминало мантию, свойственную алхимикам или ученым, а образ в целом воспринимался достаточно мрачно и уныло.

Скоро он занял позицию напротив Эмилии и Фина. Теперь в непосредственной

близости также можно было без труда разглядеть под накидкой шрам на его морщинистом лбу, нос картошкой и полные висящие щеки.

— Идите за мной, — угрюмым голосом проговорил мужчина, даже не поприветствовав ребят, и стремительно направился вперед, не особо заботясь о том, чтобы попутчики успевали за ним.

Молодые люди последовали за ним, стараясь не отставать. Идти пришлось недолго. Всего через несколько минут картограф свернул в переулок, сбавив шаг, а затем и вовсе остановился возле закрытого шатра. Он правой рукой отодвинул ширму и махнул молодым людям пройти внутрь. После задвинул ширму с внутренней стороны. Шумы и звуки рынка стали намного тише. Фин вздохнул с облегчением, имея возможность передохнуть от бесконечного потока криков, споров и ругани. Для такого большего шатра там, на удивление, было мало предметов, маленький округлый стеклянный столик, металлические старенькие стулья и несколько полок с книгами. Такой шатер точно не предназначался для торговли, другое дело для предоставления информационных услуг — идеальное место.

Низкий полный мужчина неторопливо подошел к столу и вытянул из-под него три небольших стула. Затем снял накидку, повесил ее на стоящую рядом вешалку и неторопливо сел.

— Присаживайтесь, — он указал на оставшиеся два стула.

— С чем на этот раз ты пожаловала? — спросил мужчина, в упор глядя на Эмилию.

— Нам нужно подтвердить или опровергнуть подлинность одной необыкновенной, интересной карты.

— Показывай, — вздыхая, произнес Равиц. Такие слова, как «единственная карта в Империи, необыкновенная, вы еще такой карты не видели», он слышал каждый день, удивить его этим было невозможно. Эмилия нагнувшись, вытянула из глубокого сапога кожаный сверток и протянула картографу. Тот небрежно взял ее и принялся рассматривать, разворачивая то в одну сторону, то в другую.

— «Карта нахождения Древней Академии», — спокойным голосом проговорил картограф.

Эми округлила глаза, Равиц уловил удивление девушки.

— Ты думала, я буду ахать и охать от удивления? — уголок его рта пополз вниз, лицо скривилось в попытке улыбнуться. — Мне много раз приносили карту с местом нахождения Древней Академии, и ты думаешь, хоть одна привела кого-нибудь к ней? Однако, — продолжил говорить Равиц, пристально всматриваясь в карту, — я уверен, что эта карта сделана картографом, умения которого значительно превосходят многих мне знакомых. Работа выполнена четко, выдержанно, с особенным почерком. Подделать такое просто невозможно. Нет никаких сомнений, что она подлинна. Но правильный ли путь на ней изображен — это уже другой вопрос, ответа на который я дать не могу. Об этой академии ходит много разных легенд, так же, как и о королевстве, которому она принадлежала. Старые предания, выдумки, называйте, как хотите, гласят, что на месте, где сейчас располагаются мертвые земли, ранее существовало королевство. Лично я в это не верю, однако есть люди, которые убеждены в обратном и долгие годы пытаются найти академию, — затем, на миг задумавшись, добавил: — Все же эта карта отличается от прочих, что мне довелось повидать.

Ребята немного оживились.

— Посмотрите сюда, — хрипло протянул мужчина и, взяв длинный тонкий карандаш с

остро заточенным наконечником, указывая им место на карте.

Фин и Эмилия посмотрели в указанную точку.

— Место нахождения академии разнится с тем, что я видел ранее, разумеется, на каждой карте оно было разным, однако на этой оно разнится кар-ди-наль-ноооо, — он протянул последнее слово, всматриваясь в карту. — Мое заключение таково: карта подлинна, в этом сомнений нет. Однако достоверна ли информация о местонахождении академии — я не могу сказать, — закончил он, разводя руками.

В словах картографа каждый услышал то, что хотел слышать. Эмилия — то, что карта подлинная, а значит, есть шанс, что место нахождения указано правильно. Она была готова хоть сейчас отправиться в путь. Фин наоборот услышал, что, вероятней всего, место положения неправильное и шансы найти академию ничтожны, посему не нужно идти на поиски в неизвестность, которую он так не любил.

— Если вы решитесь на такое опасное путешествие, вам нужен проводник, — начал говорить мужчина. И лучшего в этом деле, чем следопыт Сейлай, вам не найти. Он происходит из рода кочевников, найти его вы сможете в королевстве Пирин в приграничном городе Идонор, который находится на границе имперских земель и земель Имиль. Но будьте осторожны. В землях Имиль сейчас неспокойно — племена Иквиль и Зеквиль развязали открытую войну друг с другом. Так что возможны провокации, мятежи и прочие опасности, в которых вам лучше не принимать участие и не попасть под эту волну, посоветовал на прощание картограф, предупредительно поведая о возможных неурядицах в пути.

— Спасибо тебе, Равиц, — сказала Эми и положила на стеклянный стол два медных таргена.

— Как отец? — наконец задал личный вопрос картограф, смахивая в карман монеты со стола.

— Все еще пытается изобретать, однако ум его не так остр и ясен, как раньше, — опустил глаза, ответила девушка.

— Время никого не щадит, — покачал головой Равиц. На этом беседа их закончилась.

Фрост и Ламби вышли из шатра и шум рынка с новой силой ударил по отдохнувшим ушам ребят. Запахи еды нещадно раздражали нос, смешиваясь в единый кисло-сладкий коктейль. Людей становилось всё больше. Эмилия продвигалась вперед уверенно, проталкиваясь своим стройным, худым телом сквозь толпы здоровых мужчин и стремительно преодолевая путь. Фин изо всех сил старался не отставать. Достигнув арки южного входа, Фин вздохнул с облегчением и вытер потный лоб. Одежда липла к телу, пот заливал глаза, солнце нещадно жарило.

— Нам нужно найти этого Сейлая, — не оборачиваясь, сказала Эмилия.

— Зачем? — решил притвориться, что не понял и стараясь сделать голос натуральным, поинтересовался Фин.

Девушка остановилась и, развернувшись, посмотрела на него в упор.

— Ты же слышал, что сказал Равиц, Сейлай поможет нам найти затерянную академию.

— Слышал. А также я слышал, что к нему с такими картами приходило много людей и ни один не преуспел в этом деле, — пожал плечами парень.

— Она отличается от других, она не такая, — не сдавалась Эми. Ее мысли блуждали в подготовке к походу, никаких аргументов против она и слышать не хотела.

— На землях Имиль идет война, это крайне опасно, да и кто нас отпустит со службы? — Фин решил навести аргументов повесомей.

— Неужели тебе не хочется приключений? Выйти из душной лаборатории, выехать за пределы имперских земель. Сделай хоть раз в жизни, чего хочешь ты, а не твой отец.

Парень задумался, по правде он хотел ринуться в путешествие, однако Эмилия оказалась права, не война в землях Имиль, не долгая дорога, останавливали его, а отец.

— И ты сможешь посетить земли своих предков, — осторожно добавила Эмилия, заметив нерешительность в глазах Фина.

— Ты права, — согласился Фин. «Нужно хоть раз в жизни принять решение самому, без участия отца», — подумал он, глядя на маленькую, уверенную в себе рыжеволосую девушку.

— Прекрасно, — обрадовалась Эми и крепко обняла Фина. — Скорее бежим обратно. Нас, наверное, уже заждались. Нам давно пора вернуться! — протараторила девушка и быстро зашагала в направлении дворца.

* * *

Через некоторое время они достигли дворца, войдя в ворота и попав на внутренний двор, пройдя различные постройки, жилища воинов, конюшни, кузницу, склады, направились в лабораторию. Колонны и мраморная арка служили входом. Снежно-белое здание по своему величию ничем не уступало дворцу. Коридоры, формы арок, с высокими потолками и разрисованными стенами тянулись через все построение. Эми и Фин шагали по одному из таких коридоров, направляясь в лабораторию, где работал Фин. Звук их шагов звонко разлетался вокруг, ударяясь о стены и эхом отдавая вверх. Отец Фина, встретившись на пути, кивнул в знак приветствия и прошел мимо, парень не удивился, что тот не заметил его длительного отсутствия. Пройдя молча еще несколько минут, они остановились напротив белой двери, с нарисованной колбой и надписью: «Лаборатория № 14». Фин толкнул дверь, та плавно и легко без скрипов и люфтов открылась. Парень осмотрелся — все колбы, образцы металлов, бутылки с жидкостью, красного, зеленого, синего, бордового, цветов были сложены аккуратно на полках. Три рабочих места за столами убраны, стулья аккуратно задвинуты под стол. Даже присущего кислого неприятного запаха не ощущалось.

— Почему никого нету? — подняв бровь вверх, спросил Фин. Девушка пожалала плечами.

— Это к лучшему, — добавила она, после чего закрыла дверь, подошла к ближайшему столу и, вытянув карту, развернула ее.

Фин последовал ее примеру и расположился рядом. Девушка сосредоточенно достала из-за пояса линейку, маленькую, деревянную, больше похожую на игрушечную. Фин улыбнулся.

— Это подарок отца на десятилетия, — уловив его смешок, буркнула девушка. После, приставив линейку к карте, стала измерять расстояние. Фин понял, что она делает, однако решил переспросить, зная, как Эмилия любит, когда ее спрашивают, особенно если спрашивает особа мужского пола.

— А что ты делаешь?

— Вычисляю время пути, — не отрываясь, ответила девушка.

— Как? — спросил Фин и отвел глаза в сторону, сообразив, что это уже слишком явно глупый вопрос.

Эми подняв глаза, отсканировала его с головы до ног, однако ничего не сказав, стала объяснять:

— Смотри. На карте есть масштаб. Одна отметка на линейке равна ста семидесяти одной миле. От Илатари до Идонора семь отметок, вычисляем, — она закрыла глаза и стала шевелить губами, — получается тысяча сто девяносто семь миль. Округляем к большему.

Тысяча двести миль к приграничному городу. И от него, — линейка скользнула по карте и соединилась с тем местом, на котором было отмечено положение академии, — четырнадцать отметок, — увлеченно сказала девушка и быстро выдала ответ: — Две тысячи триста девяносто четыре мили. Округляем, две тысячи четыреста миль. И общий путь составляет три тысячи шестьсот миль.

Глаза Фина округлились до предела. Брови взлетели вверх. Слова застряли в горле.

Эмилия продолжила вычисления, сделав вид, что не видит, как тот трясется:

— Если мы будем ехать повозкой-фургоном, а она в лучшем случае едет пять миль в час, в сутки мы можем ехать двенадцать часов и двенадцать часов берем на отдых, привалы. Получается ровно шестьдесят дней. Разумеется, это если все пройдет гладко.

Тут вдобавок ко всему у Фина еще и рот открылся.

— Что скажешь? — вопросительно взглянула девушка в круглые глаза Фина.

— Шестьдесят дней, два месяца пути в одну сторону, — тихо промолвил Фин, не меняя выражения лица.

Потом он встряхнулся, вскочил на ноги и забегал туда-сюда:

— Да кто нас отпустит? Это невозможно! Где мы возьмём столько таргенов для путешествия? — хаотично выкрикивал вопросы парень, глядя прямо перед собой и обращаясь скорей всего к себе, нежели к девушке.

— Все, что нам нужно, это разрешения твоего отца, он глава академии, — спокойно ответила Эми.

— А император?

— У императора есть более важные дела, он не вспомнит о тебе, даже если ты исчезнешь на год, — отмахнулась Фрост.

— Два месяца в дороге это же целая вечность, — не успокаивался Ламби.

— Ищи в этом плюсы, два месяца отец не будет тобой командовать, — Эмилия стала загибать тонкие пальцы. — Увидишь земли предков. Отправишься в увлекательное приключение. А если повезет, в конце прославишься как Фин Ламби — Первооткрыватель Древней Академии! — последние слова она сказала с особой торжественностью.

Лицо Фина приняло прежнюю форму, он почесал лоб, зажмурился.

— Есть в этих словах привлекательные моменты, — спокойным тоном проговорил Фин. — Мне нужно поговорить с отцом, придется рассказать ему всю правду, — решительно заявил он.

— Не думаю, что он пустит нас, если ты ему расскажешь правду, — вздохнула Эми.

— Я попробую, — придав лицу не свойственное ему серьезное выражение и задрал подбородок вверх, изрек Ламби.

Девушка посмотрела на Фина и увидела в его глазах решимость, за все время их знакомства она видела такое всего несколько раз и оба не касались отца.

Фин вышел из лаборатории и направился в место, где тот, по его мнению, должен был сейчас находиться. Пройдя несколько бесконечных коридоров, он остановился напротив бордовой двери с вырезанным человеком, опускающим край длинного тонкого клинка в бурую жидкость, в которой его остриё становилось золотым. Это символ алхимии как науки. Изначальное призвание этой науки было в том, чтобы научиться превращать один металл в другой, в частности, железо в золото. Фин постоял несколько минут, не решаясь постучать. Затем тяжело вздохнул несколько раз и постучал в дверь. Та была незакрыта и легким, плавным движением приоткрылась. Фин вошел. В этот момент его отец, Нортон Ламби

одетый в лабораторный белый халат, маску и перчатки, опускал кусок железа в зеленую жидкость. Однако ничего не происходило. Никакой реакции, ни изменения цвета, ни испарения. Лишь кислотный запах разнесся по лаборатории.

— Все не то! Это все снова не то! — закричал Нортон, отбрасывая в сторону колбу с жидкостью и металлом. Вскочив со стула, он и его схватил и швырнул об пол. — Шесть месяцев работы напрасно, — он ударил несколько раз кулаком по столу. Колбы, баночки, скляночки попадали, жидкости разных цветов расплескались и смешались, образуя в воздухе радугу.

Фин не смел в этот момент тревожить отца и стоял молча у двери, не подавая звука.

— Это ты, Фин? — обернувшись, посмотрел на парня отец. — Я сейчас сильно занят, у меня нет времени.

Фин развернулся к двери и собирался уходить. Но в последний момент взял себя в руки и остановился.

— А знаешь, у тебя никогда нет на меня времени! Сколько я себя помню, ты ни разу со мной не говорил. Просто как отец с сыном. Работа для тебя всегда была на первом месте! — выпалил он одним духом, лицо его покраснело, руки сжались в кулаки.

Глаза Нортон округлились, правая бровь поднялась вверх. Раньше он не слышал подобного тона от сына.

— В этот раз ты меня выслушаешь, отец, — твердо сказал Фин.

— Рассказывай, — заинтересованно сказал Нортон.

Фин заметил, что взгляд отца изменился в нем прослеживалась нотка уважения. Это придало ему еще больше уверенности, и он вкратце пересказал все отцу. Тот внимательно выслушал не перебивая.

— Я уверен, что эта миссия не увенчается успехом, однако я тебе помогу с одним условием, — Нортон сделал паузу. Фин сглотнул, еще с детства он помнил, что после слов «с одним условием» разговор хорошо не заканчивался, по крайней мере, для него. — После того, как вы ничего не найдете и вернетесь ни с чем, я переведу тебя в свои личные помощники и ты будешь мне помогать в лаборатории, а также ходить на малые советы академии и записывать все, о чем там говорят.

Фин поправил воротник, казалось, что он его душит, по спине полился холодный пот. Он десять лет уходил от этой участи и теперь нужно сделать выбор, оставить все, как есть, или рискнуть.

— Я согласен, — подумав немного, ответил Фин.

— Хорошо, я напишу сопроводительное письмо, не имеющее сроков, вы сможете находиться в походе, сколько нужно, жалование и место службы останется за вами. Я тебе скажу больше — я профинансирую это как научную экспедицию по поиску новых металлов, — подняв голову вверх, произнес отец голосом, присущим ему на публичных выступлениях.

— Отец... — радостным голосом сказал Фин и, не выдержав, обнял Нортон, тот обнял его в ответ.

— Будь осторожен, — прошептал отец на ухо сыну. Фин обнял его еще сильнее, сердце забилось быстрее, впервые после детства отец заключил его в свои объятия.

Вернувшись в лабораторию, Фин обнаружил, что девушка все еще там.

— Почему ты не у себя? — слегка подняв брови, спросил парень.

— Хотела тебя дождаться, — она вопросительно посмотрела ему прямо в глаза.

— Отец одобрил нашу затею, — «разумеется, с условиями», — подумал Фин про себя, но вслух говорить не стал, — он напишет сопроводительное письмо и оплатит путешествие.

— Как? Как тебе это удалось? — не поверив ушам, спросила Фрост.

— Я просто с ним поговорил, — коротко ответил Ламби, не вдаваясь в подробности.

«Я никогда не был в походе, на охоте, рыбалке или отдыхе в лесной чаще», — подумал Фин и понял, что он ничего не знает о походах.

Эмилия словно прочитала его мысли:

— Отец часто водил меня и братьев в походы, в Хурине много диких лесов, три дня в детстве казались вечностью, однако это были лучшие три дня, — зажмурив глаза, замечталась Эми. — Мы сами собирали походные сумки, готовили кушать в дороге, — ностальгически продолжала она. — К счастью, сейчас есть люди, знающие о путешествиях и экспедициях все, за несколько золотых таргенов они хоть на край света тебя заведут, — улыбнулась девушка.

В дверь громко постучали. Эмилия вскочила со стула, ловким движением руки свернула карту и спрятала за пояс. Дверь открылась, на пороге стоял Нортон Ламби.

— Отец? — удивленно спросил Фин, не ожидая его увидеть.

Эмилия поприветствовала его, слегка поклонившись. Нортон сделал несколько шагов к сыну и протянул сверток пергамента. Белая, хорошо выжатая кожа, без желтых пятен и серых точек, оказалась мягкой и приятной на ощупь.

— Поедешь на площадь Агро, отдашь это письмо человеку по имени Зул, он будет заниматься организацией поездки, впрочем, в письме все написано, — сказал отец, отдавая сверток Фину. — Ах да, и возьми мою карету, к площади далеко идти, — выходя за дверь, добавил Нортон.

Фин и Эми несколько секунд просто стояли в ступоре, ничего не говоря друг другу, таким Нортон Ламби они ещё не видели. Девушка пришла в себя первой, хлопнув приятеля по плечу. Фин засуетился, сжал письмо в руке и пошел быстрым шагом в то место, где должна находиться карета отца. Его ждали две красиво расчесанные, вымытые, гнедые кобылы, запряженные в упряжку с небольшой каретой ярко-белого цвета с узорчатыми дверьми и золотистым куполом на крыше у формы колбы. Поводырь, сидевший впереди кареты в темной одежде и цилиндрическим головным убором, поприветствовал сына Нортон Ламби, сняв головной убор, и поклонился.

— На площадь, — важным тоном сказал молодой Ламби, садясь в карету. Поводья стегнули лошадей, и карета тронулась. Фин не любил быстрой езды, однако в этот раз ему нравилось, как люди, здания, деревья мелькают за окном. Карета покачивалась, как детская колыбель, глаза Фина непроизвольно закрывались, желая погрузиться в сон. Кони заржали, карета остановилась. Фин выглянул в окно.

— Площадь Агро, — сказал он сам себе. Площадь Агро, пожалуй, находилась на втором месте после Рынка артефактов, которое Фин не хотел посещать. Место с мелкими низкокачественными борделями и тавернами привлекало сомнительных личностей. Фин сошел с кареты, пронзительный ветер пробирал до костей, наверное, отсутствие высоких зданий и грубых вековых деревьев давал возможность ему разгуляться. Резкий запах женских духов, — приторные, свежие, древесные, цветочные — все смешались в удушливом потоке благовоний. Парень пошел среди людей, одетых в одежды разного цвета, стоявших небольшими группами. Липкие пронзительные взгляды направились на Фина. Он, стараясь не обращать внимания, двигался вперед. Ламби не знал, где искать Зула, посему он решил

спросить у первого, на его взгляд, приличного человека. Остановился и осмотрел площадь, встретившись взглядом с девушкой, которая в тот же миг направилась к нему.

— Я могу вам чем-то помочь? — тихим, нежным голосом спросила девушка, кокетливо захлопав ресницами.

— Да, можете, — немного растерянно ответил Фин, не в силах оторвать взгляд от красавицы.

— Так что я могу для вас сделать? — все таким же нежным голосом уточнила девушка.

— М-м-м-мне нужно найти человека по имени Зул, — запинаясь, промямлил Фин.

— Для такого молодого, красивого парня нужна компания получше, чем хромой толстяк, — еще более нежным, трепетным голосом продолжала девушка, приближаясь к Фину все ближе и ближе.

— Отойди от него, дешевка! — послышался грубый мужской голос за спиной Фина.

Парень резко развернулся и увидел перед собой низкого толстого мужчину лет пятидесяти, тот резвым шагом направлялся к нему, прихрамывая на правую ногу.

— Ты же слышала? Ему нужен Зул, а не дешевые грязные девицы! — кричал мужчина, сцепив зубы и сжав кулаки.

— Это ты грязный, вонючий мужлан! А это мой клиент, я первая к нему подошла! — закричала девушка и ее лицо сморщилось, зубы оскалились, ноздри раздувались.

Фин сделал шаг назад. Несколько секунд назад прекрасное, милое лицо девушки стало злым, противным и гадким.

— Ты ищешь Зула? — пробасил человек, подойдя еще ближе.

— Да, — тихо ответил Фин и отвел глаза от пристального взгляда мужчины.

— Ты слышала, что он сказал? Ему нужен я! — бросая гневный взгляд на девушку, крикнул толстяк. — Зуууууллллл! — по слогам протянул он свое имя. — А не блудные девки! А значит, он приехал ко мне. Ты же иди предлагай свое тело кому-то другому! — еще более яростно крикнул мужчина, глядя на женщину и показывая прогоняющий жест.

— Ты нажил себе врага! Теперь оглядывайся по сторонам, когда идешь ночью, — прошипела голубоглазая и быстро скрылась в толпе.

— Меня зовут Зул, — уже официально представился человек в кожаном коричневом плаще, его лицо стало милым и приветливым, словно предыдущей ссоры и не было.

— А меня Фин Ламби, — ответил парень, все еще пребывая под впечатлением предыдущего диалога.

— С чем вы пожаловали? — милым, вальяжным тоном спросил Зул, смотря хитрым взглядом на парня. Фин вытянул пергамент, свернутый в трубочку, и протянул Зулу. Тот развернул сверток кожи и долгое время читал написанное, кивая головой и бубня себе под нос.

— Так вы ученый? — риторически спросил Зул, окинув взглядом с головы до ног парня. — Тут написано, что вас будет двое, второе имя Эмилия Фрост, это женщина? — поднимая брови вверх, переспросил толстяк.

— Да, — твердо ответил Фин. — А что вас так смутило? — задал он встречный вопрос.

— Женщина-ученый, такое нечасто увидишь, я встречаю женщин только таких, как та голубоглазая девица, — при этих словах он захохотал.

Увидев, что Фину эта шутка не понравилась, он продолжил говорить по делу.

— У меня лучшие люди и фургоны в округе, — Зул сделал важный вид и начал себя нахваливать. — Через три дня у замка вас будут ждать два фургон, один — пассажирский,

рассчитан для перевозки шести людей, другой — грузовой. Четыре лучших лошади и два человека, выполняющих функцию извозчиков, грузчиков, охранников, поваров и врачей. Все необходимое снаряжение и провизия входит в цену, вам остается взять одежду и личные вещи, — перечислив список, он вопросительно посмотрел на Фина.

— Все верно, — кивнул Фин, делая вид, что знает о содержании письма.

— Можно поинтересоваться, зачем двум людям два фургона, да еще и один грузовой? — ненавязчиво спросил Зул.

Фин и сам об этом думал. Однако в этом есть смысл, если они найдут академию, ценное содержимое нужно будет куда-то погрузить.

— Я не могу рассказывать всем о целях экспедиции, — твердо сказал парень с ноткой раздражения в голосе.

— Да, да понимаю, извините, — залепетал мужчина, легко кланяясь.

— Через три дня на рассвете выдвигаемся в путь, будьте готовы, — сказал Фин на прощание.

Фин направился обратно к карете, настроение приподнялось, он смотрел на людей не отводя взгляда. Недалеко впереди он заметил все ту же голубоглазую девушку, обольщающую пожилого мужчину в дорогом костюме. Парень улыбнулся сам себе: «А Зул был прав насчет нее», — подумал он, проходя мимо. Карета стояла на том же месте, лошади ржали и выбивали копытами. Фин с важным видом сел внутрь.

— В имперскую Академию, — пафосно проговорил он. Карета двинулась. Дорога назад по ощущениям показалась намного короче. По приезду он поблагодарил кучера за прекрасную езду и направился к Эми. Войдя в лабораторию, он обнаружил, что девушка сидела на том же месте. Она спохватилась, увидев Фина, и подошла к нему, заглядывая в глаза, как маленький щенок, ждущий вкусняшки от хозяина. Фин выдержал легкую паузу.

— Выдвигаемся в путь через три дня, — медленно, не спеша, солидным тоном сказал он. Эмилия заулыбалась и обняла парня. Фин рассказал, что с ним происходило с того момента, как он вышел за дверь. Эмилию особенно позабавил тот случай с голубоглазой девицей. Она хохотала на всю комнату.

* * *

Три дня пролетели быстро. Молодые люди собрали вещи в первый же день. У Фина получился маленький походной рюкзак, у Эмилии две большие сумки. Девушка отправила воронов с письмами для отца и четырех братьев, где вкратце рассказала, куда она отправляется. Поговорила со своим наставником, у которого работала помощником. Клинд Манс не обрадовался, что его помощница будет отсутствовать такое долгое время. А еще больше его разозлило, что он узнал это от Нортон Ламби, а не в первую очередь от самой Эмилии Фрост. Однако Клинт Манс, дряхлый старичок с железной закалкой, долго сердиться на девушку не мог, она ему напоминала его умершую дочь, он частенько приглашал ее к себе домой, угощал вкусными блюдами и разговаривал по-отцовски. Фин последние дни провел с отцом. Они разговаривали и смеялись, вместе работали, сидели кушать в одно время и за один стол. Фин впервые в жизни почувствовал, что у него есть отец.

Через три дня утром Фин и Эмилия направились к южному входу вдоль по улице, тревожа своими блеклыми силуэтами ночную тишину. Через полчаса они вышли из дворцового двора и очутились на большой широкой улице, выложенной гладко отшлифованным камнем. На другой стороне улице парень в темноте узнал силуэт

маленького толстого человека и направился к нему. Зул стоял с двумя мужчинами, а возле них две повозки с полукруглыми крышами, крытые белой парусиной, издалика напоминавшие маленькие водоходные судна.

— Доброе утро, — первым поздоровался Зул и легко поклонился, мужчины последовали его примеру.

Молодые люди поздоровались в ответ.

— Разрешите вас познакомиться, — недолго ожидая, начал Зул, — это Хенк, — он показал на низкого широкого мужчину, одетого в легкую кольчугу и с мечом на поясе. Его длинные белые, с седоватыми нитями волосы раскинулись по плечам. — Он будет вести пассажирскую повозку, охранять вас, а также он неплохо готовит, — похлопав по плечу мужчину, Зул улыбнулся. — А это Морис, — он указал на другого мужчину с короткими темными волосами, повыше ростом, худее и помоложе, одетого в рубаху, низкие сапоги и дешевые сетчатые штаны. — Он будет вести грузовую повозку, а также он разбирается в целебных травах, —

и, наконец, моя гордость, лучшие лошади в Империи, — Зул жестом руки показал на лошадей в упряжке с таким пафосом, словно представлял лорда. Он подошел к пассажирской повозке, почесал бок гнедого коня, вытянул яблоко и дал ему. — Его зовут Шторм, а красавицу возле него, — он подошел к кобыле ярко-белого цвета, — зовут Беатрис. Шторм и Беатрис всегда ездят в паре, их нельзя разделять, — далее он направился к грузовой повозке. — Это Изи и Бон, — он указал на черной масти лошадей, у одной на морде было белое пятно. — Они брат и сестра, оба со своенравным характером, чужаков не подпускают к себе, особенно Бон, он не любит ласки, — вытянув яблоко, он с опаской протянул черному жеребцу с белой меткой на морде. — Я выбрал для вас лучшие повозки-фургоны, — он подошел к одной и начал пинать по колесам, а рукою толкать натянутую белую ткань, демонстрируя прочность. — Внутри много места, можно спать и кушать, — он раздвинул ткань, прикрывающую вход.

Показав все, Зул встал рядом с мужчинами и вопросительно посмотрел на парня и девушку. В его взгляде читался немой вопрос: «Как вам все, что я показал, хвалите меня, ведь это лучшее, что вы видели».

— Меня зовут Эмили Фрост, я помощник Клинда Манса, главного изобретателя при имперском дворе. С Финном вы знакомы, — она кивнула в сторону парня. — Наш путь будет проходить через земли Имиль, говорят, что там сейчас ведется открытая война между племенами. Путешествие займет около шестидесяти дней в одну сторону, — сузив глаза, Эми говорила так, словно хотела напугать мужчин.

На лице Зула возникла легкая улыбка.

— Госпожа Эмилия, если вы намекаете на опасность, то хочу вас уверить, мои парни привыкли к опасным путешествиям. Где-то два года назад они уже проходили этот же путь. За пять золотых таргенов в людях просыпается необычайная сила, храбрость и выносливость, — он издал короткий смешок.

«Пять золотых таргенов. Да я такие деньги за два года не зарабатываю в имперской лаборатории! Зачем отец столько им заплатил? Это стоит намного дешевле. Теперь понятно, почему толстяк пляшет перед нами, — подумал Фин, нахмутив брови.

— Хорошо, что мы все уяснили и еще — не называйте меня «госпожа», — фыркнула девушка.

— После оплаты услуг вы становитесь нашими господами и такие слова как «господин»

и «госпожа» входят в цену, госпожа Эмилия, — слащаво ответил Зул на ее недовольство.

Эмилия неопределенно махнула рукой, соглашаясь.

«Господин Фин», — подумал между тем парень и уголок его рта поднялся в улыбке, ему по душе было такое обращение.

— Если все решили, тогда в добрый путь, — потирая руки, сказал Зул. Хенк и Морис подошли к молодым людям, взяли у них багаж и принялись заносить в грузовую повозку. Эмилия и Фин последовали за ними. Бон заржал и ударил копытом о каменную дорогу, эхо пронеслось по пробуждающейся ото сна улице. Загрузив багаж, Морис занял место кучера, сев на деревянное сидение, обтянутое мягкой кожей и оперся на спинку.

— Госпожа, вам сюда, — показывая на пассажирскую повозку, сказав учтиво Хенк. Эмилия смерила его глазами, однако ничего не сказала, она привыкает к новому титулу. Хенк обошел повозку сзади и открыл импровизированную дверь, состоящую из натянутой плотной парусины:

— Прошу, заходите.

Как только парень и девушка поднялись, он отпустил белоснежную ткань, и та плотно закрылась. А сам пошел на место извозчика. Внутри повозка оказалась намного больше, чем на первый взгляд. Там находились три ложа, деревянные сидение, сундук для ценных вещей, два фонари, подвешенные вверху заправленные маслом и два небольших окна вырезанных в натянутой парусине и прикрытые шторой. Столик, располагавшийся между деревянными сидениями, как-то неуместно смотрелся.

Эмилия огляделась и улыбнулась, она впервые находилась в фургоне. Фин зажёл один фонарь, приятный запах масла с добавками ароматных трав разошелся по фургону. Он присел на сидение.

— На следующие два месяца это наше жильё, крепость и укрытие, — вздыхая, сказал Фин.

— Это лучше, чем я рассчитывала, благодаря твоему отцу, — Эми посмотрела в глаза Фину и взяла его за плечо. Тот улыбнулся.

— Куда едем, господин Фин? — раздался голос снаружи.

Эмилия вытянула карту, ее палец скользнул по пергаменту.

— Эланс, столица королевства Пирин, — ответила девушка.

— Да поможет нам великий Бракас, да хранит он нас в пути, — подняв ладонями вверх руки и глядя в небо, произнес Хенк.

Поводья ударили лошадей, Шторм и Беатрис заржали и тронулись в путь. Поход начался. До Эланса столицы королевства Пирин, по расчетам Эмилии, ехать около четырнадцати дней, с расчетом на двенадцать часов езды и двенадцать часов отдыха, которого путешественники собирались придерживаться. По тому, какому богу человек поклоняется, можно определить, из какого он слоя населения. Например, Хенк поклоняется богу труда Бракасу. Ему поклоняются рабочие слои населения. Ты можешь родиться в семье рабочего, однако в жизни добиться большего, став солдатом, воином, купцом и люди и не подумают, что купец в роскошной бархатной рубаше и лисьих сапогах может оказаться из рабочей семьи, однако поклонение богам выдает происхождение. Можно изменить все в жизни, но вера, которую тебе прививали с детства, остается на всю жизнь неизменной.

Первые нескольких часов Фин и Эмилия воодушевленно беседовали, обсуждая разные темы. Где-то они соглашались, где-то спорили. Повозка ехала неспешно, покачиваясь из стороны в сторону. В окно бил утренний свет. Фин затушил горевший фонарь и раздвинул

шторки с обоих окон. Солнечный свет заполнил фургон. Они еще находились в столице королевства Атуя, медленно проезжая широкими улицами, переполненными людьми, разминаясь с другими повозками, каретами, наездниками. Илатари столица королевства Атуя самый густонаселенный город во всей Империи. Сюда стремятся попасть люди разных слоев населения от рабочих до купцов, рыцарей и знати. Уровень жизни Илатари намного превосходил другие столицы королевств Империи, потому что здесь проживал сам владыка, император Айрис Таггеранг. И в первую очередь все законы, новые постройки и развитие было направлены на столицу королевства Атуя.

За несколько часов молодые люди, казалось, обсудили все, что можно и уже молча смотрели в окна. Время перевалило за полдень, солнце нагревало повозку, однако на удивление в самой повозке было не жарко и лишь маленькие капельки пота выступали на лбу.

— Пррр, — послышалось снаружи, и повозка остановилась. Через минуту шторчатая дверь открылась, за ней оказался Хенк, его длинные волосы развевались на легком ветру.

— Лошадям нужно отдохнуть и попить, — сказал он. — А вы что предпочитаете покушать? Грибную похлебку или вяленое мясо с хлебом?

— Давно я не кушал грибную похлебку, — ответил Фин и облизал губы.

Хенк утвердительно кивнул.

— А вы, госпожа?

— Я то же, что и он, — ответила Эми.

Хенк снова кивнул и его голова скрылась за ширмой.

— Пойдем, нужно размять ноги, — взяв за руку Фина, девушка потянула его к выходу. Выйдя из повозки, они увидели, что находятся на открытой местности. Впереди просматривались маленькие, далеко отстоящие друг от друга домики, а вдали за спиной огромные постройки, густо выстроенные рядом.

— Где мы находимся? — спросил Фин у Мориса, который поил лошадей.

— Это граница между столицей и провинцией, по дороге в королевство Пирин мы часто останавливаемся на этом месте, — ответил тот. Легкий ветерок дул в лицо, птицы кружили в небе, а зеленая невысокая трава приятно ласкала своей свежестью.

Хенк развел огонь, установил казан, залил водой из ручья, протекающего неподалеку, насыпал сушеных грибов, специй, трав, соли. Он стоял над казаном с большой деревянной ложкой и тщательно помешивал стряпню. Эмилия уселась возле единственного дерева и осматривала карту, поворачивая ее в руках. Фин не хотел ей мешать и подошел к Хенку.

— Господин Фин, кушать будет подано через двадцать минут, — тот, заглянув в казан, помешал закипающую юшку.

Фин кивнул и стал возле него.

— Часто вы путешествуете? — спросил Фин, посмотрев на Хенка. Тот перевел взгляд от казана на парня.

— Часто, господин. Это моя работа, — вздохнул Хенк.

— У вас интересная работа: путешествовать, знакомиться с людьми, видеть и узнавать новое, — воодушевленно говорил Ламби.

Мужчина смерил его взглядом и тяжело вздохнул:

— Понимаете, господин Фин, я не вижу детей и жену многие месяцы, никакие путешествия и знакомства не компенсируют потраченного времени.

— Почему же вы не уйдете с работы?

— Деньги, — коротко бросил Хенк. — На все воля Бракаса, он послал мне такую судьбу, и я принял ее...

Фин ничего не сказал. Грибная похлебка вовсю кипела, приятный кисло-сладкий запах расходился вокруг. Эмилия и Морис пошли на запах, приближаясь к казану.

Хенк вытянул из повозки деревянные тарелки и ложки и принялся разливать грибную похлебку, давая каждому в руки приборы. Фин, глубоко вдохнув запах из тарелки в руках, сглотнул слюну и скушал первую ложку. Вкусовые рецепторы зашкаливали, он закрыл глаза, причмокнул и довольно помотал головой.

— Это лучшая грибная похлебка, что я кушал, — сказал Фин, не открывая глаза.

Хенк и Морис улыбнулись и перекинулись взглядами.

— Мне бы очень хотелось, дабы вы сказали эти же слова через двадцать дней, господин Фин, — легко улыбнулся Хенк. — Грибная похлебка да вяленое мясо — вот и весь рацион, — добавил он, разводя руками.

— Хорошенький сегодня денек, — посмотрев на чистое голубое небо, сказал Морис. — Есть примета: если небо чистое голубое, то на следующий день оно станет серым и пасмурным.

— Даст Бракас, и погода будет нам благоволить, — поддержал разговор Хенк.

Фин и Эмилия молча уплетали похлебку, вприкуску с вяленным мясом и сухими ломтиками хлеба. После сытного обеда путешествие продолжилось. До маленьких домиков впереди оставалось приблизительно десять миль. Повозка раскачивалась в разные стороны, нагоняя сон на молодых людей, Фин и Эмилия легли на лежа, на удивление, оказавшиеся мягкими и удобными. Сон не заставил долго себя ждать. Проспав несколько часов, Фин проснулся первым и посмотрел в окно со своей стороны. Повозка ехала по поселению, оно напоминало столицу, однако в меньших масштабах. Улицы узкие, дома и постройки намного меньше, людей совсем мало, а карет и наездников вообще не видно. Однако появилось больше живности. Рогатый скот и домашние птицы ходили прямо по улице. Дети бежали за повозкой и махали руками, пытаясь ухватиться сзади и немного прокатиться. Грязные лица, босые ноги и оборванная одежда также отличали их от столичных ухоженных детей. Каждому мальцу, обогнавшему повозку, Хенк давал лилот — застывший сладкий сок на палочке. Чем дальше отдалялись от столицы, тем беднее становились поселения, а дороги хуже. Дни проходили одинаково. Утром с первыми лучами солнца повозка отправлялась в путь, завтрак и легкий перекус в фургоне. Обед — грибная похлебка. Ночью повозки останавливались, лошади отдыхали. Слова Мориса в конце дня «хорошенький денек» и Хенка «слава Бракасу за прожитый день!». Рассвет, день, ночь. «Хорошенький денек». Утро, грибная похлебка, «слава Бракасу!», ночь. Рассвет, закат. Грибная похлебка, ночь. Вяленое мясо, грибная похлебка, «хорошенький денек», закат. Вяленое мясо, «хорошенький денек», «Слава Бракасу!», грибная похлебка. На пятый день дороги стали настолько ужасные, что повозку качало, словно лодку в штормовой день. Фин это чувствовал больше всех — у него началась морская болезнь, его выворачивало наизнанку, каждую ямку, каждый камешек, что заставляли повозку раскачиваться, Фин ощущал желудком. Грибная похлебка и вяленое мясо вырывались наружу. Парень перестал кушать и очень мало пил воды. Болезнь не хотела его покидать. Как бы плохо Фину ни было, сколько раз за день его не вывернуло, в конце дня он слышал ту же фразу «хорошенький денек», и от нее ему тоже уже хотелось блевать. За четыре дня непрерывного блевания, похоже, желудок парня привык к тряске, позывы стали реже, затем и вовсе прекратились.

На десятый день путешествия повозки въехали в Шаден — город, находившийся на границе между королевством Атуя и Пирин. Хенк развернулся в пол-оборота назад и легко постучал по крыше.

— Как вы себя чувствуете, господин Фин? — поинтересовался он.

— Спасибо, Хенк. Уже намного лучше.

— Не желаете заглянуть в таверну? — неожиданно спросил мужчина.

Фин легко поднял брови и посмотрел на Эмилию. Та пожала плечами, давая понять, что выбор за парнем.

— Да, почему бы и нет? — ответил Ламби. Первая мысль Фина была: «покушаю хоть что-то другое, только бы не грибную похлебку». От мысли о грибной похлебке желудок истошно забурлил.

Шаден оказался очень маленьким городом по имперским меркам, всего за два часа повозка проехала весь город, наверное, правильнее его назвать поселением. На выезде из Шадена повозки остановились. Хенк обошел сзади и открыл дверь, — Фин и Эмилия дремали, на небе появились первые звезды.

— Господин Фин, госпожа Эмилия, мы приехали.

Фин, открыв глаза, сначала не сообразил, что происходит и куда приехали. Эмилия также смотрела растерянными глазами в сторону Хенка, тот махнул рукой, дабы молодые люди выходили. Через мгновение путешественники стояли напротив трактира, освещаемого ярким свечением лунного света.

— Красная черепаха, — прочитал вслух название трактира Фин.

Трактир, окрашенный в ярко-красный цвет, имел овальную форму и зеленую выцветшую крышу, что и правда напоминала панцирь черепахи. Тусклый свет бил из окон, смех и крики доносились изнутри. Фин нерешительно открыл дверь — запах вина, пива и жареного мяса ударили в нос зловонным запахом. Внутри трактира располагался широкий зал с ровными рядами неожиданно чистых дубовых столов, деревянный пол, окрашенный в яркий красный цвет. Подвешенные фонари хорошо освещали помещение. Прямо напротив двери была барная стойка, за которой невысокий старичок с хитрым лицом, жидкими волосами и длинными скрюченными пальцами тщательно протирал стаканы. Слева от него в стенной нише виднелась лестница, ведущая на второй этаж. От имперских трактиров, что доводилось посещать Фину, этот отличался, пожалуй, лишь посетителями — небритыми мужчинами в старой оборванной одежде, сапогах со стертymi носами и каблуками. Девушки, сидевшие у них на коленях, улыбались желтыми зубами.

Истошный смех, крики и песни прекратились, когда четверка вошла в трактир. Пьяные лица повернулись к входу, уставившись на гостей. Шаден хоть и был городом на границе двух королевств, однако в «Красную черепаху» нечасто заходили чужаки. Эти четверо явно вызвали любопытство.

Один мужчина в темном костюме, сидевший в компании двух девушек, пристально посмотрел из-под полуопущенных век на вошедших людей, и попытался встать. Тело его не послушалось, он зашатался, как лист на дереве в ветреную погоду, и с невообразимым грохотом уселся на место. Вторая попытка, тем не менее, увенчалась успехом, хотя и не без помощи девушек.

— Кто вы такие? — рявкнул мужчина, еле выговаривая слова. Похоже, пять пустых бокалов, стоявшие на его, столе давали о себе знать.

Хенк вышел вперед.

— Мы путники, которым нужно покушать и выспаться, это все, что тебе стоит знать, — сказал он, взявшись правой рукой за меч и глядя местному жителю прямо в глаза. Мужчина посмотрел на широкоплечего Хенка с боевым мечом за поясом, протяжно икнул и прокашлялся.

— Добро пожаловать в Шаден, — выдавил он из себя и сел за стол. После чего веселье продолжилось, люди вернулись к тому, чем занимались и до появления гостей.

Путники нашли свободный столик и сели за него. Долго ждать не пришлось. К ним подошла женщина в красных сапогах и белом платье, подчеркивающим пышный бюст.

— Добрый вечер! Приветствую вас в «Красной черепахе». Меня зовут мадам Вильма Розалина, я хозяйка этого трактира. Что пожелаете? — вежливо обратилась она к новоприбывшим.

«Мы произвели впечатление, если сама хозяйка пришла обслужить нас, а не одна из девиц», — подумал Фин, без стеснения рассматривая женщину. Эмилия, увидев пристальный взгляд Фина, легко ткнула его в бок. Тот сразу понял, что от него хотят и отвел глаза.

— Добрый вечер, мы путники с Илатари, предложите нам покушать, — ответила Эмилия, не став называть имена.

Хозяйка учтиво кивнула.

— Могу предложить вам жареные ребра поросенка, запеченную утку, свежееиспеченный хлеб и нашу фирменную грибную похлебку.

После слов «грибная похлебка» Фина затошнило и он изменился в лице. Путники, зная, в чем дело, легко улыбнулись.

— Принесите нам жареные ребра, запеченную утку и хлеб, — ответила Эмилия.

— Желаете что-то выпить?

Эмилия вопросительно взглянула на попутчиков.

— Три бокала пива и кувшин вина для моего друга, — пробасил Хенк.

— Мне чистой воды, — сказал Фин, все еще переживая за тошноту.

— А мне бокал вина, — сказала Эмилия, чем вызвала удивленные взгляды путников.

Заказ принесли через час. За это время не слишком общительные Хенк и Морис успели познакомиться с местными дамами и пересесть к ним за стол. Половину заказа они забрали с собой.

Эмилия и Фин кушали яства, причмокивая и облизывая пальцы. После десятидневной грибной похлебки эти блюда были особенно божественно вкусны. Щеки Эмилии порозовели от крепкого кисловатого вина. Отужинав, она встретилась взглядом с хозяйкой трактира и жестом руки подозвала ее.

— Нам нужны две комнаты.

— У меня есть комната с огромной мягкой кроватью, для особых гостей, — предложила Вильма.

— Нам нужны комнаты с двумя отдельными кроватями.

— Судя по всему, ваши спутники уже нашли себе компанию, — заулыбалась хозяйка и указала на Хенка и Мориса, поднимающихся вверх в компании местных девиц. — А у меня есть как раз одна свободная комната.

Хозяйка повела молодых людей по скрипучей лестнице на второй этаж. Комната, на удивление, оказалась весьма чистой и убранной. Две небольшие кровати с мягкими перьевыми подушками, стоящие одна напротив другой, были укрыты белоснежными

простынями. Посредине комнаты на маленьком деревянном столике стояла ваза с хвоей и мятными травами, издающими приятный аромат.

Фин и Эмилия плюхнулись на кровати. Ни стоны, ни смех, ни крики, доносившиеся из соседних комнат, не мешали им наслаждаться крепким сном.

Открыв глаза, Фин быстро вскочил с кровати, лучи солнца ярко освещали комнату. Парень понял, что проспал рассвет, глаза забегали, он посмотрел на кровать Эмилии — та была красиво застелена, а самой девушки не было. Тут дверь открылась и его подруга вошла, рыжие вьющиеся волосы были распущены и слегка влажные, щеки румяные, а руки поморщились от долгого пребывания в воде. Фин округлил на нее глаза.

— Мадам Вилма приготовила мне неожиданно приятный подарок, горячую ванную, — девушка закрыла глаза помотала медленно головой. — Я целых полчаса из нее не выходила, пока вода не стала холодной, — хвастливо сказала Эми. Фин нахмурил брови.

— Иди на задний двор, там Хенк и Морис принимают водные процедуры, не горячая ванная, однако тоже неплохо, — подбодрила его девушка, увидев, что Фин расстроился. Она знала, что он был большой любитель принять ванну. «Увы сделать это не так просто, — подумала она, — работник Вилмы еще до рассвета начал нагревать воду на очаге, наливать ее в деревянную бадью, звавшуюся ванной, дабы я могла искупаться, а Фин — парень, ему и с бочки вымыться будет в радость».

Хорошенько вымывшись, позавтракав и отблагодарив хозяйку трактира, что выражалось в четырех медных таргенах, экспедиция возобновила путь.

* * *

Накормленные, отдохнувшие, вычесанные и вымытые лошади довольно ржали и покачивали гривой, отблескивавшей в солнечных лучах.

— Мы въехали в земли королевства Пирин, через шесть дней будем в столице Эланс, — громко сказал Хенк и добавил: — Да хранит нас великий Бракас.

Фин отодвинул шторку, яркий свет ворвался в повозку и наполнил ее светом. Парень никогда не покидал земли королевства Атуя. Посему с большим интересом смотрел в окно. Эмилии дремала, вытянувшись во весь рост на ложе. Похоже, ее не сильно интересовала жизнь в Пирине. Повозка явно стала меньше раскачиваться, ехала плавно и уверенно. Фин всматривался в окно, однако в течение часа картина не менялась: загородная дорога, вкатанная и ровная, невысокие деревья зеленели по обе стороны. За ними располагались пшеничные поля под синим небом. Колоски налились солнцем и наклонились вниз. Птицы летали вокруг и то и дело падали камнем вниз, хватая насекомых маленьким длинным острым клювом. Через час за окном появились первые построения. Маленькие домики из деревянного сруба под соломой были никак не похожи на привычные Фину жилища. Они располагались на очень большом расстоянии друг от друга. Территория каждого домика была отделена забором из сплетенной лозы и внутри этих огромных дворов свободно и вальяжно расхаживали домашние животные.

Фин смотрел, округлив глаза. В Илатари, даже у богатых купцов, имеющих поместья, было меньше территории, чем здесь, у простого народа. Он тихо ахал и охал, увидев то один домик, то другой. «Я так мало знаю о землях Алатарианской империи», — словил себя на мысли парень. У одного из домишек он увидел старую женщину, опиравшуюся на трость, волосы ее были редкими и седыми, а ноги обмотаны серовой потрепанной тряпкой вместо обуви. Она посмотрела исподлобья на повозку, нахмурила брови и скривила лицо. Потом зашевелила губами и стала размахивать тростью. Фину стало не по себе и он отшатнулся от

окна. «Странная женщина», — подумал он. Далее он увидел трех детей, выгонявших со двора с десятков коз. У одного на голове болталась лисья шапка золотистой окраски, у двух других заячьи шапки сероватой окраски. Это все, что на них было. «Нагие детишки в меховых шапках», — подумал Фин и покачал головой.

Увидев повозки, они нахмурились и застыли на месте, провожая их взглядами. Они никак не напоминали тех веселых детей, которым Хенк раздавал лакомство. В течение нескольких часов парень наблюдал еще нескольких людей, дружелюбными их точно назвать язык не поворачивался. Всякий человек смотрел косо, хмурил брови, шевеля гневно губами или плюя вслед. «Похоже, здесь не любят чужаков», — сделал вывод Фин. Хенк не останавливался и не делал привал, пока небо не укрылось темной пеленой и звезды, как лесные светлячки, не стали появляться одна за другой. Эмилия проспала весь день. И сейчас, когда повозка остановилась, она чувствовала себя бодрой и полной сил.

— Остановка не по расписанию, — посмотрев на звезды, обратилась Эмилия к извозчикам.

— Этот участок пути нужно было пройти без остановок, госпожа Эмилия, — учтиво объяснил Хенк, поняв, на что она намекает.

— А что с этим участком дороги не так? — спросил Фин, вспоминая лица жителей.

— В этой части королевства Пирин живут самые бедные слои населения. У них нет ни рынков, ни монетных дворов, ни храмов. Единственное их занятие — это выращивание животных, засаживание и обработка земель. Здешние люди не любят чужаков, считают их недостойными ходить по их земле, — объяснил Хенк. — Еще три дня мы будем делать привалы за территориями поселений в местах, похожих на это, — он жестом руки обвел небольшую поляну, расположенную между деревьями и пшеничным полем. — Когда войдем в поселения, прилегающие к Элансу, можно будет перевести дух и делать привалы как раньше, два раза в день.

Сытно поужинав грибной похлебкой, путники расположились у потрескавшегося костра. Спать никому не хотелось. Ночь была спокойной и тихой, слышался лишь легкий шелест листьев, покачивания пшеничных колосков и звуки, издаваемые ночными птицами.

— Хорошенький денек, — выдал любимую фразу в конце дня Морис, грея руки над огнем.

Остальные легко улыбнулись. Обычно после этой фразы путники расходились спать, однако сегодня никто и не думал ложиться, все сидели и смотрели на танцующие языки пламени. Немногословный Морис, окинув взглядом людей у костра, вальяжно поднялся, дабы на него обратили внимание.

— Господа не желают услышать историю? — звонким голосом спросил он.

Фин и Эмилия неоднозначно кивнули, Хенк никак не отреагировал. Наверняка он знал все истории напарника. Кто бы мог подумать, что Морис, высокий угрюмый человек, сможет рассказывать истории так интересно. Он сопровождал рассказ звуками, рычал, шипел, понижал тон, повышал тон, менял голоса, жестикулировал. Он поведал историю о мифическом создании, живущем на болотах. Да так реалистично, что у Фина расширились зрачки, сердце замирало. В конце рассказа Морис закричал, протянув раскрытые ладони к молодым людям. Эми вскрикнула и прижалась к Фину, холодок пробежал по спине. Рассказчик улыбнулся, выпрямился во весь рост, учтиво поклонился. Парень и девушка похлопали в ладоши. Хенк лишь одарил его легкой улыбкой.

— Морис! Да у вас талант! — Эми похлопала его по плечу.

— Спасибо, госпожа, мой отец был кукловодом, смешил детишек, а я ему помогал и часто ездил с ним по имперским землям, мечтая, что когда-то и я буду заниматься тем же со своим сыном, — Морис опустил глаза. Девушка, увидев поникшие глаза мужчины, не стала спрашивать больше ни о чем.

Следующие три дня прошли без изменений, все те же поселения с маленькими диванными домиками и большими дворами, полями, засеянными пшеницей, ячменем, кукурузой и людьми с хмурыми лицами, враждебно пялящимися на проезжающие мимо фургоны. Хенк выбирал безопасные места за пределами поселений. Морис вошел в азарт и каждый вечер перед сном рассказывал истории, страшные, смешные, романтические, героические. Слушатели хлопали, восхищаясь его талантом. Морис смелся и низко кланялся. На пятый день пути по королевству Пирин повозки вошли в земли, примыкающие к столице Эланс. Фин посмотрел в окно и увидел привычный имперский ритм жизни, узкие улицы с плотно расположенными каменными и деревянными домами. Небольшие рынки, площади, одиночные лавки торговцев, уличная еда с пряным, сладким и кислым запахом. Люди, толкаясь, шли по улице, повозки и кареты сновали туда-сюда. Никто не обращал внимания на два фургона, едущих по каменной дороге. Лишь торговцы то и дело зазывали к своим лавкам, лестно улыбаясь и расхваливая свой товар. Фин поймал себя на мысли, что он соскучился за городской суетой. Путники заночевали у небольшой площади, на которой находился храм богу Бракасу и маленький парк, в котором разрешалось разводить огонь и оставаться на ночь. Хенк, приготовив ужин, ушел в храм помолиться.

На шестой день езды от Шадена или на шестнадцатый день от начала пути фургоны вошли в столицу королевства Пирин — Эланс.

Эланс отличался от столицы Илатари знаменитыми белыми окрасами своих построек. Будь то маленький домик работяги или большое имение купца или лорда, он обязательно был окрашен в ярко-белый цвет, слепящий непривыкшие глаза. Фину стало очень интересно полюбоваться на Эланс и он попросился к Хенку сесть вместе с ним за поводья, дабы ничего не пропустить. Однако, протискиваясь улочками, Фин видел все, что обыкновенно увидишь в небольших городках, очередь у колодца галдит и хихикает. Большая ее половина — дети, толстая женщина ведет по улице худосочного мужичка, щедро награждая его тумачами, он, похоже, пьян, то и дело спотыкается и жене приходится ловить его за шиворот. Двое подмастерьев бегут, явно куда-то опаздывая, однако находят время остановиться и поглазеть на мрачного старика, прикованного к позорному столбу. На большой площади стояли храмы трем богам Империи — богу войны Арсею, богу труда Бракасу и богине денег и власти Ивикс. Возле последнего несколько нищих просят милостыню, у одного сухая рука, у другого красная сыпь на лице. У небольшого парка у торговца пивом собралась кучка горожан, кто-то возмущался, видите ли, пиво жидковатое. На Фина столица Пирина не произвела должного впечатления, за исключением нескольких больших площадей и парков, Эланс был обычным городком с обычными людьми и обычной жизнью.

В Элансе имелось специально отведенное место для стоянки фургонов. Туда Хенк и Морис и направили повозки. Кто бы мог подумать, что сколько людей путешествуют, на стоянке виднелись сотни фургонов, повозок, карет. Повозки, обшитые белой парусиной, открытые повозки, грузовые, пассажирские. Разных размеров и окрасов. Запряжены одной, двумя и даже тремя лошадьми. Стоянка больше напоминала кочевое поселение. На въезде расположилась палатка кузнеца. Здоровый мускулистый мужчина, в белой испачканной

рубаше и кузнечном темном фартуке, кричал на молодого помощника, высокого, худого юнца с тонкой шеей. Увидев приближающиеся повозки, окинул оценивающим взглядом,

в особенности подковы лошадей и, сделав лицо как можно дружелюбней, стал зазывать путешественников. Мол, он лучший в этом деле в округе. За въездными воротами, если можно так назвать сплетение лозы высотой в половину человеческого роста, расположилась лавка торговца уличной едой. От нее несло свежим испеченным хлебом и жареным мясом с острыми специями. Далее по всей длине располагалось стойло для лошадей. Два молодых паренька вычесывали, мыли, кормили лошадей посетителей. Хенк проехал больше чем полстоянки, пока нашел место, где остановиться. Не успел он спешиться, как к ним подошел маленький, толстый, с рыжеватыми волосами с седыми вставками человек. Прихрамывая и опираясь на трость с сиреневым наконечником, старик ковылял прямо на Хенка.

— Добро пожаловать на стоянку Джета Дудеса, меня зовут Рихан Дудес, — прохрипел старик.

Хенк поморщился, однако кивнул.

— Сколько дней вы собираетесь пользоваться стоянкой? — проскрипел старик.

— До утра, — сухо ответил Хенк

— С вас один медный тарген, — елеиным голосом сказал старичок.

Хенк скривил губы, вытянул из-за пояса медную монету с изображением короны и протянул старику. Тот взял монетку, низко поклонился и скрылся.

«Раньше за медный можно было неделю стоять, сейчас же за день берут», — подумал Хенк и презрительно сплюнул на землю.

Фин и Эмилия вышли из фургона и направились в сторону торговых лавок.

Морис, взяв лошадей, повел их в стойло. Хенк единственный, кто остался возле фургонов. Он прошелся вокруг повозок, осматривая колеса и натянутую парусину, что за многие дни путешествия с ярко-белого цвета стала тускло-серою. Ему явно не понравилось состояние белой ткани. Посему, пока никого нет, он принялся вымывать фургоны, вычищать от пыли и травы, застрявшей в колесах.

Через несколько часов, когда солнце село за горизонт, Фин и Эмилия вернулись, а несколькими минутами позже пришел Морис. У парня и девушки находились в руках свежий, только испеченный хлеб и жареная мясная вырезка со специями и зеленью.

— Хенк, твоя грибная похлебка лучшая на свете, однако сегодня покушаем другую еду, — с улыбкой сказал Фин и подал ему большей кусок хлеба с мясом. Уголок рта Хенка пополз вверх в улыбке.

— Спасибо, господин Фин, — тихо сказал он, осматривая золотистое мясо с румяной корочкой.

Морис также получил свою долю. Сытно покушав и дождавшись излюбленную фразу Мориса «хорошенький выдался денек», Фин и Эмилия посмеялись и ушли спать в фургон.

На утро перед отправлением Хенк предупредил всех, что следующие четыре дня будут проходить через болота. Однако это болото не сравнится с непроходимой жижей в «жадном болоте». Болото, проходящее от последнего поселения, прилегающего к столице Эланс до приграничного города Идонор вполне проходимо. Понадобилось полдня пути, дабы добраться до начала «мягких полей», как их называли жители королевства Пирин.

* * *

Болото оказалось довольно разнообразным, — деревья, мелкая трава, мох. Как рассказывал Хенк, трава, растущая на болоте, плотно сплетенная корнями, создает крепкий

травяной покров, что не дает провалиться в мягкую, гнилую жижу. Живности также хватало на болоте: лягушки, змеи, ужи, большие дикие утки, что стаями садились на болото, поедая разнообразных насекомых. Лиса, рыщущая в поисках небольших змей и ужей. Густота деревьев то увеличивалась, то уменьшалась. Хенк старался вести повозку по желтоватой траве, та, по его словам, намного прочнее зеленой молодой, не успевшей хорошо сплестись корнями. Повозка шаталась и в некоторых местах пузырьки с зеленой жижей пробивались сквозь траву. День подошел к концу и на болота опускались сумерки. За целый день пути повозка не останавливалась. Однако на ночь Хенк нашел маленький островок с твердой земляной поверхностью. В окружении островка не было ни одного дерева, наверное, поэтому солнце высушило жижу. Фин и Эмилия вышли из фургона. Зловонный запах гнили ударил в нос, в повозке он не ощущался. Кваканье жаб и звуки сверчков слышалось повсюду. Вдалеке в темноте виднелись желтые точки. Животные с любопытством следили за гостями, не рискуя подходить на близкое расстояние. Огонь горел всю ночь, Хенк и Морис дежурили по очереди, не давая ему погаснуть.

Наутро путь продолжился. И, можно сказать, ничего в нем не поменялось, то же болото, та же тропа из желтой травы, по которой скрипели повозки. Разве что насекомых стало больше, да и сами насекомые стали покрупнее. Одно из таких насекомых село Морису на руку, жадно впилось в теплую плоть и стало раздуваться, становясь ярко-красного цвета. Морис ударил наглое насекомое и оно красным пятном расплющилось по руке. Он сморщился, вытирая кровь. Наверняка сейчас ему не хотелось произносить излюбленную фразу «хорошенький денек». Пройдя полдня, повозка остановилась, да так, что Фин едва ли не ударился лбом о перегородку.

— Что случилось? — повышенным голосом воскликнул Фин.

— Господин Фин, вам лучше выйти, — приглушенно ответил Хенк.

Фин и Эмилия вышли из повозки. Дорогу, по которой они двигались, перегородило большое коренастое дерево. Сухое, но не успевшее сгнить, зная, оно недавно так лежит. Его толстые ветки проткнули сплетенную траву и разорвали твердую поверхность болота, зеленовато-темная жижа потихоньку всасывала иссохшее дерево.

— И что будем делать? — тихим голосом спросила Эмилия. От мысли, что на этом их путь окончен, ее передёрнуло.

— А что тут поделаешь? Это единственная безопасная для проезда тропа, — сказал Хенк, разводя руками. А потом добавил: — Была.

— Можно в обход пойти давними тропами, — обозвался сзади Морис.

— Давними тропами? — оживленно переспросила девушка.

— Да, ими уже давно не пользуются из-за большого расстояния, путь давними тропами занимает на два дня дольше, — пояснил он.

— Он правильно сказал, ими уже давно никто не пользуется, и кто знает, в каком они состоянии, может, там мерзкая жижа все поглотила, — возразил Хенк.

— Раньше ими пользовались, воспользуемся и мы, — твердо сказала Эмилия, посмотрев на Хенка, понимая, что тот не горит желанием ехать в объезд. Хенк нахмурился. — Или мы вам мало заплатили? — тут же добавила девушка, не давая ответить извозчику.

— Вполне прилично платите, госпожа Эмилия. Худшее, что может случиться, мы потеряем два дня пути, — нехотя ответил Хенк, тем самым давая понять, что согласен ехать в объезд.

К вечеру они вернулись на то же место, с которого отправились утром. Разожгли там же

огонь, привязали там же лошадей, кушали ту же еду. И все это проходило в полном молчании. Поздно ночью, когда все улеглись спать и Хенк заступил первым на дежурство, было слышно, как он молился Бракасу, его шепот разлетался по всему болоту. Лягушки квакали, ночные птицы издавали звуки, словно переговаривались между собой, обсуждая молящегося Хенка. Следующие дополнительные два дня, которые понадобились на объезд, на удивление прошли быстро и без приключений. Наутро третьего дня повозка оказалась на старой тропе, поросшей кустами и высокой травой, что не втаптывалась колесами и копытами много лет. Хенк спрыгнул с сидения кучера и пошел обследовать крепость почвы. Он вытянул меч и легко ткнул им траву над болотиной жижей, та выдержала, он ткнул сильнее, прошел вперед, там проверил, сплетенная трава с мелким кустарником прочно проложила крепкую основу для проезда. Парень и девушка вышли с фургона осмотреться.

Хенк вытянул карту местности и, держа ее одной рукой, другой поводил по ее шероховатой поверхности своим пухлым пальцем:

— Мы сейчас находимся в том же месте, что и два дня назад, только с другой стороны, значит, нам осталось до Идонора около трех дней пути.

— Три, четыре или пять дней, однако путь продолжается, — улыбнувшись, сказала девушка, явно обращаясь к недовольному Хенку. Однако путь их продлился недолго. Когда фургоны остановились в очередной раз на привал, Эмилия пошла по своим женским делам, по каким, конкретно она, конечно, не уточнила. Через двадцать минут она прибежала, тяжело дыша, ее лицо сияло от радости, она показывала пальцем в направлении, откуда пришла. Схватив Фина за руку, потянула за собой. Хенк и Морис пошли за ними. Всего через несколько минут, пробежав густые деревья, они оказались на крошечной поляне с земляной почвой и негустой, ярко-салатовой травой, что укрывала ковром всю поляну. А впереди раскинулось чистое озеро, без вонючей темно-зеленой жижи и поросшей травы, сверху на котором красовались ярко-белые цветы с нежно-желтыми серединками, что напоминали утреннее солнце. Цветы располагались на зеленых сердце подобных листьях, как на пьедестале. Казалось, что даже уродливые жабы и лопухи пропали с этого места, дабы не портить красоту своим присутствием. Синие, как небо, бабочки летали вокруг цветов, нежно взмахивая полупрозрачными крыльями.

Фин открыл широко глаза и не мог сказать ни слова. Это место среди болота, как оазис среди пустыни. Или клочок земли в бескрайних водах. Хенка и Мориса, казалось, удивить нельзя было уже ничем, однако и их лица настолько вытянулись в удивлении, насколько были способны. Фин медленно подошел к воде, нагнулся, зачерпнул ладонью, холодная и чистая, она просочилась между его пальцев. Он поднес руку ближе к носу, вдохнул, от воды исходил приятный сладкий аромат. Похоже, она впитала запах цветов. Фин стал жадно двумя руками зачерпывать воду и умываться. Капли воды со сладким привкусом попадали ему на губы. От такого занятия легкие волны пошли по озерцу и прибили к берегу один из прекрасных цветков на зеленом лепестке. Фин аккуратно взял прекрасное творение природы и вытянул из воды. Он развернулся лицом к Эми, стоявшей все время сзади него, и протянул цветок, широко улыбаясь. По воде за его спиной пошли легкие пузырьки с нарастающей силой, Фин увидел испуганное лицо девушки, она смотрела ему за спину. Не успел он развернуться, как что-то большое обхватило его и подняло вверх, Фин заорал. Его сжимала мокрая липкая щупальца с маленькими присосками. Фин орал, бил, сжимал, царапал ногтями, пытаясь ослабить хватку мерзкой щупальце, однако эти попытки были тщетны. Эмилия застыла на месте, казалось, сердце ее перестало биться. Морис сделал шаг назад, его

зрачки расширились. Хенк единственный, совладав с собой, рванулся вперед, вытягивая меч. Фин был так высоко над землей, что Хенк мечом мог дотянуться едва ли к его ноге, не то что к тому, что держит его. Однако только он сравнялся с Фином, другая щупальца из воды ударила его в бок, и он упал. Удар был несильным, но для человека достаточно ощутимый. Еще один липкий отросток извивался над водой, как змея на огне. Вода бурлила все сильнее, пузыри, выходящие со дна, становились больше и больше. Озеро уже напоминало бурлящий чан, долго стоящий на сильном огне. Фин, сжимая зубы, все пытался ослабить хватку. С озера стал доноситься шипящий звук, что с каждым мгновением усиливался. А над его поверхностью появлялись все больше щупалец. Скоро из воды показался и весь хозяин. Огромное круглое существо с единственным желтым глазом, под которым открывалась пасть с тысячу мелких острых, как иголки на лесной ели, зубов. Открыв пасть настолько широко, что туда могла войти повозка с двумя лошадьми, чудище зарычало. Из пасти разлило зловонным гнилым запахом, звук грохотом прошелся по прекрасной поляне. Желтый глаз нервно заметался, осматривая нежеланных гостей. Морис подбежал к Хенку и поднял его, тот ощупал себя руками, кости целые. Глаз остановил взор на мужчинах и одна конечность стремительно метнулась в их сторону. Морис угловым зрением увидел надвигающуюся опасность, снова повалил друга на землю. Щупалец щелкнул о воздух над головами, несколько липких капель упало на лицо Мориса, тот скривился, к горлу подкатила рвота, он стал быстро утираться рубахой, однако сделал еще хуже, теперь все его лицо было измазано липкой смазкой. Морис и Хенк отползли на безопасное расстояние, щупальца еще несколько раз метались в их сторону, но не доставали. О Фине, похоже, чудовище совсем забыло, и он просто болтался в воздухе. Однако недолго. Сообразив, что остальных ему не достать, оно пристально посмотрело желтым глазом на парня и медленно поднесло щупальцу ближе. Пасть стала открываться, игольчатые желтые зубы оголились. Фин неистово заорал, он сразу понял, что собирается сделать чудище. Эти несколько секунд отвлечения дали Хенку возможность подобраться настолько близко, дабы метнуть меч. Он хорошо прицелился, взглянул на меч, мысль о том, что он сейчас потеряет единственное оружие, имеющееся для защиты, никак его не беспокоила, а вот метнуть единственный меч и не попасть, эта мысль беспокоила его сполна. Прикрыв один глаз, вытянув левую руку вперед, чтобы служила ему прицелом, правой он занес меч над головой и бросил, выдыхая воздух и вкладывая всю силу в бросок. Меч, рассекая воздух, пронесся и перерубил щупальцу, державшую Фина.

— Хааа, — выкрикнул Хенк и поднял руки вверх. Парень плюхнулся у воды возле самого берега. Чудовище заревело, остаток обрубленной конечности метался в воздухе, разбрызгивая вокруг зеленую кровь. Фин, не поняв, что случилось, не взирая на боль от падения, быстро побежал к друзьям. Он обнял Хенка как отца, осыпал его словами благодарности, по щекам катились слезы. Монстр ревел, размахивал конечностями, пытаясь достать гостей, но те уже давно стояли на безопасном расстоянии.

— Посмотрите на воду, — округлив глаза, сказала Фрост.

Там, куда падали зеленые капли крови чудовища, появлялся зеленый листок округлой формы, на котором располагались прекрасные белые цветы. Увидев это Фин, почесал голову и медленно стал подходить к воде.

— Куда вы, господин Фин? — рыкнул Хенк. — У меня нет второго меча.

Но Фин не обращал внимания ни на чьи возгласы, он подошел близко к воде, однако не настолько, чтобы щупальца его достала. В траве лежал цветок, тот самый, что он подарил Эмилии. Он его взял, положил в ладонь правой руки и, подняв высоко перед собой,

медленно направился к воде. Желтый глаз застыл на том, что находилось в руках Фина. Щупальца перестали двигаться и медленно скрылись под водой. Парень подошел к воде и положил цветок на ее поверхность. Чудовище неподвижно смотрело на плывущее к нему нежно-белое растение и медленно, не отводя взгляда от желтой серединки, погружалось под воду. Через несколько секунд оно исчезло совсем.

Назад к лагерю все шли молча. Морис, идущий впереди, быстро остановился, присел, развернулся к остальным и приложил указательный палец к губам.

— Тихо, — сказал он беззвучно, одним движением губ.

Рука Хенка привычно опустилась туда, где раньше висел меч, он забыл, что его уже там нет. Морис тихо в полу приседе прокрался к месту, откуда стали видны их фургоны с лошадьми и припасами. Остальные последовали его примеру. Сквозь густые ветви их взорам открылась следующая картина: на поляне у их костра, расположившись, как у себя дома, сидел человек в зеленой мантии. Лицо незнакомца полностью скрывал наброшенный на голову капюшон.

— Выходите, я вас слышу, — равнодушно оповестил их незваный гость скучным хрипловатым голосом.

Хенк с Морисом вышли вперед, двигаясь осторожно и не спеша. Человек в мантии встал и небрежно отбросил на спину капюшон, рассыпав по плечам темные длинные волосы. По немигающим, внимательным глазам и узкому вытянутому лицу с легкой небритостью трудно было определить, сколько мужчине лет.

— Я ждал вас три дня назад, — спокойно продолжил он.

— А вы кто такой? — спросил Фин, высунувшись из-за спины Хенка.

— Меня зовут Сейлай, — невозмутимо представился тот. — Я следопыт.

— Как вы... — не успел Фин закончить, как Сейлай добавил:

— Мне Зул прислал ворона с письмом, он попросил, дабы я был вашим сопровождающим. Хенк и Морис, конечно, прекрасно справились бы и сами с этим заданием, однако по законам Алатариянской империи без следопыта в земли Имиль не пройти, не впустят.

— А как вы нас нашли? — поинтересовалась Эми.

— Пять дней назад извозчик, привезший стрелы для арбалетов, рассказал, что дорога через болото перекрыта и когда вы не появились к установленному сроку, я отправился на поиски. Это уже несложно, на болотах есть всего два пути, по которым может пройти фургон, — неторопливо пояснил он, после чего, оценивающе поглядев на Эмилию, заметил: — Зул не говорил мне, что среди вас будут женщины.

— Вас что-то смущает? — спросила девушка, поджав губы.

— Нет, что вы, — с улыбкой ответил следопыт, — единственное, что может меня смутить, это тот размер оплаты, что вы мне предложите.

Эмилия подошла к нему так близко, что рассмотрела сеть незаметных морщин вокруг глаз и волнистый шрам на лбу.

— И какой размер оплаты вас не смутит? — уточнила Эмилия, сложив губы трубочкой.

— Десять медных таргенов, — прозвучал равнодушный ответ, — за меньшее я не согласен идти.

— Договорились, — спокойно ответила девушка, — и если финансовые вопросы решены, тогда позвольте показать вам карту, — и только она хотела пойти в повозку за картой пути, как Сейлай жестом руки остановил ее:

— Я не веду дела на болоте, вернемся к этому разговору в Идоноре.

Ехать с Сейлаем в одной повозке оказалось не так и плохо, в дороге он раскрылся интересным собеседником и рассказчиком. За два дня пути с ним Фин и Эмилия узнали о землях Имиль больше, чем за всю жизнь. Он много рассказывал о приключениях, что выпадали ему в жизни. Эмилия рассказала ему о встрече с желтоглазым монстром. Сейлай успокоил их, что они далеко не первые, кто видел монстра. Жители Идонора называют его Рагн и верят в то, что он является божеством и хранителем болота. О нем упоминалось еще сотни лет назад, ходят легенды, что чудовище это бессмертное. Сейлай рассказал, что стал следопытом благодаря тому образу жизни, что выпал на его долю до шестнадцати лет. Он с детства был кочевником, пока его родители не решили остаться в Идоноре, где он и вступил в гильдию следопытов. В гильдии его обучили грамоте и навыкам владения оружием. Там он научился читать карты, различать следы животных, ориентироваться в лесу, болоте, пустыне, на воде. В двадцать два года он впервые повел людей через земли Имиль, и по неопытности угодил в ловушку, которая на всю жизнь оставила ему воспоминания в форме шрама на лбу. Фин и Эмилия также рассказывали, чем они занимаются и что интересного в их работе.

За два дня пути климат сильно изменился. Сухой жаркий воздух нагонял большую температуру. Дышать становилось тяжело, одежда пропитывалась потом. Через два дня повозки подъехали к большим деревянным воротам. По обе стороны от них возвышались две башни с арбалетчиками, а перед ними перетаптывались четыре солдата, двое в кольчугах и открытых шлемах с копьями и двое мечников, закованных в броню. Вперёд вышел толстяк с двойным подбородком и, подняв руку, вперевалочку направился к повозкам:

— Остановитесь! Всем, кто есть, выйти из фургонов.

— Приветствую вас, Мастен! — спрыгнул на землю Сейлай, — эти люди со мной, они наняли меня для сопровождения, — с этими словами он подошел к солдату.

— Здорово, Сейлай, — поздоровался тот, — но ты же знаешь правила. Они одни для всех. Я обязан осмотреть повозки и людей.

Времени это много не заняло, Мастен осмотрел повозки, задал несколько вопросов путешественникам и подал знак, что все в порядке. После чего тяжелые ворота стали открываться.

Идонор на первый взгляд напоминал большой военный лагерь. По улицам ходили солдаты в кольчугах, с мечами, арбалетами и копьями. В Идоноре было всего четыре улицы, с одинаковыми, как под копирку, живыми домами, выкрашенными в коричневый цвет. Одна площадь, на которой находилась военная академия, гильдия следопытов, храм бога войны Арсея и монетный двор. Остальные постройки города — это казармы, тренировочные площадки, смотровые башни, кузницы, оружейные. В Идоноре напрочь отсутствовали таверны, трактиры, гостиницы, и торговые лавки. Здесь не было культа еды, одежды и развлечений. В приграничном городке можно было увидеть только солдат, жен солдат, детей солдат, родителей солдат. Сейлай рассказал, куда ехать и Хенк взял курс к его жилищу. Ему навстречу двигались люди с серьёзными выражениями лиц, казалось, даже дети здесь ходят строевым шагом. Одинаковые дома размером и окрасом были выстроены в одну линию настолько ровно, что если встать сбоку и посмотреть, то из-за первого дома остальных не видно. Хенк насчитал тридцать три домика и на тридцать четвертом остановился, как и сказал Сейлай.

Выйдя из повозки, следопыт направился к дому, открыл дверь и жестом руки пригласил остальных. Внутри дом смотрелся более чем скромно. Небольшой дубовый стол со стульями,

маленькая кровать в углу и шкаф, располагавшийся вдоль стены, на полке которого лежала одна-единственная книга и несколько свитков с изображением людей в мантиях. Вот и все, чем могло похвастаться жилище Сейлая.

— Амалия! — крикнул следопыт. Через несколько секунд дверь из другой комнаты открылась и к ним вышла молодая женщина с каштановыми волосами, темными глазами и пухлыми губами цвета спелой вишни.

— Позвольте представить мою жену Амалию, — учтиво сказал Сейлай.

Она растерянно улыбнулась и сделала небольшой поклон. Выглядела она намного моложе своего мужа. Похоже, гостей она не ждала. Ее хлопковое платье желтоватого оттенка выглядело очень по-домашнему и никак не для приема гостей.

— А эти прекрасные люди прибыли к нам из самого сердца Алатарианской империи из столицы королевства Атуя, — добавил следопыт, показывая на гостей.

— Рады вас приветствовать в Идоноре, — певучим голосом сказала Амалия.

— Сделай нам чай из белых цветов, — попросил Сейлай жену. Когда та, согласно кивнув, быстро ушла, он указал на стулья за столом. — Садитесь, я готов вести разговор.

Эмилия и Фин сели, Сейлай сел напротив. Для Хенка и Мориса места не хватило, они так и остались стоять.

Девушка вытянула карту и протянула следопыту. Сейлай взял сверток кожи, развернул и, положив на стол, внимательно осмотрел. На его лице блеснула улыбка:

— Снова древняя Академия знаний! Это уже четвертая карта с ее расположением, которую я вижу, — на этих словах Эмилия нахмурила брови. — Однако я в любом случае возьмусь за это дело, это моя работа, — добавил он быстро, увидев, что девушке не понравились его слова.

Дверь из другой комнаты открылась и вошла Амалия с деревянным подносом, на котором располагались пять глиняных чашек с чаем, сладкий аромат которого разнесся по всей комнате. Она аккуратно поставила чай на стол. Гости поблагодарили ее за гостеприимство и взяли по чашечке ароматного желтоватого напитка.

Сделав глоток, Фин причмокнул и довольно покачал головой. Особенный вкус предавала чаю легкая кислинка.

Сейлай отпил чая, поставил чашку на стол и продолжил.

— В пути вы должны будете слушать меня и без возражений выполнять все мои указания, от этого зависит ваша и моя безопасность, — глядя прямо в глаза молодым людям, со всей серьезностью сказал следопыт. Фин и Эмилия одобрительно кивнули. — Путь начнем завтра утром, сегодня время перевалило за полдень, как видите, предложить ночлег я вам не могу, — он жестом руки обвел маленькую комнату, — встретимся на рассвете, — закончил следопыт.

Допив чай, гости вышли из дома и направились к фургонам, где и провели время до утра.

На рассвете, когда только первые лучики несмело пробивались сквозь тьму, Эмилия услышала сквозь сон разговор. По голосу она узнала Хенка, а вот другой голос она не смогла распознать. Открыв глаза и прислушавшись, она, наконец, поняла, кому принадлежит голос — это был следопыт Сейлай, они обсуждали путь, что им предстоит пройти. Фин, похоже, также проснулся от басовитых голосов. Через несколько минут разговор повозка тронулась с места. Парень окончательно проснулся и сел на ложе. Потянулся, зевнул, протер глаза. Посмотрел на Эмилию что, похоже, поздно легла спать. Живот Фина забурчал, рот налился

слуюной. Он бесшумно достал вяленое мясо, кусок сухого хлеба и флягу с водой. Поставив все на столик, Фин открыл шторку и принялся смотреть на силуэты просыпающегося приграничного города, неторопливо отправляя в рот кусочки мяса, хлеба и запивая водой. Через три-четыре часа повозки подъехали к граничным вратам, отделяющим земли Алатарианской империи и земли Имиль. К повозке подошел высокий человек в темной мантии, а с ним два мечника, закованные в броню. Увидев Сейлая, сидевшего возле Хенка на козлах, он широко улыбнулся и легко поклонился.

— Приветствую вас, Сейлай.

— И я вас приветствую, Лаймар, — сдержанно поздоровался Сейлай. Человек в мантии медленно обошел две повозки, окидывая их оценивающим взглядом.

— Это худший из пропускников, — наклонив голову к Хенку, шепнул ему на ухо Сейлай.

Лаймар, закончив обход, подошел к Сейлаю, пристально посмотрел ему в глаза и криво улыбнулся:

— Два медных таргена.

— Десять дней назад был один медный! — спокойно уронил тот, не отводя взгляда. По законам Империи сопровождающий следопыт оплачивает пошлину пропуска через границу.

— Один медный за одну повозку, а у вас две, — растянув губы в слащавой улыбке, ответил пропускник. — Можете оставить один фургон по эту сторону врат и будет один медный, — издевательски подсказал он.

Сейлай, сцепив зубы, выудил из кошелька два медных таргена и протянул пошлинную Лаймару. Тот, взяв монеты, протер о свою мантию, извлек из-под нее свой кошель в два раза толще, чем у следопыта и бросил туда две монетки. Они упали на дно и зазвенели, похоже, уже кто-то сегодня пересекал границу.

— Прошу, проезжайте, — жестом руки пропускник указал на врата, что в тот же миг стали открываться. Повозки, неспешно поскрипывая, покинули земли Алатарианской империи.

* * *

Эмилия проснулась уже на землях Имиль. Увидев, что Фин, не обращая на нее внимания, пристально смотрит в окно с глуповатой улыбкой, она поняла, что они уже не в Империи.

— Давно мы в землях Имиль? — зевнув и потянувшись, спросила девушка.

— Где-то час, — не отводя глаз от окна, ответил парень.

Эмилия выглянула с интересом в окно. Она вспомнила рассказ Сейлая о землях Имиль и их пути. Первые три дня плотность деревьев и кустов будет уменьшаться, а температура воздуха расти. На четвертый день пути растительность и вовсе исчезнет, а жара будет варить заживо не привыкшего к ней человека. И приблизительно двадцать дней придется ехать под палящим солнцем по раскаленному песку, пока растительность не станет появляться снова. Все было с точностью, как и рассказывал следопыт. Через два дня пути зелени стало совсем мало, встречались лишь низкие высохшие деревья, шипастые кусты с острыми маленькими иголками. А на четвертый день исчезло и это. Вокруг раскинулись бескрайние раскаленные пески. Колеса повозки грузли, что значительно затрудняло ход. Лошади, взмыленные и вспотевшие, ржали, вытягивая головы вперед, каждый шаг давался с большим трудом, мышцы вздувались от напряжения. Солнце нещадно нагревало повозку. Эмилия и Фин тяжело дышали, обмахивая себя тонкими книгами, что заменяло им веера. Одежда, мокрая и

неприятно пахнувшая, прилипла к телу.

— Я не знал, что бывает так жарко, — жадно вдыхая воздух, задушено проскрипел Фин.

— И это говоришь ты, тот, у кого предки с этих земель, переносимость жары должна быть у тебя в крови, что тогда говорить мне, девушке, выросшей в холодных землях Империи.

— Переносимость жары не передается по наследству, — выпятил губу Фин.

Девушка, увидев, что парень обиделся, улыбнулась. На пятый день пути Сейлай раздал путникам одежду местного населения, белую, прозрачную ткань с капюшоном. По его словам, она защищает от солнечных ударов и перегрева тела. К удивлению, ночи в пустыне были очень прохладными, от такой резкой перемены температуры Фин захандрил, сначала чихал, потом чихание перешло в кашель. Морис, имеющий навыки лекаря, заготовил травы, мази, зелья еще в Илатари и погрузил все лечебное снадобья в грузовую повозку. Он делал настойки из трав, натирал грудь зеленой жижей, обладающей кислым запахом, резавшим глаза. Однако это дало результаты. Через два дня Фин почувствовал себя намного лучше, простуда отступила. За семь дней пути по дороге им не встретилось ни единого поселения, человека или живности. Однако удивительного ничего в том не было, следопыт сразу говорил, что первая деревня будет через десять дней.

Утром восьмого дня все собрались на завтрак у костра. Каждый раз у костра следопыт нахваливал Хенка и Мориса за дальновидность в запасе дров.

— В пути нужно быть готовым ко всему, припасы — это первое, о чем нужно побеспокоиться, — отвечал Хенк.

Сейлай угостил всех бодрящим напитком из своих запасов, и по вкусу он очень хорошо подходил к вяленому мясу и сухарям.

— Через два дня будет деревня Ритборинц, там сделаем небольшую остановку, — сказал Следопыт и покосился на Фина.

— Ритборинц? — округлил глаза Фин. — Да это ведь то самое поселение, откуда пошел род Ламби, — добавил он.

— Для этого мы и сделаем там остановку, дабы вы узнали больше о своих корнях.

— А от куда вы узнали, что мои корни с деревни Ритборинц? — переспросил Фин, подняв бровь.

— Одна молодая девушка настаивала на посещении этой деревни и рассказала зачем, — легко улыбаясь, Сейлай подмигнул Эмили. По тому, как девушка смутилась, Фин понял, что это ее идея и, не сдержав эмоций, обнял ее.

Прошло еще два дня пути, и вдалеке показались постройки. Повозка остановилась и Фин, поменявшись с Сейлаем местами, сел возле Хенка. Через час фургоны подъехали к поселению. Оно оказалось не таким, как представлял его Фин. Вся деревня ограждалась большими камнями, ровно сложенными друг на друга выше человеческого роста. Лепные домики, что располагались по всему поселению, напоминали дома из Идонора, только построены были из другого материала, маленькие и аккуратные. Странно, однако, людей в поселении не обнаружилось. Построек тут имелось всего около пяти десятков, и на улочках было совсем пусто. Навстречу путешественникам выбежал темнокожий мальчишка лет пятнадцати. На нем была белая накидка, такая же, как те, что роздал Сейлай. Увидев гостей, он широко улыбнулся. Похоже, незнакомцы в деревне его не удивили.

— Меня зовут Согши, сегодня я дежурю по Ритборинцу, остальные в храме, — паренек указал рукой куда-то в центр деревни.

— И часто к вам заглядывают гости из Империи? — поинтересовался Хенк.

— Примерно один раз в двадцать дней, — пожал плечами паренек. — Пойдемте, я покажу, куда выкладывать товар, — махнул рукой мальчик и хотел было идти.

— Постой, — остановил его Сейлай. — Мы не торговцы.

Парень округлил глаза.

— Не торговцы? — переспросил он растерянным голосом, в его взгляде читался немой вопрос: «тогда что вам тут понадобилось?». Деревня Ритборинц находилась ближе всего к имперским землям. Посему чаще всего все ресурсы с земель Имиль свозили в нее. А далес обменивали на имперские товары.

— Хотим покушать знаменитые имильские лепешки, — сказал Сейлай, скривив лицо в подобии улыбки.

— Идите за мной, — поджав губы, недоверчиво сказал парень и пошел вперед.

Фин догнал мальчика.

— Согши, скажи, в деревне есть кто-то по фамилии Ламби?

— Да, жрец Махбет, — ответил парень, пристально посмотрев на Фина.

— Я бы мог с ним поговорить?

— Да, он сейчас в храме, — и парень указал направление.

Пока все остальные шли в закусочную, Фин направился в сторону храма по улице, выложенной желтым, гладко отшлифованным камнем. Дома имели деревянные двери и окна. У каждого домика стояла деревянная бадья, заполненная водой. Фин шел, осматриваясь по сторонам, и глаза его расширялись, а брови ползли вверх. «Откуда среди песков взялась дубовая дверь, окна и материалы, из которых в целом построена деревня?» — думал он. Идти долго не пришлось, через десять минут он стоял напротив местного храма, ничем не напоминающим те, что ему доводилось видеть в Империи. Казалось, он не вписывается в общую картину деревни. Низкое, узкое и длинное здание напоминало конюшню. Деревянная дверь выгорела на солнце, ручка, гладко отполированная сотнями рук, выглядела так, словно сейчас отвалится. Оконные проемы храма скрыты белой материей, похожей на ту, из которой сделана одежда Фина. Камни, из которых построен храм, лежали криво, это создавало впечатление, что здание наклонилось в одну сторону. Никаких надписей или скульптур не было. Дверь раскрылась и из храма стали выходить люди. От женщин и детей до глубоких стариков никто не обращал на Фина никакого внимания. Все были одеты в традиционную белую тонкую накидку и обувь, сплетенную из лозы. Фин собирался спросить у прохожих про жреца, однако увидел в дверном проеме в конце длинного помещения человека, одетого в красную мантию. И направился к нему.

Внутри храм имел вид еще беднее, чем снаружи. Через трещины в потолке и стенах пробивались лучи солнца. Неровность пола напоминала по форме волны. По обе стороны от узкого прохода стояли глиняные алтари в форме змей со свечами. Это, пожалуй, единственное, что было в храме ценным. Фин приблизился к человеку в красной мантии.

— Приветствую вас, ваше имя Махбет? — спросил тихо парень.

— Да, а вы кто? — басовито ответил жрец и снял красную накидку. Под капюшоном оказалось морщинистое, гладковыбритое лицо с запавшими глазами. В руке он держал деревянный посох в виде змеи, а на шее висело ожерелье из черепков маленьких животных.

— Меня зовут Фин, — выдержав легкую паузу, добавил Фин Ламби.

— Ламби? — переспросил жрец и внимательно окинул взглядом парня.

— Мой прадед Ригди Ламби был родом из этой деревни.

— Ригди Ламби есть в родословном древе, — кивнул жрец, подтверждая тем самым

слова парня. — Выходит, мы родственники, — спокойно, без особого энтузиазма, добавил он. — Пойдем тогда ко мне в дом, я тебя познакомлю со своей женой, — и Махбет направился к выходу из храма.

Фин шел за ним он много чего хотел расспросить, однако сейчас вертелась в голове одна мысль, и он спросил:

— Махбет, скажите, а почему дома в деревне выстроены из прочного материала, красиво и правильно сложены, а храм такой... — он сделал паузу, подумав, как бы помягче сказать слово «убогий» или «бедный», — не так раскошен, — сумел он подобрать слово, наконец.

— Все, что ты видишь в деревне, построено из материалов, привезенных из Алатарианской империи. Однако храм — священное место земель Имиль, посему он должен строится из материалов, которые принадлежат этим землям, — объяснил жрец.

— А что значат алтари-змеи в храме?

— В землях Имиль поклоняются богу воды Ракидару, а материальная его форма — это королевская змея.

Махбет остановился напротив глинобитного домика, с увесистой деревянной дверью, на которой была вырезана змея, раскрывающая пасть. Он толкнул дверь, та со скрипом открылась. Фин последовал за жрецом и оцепенел на месте. Пол украшали шкуры животных. Возле стены на всю ее длину расположились полки с множеством книг и свитков. В углу стоял дубовый стол со стульями. Дверь напротив открылась и из нее вышла женщина в синей накидке. А с ней вырвался и вкусный запах свежеприготовленной еды.

— Это моя жена Химла. А этот молодой человек с земель Алатарианской империи, наш дальний родственник, — представил их друг другу жрец.

— Очень рада знакомству, — широко улыбаясь и вытирая руки о тряпку, Химла подошла, взглянула в глаза Фину и обняла его.

— И мне очень приятно, — растерянно ответил парень, обнимая хозяйку дома.

— Я как раз приготовила лепешки с зеленью и бульон. Садитесь за стол, я сейчас все принесу, — сказала Химла и убежала в комнату, откуда исходил запах. По всей видимости, это была кухня.

Махбет жестом руки указал парню на место за столом, пропуская его вперед. Фин учтиво кивнул, прошелся по мягким напольным шкурам и сел на стул. Жрец сел напротив него. Не успели они расположиться, как Химла внесла яства на деревянном подносе. Две глиняные тарелки с бульоном и четыре лепешки с зеленью. Столовыми приборами тут было неприято пользоваться. Химла положила на трапезный стол стопку чистых кусков ткани на случай, если кому-то понадобится вытереть руки и снова удалиться. Фин молча сидел, положив руки на колени.

Увидев, что парень стесняется, жрец начал разговор первым.

— Как вы живете в Империи? — спросил он у Фина, сделав хороший глоток бульона.

— Мой отец, Нортон Ламби, и я живем в столице королевства Атуя и работаем в главной имперской лаборатории в области алхимии.

— Значит, вы ученые, — повторил Махбет слова парня. — Расскажи, что делают имперские ученые в лабораториях, мне очень интересно, — Махбет взял лепешку в руку.

В этот момент Химла вышла из кухни и присоединилась к ним за столом. Следующие несколько часов пролетели за душевной беседой. Фин рассказывал о столичной жизни в Империи. О работе в имперских лабораториях. Обо всем, что он знал о своем роде с того

момента, как его прадед переехал в имперские земли. Махбет и Химла внимательно слушали, где-то округляя глаза, где-то морща лица, а где-то искренне смеясь и переспрашивая, не поверив в услышанное. Фин так же активно расспрашивал жреца, преимущественно о родственниках и традициях. Так он узнал, что у Махбета есть три сына и дочь, которые живут в другом поселении, в трех днях пути от него. А также о главной традиции земель Имиль — посвящение в мужчины. Мальчиков по исполнению семнадцати лет отправляли в место под названием Мид-иль. Это самое жаркое место в землях Имиль, кишашее королевскими змеями. Однако днем они крепко спят и разбудить их может лишь громкий звук или касание. Задача мальчиков проявить ловкость и смелость, пройти Мид-иль от начала до конца, не зацепив и не разбудив королевскую змею. После чего мальчик становится мужчиной, ему дается право заводить семью и покидать отцовский дом. Фин, открыв рот, внимательно слушал, заглядывая в глаза Махбету. За разговорами время летело незаметно. Когда солнце зашло, Химла предложила Фину остаться у них на ночь. Парень согласился.

На рассвете с первыми лучами солнца Фин поблагодарил Махбета и его жену за радушие. Химла его обняла и нежно поцеловала по-матерински. Махбет похлопал по спине парня и Фин ушел. Подойдя к повозкам, он увидел, что Хенк и Морис запрягли лошадей и приготовили все для отправления.

— Господин Фин, вы хорошо провели время? — спросил Хенк, увидев, как лицо парня светится от счастья.

— Да, Хенк, спасибо, даже очень хорошо, — ответил он и широко улыбнулся.

Наутро одиннадцатого дня пути по землям Имиль путешественники покинули деревню Радборинц. Следующие три дня путь проходил по пустыне. Песок переливался красками, становился то желтогорячим, то белым, то ярко-красным. Жара становилась все сильнее, взмыленные лошади тяжело дышали, пили много воды и больше обычного отдыхали. Запасов воды становилось все меньше. Однако Сейлай успокаивал путников, говорил, что скоро воды будет вдоволь. Днем жара испепеляла все живое, а ночью холод пробирал до костей. Через три дня пути от деревни Радборинц, заметно стало что природа понемногу возвращается. Сначала стали появляться мелкие колючие растения, низкие сухие деревья. Далее почва стала твердой и потрескавшейся, из трещин пробивались кустарники. Ехать по такой почве стало заметно проще, колеса повозок не грузили, лошади отталкивались от твердой поверхности. На пятый день пустыня закончилась и началась саванна. Воздух был не таким жарким и сухим, он заметно стал влажнее и прохладней. Путников окружало большое обилие мелких растений, зеленых разнолистных деревьев и кустов. Птицы летали над головой, вдали пробежала стая диких коз. Встречались и хищные животные, наблюдая за ними своими желтыми глазами и не решаясь подходить к людям.

К концу пятого дня следопыт нашел подходящее место для ночлега. Сейлай, Хенк, Морис и даже Фин решили заночевать под открытым небом, на мягкой высокой траве, что заполняла поверхность земли.

Неожиданно Сейлай замер и прислушался. Он приставил палец к губам, что значило «всем молчать». Следопыт, пригнувшись, быстро и бесшумно побежал в заросли высокой травы, раскинувшиеся неподалеку впереди. Через некоторое время он вернулся и жестом руки поманил мужчин за собой. Пробившись через траву, они легли на земле и всмотрелись вперед, оказалось, что они находились на возвышении, перед ними открылся великолепный пейзаж саванны на фоне заката. Но любоваться красотами было некогда, ведь в глаза сразу

бросилось нечто куда более интересное и важное, внизу справа пробирався вперед сквозь заросли отряд воинов, а навстречу им слева двигался другой отряд, по численности вдвое больше. Скорее всего, противники еще не видели и не слышали друг друга, поскольку между ними было солидное расстояние. Однако путники неплохо могли разглядеть их сверху.

Воины с обеих сторон мало чем отличались друг от друга — темная кожа, черные просмоленные волосы, тонкие накидки до самой земли. Вооружены отряды были короткими мечами, копьями, некоторые пращами и духовыми трубками, из которых можно стрелять мелкими острыми снарядами.

Когда отряды стало разделять несколько сотен шагов, они каким-то образом почувствовали друг друга, возможно, расслышали, и тут же стали грозно кричать, пытаясь запугать противника, при этом не замедляя ход.

Воины с пращами, бежавшие в задних рядах, остановились и принялись метать в место предполагаемого расположения врага маленькие, но тяжелые круглые снаряды, которых у них было много припасено в наплечных и поясных сумках. Изредка снаряд попадал в голову одного из противников, и тот падал без сознания. Передние ряды с разбега столкнулись, началось жестокое кровавое сражение. Звон мечей, крики, стоны и вопли раздавались вокруг.

Меньший отряд, пришедший справа, похоже, состоял из более опытных бойцов. Они проигрывали в численности, но выигрывали тактически, обступая с флангов, отсекая небольшие группы противников от основной массы, и окружая их, дабы быстро заколоть. Дикая крики постепенно стихали. Спустя десять минут оставшаяся часть отряда, пришедшего слева, обратилась в бегство. Часть победителей пустилась их догонять. Участь поверженных, оставшихся на поле боя, была незавидной: тех, кто был ранен тяжелее, без раздумий убивали, а тех, кто мог быть пригоден для работы, тут же связывали, планируя, видимо, использовать в качестве рабов. Когда Сейлай, Фин, Морис и Хенк спустились с холма и вернулись к повозкам, солнце уже совсем зашло за горизонт. Эмилия, похоже, не на шутку испугалась, выйдя из фургона и увидев, что никого нету и услышав отдаленные звуки боя. Фин ее успокоил и рассказал об увиденном. Сейлай предложил в эту ночь обойтись без огня. Дежурили по очереди, первым вызвался Морис, после него Хенк и конец смены замкнул Сейлай. Если не обращать внимания на истошные крики ночных птиц, вой собакоподобных животных, ночь прошла тихо и спокойно.

Следующий день путники шли по зарослям травы, но вскоре вышли в район с открытой местностью, где флора была представлена в основном деревьями и кустами.

Следующие дни были похожи как один. Путешественники долго продолжали ехать по степной зоне и доехали до леса. Дальше маршрут вел вглубь чащи, но проблема этого леса заключалась в том, что растительность в нем росла необычайно плотно, кучно. Очень часто для продвижения вперед приходилось рубить перед собой ветки кустов и деревьев.

Фактически лес имел структуру, напоминающую пчелиные соты, только роль ячеек в нем выполняли небольшие участки с низкими кустарниками, свободные от стволов деревьев, а роль стенок — густая непроходимая растительность.

Буквально каждые десять-пятнадцать минут путники сталкивались с тем, что плотно сжатые лапы леса совершенно не пускают их дальше. При этом разрубленные ветви и стебли срастались обратно на глазах так, что плотная стена леса смыкалась за ними, не оставляя прохода. Было очевидно, что на обратном пути дорогу себе придется прорубать снова. Хенк, Морис и Сейлай рубили заросли специальными резаками, взятыми следопытом с Идонора,

расчищая путь повозкам.

Удивительные свойства местной растительности сильно впечатлили Фина, поэтому он собрал в колбочки с десятков образцов фрагментов разных растений, чтобы по возвращении домой исследовать их в столичной алхимической лаборатории.

Лошади ржали, останавливались, мотали головой, отказывались идти дальше, вид зарослей их явно тревожил. Продвижение замедлилось, за день пути повозки прошли треть того, что должны. Руки Хенка, Мориса и Сейлая не слушались, мышцы горели, а ладони покрылись водяными мозолями. За ночь повозки обрастали зарослями настолько, что с рассветом их приходилось освобождать от крепких объятий природы. Так прошли следующие пять дней. Хенк чувствовал, что его руки стали чужими, они не слушались, отказывались выполнять задания. Резаки затупились и перестали рассекать породу, только глухо ударяя по стеблям и отскакивая назад. На пятый день к полудню Сейлай заметил за сплетенными зарослями просвет. Собрав оставшиеся силы, он наносил удары, яростно помогая себе голосом.

С каждым ударом ошметки растений разлетались в стороны, нехотя освобождая путь. Свет впереди становился ярче. Хенк и Морис, так же это заметив, прикладывали больше усилий. Под сильными ударами плотная стена разомкнулась, и перед путниками предстали стены Древней Академии.

* * *

Древняя Академия располагалась на поляне и состояла из четырех этажей. Стены ее потрескались, поросли травой, кустарником и мхом. Путники вышли на поляну и застыли на месте, брови ползли вверх, глаза округлялись. Сейлай приоткрыл рот, пытался что-то сказать, однако не мог выдать и слова.

Эмилия и Фин, находившиеся в основном в повозке, подбежали к Сейлаю и стали возле него, глаза их светились, осматривая академию. Шестьдесят три дня понадобилось, дабы добраться до величественного строения. Путники между собой переглянулись, без слов договорились, что делать дальше. Взяв каждый по фонарю из грузовой повозки, они обогнули академию справа и нашли вход. Дверь на входе отсутствовала, ее явно вырвали давно. Внутри воняло плесенью и сыростью. По ветхим остаткам, раскиданным повсюду, можно распознать былую мебель, стулья, столы, книжные полки, шкафы. Подойдя в один из углов, Эмилия вскрикнула, прикрыла ладонью рот и отвернулась. Там находились человеческие останки.

— Похоже, здесь уже кто-то был до нас, — тихо сказал Сейлай, посмотрев на кости. —

И они унесли все ценное, что здесь имелось, — добавил он, осматриваясь вокруг. Лестница, ведущая на верхние этажи, была без трещин и сильных повреждений, похоже, она сохранилась хорошо. Лишь перила выгнили, и держаться было не за что. На втором и третьем этаже картина не менялась, повсюду разбитые колбы, глиняные емкости, раскиданные инструменты, покрытые толстым слоем пыли. Третий этаж, похоже, пауки сделали своим домом. Весь этаж был опутан тщательно сотканной паутиной. Пауки большие и маленькие, с длинными лапками и короткими, темные, желтые, в белую полоску, синеватым оттенком глазели на непрошенных гостей во все свои восемь глаз. Сейлаю пришлось рубить паутину резаком. Однако и на этом этаже ничего не было. Видимо, все ценные вещи давно вынесли. Потеряв надежду, Эмилия и Фин, опустив глаза, поднимались на четвертый этаж. Однако путь им преградила дверь черного цвета. Эмилия, идущая впереди, подошла к двери. Она оказалась без ручки и замочной скважины. Девушка стерла с

нее рукой толстый слой пыли. Вся дверь была в ссадинах, разрезах и царапинах, больших и маленьких вмятинах. Похоже, кто-то пытался открыть ее силой. Она постучала по двери, глухой звук отбился от нее и прокатился эхом вниз. Стало понятно, что дверь очень массивная, а значит, за ней спрятано что-то ценное. Мысли о том, что она недаром прошла такой долгий путь, вызвала на лице девушки искреннюю улыбку и теплоту в душе. Она стала ощупывать дверь, пытаясь найти потайной замок или подсказку.

— Госпожа Эмилия, отойдите, я попробую, — пробасил Хенк. Девушка скривилась, но отошла, давая путь. Хенк навалился на дверь, сцепив зубы, и зарычал. Морис и Сейлай поспешили ему на помощь и вот они втроем попытались сломить неподдающуюся дверь. Через несколько минут они отступили, поняв, что попытки тщетны. Хенк, тяжело дыша, еще раз рубанул дверь резакон, оставив лишь легкую вмятину. Отойдя от двери, Эмилия увидела надпись, она была спрятана под толстым слоем пыли, что мужчины стерли своими телами.

— Тут есть надпись! — воскликнула девушка, отталкивая Мориса, стоявшего на ее пути и пробиваясь к двери. — Надпись на древнем ранулском диалекте, — сделала заключение Фрост и прочла вслух: — «Молод был — молодцом глядел, под старость устал — меркнуть стал, новый родится — опять развеселится». Эта дверь открывается с помощью слов, мой наставник рассказывал мне о таких дверях, нужно разгадать загадку, громко и четко произнести ответ по буквам и дверь откроется.

Все принялись перебирать в голове загадку, подходя к двери и выговаривая, по их мнению, правильный ответ, однако дверь не открывалась. Так прошло несколько часов. Азарт потихоньку угас, Хенк и Морис уселись на ступени, наблюдая за Финном и Эмилией, бурно обсуждающих ответ. Время подходило к вечеру, в большую сквозную трещину в стене ворвался ветер, покружил, посвистел, прошелся легким холодком по телам путников.

Хенк всмотрелся в трещину и увидел, что снаружи солнце давно зашло. А значит, они здесь уже полдня.

— Госпожа Эмилия, может, продолжим завтра? — без особой надежды спросил он.

Девушка услышала, что он сказал, однако решила не подавать виду, продолжила обсуждения с Финном, по выражению лица которого было понятно, что он тоже устал.

— На улице солнце сменила луна, — вяло попытался привести аргументы Хенк.

— Что ты сказал? — резко обернувшись к нему, спросила девушка.

— Луна сменила солнце, — не спеша повторил он, поджав губы.

— Вот оно! Луна! — крикнула девушка и засияла улыбкой. Она стала напротив двери и четко по слогам произнесла слово «луна» на древнем ранулском диалекте, что примерно слышалось так «лунарис». В двери щёлкнул механизм, послышался стук и дверь открылась. Эмилия подскочила на месте, всплеснув руками и хлопая в ладоши от восторга. После чего, ухватившись за край двери, осторожно потянула ее на себя в страхе, что та снова захлопнется. В образовавшемся проеме перед путниками открылась просторная библиотека. Странно, однако, застоявшегося духа тлена, плесени и гнили, как на нижних этажах, здесь не было, а лишь едва уловимый запах дерева. Книжные полки, похоже, оставались в хорошем состоянии. Чего нельзя было сказать о книгах и свитках, некоторые из которых тут же рассыпались в руках, не давая себя прочесть. Однако большинство из них все же хранилось в деревянных футлярах, обтянутых кожей и не пропускавших внутрь воздух и влагу. Такие фолианты и рукописи сохранились идеально.

Эмилия, Фин и даже Хенк с Морисом и Сейлаем жадно хватают футляры и, нетерпеливо раскрывая их, осторожно трогали пальцами шершавые кожаные страницы, вдыхая

старинный запах чернил. Путники были так увлечены этим делом, что не заметили за колонной, подпиравшей потолок здания, скелет человека. Первым его обнаружил Сейлай и подозвал всех. Тот сидел на полу, его останки прикрывала давно истлевшая и потерявшая всякую форму и цвет одежда, а перед ним лежала книга и какой-то трезубый золотистый предмет. Высохшая кисть скелета покоилась прямо на книге.

— Фин, можешь подать книгу? — попросила девушка, не решаясь даже смотреть в ту сторону.

Фин согласно кивнул, медленно подошел, нагнулся, быстрым движением выхватил книгу и отдал девушке. Эмилия взяла ее в руки, как для книги та оказалась более чем увесистой. Обложка фолианта представляла собой деревянную крышку, обтянутую кожей. На ней была отгиснута надпись «Королевство Лузвинд», а под ней — рисунок в виде оленя, вставшего на дыбы. Она спешно раскрыла книгу, там та же надпись и тот же рисунок. Страницы были хорошо выжаты и сделаны из качественной белой кожи. Написана она была на том же ранулском диалекте. Сейчас Эмилию обуяла гордость, что она единственная, кто может прочесть, что там написано. Девушка отошла к столу, что будто специально для этого был сюда поставлен, поставила на него масляный фонарь и принялась читать.

Записи дневника «Падение королевства Лузвинд»

Повесть временных лет о судьбе королевства Лузвинд и правителе Эйдиссе Таррине, последнем из королей.

Эйдисс Таррин аккуратно встал у кромки берега на одно колено и, склонившись в предвкушении удовольствия над поверхностью воды, неспешно стал пить, с легкостью зачерпывая из озера пригоршнями кристально прозрачную влагу, что казалась на вкус слаще меда. Озеро Ливейли считалось самым чистым и прекрасным озером королевства. Эйдисс с детства любил прогулки в его окрестностях и не упускал случая утолить здесь жажду. Это место наполняло правителя жизненной энергией и очищало мысли.

Лучи солнца озаряли его лик, ласково играя темными густыми волосами. Правитель Эйдисс Таррин, человек невысокого роста, обладал развитой мускулатурой и мужественными чертами лица с высоким широким лбом, зелеными круглыми глазами, густыми бровями и волевым, чуть выдающимся вперед подбородком. Королевская зеленая мантия с вышитым гербом на груди в виде оленя, стоявшего на задних ногах, подчеркивала его статность. Мантия была сшита из уплотненной прочной ткани, специально для выездов на охоту. Сапоги и облегающие штаны носили такой же ярко-зеленый цвет. Охота, что проходила в королевском лесу Валлаби Вудс, была скорее ритуалом, чем необходимостью. На охоту король обычно выезжал вместе со всем двором, а само мероприятие становилось не столько увеселительной прогулкой, сколько политическим событием. Однако в этот раз Эйдисс Таррин решил превратить охоту по большей мере в прогулку, взяв с собой лишь личную охрану. В правление Эйдисса Таррина королевство Лузвинд стали называть «земля зеленых лугов и кристально чистых озер». Это были лучшие годы его расцвета, когда в нем многократно наращивалась военная мощь, налаживалась торговля как внутри королевства, так и за его пределами с другими землями и предоставлялось свободное обучение грамоте для всех слоев населения королевства. Эти три направления, ставших на тот период основными, дали невероятный толчок к развитию Лузвинда. Народ неподдельно и искренне любил своего правителя.

Недалеко от спуска к озеру стояли солдаты личной охраны короля, наблюдая за правителем.

— Приведите мне моего жеребца! — приказал Эйдисс жестом поднятой руки.

Через несколько секунд конь с блестящей серебристой гривой, переливающейся на солнце всеми цветами радуги, стоял возле правителя.

— Поедем в объезд, остановку сделаем возле горы Визер, — командным голосом сказал правитель, взбираясь на коня.

— Как пожелаете, мой повелитель, — учтиво поклонился Алистер Ортс.

Алистер Ортс был главой охраны семьи короля. Годами чуть старше правителя и выше на полголовы, Алистер имел черные волосы, заплетенные в тугую короткую косу, пронзительные глаза цвета раскаленного песка и героически завоеванный глубокий шрам в форме полумесяца, украсивший некогда его левую щеку. Его тонкие губы были обычно решительно сомкнуты.

Эйдисс Таррин занял место в середине строя, по обе стороны от него расположились два солдата, впереди и сзади также по двое. Такой походный порядок обеспечивал максимально безопасный способ передвижения. Каждый из солдат был одет в кольчугу и шлем, имел копье и лук на вооружении. Один лишь Алистер Ортс обладал мечом и деревянным щитом с гербом королевства на нем. Король Эйдисс дал команду и свита двинулась вперед. Время перевалило за полдень, солнце стояло высоко и лучи его ласкали лица путников. Животные выглядывали из-за деревьев и, заметив приближение гостей, убегали не оглядываясь. Птицы пели, листья на деревьях шелестели в такт легкому ветерку. Треск веток и шелест травы под копытами разносился далеко по лесу. Запах зеленой травы приятно дразнил ноздри, заставляя их все сильнее раздуваться и с жадностью вдыхать этот аромат.

Эйдисс Таррин поднял руку вверх, сжатую в кулак, этот жест означал «остановиться».

— Алистер, ты это слышишь? — спросил король.

Ортс снял шлем, замер и прислушался. Тонкие, визгливые и сопящие звуки явно исходили из кустов, расположенных где-то неподалеку.

— Иди проверь, — скомандовал Таррин, кинув взгляд на одного из воинов.

Тот спешился, взяв копье двумя руками перед собой, и неспешно направился к источнику звука.

Через несколько минут солдат вышел из кустов.

— Мой повелитель, Вы должны это увидеть, — учтиво, с легкой улыбкой сказал он.

Эйдисс спешился, а за ним и все солдаты. Когда, подойдя к месту, Эйдисс заглянул в неглубокую широкую яму, лицо его расплылось в лучезарной улыбке. Там лежали щенки диких левитанских псов. В землях королевства эта порода считалась очень редкой и ценной. Выводок состоял из шести особей, что уже вызывало восторг, обычно у этой породы рождалось не больше одного, двух кутят. Серые, белые, темные комочки шерсти облепили белоснежную мать со всех сторон.

— Похоже, их мать мертва, — сделал заключение Алистер Ортс.

— Подожди, не спеши делать выводы, ты же знаешь, как хитры эти животные, оно вполне может притвориться мертвым, дабы напасть в удобный момент, — не согласился король.

Один из солдат взял копье, перевернул тупым концом и ткнул в животное. То не подало никаких признаков жизни.

— Похоже, ты прав, животное мертво, — сказал Таррин, посмотрев на Ортса.

— Что будем с ними делать? — спросил тот.

— По всей видимости, мы заберем их с собой.

Солдаты принялись вытягивать щенков из ямы. Те хватая людей за кончики пальцев, причмокивая. Похоже, они достаточно изголодались.

— Вы, двое, — король повернулся к солдатам, стоявшим сзади и не участвующим в процессе изымания щенков из ямы, — будете отвечать за них головой.

Путь продолжился, и спустя два часа впереди показалась гора Визер. Самая высокая гора в королевстве Лузвинд, а может, и во всем мире. Вершину горы окутывали облака, нельзя было сказать, насколько еще она вытягивалась за ними.

— Эта гора спасла много жизней, — сказал король, подъехав к ней. Историю горы Визер знали, наверное, все жители Лузвинда. Во время великих войн, еще задолго до правления Эйдисса Таррина, женщины, дети и старики прятались в подземельях горы. Иногда это были месяцы, а иногда и годы. Король спешил и подошел к входу у подножья горы. Вход зарос кустарниками и невысокими с широкими листьями папоротниковыми деревьями.

— Расчистить вход, — приказал Таррин.

Солдаты вытянули специальные резак для вырубки негрубых деревьев и кустарников и принялись очищать ход. Глухие звуки раздались вокруг, щепки полетели в стороны, запахло скошенной травой. Через некоторое время вход был очищен от насаждений. Солдаты вытирали пот со лбов, приводя дыхание в порядок. Проход оказался больше, чем на первый взгляд, в высоту он достигал два человеческих роста, а в ширину приблизительно пять шагов.

Коридор, ведущий далеко вперед, был настолько огромен, что мог вместить сразу тысячи человек одновременно. Стены, поросшие мхом, издавали сыроватый запах. По ним струилась вода и падала большими каплями, громко ударяясь о камень. Каменные стены были зеленоватого оттенка. Дальше король решил не идти, по его мнению, и этой проверки было достаточно.

— Возвращаемся домой, — скомандовал Эйдисс. К замку правителя ехать было где-то полдня. К закату должны были быть на месте. Путь проходил по папоротниковому лесу, низкие деревья с большими широкими листьями напоминали больше куст, чем дерево. Однако животные, птицы, насекомые, видимо, любили эти листья. Травоядные с аппетитом их поедали, насекомые жили на листьях, облепив их со всех сторон, а птицы кушали этих самых насекомых. От папоротниковых деревьев исходил приятный мятный запах. А щедрое изобилие природных шумов успокаивало разум. Солнце закатывалось за горизонт, последние лучи исчезали в наступлении вечера.

Впереди над рекой возвышался живописный холм, увенчанный замком. Великолепный замок повторял контур горы и казался неотъемлемой частью пейзажа — настолько органично он в него вписывался.

Высоко в небо вознеслись зубцы башен и островерхие крыши замка, придавая крепости ощущение легкости и неповторимой изящности. Внутреннее убранство замка было так же прекрасно, как и его внешний вид. Здесь хранились произведения искусства и экспонаты, рассказывающие об истории Лузвинда. Деревянная облицовка стен, удивительная роспись потолков, массивные колонны из мрамора, разрисованные потолки и элегантная драпировка делали замок поистине жемчужиной Лузвинда.

— Открывайте ворота, король приехал! — закричал Алистер солдатам на посту.

Дозорный на воротах посмотрел на прибывающих и жестом руки распорядился пропустить короля и его свиту. Подъемный механизм натужно заскрипел, канаты

натянулись и через доли секунд крепостные ворота в город торжественно распахнулись, а мост пошел вниз, закрывая глубокий ров, являющийся единственным проходом в замок.

— Ваше Величество, что делать со щенками? — спросил солдат, который все это время вез их в кожаной сумке.

— Отдай придворному собаководу, пусть найдет им применение, — отмахнулся король.

Через несколько минут Эйдисс Таррин шагал по огромным коридорам замка, цоканье сапог эхом разносилось вокруг. Поднявшись по лестнице, он направился в семейную трапезную. Это, пожалуй, было единственное место, где вся семья Тарринов проводила время вместе. Трапезную украшала зеленая дверь с вытесненным рисунком приборов для принятия пищи. Король взялся за ручку и открыл дверь, та плавно, без скрипа распахнулась. Пряный, сладкий, жареный и кислый ароматы тут же окутали правителя. За длинным деревянным столом, украшенным живыми цветами, собралась вся семья. Жена Эймира Таррин сидела спиной к входу, нетерпеливо постукивая по столу своими тонкими, красивыми, унизанными перстнями пальцами. Пышные, длинные, каштановые волосы, ниспадающие на плечи, выгодно подчеркивали ее тонкую талию. Сбоку возле нее расположилась Нерейд Таррин — самая младшая из детей короля, несколько месяцев назад ей исполнилось девять лет, хотя выглядела она намного старше и по сообразительности также превосходила ровесников. А ее черные смоляные волосы и темные, как угольки, глаза на фоне белоснежной кожи делали ее настоящей красавицей. Возле Нерейд сидел ее брат, старший из трех сыновей и наследник престола — Адриан Таррин, в свои двадцать лет он выглядел намного младше, был невысок и не широкоплеч, с наивным детским лицом, его часто путали со средним сыном Эйдисса. Генри Таррином, который в свои шестнадцать лет был выше старшего брата, да и растительности на лице имел побольше. Он сидел с другой стороны от матери. А возле него сидел самый младший сын двенадцатилетний Эвард Таррин, несмотря на красивые черты лица, иссиня-черные рода Тарринов волосы, карие мамины глаза и две ямочки на щеках, Эвард всегда был надут, угрюм и недоволен. И, наконец, последний член семьи Тарринов, сидевший за столом, — это был дядя Эйдисса Таррина, Тарлон Таррин. Он был младшим братом отца Эйдисса. Когда отцу Эйдисса исполнилось двадцать лет, Тарлон только родился. Дядя Тарлон был еще не стар, однако россыпи седины разбавляли темные волосы. Вечно бурчащий, он не скрывал неприязнь к племяннику и его семье. Тарлон считал, что именно он должен стать королем после смерти брата, а не его сын.

Эйдисс Таррин поприветствовал все семейство и сел за стол. Вдоль стола были расставлены подсвечники, в каждом из которых находились по шесть белоснежных длинных свечей. Языки пламени вытанцовывали, освещая комнату и излучая приятный запах. Сегодня пятый день недели, а значит, на ужин мясо с овощами. Две запеченные птицы украшали центр стола и манили аппетитной золотистой корочкой. Эйдисс произнес благодарные слова богу природы Энту и жестом руки разрешил приступать к трапезе. Ужин прошел непривычно молча. После окончания принятия пищи королевская семья разошлась. Каждый вечер король Таррин записывал все, что с ним случилось за день. Это было больше хобби, нежели работа. Каждый прожитый им день переносился на белоснежную кожу и увековечивался навсегда. Несмотря на множество писарей и историков, что ходили за ним по пятам и описывали все, что происходит, король хотел записывать все, как он видит, — свои переживания, чувства, идеи. Он начал вести записи с того момента, как обучился грамоте. Для хранения записей было выделено специальное помещение и оборудовано под

личную библиотеку короля,

с библиотекарем и круглосуточной охраной.

После ужина принцесса Нерейда обычно проводила время в «комнате рассказов», — это место, где собирались придворные дети, а человек по имени Тейдис Ховарг рассказывал им сказки, истории, легенды. Дети любили Тейдису, каждый стремился устроиться у него на коленях или хотя бы просто потрогать его длинную, белоснежную бороду. Затем королевское потомство закрывалось в своих покоях и до утра их уже больше не интересовало ничего.

Королева же любила прихорашиваться и покупать либо заказывать новые наряды у придворных портних. А потому вечера Эймира, как правило, коротала в окружении своих фрейлин, которые помогали ей облачаться и примерять очередные затейливые многослойные одеяния.

Ночь пролетела незаметно, а наутро короля разбудил настойчивый стук в дверь.

— Кто стучит в такую рань? Что случилось?! — закричал сонный король, подскочив на постели.

— Прошу прощения, — раздался дрожащий голос часового из-за двери, — я бы никогда не стал будить Ваше Величество, однако пришел верховный ученый Академии, он требует немедленной аудиенции и утверждает, что дело важное и не терпит отлагательств.

— Передай ему, что я сейчас буду, — раздраженно ответил Эйдисс.

Он представления не имел, что такого могло случиться, чтобы верховный ученый сам приехал в замок в такую рань и настаивал на личной встрече с королем. Лихорадочно перебирая мысли в голове, король спешно оделся и вышел из покоев, направившись в тронный зал. Ожидавший там его человек с длинной седой бородой на лице, густо изборожденным морщинами и выбивающимся из-под синего конусообразного колпака жидкими волосами, одетый в темную мантию, при виде вошедшего правителя подбежал к нему и встал на колени:

— Приветствую, Ваше Величество, — его голос дрожал.

— И я вас приветствую, Альте Аспаранзе, поднимитесь и расскажите, что привело вас ко мне ни свет ни заря.

Ученый, опираясь на свой, с синим набалдашником посох, который он никогда не выпускал из рук, встал, оказавшись ростом чуть ниже короля.

— Мой король! Нам нужно срочно ехать... Вы должны поехать со мной... Мой король, Вы... — он затараторил, запинаясь и не в силах собрать слова воедино.

— Стой. Остановись. Я ничего не понимаю. Успокойся и внятно объясни, в чем дело, — твердо приказал король, схватив ученого за плечи и всматриваясь в его глаза.

Аспаранзе опустил голову и взялся нервно сглатывать слюну, по всей видимости, стараясь смочить пересохшее горло.

— Принесите воды, — махнул рукой слугам правитель.

— У нас нет времени, — лихорадочно продолжал говорить Альте. — Нам нужно ехать.

— Вы можете сказать наконец, что случилось?! — не выдержав, повысил голос Таррин. — И почему вы без сопровождения?

— Нашему королевству грозит очень большая опасность. Это нельзя объяснить, это можно увидеть и только ночью. Нам нужно к следующей ночи быть в Академии.

Эйдисс Таррин не мог узнать Альте Аспаранзе, которого знал с детства как уравновешенного и спокойного человека, а сейчас выглядевшего дерганым, испуганным и

не способным связать и двух слов.

— Позовите сюда Алистера Ортса и готовьте моего коня! — крикнул король стражникам и, повернувшись к Альте, положил руку тому на плечо. — Я вижу, что дело серьезное, иначе бы вы не ехали сюда. Я соберу лучших воинов из своей личной охраны и можем отправляться в дорогу.

— Хорошо. То, что я хочу показать Вам, можно увидеть только ночью, — объяснил свое беспокойство Аспаранзе.

Эйдисс Таррин кивнул в знак согласия. В тронную залу вошел Алистер Ортс, а с ним четверо солдат.

— Приветствую вас, мой король, — почтительно встал он на колени.

— Немедленно выезжаем в Академию знаний, — повышенным тоном приказал Таррин.

Алистер и солдаты поспешили исполнить приказ и отправились на конюшню за лошадьми. Эйдисс вместе с Альте вышли во внутренний дворик, и уже через несколько минут небольшая кавалькада во главе с правителем тронулась в путь, им предстояло пересечь полкоролевства Лузвинд.

Академия знаний от замка находилась далеко, и ее окружали непроходимые растения, которые имели чудесное свойство регенерировать и после их сруба в считанные мгновения срастаться заново. Ходили слухи, что первый глава Академии знаний вылил на них некий эликсир и с того момента они растут с большей скоростью. Однако никто не знает, правда ли это или вымысел, записей об этом не сохранилось. Путь проходил через кристальные озера и негусто засаженные леса. Иногда попадались насаждения кустарников и папоротниковых деревьев. Ночь провели на берегу озера, спали шесть часов, а с первыми лучами солнца выступили в дорогу. Проезжая очередное озеро, путники имели возможность наблюдать, как на водопой пришли животные, мелкие и крупные, рогатые и безрогие, в перьях и в шерсти. Каждый хотел испить прохладной чистой воды.

Ровно через два дня пути под вечер, пробившись через гущу, отряд вышел к Академии знаний. Она величественно красовалась на равнине, окруженной природным щитом в виде деревьев, кустов и высокой шипастой травы. Строение в форме высокой круглой башни с конусообразной крышей пленило взор солдат, что, округлив глаза, рассматривали его с восхищением. Не каждому жителю Лузвинда доводилось видеть Академию, среди присутствующих таких было двое — это Эйдисс Таррин, который бывал здесь всего один раз после коронации и Алистер Ортс, что сопровождал правителя в тот день. Остальным же посчастливилось увидеть это произведение зодчества впервые. Возле Академии прибывших ожидали люди в темных мантиях, как у Альте Аспаранзе и колпаках разных цветов. Это ученые вышли поприветствовать правителя. Многие из них попадали сюда с малых лет и оставались здесь на всю жизнь. А посему, кроме людей, привозивших провизию, инструменты, одежду и все остальное, что служило для жизнеобеспечения Академии, ученые не видели больше никого. А здесь сам правитель пожаловал.

Альте Аспаранзе спешился и подошел к ученикам.

— Правитель Лузвинда король Эйдисс Таррин! — громко произнес он. Ученые засуетились, становясь на одно колено и склоняя головы. Солнце давно село, и темные мантии смешались в один силуэт.

Альте, подзвав к себе двух человек, распорядился:

— Позаботьтесь о лошадях, напоите их и накормите, — приказав другим двоим провести голодных и уставших солдат в трапезную, он повернулся к Эйдиссу. — Мой

господин, сейчас как раз то время, когда можно наблюдать то, ради чего мы проделали путь.

— Веди, — коротко кивнул король.

Ученый направился к входу в Академию и широкая полукруглая дверь, состоящая из двух створок тёмно-синего цвета с вырезанными узорами, гостеприимно распахнулась. Изнутри обстановка отличалась, никаких узоров на стенах или потолках, пол был выложен неровными камнями желтоватого цвета. Несколько фонарей висело на кривых стенах, слабо освещая помещение, в потолке виднелись трещины. Впереди находилась лестница спиральной формы, ведущая наверх. Справа, по всей видимости, располагалась трапезная, длинный стол в центре и запах вареных овощей выдавали предназначение комнаты. Жители Лузвинда мало что знали об Академии, однако то, что там не едят мяса, знал, наверное, каждый. Если где-либо заходил разговор о ней, первое, что обсуждалось — это не кушанье мяса. На этом, пожалуй, все познания людей и заканчивались. Здание состояло из четырех этажей, на каждом из которых ученые занимались исследованиями в определенной области, цвет колпака на голове обозначал, к какому роду деятельности относится его носитель.

Альте и Эйдисс стали подыматься по лестнице вверх.

— Как вам здесь живется? — спросил король.

— Выполнение правил, установленных первыми мыслителями и учеными, дают возможность сохранять порядок и дисциплину, — зашел издалека Альте.

Поднимаясь по ступеням, верховный ученый рассказывал правителю о сотрудниках Академии и в целом. Так король узнал, что на первом этаже ученые в белых и желтых колпаках занимаются изучением небесных тел, солнца, луны, звезд. На втором этаже красные колпаки занимались изучением температуры и ее влияния на металлы. Зеленые и синие колпаки изучали воздух, воду, растения, землю. Альте рассказал, что также долгое время и сам провел на третьем этаже, пока его не выбрали наставником Академии. И сейчас его место на самом верхнем четвертом этаже.

Когда он закончил рассказывать, они как раз подошли к увесистой двери, закрывающей вход на этаж. В двери не наблюдалось ни ручки, ни замочной скважины. Аспаранзе встал перед дверью, выпрямился во весь рост и по слогам вымолвил слово «луна», в тот час механизмы защёлкали, закрутились и дверь приоткрылась. Эйдисс непроизвольно округлил глаза, даже в его замке не было таких дверей, он, несомненно, слышал о них, однако видел впервые. Четвертый этаж сложно было назвать «этажом», скорее комнатой больших размеров. Под стенами стояли стеллажи разных цветов: желтого, красного, зеленого, синего, белого. На полках хранились свитки с записями исследований. Посредине стоял небольшой столик с множеством свитков, разбросанных по нему в беспорядке.

В потолке имелось окно, большое и круглое, через которое можно было рассмотреть луну и звезды. Это, пожалуй, лучшее, что было в комнате. По всем остальным меркам комната выглядела бедно.

— Нам нужно вылезти на крышу именно через это окно, — сказал ученый, увидев, как правитель всмотрелся сквозь него в ночное небо.

Брови Эйдисса поползли вверх. Не успел он ничего сказать, как Альте встал под окном, дернул за веревку с железным набалдашником и откуда-то сверху, истошно скрипя, спустилась деревянная лестница.

— Прошу за мной, — учтиво попросил ученый и поставил ногу на первую ступеньку. Правитель последовал за ним. Альте открыл округлое окно и вылез на крышу Академии. Эйдисс повторил маневр Аспаранзе. На высоте ветер оказался холодным и пробирал до

костей, звезды светили ярко и завораживали своим живописным видом. Верховный ученый подошел к предмету, стоявшему на крыше, что был похож на подзорную трубу очень больших размеров.

— Что это такое? — подходя ближе, спросил правитель.

— Этот предмет покажет вам то, зачем мы сюда приехали, — с поклоном проговорил Альте. — Я назвал его «увеличитель материй». В него можно рассматривать небесные тела на очень большом расстоянии. Шесть месяцев назад я заметил, что они стали падать, сначала маленькие камни доносились до земли, потом все больше и больше. За три месяца упало одиннадцать камней, каждый из которых был способен сравнять Академию с землей вместе со всей окружающей территорией. Мы научились вычислять вес и скорость падающего тела и, что самое главное, место падения. Все одиннадцать раз вычисления были правильными.

А два месяца назад я увидел это, — и Альте почтительным жестом предложил Эйдиссу Таррину самому взглянуть в окуляр, что тот и сделал не мешкая.

Когда Альте повернул ее в нужном направлении, король всмотрелся в звездное небо и увидел множество стремительно приближающихся горящих тел.

— Я вижу! — восхищенно воскликнул король, не отводя взгляда от окуляра.

— Эти мерцающие огоньки еще месяц назад были маленькими точками вдали, однако с каждой ночью они становились все больше и больше, пока не достигли размеров, позволяющих просчитать, когда они упадут, а самое главное — где.

Эйдисс оторвался от увеличителя и посмотрел на Альте. Тот опустил глаза и продолжил рассказывать:

— Три дня мы, не жалея сил, вычисляли траекторию падения и силу разрушения, все пересчитывали и проверяли по три раза, — он сделал паузу и вздохнул. — Двадцать одно небесное тело упадет на королевство Лузвинд через тридцать шесть дней и накроет всю его территорию, — обреченно выдал из себя наставник Академии.

— И что это значит?! — вскрикнул слегка дрожащим голосом Эйдисс, не в силах поверить в услышанное.

— Через тридцать шесть дней королевство Лузвинд прекратит свое существование, — опустив глаза, упавшим голосом пробормотал ученый.

— Что ты такое говоришь? — схватив его за плечи, Таррин хорошенько встряхнул старика. — Проверьте еще раз! Вы наверняка ошиблись!

— Мы не ошиблись, — прошептал Аспаранзе.

Внутри у Эйдисса все оборвалось, колени его отказались слушаться и с застывшим выражением лица он уселся прямо на крышу, не в состоянии пошевелиться. Так он просидел около десяти минут. Ученый ничего не говорил, давая собраться королю с мыслями.

— Если это правда, тогда нужно уводить людей из королевства! — вскочив наконец на ноги, крикнул Таррин.

Не теряя времени, он стремглав пустился в обратный путь с четвертого этажа на первый. Альте отправился за ним. Проходя ступенями вниз, король всю дорогу повторял себе под нос: «Гора Визер, гора Визер, нужно в гору Визер, гора безопасна, гора».

Спустившись на первый этаж, он направился в трапезную, где солдаты пробовали местную еду.

— Прекращайте прием пищи! Собираемся в обратный путь, — скомандовал король, зрачки его расширились, голос был громким и резким. На лицах солдат застыл немой

вопрос, почему сейчас, почему не утром, однако возражать королю никто не осмеливался.

— Ортс, за мной, — Таррин развернулся и покинул трапезную.

Алистер поспешил за ним. Когда он вышел и закрыл за собой дверь, король развернулся к нему, и только сейчас главе охраны стало заметно, что на том лица не было. Эйдисс Таррин рассказал ему все. Зрачки Алистера расширились, по спине прошел холодок. Он не знал, как реагировать на услышанное. Однако Эйдисс рассказал ему о его плане увести всех жителей Лузвинда подальше в подземелья горы Визер и переждать там некоторое время, а потом выйти и отстроить все заново. Алистер Ортс поддержал план короля. Таррин вздохнул с облегчением, он не верил, что хоть кто-то одобрит его идею, однако сейчас он полностью был уверен, что это единственно правильное решение.

Солдаты стояли в построении, готовые в обратный путь.

— Вы не затягивайте и присоединяйтесь к нам, — сказал правитель наставнику Академии.

— Академия знаний находится вдалеке от мест поражения, ее не зацепит, однако я отправлю к вам лучших ученых, они помогут выживать в недрах горы, — ответил Альте.

Путь назад казался дольше и мучительней, молчаливые всадники с хмурыми лицами двигались по своему прекрасному королевству, понимая, что скоро всему этому придет конец. Подъехав к замку, король долго не решался въезжать, он не понимал, как сказать страшную правду семье и подданным.

Все первые дни после объявления страшной новости люди, окружающие короля, его семья, придворные и слуги понуро и бесцельно бродили по дворцу с растерянными лицами. Правитель заперся у себя в кабинете, собрав всех советников и обговаривая планы. Все сводилось к одному — нужно уходить в горы. Другого выхода нет.

Правитель Лузвинда Эйдисс Таррин написал послания во все поселения Лузвинда. В них говорилось о том, чтобы люди собирали все свои ценные вещи, орудия труда, животных, библиотеки и записи, грузили все это на повозки, лошадей, мулов и направлялись к горе Визер. На сборы правитель отводил двадцать дней. Этого времени должно было вполне хватить на все про все.

Сам король, его семья, придворные, личная охрана и слуги прибыли к окрестностям горы через десять дней после отправки гонцов. Разбив лагерь, правитель стал ждать. Прошло еще десять дней и люди стали прибывать. Приезжали массово, большими группами и целыми поселениями, располагаясь, кто как мог. Кто спал на земле, кто в повозках, люди побогаче разворачивали палатки. Правитель Эйдисс отправил солдат во все без исключения поселения королевства для сопровождения людей. И пока все не соберутся, вхождение в гору не начнется. Прошло еще несколько дней и жители королевства Лузвинд заполнили все прилегающие к горе Визер окрестности. По расчетам до падения небесных тел оставалось еще шестнадцать дней. Правитель разослал гонцов по всем территориям, заполнившимся людьми, с тем, чтобы сворачиваться и собираться у королевского лагеря. Гонцам понадобилось полдня для извещения всех. Путь в гору начался на второй день. Король Эйдисс стоял у входа с одной стороны, Алистер Ортс с другой. Люди с угрюмыми лицами делали первые шаги в неизвестность. Некоторые не скрывали слез, другие же старались сохранять лицо, натягивая искусственную улыбку. Вхождение продолжалось целый день. Под вечер, когда солнце почти свалилось за горизонт, снаружи осталась лишь семья короля и его личная охрана. Остальных солдат правитель отправил внутрь для поддержания порядка. Люди были на грани и конфликты могли возникнуть на ровном месте.

Альте Аспаранзе подошел к правителю и поклонился:

— Я собрал все ценные рукописи в королевстве, Ваши личные дневники, а также записи писарей о Вас, Вашей жизни и правлении. Я забрал их собой. После того, как Вы войдете в гору Визер, я уеду в Академию и буду хранить записи там до Вашего возвращения.

— Благодарю тебя за службу, — ответил король, взяв его за плечо и взглянув в глаза.

Внезапно вдаль он увидел скачущего под знаменами Лузвинда всадника, несущегося в их сторону бешеным галопом и приближающегося все ближе и ближе. Спешившись, тот тяжело дышал.

— Ваше Величество, земли Имиль собрали огромное войско и сейчас направляются сюда, — прерывисто проговорил солдат.

— Через сколько они будут здесь?

— Полдня максимум.

— Алистер Ортс, собери солдат, будем охранять вход, — приказал король.

Тот кивнул и скрылся в недрах горы. Знамена земель Имиль замаячили под утро, когда первые лучи солнца только тронули сумрачный небосвод. Солдаты во главе с Алистаром Ортсом были готовы давать отпор. Однако войска земель Имиль остановились в отдалении и дальше не пошли. Из их рядов выехал гонец с белым флагом. Он приблизился к Эйдиссу и спешился.

— Правитель королевства Лузвинд, король Малазей вызывает на переговоры Альте Аспаранзе.

— Альте Аспаранзе?! — Эйдисс округлил глаза и повернулся к стоявшему рядом ученому, выглядевшему не менее изумленным. — Что это вообще значит?! — он сгреб посыльного за отворот кольчуги.

— Я передал слова Его Величества вот и все, я больше ничего не знаю.

— Это очень странно, однако я пойду на переговоры, — поджав губы, сказал Аспаранзе.

Вскочив в седло, он в сопровождении гонца поскакал в сторону армии Имиль. С той стороны, отделившись от общей массы, тоже выехали двое всадников и направились им навстречу. Сблизившись лицом к лицу, Альте сразу узнал одного из них, это был Малос, его бывший ученик.

— Малос? — спросил Альте, пристально вглядываясь тому в глаза.

— Здравствуй, учитель, — уверенно поздоровался Малос, ничуть не смутившись.

— Я ничего не понимаю! — нахмурился Аспаранзе. — Ты перешел на сторону врага?

— После того, как вы меня выгнали, я нашел место, где мои таланты ценят, — напыщенно процедил тот.

— Ты использовал науку во вред, все твои изобретения были направлены на уничтожение человека, а мы в Академии занимаемся вещами, которые помогают людям! — повысив голос, сказал ученый, ноздри его раздулись.

Малос издевательски расхохотался.

— Видите повозку? — спросил Малос, указав себе за спину.

Альте посмотрел на стоящую в отдалении повозку, в которой лежало что-то внушительных размеров, накрытое плотной тканью и невозмутимо перевел взгляд на ученика. Малос кивнул и продолжил.

— Это мой механизм. Я назвал его Печатью Смерти. Когда все спрячутся внутри горы, я запечатаю проход. Его можно будет открыть только с этой стороны. А если кто-то попытается сделать это изнутри или хотя бы нанести повреждения, то эти маленькие

колбочки, — он извлек из-под плаща один стеклянный пузырек с зеленой жидкостью, — разобьются и газ заполнит все в радиусе мили, ты же помнишь его, не так ли? — скривился он в подобии улыбки.

Конечно, Альте помнил, как Малос разработал этот газ, убивающий все живое и испробовал его недалеко от Академии в лесу. Тогда в муках погибло много животных и один ученик, после чего Малос и был изгнан.

— Вижу по лицу, что помнишь, тогда иди и скажи своему правителю, что у его народа есть два варианта смерти. Быстрый, если он выведет своих людей на бой и солдаты Имиль их перебьют или пусть укрываются в горе и тогда проживут немного дольше и умрут медленней, — на том он развернул своего коня и направился обратно. — Выбор за вами, — крикнул он напоследок.

Когда Альте рассказал все правителю, тот сразу без раздумий схватился за меч.

— Подождите, мой король, — ученый придержал его руку на ножнах, не давая обнажить оружие. — Он сказал, что печать можно открыть с этой стороны, я думаю, что смогу найти способ это сделать, не нужно умирать, Вас ждет народ, Вы им нужны.

Эйдисс Таррин взглянул в глаза ученого, что-то в его словах было правильным. Без особого желания правитель отдал приказ, и солдаты направились внутрь горы. Альте Аспаранзе отъехал от входа на безопасное расстояние и, заняв удобную позицию, смотрел, как безумный Малос с помощью механизма запечатывал вход в гору. Теперь его единственная миссия — открыть его.

Через шестнадцать дней, как и было предсказано, небесные тела упали на территорию королевства Лузвинд. В тот день оно прекратило свое существование.

«Я, Альте Аспаранзе, собрал сведения о повелителе Эйдиссе Таррине и описал в этой книге. А также то, как открыть Печать Смерти. Если кто-то это читает, тогда я не преуспел в этом деле и, скорее всего, меня уже нет в живых».

* * *

Дочитав до конца, Эмилия перевела дух и, тяжело дыша, посмотрела на обступивших ее мужчин. Ей очень сложно далось чтение, читать и сразу переводить с ранулского диалекта — задача не из легких.

— Выходит, это скелет Альте Аспаранзе, — сказала она, закрывая книгу. — Он спрятался здесь, защищая ее, — девушка потянула из нее лист желтой кожи, сложенный квадратом и развернула. — Это и есть инструкция по открытию печати, однако я не могу прочесть эти знаки, — она беспомощно пожала плечами.

— Дайте, я посмотрю, — протянул руку Сейлай.

Он взял письмо за его шероховатый конец, прищурился и всмотрелся в знаки:

— Я уже такое видел и знаю, кто сможет здесь помочь, — увидев вопросительный взгляд девушки, он продолжил. — Недалеко от болот Идонора живет человек по имени Адальстейн Вольбранд. К нему многие обращаются, однако он не всех принимает, его сложно заинтересовать. Я думаю, смогу с ним договориться. Этими руническими знаками он точно заинтересуется, — закончил Сейлай с легкой улыбкой.

— Тогда завтра отправимся в обратный путь и заедем к этому Вольбранду, — решительно посмотрела на него девушка.

Остаток ночи пролетел быстро. Эмилия спала с книгой в руках, а на столике лежал золотистый трезубец, изъятый у покойника. На следующее утро Эмилия проснулась раньше всех и находилась в приподнятом настроении. Фин и остальные проснулись позже и

увидели, как девушка делает зарядку, раньше за ней такого не наблюдалось. Фин улыбнулся, а Сейлай сделал сложную мину. Когда все проснулись, Хенк по традиции приготовил сытный завтрак. Отзавтракав, Хенк и Морис принялись грузить ценное содержимое из Академии. Все, что было в хорошем состоянии и представляло ценность, грузилось в повозку, специально взятую для этой цели. Фин и Сейлай также им помогали. Эмилия взяла клочок пергамента и перо с чернилами, прихваченными из Империи, и принялась переписывать все, что грузилось в повозку. Особенную ценность для нее представляли книги и свитки, найденные на четвертом этаже. За полдня повозку набили до основания. Хенку, Морису и Сейлаю придется теперь спать в фургоне с Фином и Эмилией. Оставшиеся полдня Эмилия и Фин решили провести в исследовании Академии, а на утро отправиться в путь. Так и поступили. За этими хлопотами время пролетело незаметно и наступил вечер.

— Это был лучший день с того момента, как мы покинули Илатари, — легко вздохнув, сказала Эми. Фин улыбнулся и согласно кивнул.

На второй день повозки отправились в обратный путь. Дорога назад казалась быстрее и легче. Те же заросли, кустарники и деревья легко расходились и повозки проезжали без особых усилий, рубить и пробиваться с боем против природы не приходилось. Однако в одну из ночей путников ждал неприятный сюрприз.

Глубоко за полночь всех разбудил громкий звук боевого рога. И сразу же вокруг раздалось несколько сотен яростных криков. Неожиданно для себя путники обнаружили, что находятся в самом центре сражения. Их повозки, скрытые в зарослях кустарников, оставались незамеченными. Но было понятно, что это ненадолго. То и дело прямо в нескольких шагах от палаток с топотом и закрученными мечами пробегали вооруженные бойцы.

— Тихо, — прошептал Сейлай, поднося палец к губам. Руки Фина затряслись, он ему казалось, что вот-вот это сражение ворвется прямо к ним.

— Если бы нас обнаружили, они были бы уже здесь, — будто прочитав мысли парня, тихо сказал Сейлай. — Ждите, — сказал он и бесшумно выпрыгнул из повозки.

Выйдя и пригнувшись, следопыт пошел на звуки боя. Впереди он увидел воина на коленях, а вокруг него стояли трое противников, наставив копья ему в лицо. Сейлай упал и прижался к земле.

— Да это же... это сын вождя племени Зеквиль! Как его... Хормиус! — с усмешкой сказал один из троих. Следопыт отчетливо слышал весь разговор.

— Да, это я, — спокойно отвечал Хормиос, — и оттого, как вы будете обращаться со мной, зависит ваша участь. Кто знает, может быть, мой отец хорошо вас наградит. А может быть, вам отрежут головы и подадут их мне на праздничный ужин в честь победы моего племени...

Бойцы переглянулись и рассмеялись. Они понимали, что бравада их врага, оказавшегося в безвыходном положении, является проявлением отчаянья. Один из троих ударил Хормиуса ладонью по лицу, тот свалился на землю. Сейлай прислушался, однако звуков сражения не услышал, — или оно сместилось далеко от этого места, или закончилось. Следопыт положил руку на метательные ножи, спрятанные под зеленой мантией. Задумался, что делать: спасти пленника и рискнуть быть раскрытым, или ничего не делать и оставить человека на произвол судьбы. Подумав несколько минут, он вытянул три ножа и один за другим метнул во врагов. Клинки из особого сплава металла просвистели, рассекая воздух,

и вонзились каждый в свою цель. Одному противнику — в глаз, другому — в шею,

третьему — в лоб. Воины повалились на землю почти беззвучно, так и не успев что-нибудь понять. Сейлай быстро выскочил из кустов и, подхватив копьё у одного из троих, хотел добить, однако ножи настолько точно сделали свое дело, что необходимости в этом никакой уже не было.

Следопыт переступил обмякшие тела и подал руку лежавшему на земле человеку. Тот с опаской посмотрел на него, потом на лежавших врагов и протянул руку в ответ.

— Я следопыт Сейлай.

— А я Хормиус, сын истинного вождя земель Имиль, — хрипловато представился парень. — Я смогу провести вас мимо мест сражений, — добавил он.

Выглядел он лет на двадцать пять, невысокий, худой, темнокожий, с вытянутым лицом. Сейлай согласно кивнул и повел его к повозке. Когда они влезли внутрь, находившиеся там вздрогнули, однако следопыт всех успокоил и представил им сына вождя. Далее они пробирались, ведомые парнем, и хоть звуки боев, крики, возгласы, рев боевого рога, лязганье металла о металл и доносилось до них, но только лишь в отдалении.

По пути Хормиус рассказал своим спутникам о том, почему на землях Имиль идет война. На этой территории живет несколько десятков средних и мелких племен и два очень крупных — Зеквиль и Иквиль. Каждое племя обладает независимостью от остальных и управляется старейшиной. А есть вождь, которому подчиняются все. Вождь выбирается из двух старейшин, руководящих племенем Иквиль и Зеквиль. Его отца, старейшину племени Зеквиль, пять лун назад выбрали вождем. Однако претендент из племени Иквиль был не согласен с выбором. Он решил отобрать власть силой.

Хормиус сопроводил путников к границе и попрощался, поблагодарив за спасение. Путь, по которому он их вел, и правда оказался на несколько дней короче. Еще день пути понадобился, дабы добраться до обитания Адальстейна Вольбранда, читателя рун и древних языков, как его называл следопыт Сейлай.

* * *

Повозки неспешно подкатили к неказистому, заплесневелому, деревянному домику. Доски и бревна, из которых он аккуратно был собран, давно разбухли и растрескались от сырости, всего в тысяче шагов отсюда начинались болота. Хозяин сидел на крыльце и сосредоточенно выстругивал из деревяшки фигурку ножиком. Когда подъехали телеги, он даже головы не поднял. Это был худой человек с грязными, пепельными от седин густыми волосами и такой же бородой, покрывавшей практически все его лицо. Следопыт спрыгнул с телеги и подошел к нему.

— Чего тебе? — недружелюбно спросил Адальстейн, не поднимая глаз и продолжая заниматься своей поделкой. — Кого ты привел в этот раз?

— Эта работа тебя точно заинтересует, — уверенно ответил Сейлай, — у нас есть книга из Древней Академии.

— Чтооо?! — невозмутимость Вольбранда как рукой сняло, он резво вскочил на ноги, глаза его заблестели, а морщинистые руки затряслись. Бросив на землю фигурку, которую до этого так увлеченно вырезал, он взревел:

— Дайте мне ее! Сейчас же! И если окажется, что ты врешь, я не знаю, что с тобой сделаю!

Следопыт улыбнулся в ответ. Эмилия, стоявшая за его спиной, протянула ему книгу:

— Вот. Возьмите. Книга и зашифрованный текст. Раньше я никогда такого не видела.

Адальстейн, даже не взглянув на девушку, грубо вырвал книгу у нее из рук, молча

развернулся и ушел в свой домик, хлопнув дверью. Компания услышала звук задвигаемого изнутри засова.

— Это надолго? — спросила Эмилия, нахмурившись.

— По-всякому бывает, — пожал плечами следопыт.

Через пару часов, когда солнце приблизилось к горизонту, засов отодвинулся, дверь открылась и на пороге появился Адальстейн. На его заросшем, грязном лице угадывалась улыбка, что было неожиданно.

— Если вы собираетесь открыть Печать, то я пойду с вами! — сказал он торжественно. — Это, может быть, самое важное дело в моей жизни.

— Что? Что вы там прочитали? Расскажите скорее! — нетерпеливо затараторила Эмилия.

— Здесь инструкция о том, как найти древнюю Печать, как ее открыть и где находятся ключи. Всего нужно три ключа. Они похожи на золотые трезубцы.

— Вот на такие? — Эмилия показала ему найденный ими трезубец.

Вольбранд пристально всмотрелся:

— Да, это похоже по описанию на ключ, на нем должна быть отметка, дай-ка сюда, — он взял предмет в руки покрутил его и нашел отметину возле зубцов в форме дерева. — Этот ключ принадлежал Малосу, — заключил он, — на двух других должны быть изображены месяц и луна. По записям они хранятся у правителей Имперских земель и земель Имиль.

* * *

Через двадцать дней они уже входили через ворота в столицу. Эмилия и Фин твердо решили, что должны сделать все возможное для открытия Печати, и следопыт вызвался им помочь. Хенк и Морис покинули компанию в городе. Они решили, что с них хватит приключений и пора хорошенько отдохнуть и потратить заработанные немалые деньги.

Сейлай и Адальстейн, которого перед тем, как брать с собой, заставили хорошенько вымыться на дорожку и одеться в приличную одежду, на всякий случай пошли снимать себе комнаты в одной из самых дешевых таверн, не зная, как долго еще придется оставаться в Илатари. А Эмилия и Фин сразу же отправились во дворец. Они отсутствовали в Империи ровно сто двадцать дней или четыре месяца. Отец Фина обрадовался, увидев сына, он обнял его со слезами на глазах. Когда парень рассказал обо всем, что он пережил и что еще собирается пережить, отец тут же добился немедленной аудиенции с императором.

В сопровождении стражников друзья вошли в огромный тронный зал. В самом конце помещения у стены, увешанной картинами и свечами в канделябрах, восседал Таггеранг. По обе стороны от него на небольших стульях сидели его ближайшие помощники.

Эмилия и Фин неуверенно подошли к трону до зеленой черты, которая была нарисована в пятнадцати шагах от трона, и преклонили перед императором колени, склонив головы. Всего таких линий было нарисовано пять — кроме зеленой, была еще белая, черная, красная и фиолетовая. К зеленой допускались подданные и гости, к которым правитель проявлял благосклонность и симпатию. А дальше разрешалось перешагнуть лишь тем, кому он доверял — близким помощникам, членам семьи, личной охране.

— Как мне уже доложили, — начал говорить Таггеранг холодным, надменным тоном, — вы сделали важное открытие.

— Да, мой господин, — отвечала Эми, не поднимая головы, — нашли то, что принесет вам и Империи могущество.

— Что же это? — император заинтересованно приподнял брови.

— Мы знаем, как открыть Печать Смерти в горе Визер.

Император изменился в лице, удивить его было непросто, однако эти слова явно прозвучали для него громом среди ясного неба.

Император медленно встал и сделал несколько шагов навстречу Эми и Фину.

— Поднимитесь, — приказал он.

Алхимик и изобретательница встали с колен, не поднимая голов.

— Посмотрите на меня, — произнес Таггеранг.

Друзья подняли головы и стали смотреть прямо в лицо правителю.

— Вы знаете, как открыть древнюю Печать таким образом, чтобы не разрушить гору Визер?

— Да, мой господин, — робко ответила Эми, не выдерживая его взгляда.

Правитель резко обернулся назад к своим помощникам и крикнул:

— Выйдите!

Те встали со стульев и торопливо пошли к выходу из тронного зала в сопровождении стражников. В помещении, кроме друзей и Таггеранга, остался лишь глава службы безопасности императорской семьи — Кертис Вольгард. Он ненавязчиво занял место справа и чуть впереди от правителя, чтобы в случае угрозы успеть его защитить.

— И что же для этого нужно? — поджал губы император, разглядывая лица Фина Ламби и Эмилии Фрост.

Эмилия рассказала императору все, что ей удалось узнать о Печати и способе ее открытия.

Внимательно выслушав девушку, Таггеранг сказал, что ему необходимо два дня на размышления и велел подданным уходить.

Фин эти два дня провел с отцом, помогая ему. Теперь Ламби-старший относился к своему сыну с большим уважением. Он стал воспринимать его как взрослого, с интересом выслушивая рассказы об их странствиях. Парень с удовольствием рассказывал ему обо всем, а особенно восторженно о своей встрече с их дальними родственниками, Махбетом и его женой. Эмилия в течение этих двух дней и думать не могла ни о чем другом, кроме как о предстоящем путешествии. Она не находила себе места, без конца расхаживая туда-сюда, грызя ногти и барабанив пальцами по столу, в отличие от Адальстейна, который, дорвавшись до императорской библиотеки, куда ему великодушно был предоставлен доступ по личному распоряжению Таггеранга, все это время даже носа оттуда не показывал. Где же был Сейлай в эти дни, не знал никто. Снятая им комнатка в таверне пустовала. Но все понимали, что он снова неожиданно появится в нужный момент, как и всегда.

Через два дня всех четверых вызвали в тронный зал. Как и ожидала Эми, император дал свое согласие на экспедицию и позволил им взять с собой трезубец, хранившийся в его сокровищнице, как один из ключей к открытию Печати.

Ввиду важности этой миссии, император Айрисс Таггеранг усилил отряд своим сыном Рональдом Таггерангом, назначив того главой экспедиции и приставив к нему сорок лучших солдат Империи и тридцать слуг. А так как путешествие предстояло неблизкое и опасное, больше уже для собственного спокойствия поручил главе охраны семьи императора Кертису Вольгарду не спускать с наследника престола глаз.

Рональд откровенно не обрадовался такому распоряжению отца. Он пытался отказаться, но спорить с императором было бесполезно. За наследником трона давно закрепились репутация непутевого отпрыска. Многие считали, что своим недостойным поведением он

никак не соответствует славе своего отца. Рональд обожал переодеваться в обычного городского забулдыгу, а затем пить, развлекаться с распутными женщинами, дебоширить, устраивать драки в тавернах столицы и окрестных поселений. Собственно, никакие другие дела его больше и не интересовали.

Поскольку теперь в поход отправлялся сам представитель рода Таггерангов, всем участникам экспедиции открыли доступ к лучшему снаряжению Империи, коим пользовались даже далеко не все бойцы службы личной охраны императора.

Помимо великолепного оружия, отличных инструментов и вкуснейших съестных припасов долгого хранения, отряду досталось главное сокровище — шесть ящерных жеребцов из личной конюшни правителя. Эти животные-амфибии представляли собой жуткий, на первый взгляд, гибрид из лошадей и ящериц. Помимо того, что они практически с одинаковой скоростью перемещались по земле, пескам, болотам и довольно быстро плавали в воде, у них было еще одно важное качество: невероятная живучесть. Шкуру этих тварей крайне сложно было проколоть, раненая плоть заживала в считанные минуты. Более того, на месте отрубленной лапы при должном уходе быстро отрастала и полностью формировалась новая, всего за несколько дней.

Лорд Рональд Таггеранг и его свита в компании с Эмилией, Финном, Сейлаем и Адальстейном отправились в путь. Впереди на ящерном жеребце ехал принц, возле него Кертис Вольбранд. А за ними сорок солдат, одетых в лучшие кольчуги, оснащенные мечами и арбалетами. После ехали повозки со слугами и продовольствием. Среди слуг имелись лекари, повара, кузнецы, портные, оружейники, конюхи. Повозки выглядели богато и роскошно, император явно не пожалел золотых таргенов на эту экспедицию.

Мало кто в Империи вообще подозревал о существовании ящерных жеребцов, поэтому, когда лорд Таггеранг, сидя верхом, покидал город, люди испуганно шарахались в стороны, впервые в жизни видя эдакое диво. Однако множество людей стояли на улицах и смотрели на принца, кланялись и выкрикивали слова уважения молодому лорду.

— Славно, что нам дали таких «лошадок», — обратился следопыт к едущему рядом с ним верхом Кертису, — на них мы доберемся до земли Имиль намного быстрее.

— Только у армии Империи есть такие амфибии, — гордо отвечал глава императорской охраны. — Я лично рисковал своей жизнью, чтобы доставить их яйца в наш питомник. Жаль, что из вылупившихся выжили только самцы, а то ведь можно было бы всерьез заняться их разведением для элитных войск.

Экспедиция начала свой путь. Первой их ожидала встреча с вождем земель Имиль Армонцом, ведь именно у него должен быть третий ключ к открытию Печати.

Путешествие выдалось удачным, и через шестьдесят дней после начала пути принц Рональд Таггеранг со свитой добрались в племя Зеквиль. Вождь Армонц дружелюбно встретил лорда. Обговорив цель прибытия принца, вождь Армонц передал золотистый трезубец, хранившийся в их племени столетиями. Он не мог отказать сыну императора, торговля с Империей составляла основной доход для процветания земель Имиль. Рональд передал несколько писем от отца вождю. Они были запечатаны королевской печатью, о чем там говорилось, он не знал, однако догадывался. Вождь Армонц предложил лорду Таггерангу взять с собой одного из лучших воинов поселения — метателя ножей Мигро. Несмотря на множественную охрану, принц согласился и высокий темнокожий мужчина, с пухлыми губами и большим носом, присоединился к походу.

Через три дня пути отряд пересек границу между территорией Имиль и Мертвыми

Землями. Пейзаж вокруг кардинально изменился. Песок здесь перемешивался с пеплом и имел сероватый цвет. Вокруг не было ни куста, ни дерева. Никакого намека на природу. Одинокие птицы-падальщики кружили над головами, раздражая путников своими истощными криками. В воздухе витал запах гари. То тут, то там встречались остовы испепеленных зданий как символ разрушенного былого величия. Принц, воины и вся свита осматривали остатки цивилизации, широко открыв глаза и ёжась от бегущих по коже мурашек. Ни один житель Алатаринской империи не пересекал границ с землями, именуемыми Мертвыми.

— Исходя из записей в книге, когда-то эти развалины были процветающим королевством, — чтобы как-то разрядить невольно охватившее всех напряжение, сказал лорд Таггеранг, бросив взгляд на Кертиса Вольгарда.

— Да, мой лорд, природа всесильна, никто не может ей противостоять, — ответил Кертис, он тоже был прекрасно осведомлен о той книге, что нашли в древней академии. За это время, наверное, каждый придворный уже ознакомился с ее содержанием.

Далее песок закончился и путь продолжился по твердой, словно запёкшейся, потрескавшейся земле. Небо затянуло тяжелыми свинцовыми тучами, плотно закрывающими собою солнечные лучи, отчего стало прохладно, а в полдень воцарился полумрак. В этом, казалось, мертвом, безжизненном месте все-таки была жизнь. Небольшие колючие растения встречались на пути все чаще. И это еще не все. В один из вечеров, когда отряд сделал привал, неожиданно со всех сторон раздался истощный вой. Лошади заржали, становились на дыбы, нервно замотали головами. Солдаты вытянули мечи, арбалеты и затаили дыхание, всматриваясь в полумрак. Один из солдат зажег факел. Когда мрак отступил, в пятне света показалась большая голова то ли собаки, то ли волка. Голова оскалилась и зарычала,

с желтовато-гнилых клыков закапала жидкость, похожая на слюну, однако имела болотный цвет. Далее показалось тело, огромное, как у лошади, и без шерстяного покрова, абсолютно голое. За ним показался еще один, потом еще и еще. И таких то ли собак, то ли волков бесшёрстных, размером с лошадь, было семь. Они держались на расстоянии, ощерив пасти и не приближаясь.

Кертис Вольгард взвел арбалет и хотел нажать на спусковой крючок, когда лорд положил руку на его цевье и опустил дугами вниз:

— Не нужно, — тихо сказал он, после чего поднял одну из сумок с вяленным мясом и направился к зверю.

— Мой принц, не стоит, — робко попытался остановить его один из солдат, на что тот лишь отмахнулся.

Подойдя ближе, он встретился со зверем взглядом. Желтоватые глаза смотрели принцу прямо в лицо. Лорд медленно без резких движений положил сумку на землю и, вытянув кусок вяленой оленины, бросил животному. Тот отпрянул назад, зарывчав, но затем, опустив голову, принялся, несмело ткнувшись в мясо мордой, после чего схватил его зубами и стал быстро чавкать челюстями, разбрызгивая вокруг зеленоватую слюну. Принц Рональд бросил еще кусок, потом еще и еще. Остальные волко-собаки пришли в движение и присоединились к поеданию лакомства. Солдаты нервно держали их на прицеле арбалета, готовые в любую секунду выпустить залп.

Когда мясо закончилось, животные взялись размахивать своими лысыми хвостами, оживленно мотая мордами и выпрашивая еще. После нескольких вечеров кряду они

приходили в лагерь людей, похоже, они шли по их следу. Одному из солдат со временем повезло даже погладить одного зверя по его лысой шершавой коже, однако тому это не понравилось и он убежал. Это был последний раз, когда животные посетили лагерь. Солдаты и слуги обсуждали невиданных тварей, откуда они здесь взялись, что с ними случилось, почему они без шерсти и самое главное, что они едят на Мертвых землях.

Прошло еще несколько дней, пока отряд добрался к горе Визер и разбил лагерь на равнинах у ее склонов. Адальстейн Вольбранд, Эмилия Фрост и Сейлай отправились искать вход в пещеры, исходя из книжных записей, где говорилось, что он забросан камнями с внешней стороны, дабы никто не мог его отыскать. Однако Альте Аспаранзе оставил подсказку, по которой можно было найти это место — на одном из камней, прикрывающих Печать, был выбит олень, стоявший на задних ногах. Троица потратила целый день на поиски, однако так и не нашла подходящего камня. На следующий день по приказу лорда уже все солдаты и слуги отправились отыскивать выбитый на камне знак, и это принесло свои плоды, кузнец разглядел очертания, похожие на нужный рисунок. Слуги взяли специальные приспособления и принялись долбить и разбирать завал, оказавшийся небольшим, всего в несколько шагов. Когда последний камень был вытасчен, перед путниками показалась она, Печать Смерти, как ее называли в книге. Большая металлическая дверь с двенадцатью рычагами по всей площади и тремя отверстиями посередине, по форме напоминающими трезубцы.

Адальстейн Вольбранд, расталкивая людей, пробился к механизму. Эмилия следовала за ним.

— Нужны ключи! — выкрикнул читатель рун.

Эмилия быстро вытащила из сумки три золотистых трезубца. Адальстейн выхватил их у нее из рук и хотел уже вставлять в отверстия, однако глава охраны Кертис Вольгард остановил его, взяв за руку:

— Не спешите, нужно привести принца Рональда, он должен присутствовать при этом.

Адальстейн фыркнул, надул губу, но ничего не сказал. Один из слуг вскочил на небольшого гнедого коня и поскакал в лагерь. Пришлось ждать еще несколько часов, пока не появился принц Рональд.

— Теперь можно начинать? — недовольно скривив лицо, процедил читатель рун.

Принц неторопливо спешил и, приблизившись, спокойно кивнул:

— Да, прошу вас, начинайте.

Адальстейн аккуратно вставил один трезубец в одно отверстие, другой в другое и третий в третье, однако ничего не происходило. Старик попытался покрутить их — ничего! Вытянул, снова вставил, поменял местами — снова ничего. Он, нахмутив брови, развернул сверток с инструкцией по открытию Печати и еще раз внимательно осмотрел. Потом взглянул на круглую массивную дверь и рычаги на ней, потом снова в лист пергамента и снова на Печать.

— Вот я старый дурак! — хлопнул он себя по лбу. — Как же я сразу не заметил?

— Что не заметили? — поинтересовался принц.

— На рисунке есть небольшие черточки, расположенные в разных направлениях, сразу не обратил на них внимания, думал, что это кляксы от чернил. Однако теперь я понял, — это положения рычагов! — он отвел взгляд от записей и, посмотрев на Печать, стал переводить металлические рычажки с круглыми набалдашниками в разные положения, один вниз, другой вверх, третий посередине, тот влево, другой вправо, пока не выстроил их в

соответствии с рисунком.

Через мгновение трезубцы, торчащие из двери, стали медленно вращаться. Адальстейн, принц и все, кто стоял близко к Печати, сделали шаг назад, охнув от удивления. Трезубцы вращались все быстрее и быстрее, земля под ногами стала вибрировать. Ключи потеряли очертания, превратившись в размытые круги на фоне двери, которая сотрясаясь, стала покрываться облаками пыли. Гора задрожала, камни пришли в движение, налетевший внезапно ветер поднял в воздух тучи песка и травы такой плотности, что, казалось, наступили сумерки. Все в ужасе отступили, укрыв лица, кто чем мог. Внезапно все стихло. Когда пыль осела, перед взором путников открылся вход в гору Визер.

Глава II. Подземное королевство Ирдис

Спертый воздух, вырвавшийся из глубокого и мрачного тоннеля, ведущего вглубь горы, похоже, ждал этого момента сотни лет.

Первые несколько минут стояла гробовая тишина. Люди замерли, кто от удивления, кто от страха неизвестности перед тем, что могут открыть им эти древние каменные своды.

— Вы, трое, идите впереди, — приказал лорд солдатам с копьями. — Ученые и арбалетчики, за мной, — и он махнул рукой в направлении входа.

Солдаты выставили копья перед собой и осторожно двинулись внутрь. Пропустив их на двадцать шагов вперед, принц в сопровождении арбалетчиков последовал за ними. Коридор пещеры оказался поистине огромен, однако ничего необычного здесь не наблюдалось. Их окружали камни, поросшие мхом, неровные стены с торчащими острыми булыжниками, мелкая насыпь под ногами, влажный воздух. Но так продолжалось недолго. Через какое-то время впереди забрезжил откуда-то непонятный холодный синий свет. Воины, идущие впереди, напряглись. Их темп заметно уменьшился, и расстояние между ними и принцем сократилось до нескольких шагов. Сияние казалось тусклым и слабым, однако это только на первый взгляд. Место, излучавшее свет, находилось на внушительном расстоянии и для его преодоления имперцам понадобилось по ощущениям не меньше получаса. Однако по ходу сокращения дистанции свечение становилось все ярче. Добравшись до источника света, солдаты встали как вкопанные.

В полу пещеры торчали кристаллы, внушительной величины и ромбовидной формы. Они стояли ровно в два ряда на одинаковом расстоянии. Словно их специально так выставили. Но кто мог это сделать? Этот немой вопрос читался на лицах и солдат, и ученых, и следопыта. Рональд подошел к одному кристаллу и пристально осмотрел его. Свет слепил глаза, он отличался от солнечного света, от свечения фонарей и свеч.

— Милорд, не прикасайтесь, это может быть опасно, — сказал один из солдат, увидев, как принц тянет руку к кристаллу.

— А я и не собирался, ты к нему прикоснешься первым, — повернулся к нему Рональд.

Зрачки воина расширились, сглотнув, он опустил копье и медленно протянул руку к кристаллу, с опаской коснувшись его края кончиками пальцев. Однако ничего не произошло, на ощупь тот был ни горяч, ни холоден, поверхность была гладкой, как стекло.

— Откуда они, сколько их и зачем они здесь? — задумчиво сказал следопыт, стоявший за спиной принца. При этих словах Рональд и несколько солдат устремили взор в далекую неизвестность.

— Мы это выясним, — твердо сказал лорд. — Соберем небольшой отряд, запасемся провизией на несколько дней, остальные пусть разобьют лагерь возле входа и ждут.

На следующий день в сформировавшийся отряд входили Эмилия, Фин, Сейлай,

Адальстейн Вольбранд, Кертис Вольгард, Мигро, десять солдат, подвозчик, пять слуг и сам принц Рональд Таггеранг. В повозку с продовольствием запрягли маленькую лошадку, что больше походила на мула. Лорд окинул взглядом свиту, встал во главе отряда, рядом с ним стоял верный Кертис Вольгард.

— Вперед! — скомандовал принц, и отряд отправился в неизвестность.

Лошадей решили не брать, никто не знал, как дорога пойдет дальше. Яркий синий свет, исходивший от кристаллов, рассеивался по всему коридору и ярко освещал путь.

Адальстейн — читатель рун, идущий в хвосте отряда, ворчал себе под нос, плевался и всячески выражал свое недовольство всем, что их окружало. По его словам, мох, проросший на стенках коридора, испускал кислый запах. Капли воды, что тонкими струйками стекали по камням, образовывали сырость. И вообще пещера была холодной и зловонной. Никто не обращал на него внимания, все, кто знал его подольше, привыкли к его бурчанию,

а остальным попросту было все равно. Однако и правда, чем дальше заходил отряд, тем становилось прохладней. Больше всего это ощущал Мигро, привыкший к палящему солнцу земель Имиль.

Кристаллы, озаряющие путь, отличались между собой. Во-первых, явное отличие состояло в их форме, некоторые были длиннее и тоньше, другие приземистее и шире,

а третьи в вовсе округлой формы. Во-вторых, они отличались свечением, на первый взгляд это сложно было увидеть, но спустя время, когда глаза привыкли к синему свечению, стало заметно, что одни кристаллы излучают свечение ярче других. С чем это связано, никто не мог дать ответ. По ходу движения температура стала подниматься и становилось ощутимо теплее, что порадовало всех, а в особенности Мигро, который успел хорошенько замерзнуть.

С ростом температуры дышать становилось тяжелее. Идти стало легче, похоже, дорога пошла под наклоном вниз. По ощущениям большая часть дня была позади, и лорд приказал сделать небольшой привал, отдохнуть и покушать. Отдых продлился недолго, и путь продолжился. Коридор пещеры то сужался, то расширялся. Кристаллы на каждом отрезке отличались частотой: там, где коридор сужался, расстояние между ними становилось больше, приблизительно в десять шагов; там, где расширялся, расстояние уменьшалось до пяти шагов. Прошло еще полдня, прежде чем тоннель закончился, дальше отряд поджидал крутой спуск вниз. Он также освещался кристаллами, позволяющими рассмотреть высеченные в нем широкие ступени. Лорд подошел к краю и взглянул вниз. Не увидев этому спуску конца, он повернулся к остальным и, махнув рукой, приказал:

— Разобьем лагерь здесь.

Огонь разводить не было смысла, в пещере и так тепло, а освещения более чем достаточно. Да и еду взяли такую, что готовить не приходилось: вяленое мясо, твердый сыр, сухари и обилие воды и вина. Молодой принц, покушав, взялся за небольшую бочку с вином. Кертис, увидев это, положил руку на бочку, не давая лорду ее открыть.

— Что вы творите?! — возмущенно крикнул Рональд.

— Выполняю приказ императора.

— Какой еще приказ?!

— Не давать вам пить, милорд.

Рональд надул губу, как мальчишка, и убрал руку с бочки.

— Простите, — сказал Кертис, сноровисто ухватив бочонок и унеся с глаз долой.

Палаток в лагере не имелось, да и не нужны они были, люди разместились прямо на полу, подстелив у кого что было, и быстро погрузились в крепкий сон.

Утром или днем, или под вечер (определить время суток в пещерных условиях было сложно) все стали просыпаться. Лорд Таггеранг традиционно спал дольше всех. В Империи о его пристрастиях знали все и никто не осмеливался его будить. Рональд поднялся, протер глаза, потянулся, зевнул.

— Воды и чистое полотенце, — скомандовал он.

Один из слуг принес ему белое полотенце с вышитыми гербами Империи и кувшин воды. Рональд умылся, вода оказалась холодной, он сморщился и кинул гневный взгляд на слугу, который тут же опустил глаза. Ничего не сказав, он вспомнил, что сам приказал не разводить огонь и молча вытерся мягким, приятным на ощупь полотенцем. Завтрак ему подали на деревянном подносе, там были сушеные грибы с пряностями, хлебные лепешки и кувшин с водой, все это было ему привычно, во дворце он часто кушал утром грибы, заменяющие ему легкий завтрак после тяжелого вечера. Закусив и отхлебнув из кувшина, принц немного поморщился, он ожидал другого вкуса, однако вспомнив слова Кертиса, понял, что вина ему в походе не видать.

— Вытяните все припасы из повозки и разложите по походным сумкам, фургон с мулом и один человек останутся здесь наверху, остальные готовьтесь к спуску, — распорядился принц, оглядев стоявших в ожидании приказов людей. — Да, и еще одно, берите веревку в фургоне, вяжите друг друга последовательно, если кто-то сорвется вниз, другие его удержат и вытащат.

Свита принялась выполнять приказы лорда. Сначала опустошили повозку, вытянули все, что в ней имелось, и распихали по сумкам. Затем стали делать цепь из людей, обвязывая всех веревкой.

Сейлай, которого еще не включили в цепь, вырвал торчащие два кристалла, это оказалось не так и сложно.

— Зачем ты это сделал? — проворчал Адальстейн, стоявший в этот момент за спиной следопыта.

— А светить ты чем будешь? — резко ответил Сейлай.

Читатель рун хмыкнул, ничего не ответив на это.

Сейлай, как следопыт, вызвался идти впереди группы и спуск начался. Ступени оказались не такими безопасными, как на первый взгляд, любое неосторожное движение могло привести к страшным последствиям. Рональд приказал всем идти нога в ногу за следопытом, шаг в шаг, как единый сплоченный механизм. Никто не должен идти быстрее или отставать. Каждый звук расходился эхом в глубину. Похоже, чем ниже они спускались, тем выше поднималась температура, становилось жарче и душнее, структура пещеры становилась темно-серой и твердой. Спуск проходил хорошо, остановки делались на несколько минут для принятия воды. В один момент из самой глубины послышался то ли крик, то ли вой, то ли свист. Холодный пот пробежал у Рональда промеж лопаток, сердце быстро забило. Один из солдат с расширенными зрачками и трясущимися губами сделал шаг в сторону к обрыву и посмотрел вниз, этот маневр разбил цепь, люди ударялись друг о друга, наступали на ноги идущему впереди. Кто-то, не удержавшись, упал назад на ступени спиной и потянул остальных, все как один дернулись назад, а солдат, уставившийся вниз от резкого натяжения, свалился в пропасть. Своды сотряс душераздирающий отчаянный крик. Стоявший за ним также провалился в пустоту, остальные уперлись ногами в ступени, перехватили руками канат и, что есть силы, старались удержаться. Стоны, крики, искаженные лица свидетельствовали о тяжелой ситуации.

— Тяните сильнее! — закричал принц.

Руки скользили по веревке, ноги ехали вперед, солдаты, повисшие в воздухе, раскачивались и вопили, что еще больше затрудняло их поднятие.

— Тянем одновременно на счет «раз», — скомандовал Кертис. Он знал, что нужно тянуть одним движением, как единый человек, тогда все получится. Когда-то он ходил под парусом и командовал гребцами, там такой же механизм взаимодействия между людьми. Все весла толкали воду в один момент, если кто-то начнет раньше или позже, вся сила рассеивается и корабль идет медленней или вовсе теряет ход.

— Раз! Раз! Раз! Раз! — кричал Вольгард. Остальные тянули, уперевшись ногами, всем телом, глаза краснели, жилы на шее вздувались, однако это принесло свои результаты. Первого вытянули и тот рухнул, обессиленный, на твердую поверхность, распластавшись по ней и раскинув руки. Метод Кертиса полностью себя оправдал, скоро и второй таким же образом был спасен.

Рональд в ярости выпучил глаза, раздул ноздри и хотел было подбежать к солдату, ставшему виновником происшествия, чтоб наказать его, однако веревка, связывавшая его с остальными, не давала этого сделать.

— Двадцать плетей! — в припадке злобы шипел он. — Месяц будешь висеть на столбе! Голову с плеч!

Тот опустил мокрые глаза, похоже, он еще не отошел от происшедшего и слова принца доходили до него с трудом.

— Простите, милорд, — тихим, дрожащим голосом сумел выдать он из себя.

— Мы еще вернемся к этому разговору! — заключил Рональд и рывкнул, отворачиваясь от него. — Продолжаем идти.

И спуск продолжился. Люди шли со сжатыми губами, сморщенными лицами, растерянными глазами. Каждый думал о том, что произошло, однако они упускали основное — из-за чего это произошло, что заставило солдата посмотреть вниз, сделать шаг в сторону, сойти с намеченного пути? Или по крайней мере не хотели думать об услышанном звуке, или хуже того — о том, кто его издал.

Прошел день, может, больше, никто не мог сказать. Адальстейн Вольбранд умел высчитывать время, как он говорил, на пальцах, уверял, что прошло двенадцать часов после начала спуска. Сейлай, идущий впереди, сошел с последней ступени и ступил на ровную поверхность. Спуск был преодолен, если не считать одной неудачи, можно сказать, успешно.

Оценив новую местность, в которой они очутились, Сейлай заметил, что эта пещера не вся залита светом, как предыдущая. Она была намного шире и запах сырости здесь отсутствовал, воздух стал значительно теплее и суше, но далеко впереди дорожка из кристаллов сужалась, оставляя своды по обе от себя стороны не освещенными и сворачивала куда-то в сторону, словно изгибающаяся тропа в темном лесу, озаренная светлячками.

— Куда же они ведут? — выразил мысли вслух следопыт.

— Это нам и придется выяснить, — сказал лорд, подойдя к нему, — только не сейчас, сейчас мы отдохнем и хорошенько покушаем.

Эмилия и Фин что-то бурно обсуждали, похоже, предметом их спора оказался кристалл и его свойства. Эмилия утверждала, что его создали, а Фин напротив придерживался мысли о природном происхождении. Однако на версии, что их кто-то специально выстроил, дабы освещать путь, парень и девушка сошлись. Эмилия взяла несколько экземпляров по пути с тем, чтобы по возвращению обратно исследовать неизвестный камень. Фин также

придерживался этой позиции.

Адальстейн Вольбранд тем временем увлеченно вкушал вяленое мясо, тщательно пережевывая его своими гнилыми, черными зубами и издавая несмолкающие чавкающие звуки. Он сидел сам, никому не хотелось находиться рядом со стариком в такие моменты.

Один из солдат по приказу лорда выпустил горящую стрелу в направлении, где кристаллы не освещали пространство. Стрела прочертила огненный след и ударилась о стену. С другой стороны, то же самое. Если считать, что стрела за это время может пролететь приблизительно сто двадцать шагов, при хорошей тетиве и луке, то ширина грота составляла двести сорок шагов. Однако длину тропы, что уходила вперед, высчитать было не так легко,

а посему отряду после сна предстояло пойти и разведать своими ногами, куда их приведет извивистая дорога.

Отряд по-прежнему продвигался по твердой поверхности, температура воздуха продолжала расти. Воздух становился ощутимо более горячим и сухим. Кристаллы вели отряд то прямо, то уходили влево, то вправо. Адальстейн продолжал считать пройденное время, изредка озвучивая результаты. Он тяжело дышал и шаркал ногами, в его возрасте такие путешествия давались тяжело. Сейлай иногда его спрашивал, не остановиться ли на привал, отдохнуть и попить воды, на что старик колко отвечал: «Мне не нужна нянька» и кривил лицо, стараясь всем видом показать презрение к таким предложениям. Кертис и принц Рональд шли впереди и разговаривали о военном деле, по большей мере о рыцарских поединках. Лорд и сам брал несколько раз участие в турнирах, однако это не увенчивалось успехом. Все время, что ему давалось на подготовку, он проводил в трактирах. А вот Кертису Вольгарду было что рассказать, он дважды становился победителем рыцарских турниров. Да не просто каких-то турнирчиков, что проходили в захудалых королевствах, а в турнирах императора, что проводились один раз в год в столице Империи, на которые съезжались лучшие рыцари со всех королевств.

Эмилия и Фин шли молча, похоже, они обсудили уже все, что хотели и решили просто помолчать. В один момент тропа закончилась. Вернее, закончились кристаллы, озарявшие ее. Единственным источником света остался кристалл, который Сейлай прихватил с собой, впрочем, и его было достаточно, чтобы осветить путь. Вопрос заключался в том, куда идти дальше: прямо, направо или налево. Пока отряд стоял и размышлял, впереди, в далекой темноте, возник странный шум. Все замерли, наострив уши. Шум стал нарастать и приближаться. Люди в ужасе похватываясь за оружие.

— Защищать принца, — шепотом сказал Кертис и вытянул меч.

Солдаты взяли лорда в кольцо, оцетинившись копьями и подняв арбалеты. Остальные, сгруппировавшись, тоже заняли оборонительную позицию. Стремительно приближающийся к ним звук очень напоминал собой усиленный эхом скрежет металла по камню. Сейлай вытянул метательный нож, Мигро, как тень, последовал его примеру. Пальцы Фина задрожали, несмотря на духоту, его взял озноб и начало трясти. Эмилия ухватила его за руку, пытаясь успокоить, хотя у нее самой вспотели ладони. Чем громче становился звук, тем тише дышали путники, и в один момент могло показаться, что дышать они перестали и вовсе. Внезапно скрежет стих и наступила гробовая тишина. Далее шум возобновился, но теперь он напоминал звук приближающихся шагов сотен ног. Во тьме перед ними возникло множество светящихся синих огоньков. Тела воинов оцепенели, руки затряслись. Что это могло быть такое? Глаза животных? Насекомые больших размеров? Или, может, морок

какой-нибудь? Но не могло такого быть, чтобы всем вместе виделось одно и то же. Возможно, все дело было в воздухе? Что-то такое в нем, что навеивает видения? Мысли наполняли голову, ища объяснений. Огоньки и топот тем временем приближались все ближе и ближе. Эмилия достала из сумки крошечный кристалл, что припрятала для исследований, и, что есть силы, бросила его вперед. Он упал, ударившись о камень, тонкий звук падения резанул всех по ушам. Однако это принесло результат — кристалл осветил небольшую территорию вокруг себя. В его свете проступили силуэты, похожие на человеческие, их было много, в руках они держали подобие копий со светящимися наконечниками. Один из солдат поспешно вставил болт в арбалет и натянул тетиву. Кертис первым вышел из шокового состояния. Положив руку на его арбалет и опустив вниз, он покачал головой, мол, не нужно этого делать. Через некоторое время странные существа обступили отряд со всех сторон. Да, именно так — существа. Они напоминали людей очень отдаленно, все имели сторбленные будто бы старостью тела, а из спин торчали хребты, как плавники у рыб. Носы отсутствовали, вместо них — два отверстия; глаза были маленькими, прищуренными и полузакрытыми; полосы рта от уха до уха заменяли рты; уши, правда, были как у людей и волосы, редкие и жесткие, они висели, как сухая трава. Ладони рук с четырьмя пальцами и ног с таким же их количеством, не соответствуя пропорциям тела, они были огромными, в несколько человеческих ладоней, сложенных вместе. Из одежды на аборигенах имелись набедренные повязки. Из оружия — ранее упомянутые копьа из металла и уже встречавшегося кристального наконечника.

Существа стояли молча, наставив оружие на гостей. Так продолжалось несколько минут, по напряжению казалось, что прошло несколько часов. Прежде чем аборигены зашевелились, те, кто стоял в первых рядах, расступились, давая дорогу одному из своих. Существо вышло вперед, его руки сжимали нечто непохожее на копье, как у остальных, или это и вовсе было не оружие, а какая-нибудь трость старика.

Грубым, хриплым голосом существо о чем-то спросило. Однако из группы, кроме Эмилии и читателя рун, никто ничего не понял.

— Он спросил, как мы тут оказались, — осведомила всех Эмилия. Лорд Таггерант посмотрел на нее с легкой ноткой зависти.

— Вы понимаете, что оно говорит?

— Да, милорд, это древний ранулский диалект.

— Будешь переводить, — сказал принц, сделав шаг вперед навстречу существу. — Меня зовут Рональд Таггеранг, я наследник престола Алатарианской империи, назовите себя, — твердо и уверенно, подняв подбородок вверх, заявил он. Эмилия перевела.

Местный житель, не обращая внимания на лорда, повторил свой вопрос.

— Он еще раз спрашивает, как мы тут оказались, — сказала Эми.

— Скажи ему, что мы открыли Печать и если он не представится и не уберет своих людей, здесь будет имперская армия.

Эмилия перевела. Существо скривило и так безобразное подобие лица. Оскалив зубы, оно ударило об пол тростью и закричало что-то непонятное даже для Эмилии. Остальные, издав рычание, направили копьа на путников и стали сужать круг, подступая ближе. Солдаты напряглись, лорд вынул меч из ножен, Сейлай поудобнее перехватил нож для метания. Внезапно из темноты раздался звук, похожий на жужжание огромной мухи, сгусток света, приковавший к себе взгляды, пронесся мимо путников и ударил одного из существ в грудь, прожигая того насквозь. Обнаженные внутренности вывалились на пол. Остальные

местные жители в ужасе завопили, заметались по сторонам и стали убегать в темноту. На лицах путников возникло смтение, они не понимали, радоваться этому или за одной опасностью их поджидала теперь другая, еще большая. С той стороны, откуда прилетел огненный шар, раздался металлический скрежет, похожий на тот, что они слышали раньше, и возник яркий, слепящий глаза свет, стремительно приближающийся к имперцам.

Источник звука быстро достиг путников, однако из-за яркого свечения ничего рассмотреть было невозможно. В один момент свет погас и перед взором имперцев предстали животные, на вид обычные звери, вот только сделанные из ярко-блестящего, похожего на отполированное серебро металла. Во лбу металлических чудищ тускло мерцали кристаллы, те самые, что освещали путь, а на их спинах сидели люди в доспехах из такого же металла, что и звери. Они никак не походили на существ, встретившихся до них. Оружие в руках воинов напоминало обычные арбалеты, однако меньше их по размеру и с элементами кристаллов.

Всадников было пятеро. Один восседал на собаке, больше походившей размерами на лошадь, другой — на диковинной птице с коротким туловищем и длинной шеей, третий оседлал медведя, четвертый — вообще какого-то диковинного ящера. Все животные были точной копией их живых представителей. Из всех выделялся своей осанкой человек, сидящий верхом на металлическом быке. Из-под опущенного на его лицо забрала глухо прозвучали слова, сказанные на том же непонятном для всех языке.

— Идите за нами, вас ожидают, — по традиции тут же перевела Эмилия.

— Кто ожидает? — немного глотая слова, спросил лорд. Это все, что он мог спросить, несмотря на то, что вопросов в голове имелось уйма.

Как только Эмилия открыла рот, чтобы задать этот вопрос, вся кавалькада, скрежеща сталью, развернулась и направилась в обратную сторону, откуда и появилась, не сказав больше ни слова.

— За ними, — скомандовал лорд.

* * *

Принц и его свита прилагали массу усилий, дабы не отставать от новых знакомых или хотя бы не потерять их из виду. Ехавший впереди на быке провернул кристалл на его лбу и тот ярко засветился, освещая путь. Дорога оказалась очень долгой. Без привалов, без отдыха, они шли по расчетам Адальстейна восемь часов, пока кристалл во лбу быка не осветил глухую стену впереди. Однако движение не прекратилось, металлические создания шли прямо на нее. Перед самой стеной все встали. Человек слез с быка и подошел к ней, держа в руках кристалл плоской треугольной формы. Он вставил кристалл в отверстие в каменной преграде, и та стала подниматься вверх. Имперцы, видя такое впервые, остановились, поразевали рты и не сводили с нее глаз. Даже Адальстейн Вольбранд, читатель рун, повидавший за свою жизнь немало диковинок, ахал от удивления, а брови его настолько уползли вверх, что чуть не сравнились с волосами. Стена поднялась, достигнув верхушки пещеры, сверкнул яркий свет и взорам путешественников открылся тоннель, из которого подул поток теплого воздуха с нотками влаги и запахами природы. Что еще больше удивило людей, и без того поверженных в шок, — коридор отличался от тех, что им приходилось проходить раньше, он весь ярко освещался и казалось, что не кристаллы освещают его, а он сам состоит из кристаллов. Хозяин металлического быка снова забрался в седло и заехал внутрь, остальные последовали за ним. В воздухе повисло напряжение, от переживаний одежда на людях, пришедших из верхнего мира, стала мокрой и липкой, однако сейчас ими

овладевало самое сильное человеческое чувство — любопытство. Оно было способно заглушить любой первобытный инстинкт и даже страх.

Человек на быке подъехал к левой стороне стены, из нее торчал металлический штырь, больше похожий на рычаг. Он потянул его и перевел в нижнее положение. Откуда-то из туннеля послышался свист, а воздух с новой, еще большей силой ударил в лица. Люди принца сморщились, прикрывая уши и глаза. Ветер прорезал глазницы и приносил дискомфорт, терпеть было можно, но все же неприятно. Звук становился сильнее и нарастал с каждым мгновением. Лорд прикрыл глаза рукой, старался рассмотреть то, что надвигалось.

В один момент звук прекратил терзать уши, а ветер — глаза. И перед ними появилась прозрачная колба, стоящая на металлической основе, с множеством колес, способная своим видом повергнуть в шок любого человека. Однако после уже увиденного Рональд не так сильно удивился, как мог бы. Неизвестный механизм с легкостью мог вместить в себя около двадцати человек, сидящих верхом. Местные жители спокойно направились напрямик в колбу, не слезая с животных и дав знак, дабы гости последовали их примеру. Лорд Таггеранг кивнул, и солдаты двинулись вперед. Медленно, неуверенно, оглядываясь назад, солдаты шли, шевеля губами, то ли молясь, то ли ругаясь. Войдя внутрь, Эмилия, не выдержав, потрогала стенку колбы и заключила, что это не стекло, — тот материал, из которого она была изготовлена, ей был неизвестен. Хозяин металлического быка, окинув взглядом всех, находившихся внутри и убедившись, что зашли все, потянул единственный находившийся там рычаг на себя, и колба двинулась вперед. Быстро стало понятно, что она движется по металлической дороге, однако что заставляет ее двигаться, из имперцев никто не мог ответить. Внутри, к удивлению, было совсем тихо, звуки не пробивались сквозь толщу прозрачного материала, а свет, излучаемый кристаллами, из которых состоял коридор, не слепил глаза. Колба все ускорялась, однако и это не ощущалось, узнать, что скорость повышается, можно было, если только смотреть на мелькающие стены коридора, проносившиеся перед глазами. Всю поездку никто не произнес ни слова, все внимание было приковано к металлической дороге, по которой двигался механизм, к стенкам коридора,

к механическим животным и к людям, что не проявляли к имперцам никакого интереса.

В один момент скорость настолько увеличилась, что вокруг все слилось в одно синеватое, размытое пятно. Так длилось где-то часа два, пока они не замедлились, а далее и вовсе остановились перед каменной стеной, ровно отшлифованной, без шероховатостей и выпуклых камней. Посредине стены торчал рычаг, похожий на тот, что приводил в движение колбу. Одна из стен колбы поднялась вверх, а все, кто находился внутри, поспешили выйти. Хозяин быка подъехал к рычагу и перевел его в верхнее положение. Стена затрещала, поднимаясь вверх, эти несколько секунд ожидания казались вечностью. Эмилия сгрызла ноготь, пока стена достигла намеченной точки, а по мере ее открытия шум за стеной становился все громче. Однако то, что оказалось за ней, стоило любых ожиданий. Самые смелые фантазии не смогли бы вообразить такое.

* * *

Перед взором путников во всей красе предстало королевство, не похожее ни на одно из тех, что им приходилось когда-либо видеть. Королевство, поселение, целый подземный мир — как это назвать, в тот момент не понимал никто. Огромная подземная территория, застроенная всевозможными сооружениями, над которыми, подпираемый массивными колоннами, возвышался свод пещеры, сплошную покрытый острыми кристаллами, освещающими всю местность.

Свита Рональда ступила на неизвестную территорию. Сопровождающие их местные жители на металлических животных направились вперед по улице, что разделялась на две полосы. Одна была выложена каким-то красным камнем, а другую покрывал все тот же неизвестный металл. До первых построек им предстояло пройти где-то с полмили. Имперцы крутили головами, осматриваясь вокруг, то ухали, то ахали, глаза все видели, но разум отказывался воспринимать это как правду. Наконец показались первые здания. Небольшие домики, по всей видимости, жилища небогатых людей, были выстроены из камня,

с перекрытиями из тонкого металла. Окна были сделаны, похоже, из того же прозрачного материала, что и колба. Первые люди встретились через несколько минут после сооружений. Человек, встретившийся им на их пути, шел пешком и был облачен в странное одеяние — накидку черного смоляного цвета до самых щиколоток и обувь такого же цвета, похожую на сапоги с широким каблуком. На голове он имел цилиндрическую шляпу, тонкую и длинную, торчащую вверх. Человек прошел, не обратив никакого внимания на незнакомцев. Далее встретились еще люди в таких же одеяниях, одни ехали верхом на металлических зверях разных мастей. Другие передвигались в прозрачных колбах, похожих на ту, на которой они приехали сюда, однако намного меньшего размера. Чем дальше путешественники заходили вглубь, тем больше становилось движения и шума, а дома выглядели побольше и покрасивее. Большие, значимые сооружения были выстроены из массивного дерева с синеватым оттенком. Пройдя еще несколько улиц, имперцы вышли на широкую мостовую, посередине выложенную все тем же красным камнем, а по обе стороны от нее проходила металлическая дорога. Эта улочка отличалась от остальных, на ней не было ни одного сооружения из камня, все постройки делались из дерева, похоже, это были казармы и учебные заведения. Из одной казармы вышли солдаты в доспехах серебристого цвета и копьями с кристальными наконечниками. Еще возле одной постройки с большими массивными деревянными колонами и аркой в два человеческих роста, что служила входом, стояли юнцы лет по четырнадцать, в накидках ярко-белоснежного цвета, в руках они держали книги. Дети обратили внимание на идущих незнакомцев и, что есть силы, взялись размахивать руками, стараясь привлечь внимание. Эмилия улыбнулась и помахала им в ответ. Адальстейн скривился и отвернул лицо, что-то бормоча себе под нос. Остальные даже не взглянули на юнцов. Их взор был прикован к более привлекательному месту. Впереди улица упиралась, по всей видимости, в поместье местного лорда. Здание возвышалось над всеми остальными, имело две высокие башни и состояло из четырех этажей. На верхушках башен виднелись круглые камни, сияющие ярко-зеленым светом, похоже, это были все те же кристаллы, окрашенные в зеленый оттенок. Вокруг поместья все погружалось в приглушенный зеленый отблеск теплого свечения. Навстречу из замка вышли стражники в золотых кольчугах, шлем, сапоги, штаны — все было одного сверкающе-золотистого цвета.

Стражник подошел к человеку на быке, что-то спросил у него, на что тот указал в сторону путников. Солдат в золотистом одеянии приблизился к имперцам. Сначала молча осмотрел их, потом сказал предложение все на том же наречии, в котором отчетливо прозвучало слово «Эйгантаррин».

Не успела Эмилия открыть рот для перевода, как принц ее перебил:

— Дай-ка угадаю. Он сказал, что правитель нас ждет и назвал свое имя — Эйган Таррин?

Эмилия кивнула. Стражник направился в сторону замка, путники последовали за ним. Врата были сооружены из деревянных колод, соединенных с двух сторон досками и

украшены зелеными камнями. Рональд посмотрел на врата с презрением, они больше подходили для поместья небогатого купца или фермера, но никак не замка лорда. Однако, похоже, в этих местах дерево ценилось больше, нежели металл и камень. Солдат, что их вел, махнул рукой и два часовых, став по обе стороны врат, потянули одновременно рычаги и массивные бревна сами, без всяких видимых механизмов вроде веревок и противовесов, начали плавно открываться.

Внутренний двор не отличался ничем особенным, за исключением одной детали: в центре двора стоял фонтан, из которого причудливо сделанная рыбка с длинным мечеобразным ртом выплескивала вместо воды свечение разных оттенков: зеленого, синего, желтого и красного. Лучи света чередовались между собой, устремляясь вверх и теряясь в пространстве. Навстречу имперцам вышел низкий, длинноротый, в серовой мантии старичок и жестом пригласил проследовать за ним. Дверь, в которую вошел старик, украшал вырезанный на ней рисунок оленя на задних лапах. Сейлай обратил внимание, что он уже видел этот рисунок на некоторых зданиях и одеждах прохожих, похоже, это был герб королевства.

Далее путь проходил по коридору, стены которого были разрисованы изображениями природы: озер, лесов, животных, неба, солнца, звезд и луны. Звук от шагов громко разлетался эхом вокруг. Резкий запах дерева в замке отличался от того, к которому привык принц.

В конце коридора старик остановился перед дверью золотистого цвета, развернулся лицом к имперцам и громко, с отчетливой выразительностью, произнес:

— Его величество повелитель мира Ирдис Эйган Таррин, — и отворил дверь.

— Вы знаете наш язык? — удивился лорд Таггеранг.

— Мы все владеем древним языком, — ответил тот и кивнул в сторону открытой двери, мол, хватит болтать, тебя король ждет.

По всей видимости, это был тронный зал. В конце комнаты стоял трон, сделанный из дерева, а на нем, в окружении охраны, восседал человек с короной на голове. Похоже, корона была сделана из светящихся кристаллов, сияние от нее распространялось на весь зал.

— Подойдите ближе, — проговорил он спокойным и глубоким голосом на понятном гостям языке.

Лорд Таггеранг выступил вперед и направился к трону, остальные потянулись за ним. На вид правителю было около сорока лет, он имел темные смоляные волосы, черные глаза и смуглую кожу. Его одеяние состояло из мантии, наполовину розовой, наполовину золотистой. В руках он держал посох, сделанный с кристаллов. Пока Эмилия шла к трону, ее осенило, со всеми недавними событиями голова плохо соображала, однако сейчас она вспомнила фамилию «Таррин», такая же фамилия была у правителя королевства Лузвинд. Неужели это его потомок?

— Представьте! — зычно сказал правитель.

— Меня зовут Рональд Таггеранг. Я наследник престола Алатарианской империи, а люди за мной — моя свита, — после слов принца все стоявшие сзади учтиво поклонились.

Правитель несколько минут молчал, окидывая взглядом незваных гостей и о чем-то размышляя.

Неожиданно он встал на ноги и ударил посохом в пол, звук удара гулко разлетелся по залу.

— Зачем вы сломали Печать? — сверкнул глазами Эйган Таррин и ноздри его

раздулись.

От неожиданности Рональд дернулся, сделав шаг назад, сердце забилось быстрее. Он не знал, что ответить, мысли не лезли в голову.

— Мы не надеялись найти живых людей, — не смог придумать он ничего лучше.

— Вы не понимаете, что натворили! — король Таррин снова опустился на трон. Он посидел так какое-то время молча с задумчивым видом.

Путники оторопели, никто не понимал, как себя вести, и они лишь пересматривались вопросительными взглядами. Наконец повелитель снова встал с трона, окинул их мрачным взглядом и сказал всего лишь три слова:

— Идите за мной.

Он спустился по тем нескольким ступеням, что вели к трону, и в сопровождении стражи направился в правый край тронной залы, там, за массивной деревянной колонной, одиноко скрывалась маленькая незаметная дверь. Подойдя к ней, он вытащил ключ, висевший на шее, и вставил его в замочную скважину. Дверь противно скрипнула и открылась. Небольшая комната была больше похожа на коморку, в ней почему-то пахло библиотекой. В конце комнатки стоял малозаметный небольшой деревянный столик с одним стулом и книжная полка где-то с парюю десятков книг. Король подошел к ней и внимательно осмотрел, вытянув сначала одну книгу, потом другую, потом третью. На третьей книге он остановился и, перелистнув несколько страниц, кивнул сам себе. После чего повернулся к гостям и бросил ее на стол:

— Читайте вслух!

Эмилия подошла и взяла книгу в руки, та оказалась на удивление легкой. На титульном листе аккуратным красивым почерком была выведена надпись на ранулском диалекте:

«Дневник семьдесят три. Хроники Ирдиса»

Девушка перелистнула страницу и начала читать, сразу переводя на понятный своим спутникам язык:

«Последние лучи солнца скрылись, оставляя за собой лишь тусклый закатный отблеск уходящего дня, и все поглотила кромешная тьма непроглядной ночи. Вход и выход в пещеру Визер были запечатаны.

Я оглянулся назад, где узкий проход заполнили напуганные люди, дети плакали и припадали к груди родителей, женщины также не сдерживали слез, мужчины обнимали их и успокаивали, говорили ободряющие слова, однако, по всей видимости, сами в них не верили.

Мое сердце сжималось и обливалось кровью, однако я, король Эйдис Таррин, должен быть сильным. Мои люди должны увидеть на моем лице уверенность в правильности действий. Моя жена, леди Эймира, крепко сжимала мою руку, на ее лице читалась тревога, которую она тщательно старалась скрыть. Всем своим видом она хотела показать, что верит в меня и поддержит любое решение. Искорка надежды — это все, что осталось, а я как правитель должен раздуть ее, не давая погаснуть. Коридор пещеры на диво оказался вместительным, все люди Лузвинда, а также повозки с припасами и животные сумели разместиться здесь, правда, так кучно и плотно, что порой трудно было развернуться, дабы кого-то не толкнуть. Гул от людских криков, стонов, сморканья, плача, разговоров, да и животные не стояли молча, ревя, мыча и гавкая, что в совокупности давало оглушающий эффект, отражающийся от стен пещеры и уходящий эхом далеко вглубь. А еще и этот зловонный, кислый и сырой запах от мха, которым оброс коридор, из-за которого слезились глаза или, по крайней мере, хотелось думать, что из-за него, дабы не принимать истинную

правду, от чего шли слезы. «Возьми себя в руки и отдай нужные приказы», — приказал я сам себе.

— Алистер Ортс, соберите солдат, пусть пройдутся по рядам людей и успокоят их, пусть скажут им от моего имени, дабы они разбивали лагерь здесь, у кого есть палатки, пусть ставят, кто будет спать в повозках, кто на полу, пусть разбираются сами и готовятся к длительному пребыванию.

Алистер отдал поклон и удалился выполнять приказ. Через несколько часов Ортс снова показался мне на глаза. Как раз вовремя, он-то мне и нужен.

— Через полчаса у королевской палатки состоится малый совет, вы тоже приглашены.

Глава охраны удивленно поднял бровь. Наверное, оттого, что я его никогда ранее не приглашал на совет. Однако удивление быстро изменилось гордостью, и он поднял подбородок вверх:

— Спасибо за доверие, повелитель, — и низко поклонился.

В малый совет, кроме меня, входили мои сыновья — старший сын Адриан, средний Генри и младший Эвар, а также дядя Тарлон — это те, кто относились к королевской семье. Кроме них, были управляющий королевской казной, капитан городской стражи и Алистер Ортс — глава личной охраны короля.

Когда все собрались в палатке, я пригласил их присесть за импровизированный длинный стол, сложенный из подручных средств, взятых с повозок. На рассмотрение малого совета выдвигался один вопрос: «как выжить?». Каждому из совета давалось слово, кроме моего младшего сына, он присутствовал на совете в качестве зрителя и слушателя.

Первым изъявил желание высказаться управляющий королевской казной, приземистый человек, похожий на сундук, низкий и широкий, я не возражал. Этот человек умел говорить красноречиво, интересно было наблюдать, как его тройной подбородок подрагивает, когда он начинал говорить быстро. Однако в его длинной речи я сумел выделить несколько разумных мыслей: пересчитать все запасы того, что имеется, провизии для людей, провизии для животных, масла в фонари, сруба для огня, инструментов, оружия, голов скота, животных.

И распределить поровну между людьми. В таких условиях это хорошая идея. Капитан городской стражи много не говорил, а лишь то, что самое главное, а именно, что нужно удержать порядок и не дать поддаваться панике.

Дядя Тарлон вскочил на ноги, поставил руки на стол, высокомерно окинул всех взглядом, который не обошел даже меня. От такого взгляда мурашки пробежали по телу.

— Неужели мы это обсуждаем? Как только небесные тела упадут и пыль осядет, нужно выбираться отсюда, раздолбить Печать, протаранить ее, сжечь и все, что понадобится для ее уничтожения! — на повышенном тоне вскричал дядя. Остальные посмотрели на него, потом на меня. Я помолчал, обдумывая ответ, и поднялся с места:

— Господа, нам нужно вести людей дальше, наши предки держались в этих стенах годами, необходимо найти то место, где они жили. Завтра я соберу отряд для экспедиции,

я хотел бы видеть в его рядах вас, Алистер Ортс и вас, дядя Тарлон и вас, мой старший сын Адриан. А вы, капитан стражи, возьмите своих солдат и организуйте посты с часовыми, смотрите, дабы никаких мятежей и паники не возникало у людей, установите порядок. Капитан немного искривил лицо, по его выражению я понял, что он тоже не прочь пойти в экспедицию, нежели нянчиться с людьми и спросил у него: — Что вас беспокоит, капитан?

Тот поднялся:

— Люди и так напуганы и растеряны, а если их король уйдет, станет еще хуже, их дух упадет, — он тяжело вздохнул.

— Я понимаю ваше беспокойство, однако тот факт, что их правитель сам отправился на поиски лучшего места для народа, должно поднять дух и укрепить веру, к тому же королева Эймира останется с ними.

Следующие вопросы, что выдвигались на совете, не имели большего значения.

На второй день, хорошо отдохнув, выспавшись и покушав, мы выдвинулись в путь. Люди, вчера столпившиеся в одну большую непроходимую толпу, сегодня растянулись на более внушительные расстояния где-то на две мили вперед. Похоже, насущные проблемы победили панику и народ принялся обустраивать импровизированные жилища, готовить кушать, кормить животных и скот.

Кроме меня, сыновей, дяди и Алистера, в отряде были десять солдат, один лекарь и трое слуг. Все ехали на лошадях, кроме слуг и лекаря, для них взяли повозку, набитую провизией, фонарями, факелами, срубом для разжигания огня, едой для лошадей.

Продвигаясь среди своего народа, мне тяжело было смотреть, как они приветствуют меня, кланяются, стараются выдавить улыбку и не могут. А некоторые и вовсе не скрывали гнев и обиду, говорили такие слова, за которые в другие времена их бы повесили, однако сейчас я их понимал и пропускал мимо ушей, списывая на трудности, что они переживают. Отойдя подальше от лагеря, настолько, что стало не слышно шума, исходящего от него,

я остановился и попросил сына Генри дать запись, где упоминалось о том, как предки прятались в горе. Раскрыв древнюю, пожелтевшую с темными пятнами кожу, я прочел в голос единственную запись о пути в пещерах, дабы все услышали: «От входа в пещеру мы двигались приблизительно три дня до ущелья, потом спустились вниз, двое из нас упали и разбились о камни, спустившись, мы нашли то место, о котором говорили старейшины».

На этом запись заканчивалась. После прочтения лучик надежды пробежал на лицах, освещаемых фонарями, и мы двинулись дальше. Привалы делали нечасто, отдыхали мало.

Я понимал своих людей и то, как им сейчас тяжело, и не мог ничем помочь. Но мысль о том, что я делаю все, что от меня зависит, грела душу. Через два дня, как и было написано, мы подошли к ущелью. С лошадьми и повозкой спуск был невозможен, поэтому решили взять самое необходимое, оставив все наверху с двумя слугами на охране, пусть ждут нас на обратном пути. Еще хочу отметить, что чем дальше мы заходили, тем теплее становилось. Резущий запах от сырости и мха пропал вовсе, и дышать стало проще и приятней. Спуск оказался не так и сложен, широкие ступени, уходившие спиралью вниз, прекрасно служили своему предназначению, если учесть то, что ими лет двести никто не пользовался. Прошло примерно полдня, когда спуск окончился. Отряд вздохнул с облегчением, один лишь дядя Талон ругался. Мы попали в просторную пещеру, намного большую, чем верхний коридор. По остаткам разбитой глиняной посуды и еще много чему двухсотлетней давности можно было определить, что мы правильно пришли. И записи действительно не врут, люди здесь были. Я приказал сделать привал, покушать и отдохнуть. А позже исследовать эту местность, дабы понять, насколько она велика. Отдыхали долго, кушали и пили много, спуск изрядно забрал сил. Однако отдохнув, я приказал каждому взять фонари, факелы, немного еды и разбиться по четыре человека, каждая группа пойдет в своем направлении, будет считать пройденные шаги, когда пещера закончится, возвращаемся назад. Один слуга и лекарь остались возле ступеней. Разбившись на группы, мы отправились исследовать пещеру.

В отряде со мной были два сына и дядя. Мы прошли двенадцать тысяч шагов в сторону,

противоположную ступеням, и так и не подошли к концу, я решил повернуть назад. Когда мы вернулись, другие группы уже были в лагере. Отряд, который пошел влево от ступеней, проделал три тысячи шагов и уперся в стену. Отряд, отправившийся вправо, прошел четыре тысячи пятисот шагов. Отряд, идущий назад от ступеней, сделал всего шестьсот шагов. Значит, лишь наш отряд вернулся ни с чем, и после отдыха нужно будет отправиться туда снова, в том же направлении, и все-таки довести дело до конца.

В следующий раз от отметки двенадцать тысяч шагов, на которой мы остановились, мы прошли еще пять тысяч шагов и я заметил впереди легкое свечение. Сначала все подумали, что это от усталости просто мерещится. Но чем ближе мы подходили, тем ярче оно становилось. Пройдя еще тысячу шагов, сомнений не оставалось — это свет. Пройдя еще тысячу шагов, мы вышли к его источнику, им оказался небольшой округлый проход в коридор, из глубины которого и исходил свет.

— Это другой выход из пещеры, — сделал заключение дядя.

Я тоже так подумал и не стал с ним спорить. Тогда я приказал обследовать коридор и увидеть, куда он ведет. Размер его был небольшой по сравнению с остальными помещениями, в высоту где-то два человеческих роста и в ширину могло идти три человека свободно. Путь по нему занял около половины дня. Свет в конце коридора светил все ярче. Пройдя половину пути, мы ощутили легкий ветерок и запах зеленой травы, что еще больше внушало надежду на то, что это другой выход из горы Визер. Когда коридор закончился, яркий свет светил во всю свою силу и слепил глаза, после долгого блуждания во мраке под тусклое свечение фонарей и факелов отвыкшие от яркого света глаза слезились и чесались. Через некоторое время, когда зрение вернулось, всем на первый взгляд показалось, что мы вышли на поверхность, однако посмотрев вверх, я увидел вместо неба все те же каменные пещерные глыбы, из которых торчали кристаллы, излучающие свет по всей местности. Их размеры колебались от маленьких, что могут поместиться в руку, до огромных в человеческий рост. Это не походило ни на одну пещеру, в это сложно было поверить, однако перед нами раскинулся целый новый мир. Ступая по поверхности новой местности,

я заметил, что это вовсе не земля, и правда, где ей здесь взяться. Тогда я наклонился и взял образец почвы, и растер ее пальцами, на ощупь она оказалась мягкой и сыпучей, в меру влажной, так что без труда растерлась под пальцами, образуя клейкую, податливую кашу. Впереди, шагов на сто, стояли огромные камни выше и больше векового дуба, они заслоняли собой обзор и не давали увидеть, что за ними скрыто. Мы двинулись вперед и за считанные минуты подошли к гигантам. Отыскав щели, мы сумели протиснуться и пройти преграду, отделявшую нас от того, что было скрыто от наших взглядов. А за гигантскими камнями взору предстало то, что никто из нас и вообразить не мог. Природа. Деревья. Растения. От изумления все мы застыли на месте, не веря своим глазам. Когда я пришел в себя, путь продолжился, и мы подошли к растениям ближе. Высоченные деревья напоминали собой что-то до боли знакомое, я подошел к одному из них и, принявшись, оторвал влажную кору и лизнул кончиком языка. «Это же грибы!» — не поверил я своим вкусовым рецепторам и попросил Алистера Ортса отведать коры деревца. Он взял, оторвал кусочек побольше моего и тщательно прожевал.

— Да, мой повелитель — это грибы, — заключил он. Я поднял голову вверх — и правда верхушки деревьев были похожи на грибные шляпки.

— Да-а-а, грибной лес, такого дива я еще не видал, — оторопело пробормотал Алистер. Грибной лес выглядел завораживающе и таинственно одновременно. Запах грибов ласкал

обонятельные рецепторы, наполнял рот слюной, заставлял животы урчать. Первым не выдержал дядя Тарлон.

— Давайте сделаем привал и сварим грибной суп, — громко крикнул он и с легкостью вздохнул, словно освободился от тяжелого бремени. Да, дядя истинный ценитель грибов, в Лузвинде он считался первым грибником, в леса на поиски грибов он мог уходить на десятки дней.

Грибы оказались достаточно вкусны и все с превеликим удовольствием уплетали похлебку за обе щеки. Но дегустация закончилась и путь возобновился. Грибной лес оказался небольшим, приблизительно через две мили грибы исчезли, а их заменили привычные лузвиндцам деревья, серая кора, зеленые листья, правда в несколько раз выше и больше по размерам. Но чем дальше отряд продвигался, тем реже становились деревья и гуще кустарники. Скоро деревья и вовсе исчезли, а мы пробивались уже через сплошную стену из плотно растущих кустов, на них имелись иглы размером с наконечник стрелы, что изрядно оцарапывали лицо, руки, одежду. Но скоро и они исчезли, а их заменили невысокие кустики с причудливыми ягодами желтого, синего и красного цветов. Никто не рискнул попробовать, однако смотрелись они очень привлекательно и аппетитно. Выйдя на одну из полян, усеянных кустами с желтой ягодой, Алистер увидел что-то и шепотом подозвал всех. Из-за куста на людей смотрело нечто, до сих пор не виданное лузвиндцам. Маленькое животное, похожее на крысу, стояло на задних массивных лапках, а в передних, помельче, держало желтую ягоду и жадно жевало. Его шерсть больше напоминала пух, нежели полноценный меховой покров. Однако хвост, напротив, имел роскошную серую длинную шерстку, ничем не хуже беличьего хвоста, только поменьше. Оно смотрело, перекидывало взгляды с одного человека на другого, однако не убегало, не издавало никаких звуков, а спокойно ело пищу. Докушав ягоду, малыш неожиданно наострил ушки, а нос его жадно поднялся вверх, вдыхая воздух, стало понятно, что он сосредоточился, приняхиваясь. Он явно испугался, но кого? Животное прыгнуло на четыре лапы и побежало прочь. Однако я успел заметить, в какую сторону.

— Идем за ним! — приказал я, первым бросившись в преследование. Ветки кустов путались в ногах, били по лицу, всячески мешая продвижению. Зверь давно потерялся из виду, однако направление, в котором тот шел, хорошо просматривалось. Не один час мы шли по следам маленького крыса и с каждым часом кусты все редели и редели. Пока и вовсе не исчезли. Под ногами ощущалась что-то мягкое, похожее на траву или разновидность мха с высоким ворсом. Когда леса и кустарники исчезли, моему взору предстала миловидная картина, огромнейшая пустошь без единого деревца, куста или гриба, покрытая зеленым ковром. А посередине этого чуда расположилось озеро, вокруг которого собрались на водопой животные, разных мастей и размеров, большие и маленькие, рогатые и пернатые, пушистые и бесшерстные. Тогда я впервые увидел жизнь внутри безжизненного каменного мешка. Сердце забилось быстрее, в душе потеплело, то чувство, что я тогда ощутил, называлось надежда. Я нашел новый дом.

* * *

Прочитав, Эмилия перевела взгляд на правителя. Он стоял с угрюмым лицом, не произнося ни слова. Наверное, ожидал их реакции от прочитанного. Она не заставила себя долго ждать. Лица присутствующих говорили сами за себя: открытые рты, брови, вздернутые вверх, отвисшие челюсти, не произнесенные вопросы, слышимые без слов.

— Так вы потомки Эйдиса Таррина, о котором ведется речь в книге? — спросил принц

Рональд.

— В дневнике, — поправил его король подземелья.

— Почему же вы за столько лет не вышли наверх? — у Рональда много вопросов крутилось на языке, однако почему-то этот он выпалил первым.

Правитель Ирдиса не дал прямого ответа на его вопрос, вместо этого он достал еще один дневник и бросил перед девушкой.

— Читай, — сухо произнес он.

«Дневник восемьдесят четыре. Хроники Ирдис»

Прошло три месяца после того, как люди Лузвинда обосновались на новых землях в недрах земли. Все приспособлялись, как могли, строили жилища из дерева и камня. Приручали местных животных. Проведя множество обследований нового места обитания,

я нашел руду неизвестного металла, его особенность состояла в том, что плавился он при низкой температуре, а прочность во много раз превышала железо. И еще одно свойство металла было открыто мною случайно: если он соприкасался с кристаллом, те вступали в реакцию, высвобождающую энергию, пока что нам непонятную. Дядя Тарлон все время твердил, что не нужно питать иллюзий и тут задерживаться надолго, и многие были с ним согласны. Первый раз он попытался открыть Печать через семь месяцев, однако у него ничего не получилось, одна из колб в Печати разбилась и из тридцати человек остались в живых лишь трое, среди них и дядя Тарлон. На этом он не остановился. Дядя и его единомышленники круглосуточно обыскивали подземные ходы, туннели, дабы найти выход наверх. Однако все поиски оказались тщетны. Один из туннелей привел дядю Тарлона и его людей в еще одно огромное подземелье, не уступающее этому площадью. Однако кристаллы там были черного цвета и свет они излучали тусклый и темный, посему та пещера всегда находилась в полумраке. Прошел год, а Тарлон все никак не успокаивался, обыскивая и исследуя все уголки подземного мира. Убедившись окончательно, что другого выхода нет, он решил еще раз пойти попробовать открыть Печать, и на этот раз взять больше людей. Я был с ним не согласен и запретил ему подвергать опасности жизни моих подданных. После чего он собрал единомышленников, тех, кто верил ему, а таких оказалось больше половины,

и увел их с собой в темную пещеру. Там они и остались, а я поклялся, что ни один житель Лузвинда больше не подойдет к Печати».

— Достаточно, — оборвал ее король Ирдиса. Эмилия прекратила читать и вопросительно подняла взгляд.

— Теперь, когда Печать открыта, жители темной пещеры, вы с ними уже встречались, выполняют свое, как они говорят, предназначение и выйдут наверх. Однако не только они, уйдут, а и многие из моего королевства. Здесь хватает предателей и последователей Тарлона.

— А что плохого в том, что люди наконец-то увидят солнечный свет? — недоуменно спросил Рональд.

Эйган бросил на него гневный взгляд.

— Они не просто хотят увидеть солнечный свет. Последователи Тарлона обвиняют верхний мир в своем заключении и если они когда-нибудь выйдут, то по завету Тарлона Таррина должны будут разрушать все на своем пути. А против наших технологий ни одна армия верхнего мира со своими мечами и луками не устоит. Начнется война и многие погибнут.

— А жители темной пещеры — это те сторбленные существа, что напали на нас? — спросила Эми.

— Они не существа. Это потомки тех людей, что ушли с Тарлоном, однако темная пещера изменила их, постоянный мрак и недостаток пищи сделал из них то, кем они сейчас являются, — с ноткой печали ответил правитель Ирдиса.

— А что за странные металлические движущиеся животные расхаживают по королевству, как это возможно? — спросил Рональд.

— Металл, из которого сделано практически все, что вы видели, соединенный с кристаллами, выделяет энергию, которая приводит в действие механизм. Это все, что вам нужно знать, — отрезал правитель, без всякого желания рассказывать подробности.

За дверью библиотеки раздался тонкий пронизывающий звук, похожий на крик птицы.

— Что это? — прислушавшись, спросил Рональд.

— Это сигнал об окончании дня, температура и освещение тут не меняется никогда, посему есть люди, что высчитывают время и подают сигнал окончания дня и его начала, сегодня вы мои гости, вам выделяют покои. А завтра вы или уберетесь, или будете сидеть в темнице, — спокойно проговорил король Эйган, мрачно посмотрев на имперцев.

* * *

Выделенные покои ничем не отличались от номеров в трактире: маленькая кровать, столик и несколько стульев. На деревянном полу лежало что-то наподобие ковра, сделанного, по всей видимости, из мха. Ступать по нему было мягко и приятно. Принцу Рональду выделили покои побогаче, с роскошной большой кроватью, небольшой полкой с книгами и столом. Один из слуг вошел в покои к наследнику Империи:

— Желаете чего-то покушать или выпить?

После слова «выпить» Рональд заглотнул слюну:

— Кушать и пить я не желаю.

— Когда решите ложиться спать, переведите окно в режим сна.

— Что-что? — нахмурившись, переспросил Рональд.

— Если вы захотите спать, потяните этот рычаг, — слуга указал на небольшой рычаг возле окна.

— Что сделать?! — сдвинул брови принц. Ему стало неловко, что слуга знает больше него.

Слуга молча подошел и потянул рычаг вверх — на окно опустилась черная, непрозрачная ткань и в комнате стало темно. Потом потянул вниз — и ткань спряталась,

а комната наполнилась светом. Рональд старался не выказать удивление перед каким-то слугою, однако блеск в глазах его выдавал. Когда слуга ушел, он еще несколько раз сам опробовал сменить день на ночь и улегся спать. Кровать оказалась отменной, мягкой и широкой, как он любил, и сон не заставил себя ждать.

Громкий звук резанул по ушам. Рональд вскочил, в комнате темнота, да такая, что пальцев руки не видно перед собой. Вместе с неприятным уху звуком вошел слуга, перевел рычаг в положение вверх и впустил свет.

— Кто тебе разрешил заходить? — возмутился принц, его ноздри расширились, а губы сжались.

— Вас ждет повелитель Эйган Таррин в трапезной, — спокойно сказал слуга, не обращая на гневные выпады молодого принца. — И еще одно: я вам не служу, — выходя за дверь, добавил он и удалился.

«Кто придумал вставать так рано?» — подумал принц и плюхнулся на кровать. Однако он понимал, что смыкать глаза не нужно, ибо сон сразу его победит.

Полежав немного, он встал с кровати, прошелся босыми ногами по мягкому ворсу зеленоватого ковра и принялся одеваться. Одеваться самому — сложное дело, особенно когда привык, что это делают слуги за тебя. Когда наследник спустился в трапезную в сопровождении того же невежливого слуги, за столом сидели все, кроме него.

— Вижу, вы любите поспать, — без всякого приветствия и пожелания здоровья констатировал король Эйган.

— Водится за мной такой грех, — с ухмылкой ответил лорд. Ему явно не понравилось замечание местного правителя. «Кем он себя возомнил? Я — наследник великой Империи, в десятки раз большей его ямы», — подумал он.

Эйган Таррин сидел в самом конце длинного и узкого деревянного стола. Место для Рональда приготовили с другого конца напротив него. Стол был беден: грибная похлебка, жареные грибы, запеченное животное, похожее на крысу, горстка желтых ягод и лепешки наподобие хлебных, вот и все. Однако даже от этих яств рот наполнялся слюной, а желудок урчал, требуя пищи, хотя принц Рональд и привык, что королевский стол ломится от разнообразия еды.

— Это последний завтрак в мире Ирдис, после него вы уйдете, — твердо сказал правитель Таррин. Никто, разумеется, ему не возразил, однако уйти без ничего, уйти, не исследовав территории, уйти, не раскрыв секреты технологий, вернуться в Империю ни с чем — такая перспектива развития событий не радовала никого.

Далее кушали молча, никто не проронил ни слова. Имперцам больше всего приглянулись жареные грибы, это блюдо первым исчезло со стола, далее пошли в ход желтые кисловатые ягоды. К запеченной крысе не притронулся никто, кроме короля Эйгана. На его лице читалось удивление — как так, что они уплетали ягоды и грибы за обе щеки, а к мясу даже не притронулись.

Не успел завтрак закончиться, как в трапезную без стука ворвался солдат в золотистом плаще. Он согнулся и, тяжело дыша, хватал ртом воздух, пытаясь выговорить слова.

— Как это понимать?! — встав на ноги и уперевшись руками, сжатыми в кулаки, о стол, громко спросил король Ирдиса.

— Мой повелитель, началось... Они... они идут, а остальные предатели тоже идут, они идут, предатели, — солдат не мог связать и двух слов, то ли от волнения, то ли от усталости.

— Да ты можешь сказать, что случилось? — заревел Эйган, ударив кулаками о стол так, что ближайшая посуда с едой перевернулась и похлебка разлилась по столу.

— Наши разведчики доложили, что жители темной пещеры собрали всех людей, оружие, в том числе и кристальное, и собираются выходить наверх, по завету Тарлона Таррина уничтожить все, что будет стоять у них на пути.

— Быстро приведи мне капитанов!

— Простите, повелитель, многие из ваших капитанов, солдат и подданных перешли на сторону к темным.

— Насколько много?

— Все, осталась горстка мирных жителей, верных вам и несколько сотен солдат, — опустив глаза, ответил солдат. — И еще. Вам нужно срочно уходить из замка, сюда направляется отряд, дабы вас взять под стражу, — на этих словах солдат вздрогнул и захрипел, из его груди вылез наконечник копья, а ковер под его ногами окрасился в красный от крови цвет.

Тело бедолаги свалилось вперед, а за его спиной стоял один из предателей, он вошел в

трапезную еще с десятком других и с существами из темной пещеры.

Предателем оказался капитан городской стражи, тот самый, что встречал путников у входа в замок.

— Принца верхнего мира схватить, остальных убить, а этого, — он указал на короля Эйгана, — закуйте в цепи и ведите по улицам, пусть все видят и не надеются на помощь.

— Как ты разговариваешь со своим правителем?! — взревел Эйган, гневно уставившись на капитана.

— Ты-то правитель? — тот ухмыльнулся. — Сейчас ты никто, пленник в моих руках.

Глаза Эйгана Таррина расширились, рот приоткрылся, на лице читалось сразу несколько эмоций: страх, отчаянье и злость. Он слышал, видел, однако не мог поверить, что это происходит на самом деле. Один из его самых верных подданных его предал. Скоро трапезная заполнилась жуткими людьми из темной пещеры и предателями со светлой. Они окружили стол, не давая никому встать. К каждому из имперцев, кроме Рональда, сзади подошли солдаты с копьями, уставив их острия в затылки. Теперь лишь приказ капитана отделял жителей верхнего мира от смерти. Но тот, похоже, не спешил его отдавать.

А зачем? За ним численное преимущество, он только ухмылялся и смотрел на реакцию правителя. Было заметно, что это его забавляло, — наблюдать, как Эйган выражает эмоции.

В этот момент за дверь поднялся шум, сквозь него проступил приближающийся гулкий размеренный топот о деревянный пол, и в дверном проеме показалась металлическая голова быка. Человек, сидевший на нем верхом, держал перед собой кристальный арбалет. Он выстрелил и синеватый шар, пролетев через всю трапезную, ударил капитана-изменника в голову. Голова треснула, как гнилой овощ, а останки разлетелись по сторонам. Захватчики, забыв о пленниках, засуетились, забегали, ища где спрятаться, чем прикрыться. За всадником на быке появилось еще четверо. Вся сверкающая сталью пятерка наставила свои арбалеты на предателей. Рональд узнал в них тех самых людей, что спасли их от пещерных нелюдей и сопроводили к королю.

— Бросьте оружие, — глухо приказал из-под опущенного забрала человек на быке.

Некоторые бросили сразу, а некоторые подняли руки вверх, однако оружие не отбросили.

— Бросить оружие, — хладнокровно повторил стальной всадник и привел оружие в действие, ступок энергии ударил в стул, стоявший недалеко от скопления противника. Щепки с грохотом разлетелись в стороны. После этого уже никто не сопротивлялся, все, бросив оружие, подняли руки вверх.

— Встать возле стены в конце трапезной.

Все нападающие послушно выстроились в шеренгу, прижавшись лицом к стене и держа руки над головой.

— Мой король, выходите.

Эйган и его гости за столом, недолго думая, поднялись и побежали к выходу, обходя металлических спасителей и становясь за их спинами. Дождавшись, пока все покинут трапезную, человек на быке и его друзья, не разворачиваясь и не сводя взглядов и оружия с изменников, последовали их примеру и, оказавшись за дверью, заперли ее на засов.

Когда все отъехали подальше, всадник на собаке отстал и, развернувшись, выстрелил в колонны, удерживающие потолок, те разлетелись и деревянные балки упали, привалив собою дверь. — Это их задержит, — сказал он, присоединившись к остальным.

— Если эти чудовища и правда хотят уничтожить Империю, нужно предупредить

отца, — сказал Рональд Таррину.

— Сначала нужно выбраться отсюда, — многозначительно взглянул на него тот.

Все вышли из замка на центральную широкую улицу. Странно, однако людей на ней не было. Никого, ни единого человека.

— Их увели в темную пещеру, — пояснил всадник на быке, увидев смятение на лице правителя, — кто добровольно пошел, кого-то силой увели.

— Нам нужно добраться до королевской оружейной, там есть кристалльное оружие и металлические животные для каждого, — король Эйган окинул взглядом всех стоявших вокруг него.

— С их помощью мы сможем добраться до ступеней, а там все равно придется их бросить, — с сомнением покачал головой принц Рональд.

— Не придется, они справятся с подъемом по ступеням, — с уверенностью сказал Эйган.

Путь проходил по безлюдным улицам, странно было видеть еще несколько дней назад их живыми, бурлящими жизнью, а ныне мертвыми и безжизненными.

— Это все из-за вас, — прошипел гневно Эйган Таррин, посмотрев на имперцев.

Те ничего не сказали, лишь опустили глаза. Они и сами понимали, что это все их вина.

Идти пришлось недолго, оружейная находилась недалеко от замка. Она имела прямоугольную форму, построена была из дерева и лишь дверь полностью состояла из металла без ручек и замочных скважин. Лишь одно единственное отверстие треугольной формы виднелось в нем посередине.

— Хорошо, что лишь у меня есть ключ, — сказал Таррин и, вытащив висевший на шее небольшой кристалл, вставил его в отверстие.

Внутри двери что-то стукнуло, потом скрипнуло, затем еще стукнуло и дверь открылась. С правой и с левой стороны по всей длине под стеной стояли металлические животные разных мастей, были и такие, что имперцы не видели и не слышали. Похоже, их живого прообраза и вовсе не существовало в природе, а родила их лишь фантазия создателя. Возле каждого *метало*, так их называли местные жители, имелся кристалл, что приводил его в движение.

Имперцы рассматривали метало, открыв рты. На первый взгляд, животных серебристого цвета было около пятидесяти. Каждый из них отличался по размерам и масти. Сначала казалось, что они стоят хаотично, однако, присмотревшись, стало заметно, что их расположили по группам. Сначала шли звери подобия хищных животных: львы, тигры, волки, собаки. Далее — лошади, быки, козлы. После — рептилии, ящерицы разных видов. И в конце стояла одна птица, вернее подобие птицы, с длинными лапами и шеей.

— Быстрее выбирайте, у нас нет времени на разглядывание, — поторопил их король Таррин. Подождав, пока каждый из имперцев выберет себе подходящего по душе металлического помощника, сам он забрался на спину птицеобразного скакуна. — Теперь повторяйте за мной, сядьте верхом, возьмите кристалл и вставьте в отверстие в голове животного, — когда все послушно повторили перечисленные действия, он продолжил: — Далее посмотрите на небольшой рычаг на шее, — Рональд, выбравший себе волка, посмотрел на холку и нашел небольшой металлический рычаг, сливающийся с цветом самого животного. — Им вы будете управлять метало, сначала нужно потянуть рычаг вверх, он немного вытянется, далее переводим в разные положения, положение вперед — животное двигается вперед; назад, влево и вправо — то же самое, — убедившись в том, что

обучение прошло успешно и вопросов ни у кого нет, Эйган Таррин спешился. — Теперь нужно сделать еще одно, следуйте за мной.

Он подошел к незаметной двери в конце оружейной, та была не заперта, король потянул за ручку, дверь заскрипела и открылась. Всех тут же ослепило яркое свечение. Рональд, прикрыв лицо ладонью, несколько секунд не мог ее отвести, пока глаза не привыкли к свету. Он отвел руку и увидел множество оружия, и не просто оружия, а кристального. Здесь было все — и мечи, и копья, и арбалеты, и стрелы, и метательные ножи.

— Берите, сколько сможете унести, нам пригодится все, — скомандовал Эйган. Имперцы принялись вооружаться. Все, кроме Адальстейна Вольбранда, читателя древних рун, он принципиально не брал оружия в руки, громогласно декларируя, что его оружие — это его ум. Эмилия и Фин взяли по шесть арбалетов и охалку стрел к ним, как это все нести, никто из них не знал, однако не взять — тоже плохой вариант. Сейлай и Мигро собрали все метательные ножи, их оказалось всего двести тридцать. А Кертис и Рональд отдали предпочтение мечам, а солдаты забрали копья с кристаллическими наконечниками.

Когда все оружие было собрано, отряд, состоящий из жителей верхнего мира и подземного, на металлических зверях, с ног до головы вооруженный кристальным оружием, отправился в путь.

— Мой король, — обратился к Эйгану всадник на быке.

— Говори, Русио.

Впервые за все время Рональд услышал имя этого человека.

— Мои разведчики сообщили, что последователи Талона Таррина собираются выходить через семь дней, они могут легко нас настичь и не дать предупредить правителей верхнего мира. У меня есть одна мысль по этому поводу.

Король одобрительно кивнул, выражая готовность слушать.

— Мы можем завалить туннель, ведущий в Ирдис, — продолжил Русио, — и еще тот, что ведет от входа с верхнего мира к ступеням. Это нам даст много времени, даже с нашими технологиями разобрать такой завал понадобится месяцы.

Король задумался, с сожалением глядя на свои обезлюдившие владения, пустующие мастерские, лавки, пекарни.

— Как раньше, уже не будет, — вздохнув, сказал король Эйган Таррин, — а посему я согласен с твоей мыслью.

Металлические животные двигались быстро, не уставая и не останавливаясь. До первого туннеля, того, по которому имперцы въехали сюда на прозрачной колбе, добрались быстро. Вошли в проем и двинулись вперед. Подождав, пока все отойдут на безопасное расстояние, Русио развернулся в седле и начал стрелять. Залпы высвобождающейся энергии беспощадно разрушали все вокруг, огромные бульжники с грохотом падали, раскалываясь и закрывая собою проход. Бык двигался вперед, а его всадник превращал в хаос все видимое пространство позади себя.

Правитель Эйган вздрагивал при каждом новом ударе и звуке падения камней. Но содрогался он не от страха. Нет, страха он не испытывал, это было скорее чувство разочарования и безысходности. Далее путь продолжался, как в тумане, все путники погрузились в свои мысли, никто не разговаривал. Даже дыхание у всех стало настолько тихим, что казалось, словно его нет совсем. Вскоре отряд подошел к ступеням. Подъем по ступеням оказался для метало легкой задачей, они быстро преодолели восхождение. Люди принца Рональда, что ждали их у ступеней вверху, открыв рты, рассматривали неизвестных

гостей, животных, предметы. Однако принц быстро вернул их из транса в реальность, просто приказав следовать за ними.

Русио, следуя своему плану, снова отстал от остальных и первым делом уничтожил ступени, безжалостно превратив их в руины. Далее принялся за туннель, медленно и методично обстреливая его светящимися сгустками энергии. Убедившись в том, что дальнейшие разрушения на общую непроходимость этого участка уже кардинально не повлияют, Русио присоединился к отряду, быстро догнав его.

Когда перед Эйганом Таррином открылся выход из горы Визер, он испытал странное чувство. Он был здесь один раз еще в юном возрасте, отец показывал ему страшную Печать и рассказывал историю ее возникновения. Сейчас же на месте Печати не было ничего, свет врвался в проход, настоящий солнечный свет, о котором Таррин знал лишь понаслышке. Лицо его ощутило приятный теплый ветер, был самый разгар дня, и солнце стояло высоко. Эйган Таррин прошел через проход и оказался у верхнего мира, как его называли жители Ирдиса. Никто из жителей подземного мира Ирдис не ступал за пределы горы Визер более пятиста лет, а если точнее, пятьсот сорок три года. Люди выбирались на свет, шурясь и втягивая полной грудью свежий воздух. Наконец, когда все путники вышли из коридора, последним в проходе показался Русио. Отъехав на своем быке подальше от проема, он развернулся и поднял свой арбалет. Проход, замурованный Печатью пять сотен лет и распечатанный совсем недавно, с шумом и грохотом осыпался, скрываясь в клубках щебня и пыли. Дело было сделано, однако все понимали, что это не навсегда, это далеко не конец, а только начало. Опасность, что оказалась сейчас временно погребенной в недрах горы, обязательно выберется наружу и неотвратимо и очень скоро всех их настигнет.

Глава III. Союз

При виде приближающегося, сверкающего на солнце сталью отряда, лагерь, оставленный принцем Рональдом неподалеку от горы Визер, пришел в движение. От него отделилось и направилось в их сторону около двадцати вооруженных арбалетами, копьями и мечами людей. Принц Рональд дал знак отряду остановиться и выдвинулся вперед на металлическом волке, дабы солдаты смогли рассмотреть его поближе. Но, похоже, те не узнали своего лорда. В тридцати шагах от него солдаты встали и, образовав полукруг, взвели и подняли свои арбалеты, нацелив их в сторону гостей. Вперед вышел мечник в доспехах и поднял руку:

— Остановитесь! — крикнул он. Его забрало было закрыто, звук отражался металлом и выходил как из погреба, глухим и далеким. Солдаты, стоявшие за ним, заметно нервничали, у одного пот выступил на лбу, у другого руки дрожали, третий искусал все губы. Одно такое металлическое чудовище вполне способно было напугать даже самого отважного воина, прошедшего много битв, а тут целый табун.

— Я Рональд Таггеранг, наследник Алатарианской империи, — громким и властным голосом нетерпеливо молвил принц.

Человек с мечом поднял забрало шлема, присмотрелся, потом резко развернулся и жестом руки приказал опустить арбалеты.

— Простите, мой лорд, не признал сразу, зрение мое не такое острое, как в прежние годы, — немного смутившись, объяснил солдат. Им оказался капитан Джеффри Бейкер, самый старый из офицеров, что пошли в поход с Рональдом.

— Сопроводите нас в лагерь, капитан Бейкер, — беззлобно скомандовал лорд.

Когда всадники на металлических зверях поравнялись с солдатами, что пришли с

Бейкером, те взялись рассматривать их во все глаза, то подымая, то опуская брови. Однако спрашивать никто не решался ни принца, ни его спутников, а те и не горели желанием что-либо рассказывать. Вскоре принц был в лагере. Первое, что бросилось ему в глаза, это бесшерстные псы, спокойно дремавшие и околачивающиеся без дела возле палаток. Похоже, за время его отсутствия солдаты сумели их приручить. Войдя в лагерь, семнадцать металлических животных не на шутку перепугали храбрых солдат и слуг, что уже привыкли к жизни в лагере без сюрпризов. Бесшерстные псы подскочили как ужаленные, головы их опустились вниз, зубы оскалились, глаза, не мигая, вперились в пришельцев, лысые холки вздыбились буграми. Принц Рональд в сопровождении двух ученых, следопыта, читателя древних рун, главы охраны его семьи, чернокожего метателя ножей, десяти солдат, пяти слуг, подвозчика и шести гостей из подземного мира проследовал лагерем к королевской палатке. Механизмы, еще минуту назад двигавшиеся и казавшиеся живыми, после изъятия кристалла из отверстия в голове застыли на месте неподвижными статуями. У входа в палатку находились два стражника, они поприветствовали принца.

— Пойдите к поварам и прикажите, пусть приготовят покушать, — приказал Рональд.

Один из солдат поклонился и направился в сторону полевой кухни.

— Король Эйган, Мигро и Сейлай, прошу вас в палатку, нам есть, что обсудить, остальные располагайтесь, почувствуйте себя, как дома, — учтиво сказал принц.

Лорд Таггеранг вошел в палатку, остальные последовали за ним. Королевская палатка напоминала размером небольшой домик, в котором могло разместиться на ночлег десять человек, а если ложиться плотно друг к другу, то и все двадцать. Посредине стоял небольшой разборной стол, что легко перевозился в повозке. На нем горел масляный фонарь, дающий тусклый свет и неприятный запах горящего масла, от которого в горле чувствовалась горечь. Рональд подул на фонарь — и тот затух, лишь небольшое облачко дыма поднялось вверх. Затем он вынул из небольшого мешочка наподобие тех, в которых хранились монетки, маленький кусок кристалла и поставил на стол. Яркое свечение наполнило палатку.

Принц отодвинул стул и сел за стол, положив на него руки.

— Первое, что нужно сделать, это предупредить вождя Армонца о надвигающейся опасности, пусть собирает людей и готовится к войне. Сейлай и Мигро, кто-то из вас знает краткий путь к поселению вождя? — начал Рональд.

— Так мы сюда и шли самым кратким путем, — пожал плечами Сейлай, тогда как Мигро задумчиво посмотрел на кристалл. Принц уловил этот задумчивый взгляд.

— А ты что скажешь? — кивнул он имильцу.

— Есть один путь еще короче. Однако... — Мигро запнулся.

— Однако?

— Однако он проходит через недружелюбное поселение, они не относят себя ни к одному из племен и не подчиняются вождям, ими правит их местный шаман.

— Мы что, не справимся с несколькими имильцами во главе с шаманом? — с насмешкой спросил Рональд.

— Большой группой мы не пройдем, это единственное место в землях Имиль, где растут высокие, с толстым основанием деревья, плотно насаженные друг возле друга. Есть одна тропа, по которой с трудом сможет пройти один человек. Если идти через поселение, нужно выдвигаться маленькой группой и попробовать договориться с жителями, дабы нас пропустили.

Рональд выслушал и задумался.

— Время — это все, что у нас осталось, если есть шанс его выиграть, нужно им воспользоваться, — вмешался в разговор король Эйган.

Принц Рональд забарабанил пальцами о стол. Посмотрел на Сейлая, тот молчал, давая принцу самому принять решение.

— Да, вы правы, король Эйган, время — это все, что сейчас имеет ценность, — принц встал на ноги. — Мигро и правитель Эйган, вы отправитесь со мной, вы, Сейлай, поведете людей по тому же пути, что и пришли в земли Имиль, — закончил лорд Таггеранг.

Хорошо отдохнув, на второй день принц Рональд, Мигро, король Эйган и его пять воинов на металлических зверях во главе с Русио выдвинулись в путь. Мигро двигался впереди, показывая путь. До жуткого поселения три дня пути на лошадях, на животных из плоти и крови, которым нужно кушать и пить, которых мучает усталость. Однако металлические животные — другое дело, им не нужно ни отдыха, ни еды, ни питья, они двигаются с одинаковой скоростью, с той скоростью, что называют галопом. Лошадь может выдержать несколько часов такой скачки в лучшем случае. Такое чудо передвижения, как метало может без остановки и усталости ехать целыми сутками и перенести отряд к месту назначения за день.

На удивление, люди короля Эйгана были внешне слишком спокойны для тех, кто провел всю жизнь под землей. Они не изумлялись ни небу, ни солнцу, не делали удивленных лиц при виде наземной жизни. О правителе Эйгане такого сказать было нельзя, как бы он ни старался скрыть удивление, реакция на лице его выдавала: где-то слегка расширились глаза, бровь поднялась вверх, уголки рта ползли вниз в попытке открыться. Казалось, он прилагает немало усилий, дабы это скрыть.

Прошел день пути в непрерывном движении, привалы делали раз в несколько часов, чтобы размять ноги, выпить воды. Солнце заходило за горизонт, однако о ночлеге и речи не шло. Кристаллы, торчащие из голов животных, хорошо освещали путь, так что двигаться в ночное время не составляло труда. Время пути оказалось немного дольше, чем рассчитывал лорд Таггеранг. Когда звезды наводнили темную небесную гладь, впереди показался лес с густо растущими деревьями и маленькой, еле заметной тропинкой, если не знать точного ее места расположения, найти невозможно. Хорошо, что Мигро точно знал, где начинается тайная тропа. Дорога проходила мимо толстых, голых стволов, что вздымались вверх и где-то высоко вверху виднелись тонкие ветки, облепленные зелеными листиками, больше похожие на дубовые листья, однако эти деревья дубом никак не назовешь: и цветом коры,

и отсутствием желудей они отличались от дубов. Между ними плотно втиснулись кустики с красными продолговатыми, похожими на палец младенца, ягодами. Они испускали кислый запах, вдыхая который так и хотелось поморщиться. В целом дышать было легко и приятно. Иногда птицы заводили пение, с разных сторон, одна пела краше другой, можно было подумать, что они устроили состязания, кто лучше споет. Мелкие обитатели здешних мест не показывались на глаза, увидев яркий свет, разбегались в разные стороны, лишь слышался треск и шуршание. Так продолжалось почти до утра, когда первый лучик солнца лизнул в щеку принца Рональда. Мигро попросил всех остановиться и спешится.

— Поселение находится за теми деревьями, — он указал на, наверное, самые большие пять деревьев в лесу. — Нужно вынуть кристаллы, дабы нас не увидели, я пойду первым, договарюсь с местными.

— Я все же не понимаю, почему мы должны просить проехать каких-то дикарей? Мы можем снести их поселение одним нажатием пальца, — принц посмотрел на кристальное

оружие.

— Да, принц Рональд, мы можем это сделать, однако они закроются и будут обороняться, на их осаду уйдет много времени, лучше будет договориться мирным путем, — спокойно сказал Мигро.

Сошлись на том, что Мигро пойдет один и попробует договориться, остальные будут ждать его недалеко, спешившись и обездвигив животных. Вскоре за толстыми деревьями показалось то самое поселение. Сложно было поверить, однако эта деревушка окружалась такими поистине гигантскими деревьями, что те, которые они только что обогнули, даже близко не сравнятся с ними. Они закрывали поселение так, что приблизиться к нему можно было лишь с одной стороны, именно с той, откуда сейчас подходили путники.

Рональд, Эйган и пять его воинов с кристальным оружием присели, дабы не выдавать своих позиций, до деревни было около пятиста метров, но рисковать быть замеченными не стоило. Мигро направился вперед, вытянувшись во весь рост, а он у него немаленький, выше всех в отряде, и поднял руки над головой. Этим жестом он пытался показать, что пришел с миром. Когда Мигро подошел на расстояние прямой видимости, он увидел, что два стражника охраняют врата из толстого массивного сруба — вход в деревню.

Стражник, одетый в набедренную повязку, держал оружие наподобие копья — длинная палка с каменным острием на конце. Их деревня не вела торги с Империей, посему металл здесь редкость. Воин увидел направляющегося к нему незнакомца, направил оружие вперед и сделал несколько шагов навстречу. Даже на большом расстоянии Мигро увидел недоумение и оскал на лице у туземца. В этой деревне можно прожить всю жизнь и не встретить других людей. Мигро посчастливилось побывать здесь в подростковом возрасте. Его дед был прекрасным целителем и по случайности забрел в эту глушь. Сначала его пленили, однако узнав о его талантах, освободили, и дед пять лет жил в поселении, передавая знания местному шаману. После его возвращения в свое племя он навещал деревню три раза, один раз он взял з собой Мигро. И даже научил языку, на котором разговаривают аборигены, они придумали его сами, посему только в этой деревушке им ведут беседы.

— КО ТЕ МЛЕ? — закричал стражник.

— ОГ ГОКАМИ ЛЕ МАЛМЕЛИ? — окрикнул второй стражник, сравнившись с первым в том же одеянии, с тем же оружием.

Мигро напряг память, прикрыл глаза, пытаясь вспомнить этот язык. Первый спросил, кто я такой, а второй — из какого племени. Легкая улыбка пробежала по лицу Мигро, он, наконец, начал вспоминать значение слов.

— ЕТ ОГ МАЛМЕЛИ ЗЕКВИЛЬ, — если Мигро не ошибся, он сказал им, что племени Зеквиль.

Солдаты перекинулись взглядом друг с другом. Без всяких слов они подошли к вратам и стали с натугой открывать их. Те, открываясь скрипели, то ли от старости, то ли от веса. Один из стражников махнул рукой, приглашая незнакомца войти в деревню. Мигро несмело пошел вперед, мысль «почему все так просто» не давала ему покоя. Только он вошел, врата за ним тут же стали закрываться и Мигро скрылся за ними. Поселение, даже по меркам земель Имиль, было маленькое. Все постройки, если можно так назвать конуру размером с палатку, были построены из дерева. Да так невзрачно, где-то криво поставленный сруб, где-то стену дома перекосило и нагнуло в сторону. Возле каждого из таких домиков сидело по несколько женщин, также одетых в набедренные повязки, с оголенной, ничем не прикрытой

грудью. Дети и вовсе бегали голыми. Для такой маленькой деревни в ней обитало много людей. Женщины сидели на земле, широко расставив ноги и держа между ними по большому круглому шару, что есть силы, били его камнем. Разбив его на две части, откладывали в сторону и брались за следующий. И только сейчас Мигро обратил внимание на верхушки высоченных деревьев, окружавших поселение. Эти растения были съедобными. Дети, бегавшие голышом вокруг домов, то и дело подбегали к ним и хватывая с них плоды, сверху темные, как земля, а внутри белые, как снег. Они уплетали лакомство за обе щеки. Мужчины в это время вытесывали камни, делая из них оружие и орудия труда. Однако когда Мигро проходил мимо них, они останавливались и замирали, провожая его недобрыми взглядами. Мигро привели к домику, ничем не отличающемуся от остальных. Один из стражников постучал в кривую дверь, глухой голос сказал: «Открыто». Человек зашел, закрыл дверь,

и несколько минут его не было. Потом он вышел и пригласил Мигро.

— Я шаман Инг.

Мигро округлил глаза и оторопел — седовласый безбородый человек говорил на общем языке.

Шаман отличался от остальных жителей, в первую очередь, одеждой. Да, у него была одежда, белая длинная накидка до самых щиколоток, такое одеяние носили шаманы других племен земель Имиль.

— А я Мигро, метатель ножей из племени Зеквиль, — учтиво представился он в ответ.

— Что тебя привело в эти места? Ты заблудился, от кого-то убегаешь или прячешься? — старичок уставился на Мигро маленькими морщинистыми глазками.

— Мне и моим спутникам нужно пройти через ваше поселение, дабы сократить дорогу, это очень нам поможет.

— Спутникам? — переспросил шаман, подойдя ближе к Мигро.

— Да, они ждут недалеко от деревни.

— Почему с тобой не пошли?

— Я знаю ваш язык, поэтому я пошел первый с вами поговорить.

— Откуда ты знаешь наш язык? — спросил Инг, пристально рассматривая гостя.

— Мой дед меня научил.

— Как зовут твоего деда?

— Звали. Он умер несколько лет назад, — при этих словах Мигро опустил глаза, вспоминая близкие отношения с дедом. — Его звали Миндор.

— Миндор-целитель? — воскликнул шаман и раскрыл глаза шире, дабы лучше разглядеть парня.

— Да, теперь я вижу, ты на него очень похож, — с легкой хрипотой сказал старик. — Миндор много сделал для нашего поселения, он научил нас целительному делу и за это мы будем благодарны ему всегда, и меньшее, что я могу сделать для него — это помочь его внуку.

— Благодарю, шаман Инг, — Мигро учтиво поклонился.

— Врата поселения Ильбит всегда открыты для внука Миндора и его спутников.

Шаман вышел вместе с Мигро, подозвал стражника, стоявшего у двери, что-то шепнул ему на ухо, тот утвердительно кивнул.

— Иди с ним, он откроет врата, — сказал шаман и на прощание взял Мигро за плечи и всмотрелся в его лицо. — Да-а-а, очень похож.

Мигро еще раз поблагодарил Инга и последовал за стражником.

Проходя через поселение, металлические животные произвели такое сильно впечатление, что люди, видевшие их, падали на колени и кланялись, некоторые просто убегали, а самые смелые, по большей мере, дети подбегали и пробовали прикоснуться к чудовищу.

* * *

После поселения дорога проходила через пески. Температура постоянно менялась, днем солнце сжигало кожу, заставляло тело обливаться потом, губы трескались, кровоточили, горячий воздух не давал в полной мере открыть глаза. Ночью пронзительный холодок пробирал до костей. На людей, что никогда в жизни не видели и не ощущали ни холода, ни жары, погодные условия влияли в два раза сильнее. В один из дней путники встретили пещаную бурю. Ветер подымал раскаленный песок вверх и, что есть силы, бросал в лица. Люди, бессильные против сил природы, лишь прикрывали лица руками, прижимались к спинам животных, закрывали глаза, делали все, дабы хоть как-то защититься. Буря длилась несколько часов, за это время каждый успел ощутить на себе тысячу мелких иголок, впивавшихся в кожу, как раскаленные мелкие угольки, терзающие плоть. Для каждого свои ощущения, единственное, что их объединяло — это неприятная ноющая боль.

Мигро сказал, что им крупно повезло, буря быстро закончилась, обычно они длятся дольше.

Далее путь проходил быстро и без особых проблем, иногда останавливались размять ноги, иногда покушать и немного поспать. Рональд разговаривал с королем Эйганом, с каждым днем их беседы становились дольше. Остальные пять спутников короля говорили лишь по делу, а все остальное время молчали. Мигро как-то пробовал завести беседу с одним из них, однако попытка оказалась тщетна, и разговор вышел однобоким.

Когда к поселению вождя оставалось полдня пути или, может, меньше, ночью отряд заметил горящие факелы.

— Что там за зеленое свечение впереди? — спросил Рональд, адресуя вопрос Мигро.

— Это разведчики, их факелы пропитаны настойкой из травы зеленухи и красной поганки. Если горит факел с оттенком зеленого огня, значит, все в порядке, если оттенок огня красный, значит, отряд попал в беду, — объяснил Мигро.

Зеленое свечение становилось все ближе. Оно двигалось навстречу путникам. Мигро сказал, что им можно доверять.

Когда свечение стало так близко, что можно было различить восемь силуэтов людей, послышался голос.

— Затухите свои фонари, спешьте и подымите руки.

Голос оказался довольно знакомым.

— Хормиус? — окликнул Мигро.

— Да, а ты кто? — с ноткой недоумения в голосе крикнул человек с факелом.

— Я Мигро, метатель ножей.

— Опустить оружие, — сказал Хормиус и люди, что шли с ним, опустили лук и спрятали стрелы.

— Что это за такие яркие фонари? — подходя ближе, спросил сын вождя и прикрыл рукой глаза, яркий свет его слепил.

Когда он смог рассмотреть источник света, он опешил, раскрыл рот и замер.

— Что это такое? — ледяным голосом спросил он.

— На объяснения нет времени, нам нужно поговорить с вашим отцом.

Хормиус, опустив глаза, помотал головой, на его лице отобразилась печаль.

— Отец смертельно ранен, он не может вести беседы.

— Что случилось? — спросил его Мигро.

— Война между племенами не прекращалась, тогда отец, прибегнув к давней традиции, вызвал на честный поединок подлого и лживого самопровозглашенного вождя, — при этих словах Хормиус пожевал губы и сплюнул. — Отец, конечно, выиграл, зарубил того, как скота. Однако успел пропустить один незначительный удар по бедру, порез неглубокий и незначительный, на такое ранение воин и внимания не обратит. Однако подлый Навар смочил оружие ядом и через несколько часов он начал действовать, хворь распространялась, лучшие целители, шаманы пробовали излечить его, но попытки оказались безуспешны, — глаза сына вождя стали влажными.

— Я ему помогу, — спокойным голосом сказал Русио со своего металлического быка.

— Как? И кто вы вообще такие? Что за штуки, на которых вы сидите? — воскликнул Хормиус.

— Едем с нами в поселение, я вам по дороге все расскажу, — сказал Мигро, приглашая Хормиуса садиться на металлического зверя. Тот с опаской запрыгнул, это оказалось не сложнее, нежели на коня, или мула, или верблюда. По пути в поселение Мигро рассказал все, что случилось, и что видел и слышал. Хормиус внимательно слушал, его глаза то расширялись, то сужались, брови ползли вверх, он мотал головой, не веря свои ушам.

Всего через несколько часов пути отряд въехал в поселение. И сразу направились в дом вождя. Возле его дома толпились целители и солдаты. Увидев Хормиуса и неизвестное средство передвижения, расступились, пропуская незнакомцев. Сын вождя, ничего не говоря, спешился и направился к двери, что была открыта. За ним вошли Мигро, принц Рональд, король Эйган и Русио. Посредине дома находилась деревянная кровать, на которой лежал вождь, голый, без одежды, лишь маленькая тряпица прикрывала мужское достоинство. Вокруг него толпились люди. Лицо вождя было бледным с застывшей гримасой боли. Бедра, в которое был ранен вождь, потемнело и хворь поднималась выше, покрывая тело темными пятнами. В доме стоял неприятный, кисло-тухлый запах трав, припарок, зелий, настоек. Люди, окружавшие вождя, то и дело прикладывали травяную жижу к месту ранения, заливали зелья в рот, говорили заклинания и еще много чего, что не помогало вылечить раненого.

— Скажите, пусть все выйдут, — тихо сказал Русио на ухо Хормиусу.

— Все вон! — закричал сын вождя и указал рукой на дверь.

Целители посмотрели на него недоверчиво, кто-то хотел возразить, однако, встретившись взглядом с ним, передумал, взгляд Хормиуса так и кричал: «только попробуй открыть рот». Когда последний целитель вышел, Мигро закрыл дверь.

— И как ты можешь помочь? — весь на взводе, переминаясь с ноги на ногу, спросил Хормиус, всматриваясь Русио в глаза. Тот спокойно вытянул кристалл, круглый и плоский, не толще монеты. Он слабо излучал свет и немного отличался от тех, что приходилось видеть Рональду и Мигро.

— Этот камень умеет вытягивать хворь из человеческого тела, — сказал Русио, взяв его указательным и большим пальцами.

Хормиус только хотел что-то спросить или сказать, однако не нашел слов, кроме как:

— Сделай так, чтобы отец жил, — и, взяв незнакомца за руку, посмотрел ему в глаза и

отпустил.

Русио подошел к лежащему телу, сорвал все тряпицы, вытер ими мази, травы и все, что было нанесено на бесчувственное тело. Приложил камень плоской частью к месту ранения.

— Теперь держите его.

Мигро и Хормиус взялись за ноги, принц и король держали руки. Прошло полчаса и ничего не происходило, надежда на лице Хормиуса с каждой минутой угасала. Однако прошло еще немного времени, как кристалл стал менять цвет, из ярко-синего он начал тускнеть.

— Приготовьтесь держать.

Люди напряглись, внимательно смотря на вождя. В одну секунду его туловище резко поднялось, глаза — красные и большие — открылись и Армонц, что есть силы, заорал.

— Держите крепче! — крикнул Русио. Рональд и Эйган приложили силы, дабы снова уложить вождя на кровать. Ноги хаотично пытались двигаться, он мотал головой и кричал.

В дом забежала стража и несколько целителей. Хормиус на них заорал и те в ту же секунду удалились. Тело продолжало трястись, периодически открывались глаза, иногда вождь кричал что есть силы. Камень менял цвет, чем темнее он становился, тем сильнее становились попытки вождя вырваться. Так длилось около часа, но потом, когда камень стал совсем темным, как небо в беззвездную ночь, попытки вождя освободиться прекратились. Он открыл глаза, посмотрел на Хормиуса и сказал еле слышным слабым голосом:

— Хормиус, мой мальчик, — и снова закрыл глаза.

Хормиус не удержался, припал к его груди и разрыдался. Русио взял потемневший камень и спрятал.

— Хворь ушла, теперь ему нужен покой, он придет в себя, однако на это нужно время.

— Время, которого у нас нет, — недовольно фыркнул Рональд.

— Мы можем все рассказать его сыну, а он передаст отцу, когда тот очнется, — предложил король Эйган. Хормиус, услышав эти слова, оторвал голову от отца, вытер слезы.

— Вы можете рассказать мне все, тем более большую часть я уже знаю, — он кинул взгляд на Мигро.

Они, никуда не выходя, завели беседу прямо в доме вождя над телом хозяина. Хормиус выслушал все предельно внимательно, кивая и соглашаясь с некоторыми пунктами, озвученными в разговоре.

— Как только отец очнется, мы начнем собирать войска и готовиться к очередной войне, — после слов «очередной войне» он тяжело вздохнул.

— Хормиус, к вам направляются наши люди, их ведет следопыт Сейлай, проследите, дабы их хорошо приняли, — учтиво попросил Рональд.

— Их примут, как своих, — быстро, без заминки, ответил сын вождя.

— До скорой встречи, — Рональд попрощался с Хормиусом, остальные последовали его примеру. — А теперь изо всех сил двигаемся в имперские земли, до приграничного города Идонор двадцать дней пути на лошади или повозке, а на этом чуде, — принц похлопал металл по холке, — думаю, за десять управимся.

Перед тем как отправиться в путь, принц и его спутники сняли ненавистные доспехи и одежду, что нагревались под солнцем, создавая ощущение, что тебя поместили в раскаленную печку, казалось, что внутренности варились. Им выдали местные тоненькие белые накидки до щиколоток и с большим капюшоном, что может укрыть лицо от солнца.

А все свои доспехи, мечи, оружие они спрятали в дорожные мешки. На той скорости,

что движутся метало и с кристалльным оружием, которым были вооружены люди Эйгана, опасаться, что по дороге кто-то на них нападет, не приходилось. То есть напасть могут, увидев безоружных людей, без доспехов и брони, однако будет ли нападающим это в радость, другой вопрос.

* * *

Принц Рональд оказался прав — обратный путь к Идонору отряд преодолел за десять дней, и на одиннадцатый показались приграничные врата и несколько башен. Белые накидки оказались находкой. Днем палящие лучи солнца отражались от них и улетали вникуда,

а ночью, когда воздух становился холодным и едким, согревали тела, приятно прилипая к ним и не пропуская холод. Рональд всю дорогу удивлялся, почему в Империи еще никто не продает такой товар, как это еще торгоши не додумались до этого.

Несколько раз по пути дикие звери, называемые пустынными шакалами, пытались напасть. Они жили стаями, посему их было не меньше двадцати. Двадцать большущих, в полтора раза больше обычной собаки хищников, у которых шерсть с ладонь, желтоватая с черными пятнами, голова крупная и увесистая, зубы, что все время были оскалены, острые, как сабля. Догнать метало они, конечно, не могли, но им и не требовалось, эти животные славились своей выносливостью, они бежали за добычей медленно и долго, пока та не выбивалась из сил и не падала как подкошенная. Погоня длилась около двух дней, потом Рональду надоело слушать за спиной вечный вой, лай, рык двадцати шакалов. Он попросил Русио напугать надоед. Русио выстрелил из кристалльного арбалета, энергия пролетела над головами собак, те стали скулить и хаотично разбегаться в разные стороны. После этого их больше не видели.

Подъехав к вратам Идонора, принц заметил, что стражников на границе со стороны земель Имиль нет, что было очень странно, по закону граница должна охраняться с обеих сторон.

Рональд приблизился вплотную к самим вратам. Четыре островерхие башни, две с одной стороны границы и две с другой, были пусты, на них никого не наблюдалось.

«Что происходит?» — спросил сам себя лорд. У врат так же безлюдно. Рональд подошел к вратам и постучал в них кулаком что есть силы. Он не надеялся, что это что-то даст. Однако за вратами послышался хриплый, тихий голос.

— Кого там еще принесло?

— Открывай! — крикнул принц, сцепив зубы, ноздри его раздулись. Он не мог поверить в такую наглость. Как они посмели покинуть пост?

У врат щелкнул засов и маленькое окошко открылось, в него глядел седой старик, прикрыв глаза, дабы лучше разглядеть стучащегося.

— Где все?! Почему никого нет на посту?! И кто ты такой?! Открывай врата! — взревел принц, от ярости его глаза стали красными, а на лбу пульсировала вена.

— А я что, по-твоему, делаю? Не на посту стою? Ишь ты какой, раскричался тут. Приказом императора границы закрыты, — скрипучим голосом ответил старик и хотел уже закрыть окошко.

— Я Рональд Таггеранг, наследник Алатарианской империи, открывай сейчас же! — прошипел принц и всунул лицо почти в окошко, дабы старый балван рассмотрел его получше. Глаза старика расширились до такой степени, что, казалось, ползут на лоб, рот открылся, несколько секунд он пребывал в таком состоянии. А потом дар речи к нему

вернулся.

— Простите меня, мой принц, не признал сразу, простите, — запричитал тот, открывая ворота.

Врата открылись, а перед путниками предстали два дряхлых старика, щуплые, сморщенные, еле стоящие на ногах. В лице старика, что с ним говорил, теперь Рон узнал бывшего солдата Джерарда, тот стоял в выцветшей от времени и многочисленных стирок форме. Другой и вовсе был не в военной форме, а в кузнечной робе.

— Джерард, это ты? — спросил Рональд, присматриваясь к старику.

— Да, мой лорд, думал, не узнаете. Сколько лет прошло с того момента, как я служил в замке, вы простите меня, сами понимаете, приказ императора.

— Почему ты на службе, ты же давно ушел на заслуженный покой, что вообще происходит, где все? — недоумевая, спрашивал Рон. Его спутники, спешившись, стояли неподалеку.

— Мы вас ждали, милорд, — заговорил другой старик в форме кузнеца, его голос оказался более оживленный.

Принц метнул в него вопросительный взгляд. Старик засуетился, стал оглядываться по сторонам.

— Сейчас, мой принц, сейчас, — повторил он и направился к небольшой сторожке, что служила скорее складом для старого оружия. Старик вошел туда и через несколько минут вышел, держа в руках письмо с личной печатью императора. Он, что есть силы, старался идти быстрее, ковыляя дряблыми ногами. — Вот, возьмите, милорд, это письмо от императора. Велено передать лично вам в руки, — он протянул конверт, запечатанный сургучом, поклонился настолько низко, насколько позволила старая спина, и отошел несколько шагов назад.

Глаза Рона бегали в разные стороны, он ничего не понимал, но письмо должно все прояснить. Он тут же разорвал конверт и вытянул белоснежную кожу без единого желтого пятнышка. Красивым почерком, в котором он сразу узнал почерк секретаря отца, было написано следующее. «Дикари лесов Бейленос собрали большую армию и подвели к «Серым Вратам». Я призвал правителей всех королевств Империи собрать свои войска и отправляться в приграничный город Гинвал, куда и сам собираюсь. Ты, сын, как только прочтешь это письмо, езжай в Илатари, в сердце Империи, и возьми на себя правление, пока меня не будет».

Рональд нервно сглотнул, потер голову, поморщил нос, он не мог поверить, что это происходит именно сейчас. Их зажимают со всех сторон. Как дикари могли собрать армию, да еще и такую, что отцу понадобились все войска Империи?

— Когда ты получил это письмо?! — лорд схватил старика за ворот, оскалив зубы.

Старик прикрылся руками, закрыл глаза, словно ждущий удара. Принц быстро отпустил его, выдохнул. «Что я делаю, старик не виноват», — подумал он и тут же поправил ему ворот.

— Только сегодня и получили, несколько часов назад, — запинаясь, ответил стражник.

— Хорошо, значит, еще успеваем, — он подбежал к своему металлическому волку, ловко вскочил на него и всунул кристалл в лоб. — Нужно срочно ехать в приграничный город Гинвал, по дороге все объясню, — крикнул принц, перевел рычаг вперед и метало помчал, пробежав мимо стариков, которые, открыв рот, смотрели, протирая старые глаза.

— Все равно никто не поверит, — сказал Джерард напарнику и махнул рукой вслед

удалявшимся неведанным животным.

ЧАСТЬ II

Глава IV. Защитники «Серых Врат»

Вот и настал тот знаменательный день! Сегодня молодые солдаты пройдут обряд посвящения в рыцари. Для земель Алатарианской империи это самое важное событие десятилетия. Короли и королевы, вся знать империи с самых дальних уголков съехались посмотреть на посвящение новобранцев. Простые люди, что толпились у входа на трибуну, старались занять места поближе, чтобы не упустить ни одной детали церемонии. Родители и друзья будущих воинов прибыли заблаговременно и теперь с волнением располагались в первых рядах. Их лица отражали одновременно гордость, уважение и тревогу за этих солдат, поскольку именно они будут защищать спокойный сон всех мирных жителей, станут опорой и щитом Империи. Дабы поприветствовать смельчаков, почтил своим присутствием торжество и сам император Айрис Таггеранг в сопровождении своего сына — принца Рональда. По традиции правители всех, входящих в империю королевств, совершали в этот день имперской семье подношение. Люди всё шли и шли, сыпали нескончаемым потоком, стараясь успеть до начала церемонии. Короли и королевы образовали очередь. Их подношения в большинстве своём представляли золото, драгоценные камни и всевозможные из этих материалов изделия. Но вот один подарок обратил на себя особое внимание императора. Когда король приграничного королевства Пирин со столицей Эланс Арвин Альвгеир, приблизившись, протянул к нему раскрытые ладони, на первый взгляд могло показаться, что в них каким-то чудесным образом просто ожили солнечные блики. Это необыкновенное подношение представляло собою тонкий, как бритва, сверкающий меч с синей рукоятью. Казалось, что в руках у короля совсем ничего нет, и лишь золотистые отблески выдавали контуры оружия.

— Это «Альмасхейн». Он сделан из необыкновенного металла, который можно найти глубоко под землей только в одном месте империи, в самой южной части королевства Пирин. Мои лучшие кузнецы положили на эту работу два года. Клинок закалялся в крови животных, его прочность не сравнится ни с чем, им можно разрубить, что угодно. Рукоятка сделана из редкого и самого крепкого в мире синего дерева. Он поистине достоин рук императора.

— Благодарю тебя, король Арвин Альвгеир.

Склонившись в поклоне, тот отошёл в сторону.

На трибунах стало шумно — одни боролись за место, другие, встречая знакомых из дальних земель, спешили поделиться новостями, третьи просто громко прославляли императора. Воздух проникся всеобщим весельем, задором, в нем чувствовалось охватившее всех сладостное предвкушение. И вот выходит Мастер. Именно он тренировал, обучал, наставлял и готовил не одно поколение кадетов. Сегодня он провожает в почетный дозор свой третий выпуск. Народ встал, приветствуя его, пока он неторопливо взбирался на пьедестал, установленный в самом центре таким образом, чтобы быть открытым всем взорам. Мастер, человек невысокого роста с приятным лицом, двигался неуловимо ловко,

и лишь седина, прикрывавшая высокий лоб с парой глубоких морщин, выдавала его почтенный возраст. В руках у него появился рог самого большого в империи горного быка. Такой усилитель голоса не оставлял никаких сомнений в том, что зрители услышат каждое произнесённое слово. Он выпрямился, цепко окинул взглядом присутствующих и коротким жестом пригласил всех занять свои места. После чего, задумчиво почесав подбородок,

осторожно примерился к рупору и степенно заговорил:

— Я, имперский рыцарь, всю жизнь защищавший «Серые Врата», тридцать лет обучаю солдат. Путь этот очень тернистый и долог. Каждый курс мы берем добровольцев — триста человек, пожелавших защищать нашу империю и всех вас ценой собственной жизни. За время подготовки многие ломаются, не выдержав нагрузки, проваливаются на испытаниях и вынуждены покинуть академию. К концу обучения из трехсот остается сотня — наши воины, которые каждый день в течение десяти лет будут защищать наш мир, спокойствие и имперский рубеж. Это священный долг, который им доверено исполнить и, надеюсь, сделают они это с честью. Они пришли сюда неопытными мальчиками, которые не умели держать меч в руках, а выйдут бравыми воинами. Пришли они с пламенем в сердце, которое помогло им пройти выпавшие на их долю испытания, взамен же заберут меч и путевку в жизнь. Сейчас сюда выйдут принимать присягу простые солдаты, а уйдут рыцари. Они мужественно тренировались на пути к своей цели, но, как известно, у армии должен быть предводитель.

И сегодня, по традиции, турнир определит, кого из них судьба посчитала достойным этого титула. Итак, встречайте своих защитников!

Люди повскакивали со своих мест, хлопая в ладоши, присвистывая и выкрикивая пожелания. И вот, блестя доспехами, показались солдаты, все, как на подбор, высокие и статные. Своими невозмутимыми лицами они демонстрировали уверенность и отвагу, которая передавалась окружающим. Матери и сестры на трибунах плакали от счастья и гордости, отцы хвастались друг перед другом сыновьями, наперебой повторяя и выкрикивая их имена. Публику охватило всеобщее волнение. Мастер успокоил людской гомон одним властным движением руки:

— Перед тем как солдаты пройдут обряд посвящения в рыцари, летописец нашей академии по традиции расскажет вам всеми нами любимую историю, — и он отступил в сторону, пропуская вперед низенького, ветхого, с дряблой обвисшей кожей на лице и сморщенным, как высохший фрукт, носом человека.

Какой год жизни разменял старец, представший перед собранием в белой, свойственной писарям, мантии, сказать было трудно. Казалось, от выпуска к выпуску он несколько не изменялся, по крайней мере, в ясности ума ему вполне можно было позавидовать. Многие всерьез полагали, что события из историй об ушедших временах он видел воочию, а отнюдь не пересказывает по преданиям. Но этот предмет споров всегда и поныне оставался его маленькой тайной. Теперь он расположился перед публикой, собрав на себе все взгляды и уведя тем самым фигуру Мастера в тень. Летописец выглядел уверенно и несколько не смущался шумной толпы, его зеленые с поволокой глаза выражали внутреннее спокойствие, а брови насмешливо изгибались дугой. Окинув взглядом присутствующих и развернув длинный старинный свиток, он неспешно начал рассказ хриплым, но звучным голосом:

— Ровно тысяча триста лет назад наши предки вытеснили дикие племена за Жадное Болото в леса на земли Бейленос и поставили там рубеж. Тогда впервые за историю все земли были освобождены и все королевства объединились в одну империю. С тех пор и принято вести отсчет времени. По обе стороны рубежа стоят непроходимые болота и остаётся лишь одно место, где можно пройти. Там и были возведены лучшими инженерами «Серые Врата». Огромнейшие, в двадцать человеческих ростов в высоту и десять в ширину, непробиваемые для осадных орудий, ни одна стрела или копье не долетает к вершине врат. Тогда сотня добровольцев впервые вызвалась охранять вход в Алатарианскую империю,

охранять «Серые Врата». Эти люди и стали первыми рыцарями имперского рубежа. Позже вокруг «Серых Врат» образовался приграничный город Гинвал. Обучение и дальнейшая служба занимали ровно десять лет, по прошествии которых на смену воинам-ветеранам приходили новобранцы. Так происходит и до наших времен, так будет и впредь, — старик выпалил речь на одном дыхании.

Годы давали о себе знать, и с каждым выпуском ораторствовать ему становилось всё труднее. Запыхавшись и раскрасневшись, он судорожно схватил деревянную кружку с водой, предусмотрительно подготовленную Мастером, и выпил одним махом. Трибуны между тем рукоплескали. Люди хоть и слушали его который год, он всякий раз неизменно приводил их в восторг, как в самый первый раз. Наступила пауза, толпа замерла в предвкушении главного события, ради которого и собралась. И вот, наконец...

— Приготовиться к посвящению! — громко скомандовал Мастер.

Сотня лучших солдат империи, гремя бронёй, выстроилась в шеренгу.

Солдаты обнажили мечи, уперев их перед собою остриями в землю и, опираясь на их рукояти, преклонили одно колено. Многими зрителями сам момент присяги и посвящения воспринимался всего лишь как формальность, некоторые и вовсе не смотрели на рыцарей, занявшись болтовней друг с другом. Однако для посвящаемых именно это миг и был самым важным. Именно перед посвящением каждый провел в храме бога войны Арсея целые сутки, молясь без отдыха, а до этого держа пост несколько недель. Лишь за пару дней до турнира им было позволено поесть и попить что-нибудь, дабы восстановить силы. И вот этот момент настал.

— Его величество, освободитель имперских земель, император Айрис Таггеранг! — традиционно провозгласил Мастер.

Император, высокий, атлетически сложенный мужчина с резкими, благородными чертами лица, сверкая на солнце короной, торжественно спустился к застывшим в строю воинам. Первый боец преклонил голову. Взяв его меч, император коснулся им сначала левого, потом правого плеча солдата.

— Встань, рыцарь империи! — зычным голосом величественно изрек Айрис и после того, как новоиспеченный рыцарь поднялся на ноги, вручил ему его меч. Тот, приняв оружие, низко поклонился. Такой церемониал повторился в точности с каждым солдатом из сотни. По завершении обряда посвящения рыцарям предстояло принятие присяги, которую они заучивали на память все годы подготовки.

Мастер поднял руку для привлечения внимания, не столько рыцарей, сколько расшумевшихся зрителей, что растеряли уже всякое терпение в ожидании долгожданного начала турнира. Когда трибуны смолкли и, прошелестев между рядами, стихли последние легкие шепотки, он заговорил, и сотня глоток подхватила вслед за ним суровые слова клятвы, что воодушевлённо поплыли над ристалищем:

— Я присягаю на верность своему императору и народу! Клянусь исполнять долг до последнего вздоха, до последней капли крови и умереть за Алатаринскую империю, ежели этого потребует ее защита! Клянусь защищать своего брата по службе! Клянусь не сворачивать с выбранного пути, несмотря ни на что, и стоять до конца! Я принимаю тяготы и лишения службы! Слава императору!

Каждую фразу молодые парни выкрикивали во весь голос, стараясь перекричать друг друга. Однако на чёткости восприятия это не сильно отражалось, лишь усиливая его. Император стоял с легкой улыбкой на лице.

Событие это всякий раз производило неимоверный фурор среди всех собравшихся, так как проходило раз в десятилетие и в каждом случае впечатление становилось только ярче. От волнения сердца замирали, щемило в груди, перехватывало дыхание, а воздух словно раскалялся.

После прочтения присяги слово взял император:

— Я горжусь вами! Вы больше, чем просто солдаты, вы — самая большая ценность и гордость имперской армии, наша опора и стабильность. Со своей стороны, я обещаю вам лучшие доспехи, оружие, еду, самые теплые шкуры. Сохраните свою горячую кровь, преданность, силу духа на этом нелегком пути, который вы избрали. Сегодня, в последний день перед вашим уходом на службу, в вашу честь я объявляю пир. Пейте, гуляйте, отдыхайте, чтобы завтра отправиться в путь, служить верой и правдой себе, своей семье, своему народу и нашим идеям! А сейчас я оглашаю начало рыцарского турнира, чтобы избрать вашего лидера!

На этом торжественная часть закончилась и люди пришли в оживление, особенно активны в этом оказались представители мужского пола. Сопливое принятие присяги мало кого интересовало, бои лучших рыцарей — вот поистине то зрелище, ради которого проделывают путь через имперские земли.

В участники избрали двадцать лучших, которых определил Мастер. Турнир делился на несколько этапов. Обязательным навыком для дозорного на рубеже служило умение метко стрелять из лука, что и входило в первое состязание под названием «Зоркий глаз». Его суть заключалась в следующем: участники, у каждого из которых по пять стрел, должны разойтись друг от друга на расстояние в двадцать шагов, после чего по сигналу между ними начинается настоящая дуэль. Воины облачались в такие доспехи, что стрелы, втыкаясь в них, не могли пробить их насквозь. Правилами не запрещалось перемещаться — бегать, прыгать и уклоняться, но исключительно в пределах этих границ. Здесь учитываются дисциплина, сила, ловкость и координация. Те, которые получают наименьшее количество стрел в паре, допускаются до второго этапа — битвы на мечах. Здесь правила до неприличия просты — кто остался на ногах, тот и победил.

— Итак, начнем состязания! Всем рыцарям выйти и встать передо мной для приветствия друг друга! — скомандовал Мастер, окинув взглядом кандидатов.

Молодые парни, по десять бойцов с одной и с другой стороны, прекрасно знающие друг друга, обменялись пожеланиями и приветствиями. За десять лет обучения бок о бок они изучили друг друга лучше своей пятерни. Ларестор Скруз и Йофрид Аскельн оказались в противоположных лагерях. Об их неприязни, зародившейся еще десять лет назад и с годами только укрепившейся, знали все участники. Она началась сразу, как только они попали в тренировочный лагерь. Мастер меча, их наставник, проверял, на что годятся новобранцы, оценивая их физические данные и подготовку. Йофрид — высокий, хорошо сложенный молодой человек с длинными черными волосами, с детства был горделив и самоуверен. Мечом он владел прекрасно, его отец служил стражем в королевской гвардии, именно он и обучал мальчика военным техникам. Становление Йофрида Аскельна на рыцарском поприще в большей мере являлось мечтой его отца, а сын просто не хотел его огорчать. И вот когда Мастер предложил новобранцам продемонстрировать свои навыки, уверенный в своих силах парнишка без сомнений вышел вперед. Он наглядно стал доказывать своё мастерство, последовательно одерживая одну победу за другой. С насмешкой глядя на неудачи своих оппонентов, он чувствовал свое над ними превосходство. Но вот на арену

вышел Ларестор Скруз — тихий юноша среднего роста, с голубыми глазами и длинными золотистыми волосами. Его по-детски наивное лицо слабо вязалось с обликом рыцаря. Йофрид посмотрел на него с презрением и издёвкой и не на шутку удивился, не обнаружив в глазах у того и тени страха. Завязалась схватка. Скруз бесстрастно отразил все атаки. Только теперь Аскельн разглядел в невозмутимом парне силу духа, а когда тот успешно контратаковал в ответ, его это разозлило неимоверно. Поддавшись захлестнувшим его эмоциям, он потерял всякую осторожность. Забыв о защите, Йофрид с налившимися кровью глазами опрометчиво бросился вперёд. Результат не заставил себя ждать. Ларестор, парировав верхний удар мечом в голову, с разворота ударил противника ногой в грудь, выбив из того дух и опрокинув навзничь. Подойдя к поверженному сопернику, он спокойно поднёс остриё меча к его горлу, демонстрируя окончание схватки в свою пользу. Народ хлопал и поздравлял юношу с прекрасной победой, а Йофрид Аскельн с тех самых пор затаил обиду за унижение и при любом удобном случае старался реабилитироваться и доказать свое первенство, не брезгуя подлостями.

Никто не сомневался, что именно сегодня кто-то один из них одержит победу. Остальные — сугубо для формальности и организации зрелищного шоу. Похоже, они и сами это понимали, не обращая внимания на других соперников. Скруз и Аскельн сверлили друг друга глазами, не отводя взгляда, никто не желал уступить первым. Йофрид скалил зубы в ехидной усмешке и кивал, мол, смотри-смотри, скоро я покончу с тобой. На что Ларестор отвечал легким поднятием уголка рта, показывая этим подобием улыбки, мол, потерпи немного и я навсегда сотру эту ехидцу с твоего лица.

— Итак, первая пара! — громыхнул судья, прерывая затянувшееся молчание.

Кандидаты подошли, судья выдал им по пять стрел, приказав отойти на двадцать шагов друг от друга и ожидать команды. Мастер осмотрел обоих и, убедившись, что те заняли правильные позиции, скомандовал:

— К бою!

Первый тут же спустил тетиву, но потерпел неудачу, его стрела лишь просвистела над головой соперника. С трибуны посыпались недовольные возгласы, толстяк в первых рядах выругался, говоря что-то о поставленных деньгах. Рыцарь не обратил на это внимания, стремительно уворачиваясь от ответной стрелы, что лишь полирнула забрало его шлема своим оперением. Мимо. Он отскочил в сторону, сходу натягивая тетиву. Его движения поражали своей четкостью и слаженностью, как у куклы, управляемой за ниточки. Казалось, его действия скрупулёзно просчитаны до миллиметра. Выпрыгнув вперед, он сделал кувырок с последующим выстрелом. Стрела чиркнула по шлему противника своим наконечником,

а парню засчитали попадание. Люди взревели от восторга, скандируя на трибунах. Толстяк поднял две руки вверх и засвистел, что есть силы, потом схватил тощего мужчину за грудки и так громко крикнул, оскалив желтые зубы, что его слышали в последних рядах:

— Ты мне должен два таргена, твоя ставка, увы, не сыграла, — похоже, тощий ставил не на того рыцаря, чему желтозубый очень обрадовался.

Вот и закончилась первая схватка, победитель определен. За ней последовали остальные, вызвав не меньший восторг. В итоге осталось лишь четыре участника, получивших наименьшее количество попаданий, среди которых — Ларестор Скруз и Йофрид Аскельн. Во втором этапе они будут драться на мечах.

А пока рыцарям предоставили небольшой отдых, зрителям, равно как и участникам, предложили подкрепиться приготовленными в честь торжества кушаньями и напитками.

В это время на опустевшем ристалище организовалась развлекательная программа — там появились лучшие шуты и акробаты императорского двора.

— Прошу тишины! — спустя короткое время провозгласил Мастер. — Сейчас пришло время второго и заключительного этапа нашего рыцарского турнира, в котором и определится имя будущего предводителя! — закончил он, повернувшись к своим ученикам.

Аскельна и Скруза поставили в разные пары. Первым на бой вышел Йофрид Аскельн. Против него — рыцарь, который не представлял для него никакой опасности, на тренировках он всегда легко затыкал того за пояс. Люди встретили поединщиков без особого энтузиазма, молча переглядываясь, кое-где равнодушно зевая и понимая, что главная схватка еще впереди. Ни для кого не было откровением, что в конечном итоге сойдутся в смертельном поединке именно Аскельн и Скруз.

Подготовка защитников «Серых Врат» всегда была самой обсуждаемой темой в империи. В каждом трактире, за кубком пива или вина, так или иначе заходил разговор о рыцарях. Их жизнь ни для кого не являлась секретом, а напротив, о ней рассказывали, устраивали открытые тренировки и показательные бои. Люди каждый день приходили в академию, дабы поглазеть на юных защитников. Для академии это хорошо, каждый из прихожан бросал монетку на развитие. А заместитель мастера с удовольствием проводил экскурсии, отвечая на все возникающие вопросы. Каждый, кто посетил академию, считал своим долгом рассказать все, что он там увидел и услышал и, конечно же, приврать немного. Посему за десять лет подготовки в каждом уголке империи знали о рыцарях все.

Начался бой. Аскельн, как всегда, агрессивно наносил удары, его противник отважно защищался, уклонялся, парировал выпады, но сам атаковать не осмеливался. Секунда —

и клинок робкого малого со свистом пронёсся прямо над головой Йофрида, слегка чиркнув по его шлему. Тот, ловко увернувшись от оружия и воспользовавшись неудачной попыткой противника, нанес ему точный удар в колено, лишив опоры и заставив пошатнуться. Всё. Турнир для парня окончен. Кульминация наступила, не дав событиям получить полноту развития. Йофрид Аскельн, вальяжно развернувшись, с довольной физиономией пошёл с ристалища, воздев меч вверх в знак своей победы. Люди ему зааплодировали, засвистели и бросили несколько монет в знак поддержки и признания. Сойдя с арены, он, кинув надменный, переполненный злобой взгляд на Скруза, беззвучно пошевелил губами: «Ты следующий». Ларестор ответил ему легкой улыбкой, на что Йофрид добавил уже громко, так, чтобы слышали все:

— Встретимся в финале, если дойдешь!

Но до финала Ларестору было еще далеко. Ему не так повезло, как Йофриду. Против него выдвинули Джерома Ластрома, поистине огромного парня, выше на две головы, мускулистого, жилистого — словом, гора мышц. Ларестор и Джером хорошо знали друг друга и не раз дрались на мечах. Джером был последним, с кем Скрузу хотелось бы встретиться в поединке. Во время обучения они не могли до конца выяснить, кто сильнее. Но сейчас для Ларестора кое-что изменилось — на тренировочной площадке стоял Мастер, который всегда гнал его вперед, заставляя драться не отступая, и вот в такой силовой манере боя Джером побеждал, но сейчас появлялась возможность взять того измором, изменив тактику.

Оба соперника встали лицом к лицу, готовые вступить в бой, ожидая лишь команду. Судья, он же Мастер, громогласно представил поединщиков. При имени Ларестор Скруз четверо мужчин вскочили на ноги и, что есть силы, заскандировали с трибун: «Скруз! Скруз!

Скруз!»), их пьяные лица покраснели от натуги. Солдатам пришлось утихомиривать нарушителей порядка. После соблюдения всех формальностей бой начался.

Ларестор кружил вокруг противника, вытягивая того на себя, ему нужно было заставить Джерома промахиваться. Громила, перехватив инициативу в свои руки, провёл сильнейшую атаку, на которой Скруз, смещаясь в сторону, едва удерживался на ногах. Джером нанес еще несколько сокрушительных, но неэффективных ударов. Тяжело задыхаясь, он отступил назад. «Это мой шанс», — подумал Ларестор и шагнул на него. Тот, не теряясь, взмахнул мечом и обрушил его на голову рыцаря. Удар вышел не таким сильным, как в начале боя, Скруз удачно парировал его и тут же сделал прямой выпад, целя в грудь соперника. Тот дёрнулся, пошатнулся и, теряя равновесие, отступил на шаг назад. Скруз понял, что Джером устал и принялся кружить вокруг великана, извиваясь и изворачиваясь, словно уж. Его движения участились, ему удавалось все точнее попадать хоть и не сильными, но все же беспокоящими ударами. Джером же замедлился, его уже можно было просчитывать и предугадывать, а соответственно и опережать. Ларестор сделал шаг вправо, провоцируя противника. Тот, поддавшись на уловку, ударил мечом в этом направлении как раз тогда, когда Скруз скользнул влево и оказался у него за спиной. Один мощный удар в бок, затем в голову — и противник валится с ног. Бой выигран, публика радостно ликует. Ларестор, подойдя к Джерому, протянул ему руку, помогая подняться, после чего оба под рёв трибун и посыпавшийся на победителя дождь из цветов и имперских таргенов покинули ристалище.

Хмурый Йофрид между тем молча наблюдал за этой данью мастерству и благородству, и ему явно не по нраву было то, что он видел. Сам император встал сказать несколько слов о турнире:

— Итак, турнир выдался на славу! Перед вами стояла задача не только победить, но и показать мне и всем присутствующим, что значит быть рыцарем. И вы с ней успешно справились. Мы увидели сегодня вас во всей красе, захватывающие бои и достойных соперников. Но правила арены суровы — победитель всегда остаётся один. Сейчас турнир определил двух лучших из вас. Так пусть же последнее состязание разрешит главный вопрос сегодняшнего дня. В этом году я подготовил особый подарок для победителя. Тот, кто получит титул командующего, сможет принять от меня этот прекрасный меч «Альмасхейн» — дар от короля Арвина Альвсхейра. Он бесценен и носить его достоин только лучший из лучших — главнокомандующий моих рыцарей у «Серых Врат». Удачи вам обоим! И пусть победит сильнейший!

Люди зааплодировали в знак уважения к своему повелителю и с нетерпением стали ожидать финального поединка. И когда, наконец, у противоположных сторон ристалища показались соперники и решительной поступью направились к центру, толпа взорвалась шквалом оваций, вскочив на ноги и стараясь своими выкриками и аплодисментами поднять их боевой дух.

Скруз шёл с серьезным, сосредоточенным лицом. Собираясь с мыслями, он не смотрел по сторонам и не обращал никакого внимания на выкрики публики. Йофрид же, демонстрируя уверенность в своей победе, широко улыбался и размашисто приветствовал зрителей, желая поздороваться с каждым. Самодовольная улыбка медленно сползла с его лица, лишь когда его взгляд упёрся в бесстрастные глаза стоящего напротив него Ларестора. То, что он в них увидел, протрезвило его и он посерьёзней, осознав, что всё для него решится именно здесь и сейчас, в этом поединке. Судья для порядка еще раз огласил правила, уже давно заученные всеми наизусть: финальный бой будет проходить на мечах до тех пор, пока

один из соперников не окажется на земле. Бой начался!

Ларестор выжидал, он не спешил действовать. Глаза же Йофрида яростно сверкнули, зубы оскалились и, неизменный в своей агрессии, он яростно ринулся на соперника. Резкий взмах меча — и тяжелый рубящий удар со свистом рассёк воздух. Скруз отбил его с оглушительным лязгом, рассыпав в воздухе сноп искр и разрывая дистанцию, пнул противника ногой в грудь, от чего тот, неловко перебрав ногами, сделал несколько шагов назад. Трибуны, до сего момента молчавшие, взорвались возгласами. Аскельн зашипел от ярости. Зрители снова застыли, приподнявшись и затаив дыхание, никто не в силах был отвести глаз от арены, следя за каждым движением рыцарей. Йофрид, разозлившийся не на шутку, пошёл вперед, атакуя, что есть силы, своим мечом со всех сторон в направлении врага и стараясь нанести ему как можно больший урон. Его попытки не принесли сколь-нибудь ощутимых плодов — Ларестор успешно парировал все удары, правда, каждый раз тяжело вздыхая от натуги, но по-прежнему не торопясь предпринимать активных действий. Зрители от такого положения вещей стали приходить в недоумение. Некоторые пузатые знатоки взялись подсказывать и давать советы Ларестору, как тому лучше следует вести поединок.

Вскоре из-под опущенного забрала Йофрида послышалось его тяжелое дыхание, он уже изрядно обессилел от тщетности своих попыток поразить противника. Скруз дождался своего часа. Не вкладываясь в удар, он взмахнул мечом над головой соперника, обманывая его, и тут же резанул по корпусу, нанеся следом мощный прямой удар ногой. Аскельн задохнулся и согнулся от боли, отступив на два шага назад. Ларестор, не теряя времени, размахисто ударил его мечом в бедро, защищённое доспехами, отчего скрежет стали эхом разлетелся по арене. Йофрид упал на одно колено и Скруз ловко выбил оружие из его рук, после чего сорвал со своей головы шлем и победно воздел меч вверх. Бой завершен.

Айрис Таггеранг встал со своего императорского кресла и, подняв руки, призвал всех к вниманию. Толпа умолкла, словно замороженная.

— Вот и определился лучший рыцарь нашей сотни! Теперь он их предводитель, наставник и верный соратник. Подойди ко мне, достойный муж моей армии!

Ларестор почтительно приблизился и преклонил колено в знак верности императору.

— Я хочу вручить тебе этот меч, как и обещал, — продолжил тот, — отныне он будет символом твоей силы, ума, храбрости и величия. Завтра ты поведешь своих людей в приграничный город. Ты проделал длинный путь и доказал, что достоин этого. Но помни, теперь ты не просто командующий. Я вверяю их под твою защиту, головой отвечаешь за каждого члена моей армии. Носи с гордостью этот меч! И да пребудет с тобой и твоими людьми удача! — и он передал оружие Ларестору.

Парень, как полагалось, принимая дар, поцеловал перстень, украшавший руку императора, и с достоинством произнёс:

— Это большая честь для меня. Клянусь служить верой и правдой вам и своему народу, Ваше Величество, отдать жизнь за убеждения и законы, ежели это будет необходимо, — закончил он, вставая с колен.

После победы Ларестора вся сотня принесла ему клятву в верности, вслед за чем Мастер произнёс своё напутственное слово:

— Завтра вы отправитесь к «Серым Вратам», эта великая честь выпадает не каждому, а возможность стать командующим — единицам. Я вижу в твоих глазах отвагу, доблесть и мужество, — положил он руку на плечо Скруза, — так пусть же ты пронесешь эту силу духа и верность своему народу через все битвы, что выпадут на твою долю. Сейчас я вижу

пред собой доблестного воина, готового положить жизнь за Алатарианскую Империю. Таким я хочу видеть тебя и впредь, — Мастер пристально взглянул в глаза Ларестора и, увидев в них невозмутимое спокойствие, добавил уже для всех: — А сейчас расслабьтесь: танцуйте, веселитесь, пейте, гуляйте. Этот пир в вашу честь, и я хочу, чтобы вы вспоминали его с теплотой в сердце холодными вечерами на «Серых Вратах».

Пир поистине выдался роскошным — лучшие шуты, укротители зверей, акробаты приехали порадовать своими выступлениями будущих героев Империи. Сейчас Ларестор Скруз наслаждался праздником вместе со своими братьями, стараясь прочувствовать каждый момент, уловить каждый миг последнего дня свободной, непринужденной жизни. У многих были матери, невесты, жены, дети. Они сегодня собрались здесь, поддерживая и провожая своих любимых. На их лицах не было и следа тоски или печали, лишь гордость и легкая тревога озаряли их полные любви глаза. Люди пировали и хотели разделить радость с новобранцами. Столы ломились от блюд, лучшие повара со всей Империи съехались сюда, чтобы угодить виновникам торжества и почтенным гостям. Всеобщий ажиотаж вызвало блюдо, приготовленное звероловом-отшельником, который жил в самой глуши и в столице не появлялся. Он преподнес животное невиданных размеров. Поговаривали, это теневой зверь, который живет на болотах, и увидеть его можно только ночью, так как при свете дня ни один охотник не сможет его обнаружить. Размеры его превышали габариты дикого кабана, вместо четырех одинаковых лап у него две большие задние и две маленькие передние, что позволяет ему ходить, подобно человеку. Голова — яйцеобразная, плавно переходящая в хобот. Опытные охотники определили, что еще его называли «айсмар» — неуловимый. Некоторые кривили лицо при виде такого чудища, что, тем не менее, не помешало присутствующим, поддавшимся алкогольным парам, откусить по кусочку. К всеобщему удивлению, вкус оказался изумительным. Гости восхваляли кулинарный талант повара и пытались выпросить эксклюзивный рецепт. Отшельник же, не привыкший к обществу, лишь бормотал что-то невнятное себе под нос и морщил лоб. За этими бурными событиями никто не заметил, как пир стал подходить к концу.

Император Айрис Таггеранг встал со своего места в центре, чтобы сказать последние слова перед завтрашним отправлением:

— Вы — наша надежда, наш меч и щит, гордость Империи! Служите с честью и да пребудет с вами удача! Можете попрощаться с родными, близкими, друзьями, они будут верить в вас и молиться. Помните, вы охраняете их покой!

Парни пошли прощаться со своими близкими. У Ларестора была только мать, которую он очень любил. Парень подошел, обнял ее и сказал:

— С детства ты заботилась обо мне, учила и наставляла. Я всегда знал, что настанет день, когда уже я стану тебе опорой и защитой. Время пришло, помни, пожалуйста, я не бросаю тебя, наоборот, иду на службу ради тебя, чтобы ты жила свободно и спокойно без страха, с уверенностью в завтрашнем дне. А я позабочусь об этом, обещаю.

У матери выступили слезы. Радость, гордость и легкая грусть смешались в ее серо-зеленых глазах, которые неотрывно смотрели на сына. Он обнял ее и крепко прижал к себе. Так они простояли минут пять или больше, кто знает. В такие минуты время словно замирает.

Прощание окончилось. Рыцари отправились отдыхать, утомленные поистине насыщенным трудами днем.

* * *

Первые лучи солнца пробились из-за горизонта. Дозорный затрубил в рог. Великий день настал. Скоро избранники увидят «Серые Врата», которые открываются только для самых смелых солдат, отважившихся служить там. По тем временам просто добраться до рубежа уже считалось подвигом. Путь туда был далеким и нелегким, без осторожного и опытного проводника добраться туда не представлялось возможным. Дорога пролегла через вязкие трясины, ветхие мосты, коварные рвы, сумрачные леса. За каждым поворотом поджидала опасность, каждый участок пути мог оказаться смертоносным, один неверный шаг — и ты покойник, не добравшись до «Серых Врат».

Ларестор вышел из покоев, где расположились на ночлег рыцари. Подняв руки вверх, он хорошо потянулся и сладко зевнул. Устремив взор к небу, где робко пробивались первые лучи солнца, и потеряв рука об руку в предвкушении захватывающего путешествия, он подумал о насущном, в частности, про свой урчащий желудок. «Нужно подкрепиться перед дальней дорогой», — с этой мыслью он и направился в трапезную завтракать. Рыцари уже толпились перед входом, у всех наблюдалось приподнятое настроение, что легко объяснялось манящими ароматами, витавшими в воздухе. Ларестор изрядно проголодался, потому поспешил первым переступить порог. Рыцари пропустили его вперед, отдавая должное своему командиру. Войдя внутрь, он увидел стол, щедро накрытый на всю сотню, а в центре его красовалось главное блюдо — большой запеченный ягненок с соблазнительной румяной корочкой. Запах, исходящий от этого великолепия, кружил голову и заставлял течь слюни. Вокруг ягнёнка тут и там располагались фрукты, свежее испеченные хлебцы и закуски. Повар, увидев Ларестора, любезно предложил ему и его людям присесть и отведать угощение:

— Садитесь, друзья, за стол. Ешьте, пейте и набирайтесь сил перед длинной дорогой. На службе вы таких изысков без меня долго не увидите.

Парни засмеялись и, рассевшись, приступили к трапезе. Еда оказалась настолько вкусной, что процесс затянулся на добрый час. Рыцари, несмотря на вчерашний пир, никак не могли насытиться. Наконец, наевшись вволю и от души поблагодарив повара, они кое-как стали выбираться из-за стола, потянувшись на выход вслед за командующим. Довольно потирая животы и щуря глаза от удовольствия, вся сотня, казалось, забыла о предстоящем путешествии. Как тут один из них опомнился и обратился к Ларестору:

— Когда прибудет наш проводник? — вопрошающего звали Малколм Кольбейн, сыто зевнув, он с надеждой в голосе продолжил: — Может, мы еще успеем передохнуть после такого сытного завтрака?

— Нет, — с досадой отрезал Скруз, хотя в душе вполне разделял чувства товарища по оружию, — увы, он должен уже быть здесь.

— Ну и ладно, я и на своем бравом скакуне смогу выспаться в дороге. Недаром же накануне я заказал у ремесленника новое седло, а с моим ростом оно и впрямь будет мне как кровать, — не особо огорчился паренек.

— Не сможешь ты спать в дороге, — уверил его чей-то спокойный хриплый голос.

Все невольно обернулись. К ним подходил маленький щуплый мужчина со сморщенным, словно изюм, лицом. Портрет дополняли впавшие, прикрытые уставшими веками глаза, тонкие сухие губы и зелёная, болотистого цвета мантия, говорящая о том, что это и есть тот самый проводник.

— Почему это? — озадачился Малколм, вспоминая, сколько он отдал медных таргенов за седло.

— Потому, что мы пойдём пешком. Без всяких лошадей. Я вам больше скажу. Вы должны снять доспехи, из оружия можете взять лук со стрелами, меч, а также карманный нож.

— Что это значит? — сдвинул брови Ларестор. — Как мы будем столько идти пешком, да ещё и безоружные? Вы хотите вести нас на верную смерть?

— Так значит, ты и есть тот самый Ларестор Скруз, предводитель новой сотни? — с интересом в голосе произнес проводник, направившись в сторону парня.

Тот утвердительно кивнул.

— Мне очень приятно познакомиться лично, — мужчина уважительно протянул Ларестору свою сморщенную руку. — Я обязательно отвечу на все вопросы, но чуть позже. Одно могу сказать точно: ты можешь не переживать о своих людях. Я тридцать лет сопровождаю рыцарей и заключённых до «Серых Врат». Вам нужно следовать моим советам безоговорочно, и тогда вы доберётесь туда целыми и невредимыми.

Рыцари, недоверчиво глядя на него, всё же стали подходить ближе, чтобы услышать, что же значат его странные слова и зачем соблюдать такие причудливые меры. Когда вокруг него собралась вся сотня, мужчина, оглядев всех, представился:

— Меня называют Десятый.

Каждый житель империи с детства слышал легенды об этих людях. Они не имели собственного жилья, имени, семьи, а лишь номер, присвоенный при вступлении в «гильдию». Проводник между тем неспешно продолжил:

— А теперь слушайте внимательно, что нам придется преодолеть, — он сделал паузу и ещё раз окинул присутствующих пронзительным взглядом. — Мы не можем взять лошадей, так как путь наш лежит через густой лес, где пробраться верхом через чащу невозможно. После леса дорога будет идти через стоячее болото. Доспехи мы оставляем здесь, чтобы иметь возможность пройти его налегке, под лишним весом оно вас затянет. На этом самый сложный участок пути будет пройден. Далее наша дорога пойдёт через равнины. И там вас будут ждать лошади, а доспехи и оружие вам выкуют в Гинвале, там прекрасные кузни. На весь путь у нас есть четыре дня. Каждый день нам нужно идти тридцать миль, так что давайте не терять времени на разговоры и сразу приниматься за дело. На сборы вам десять минут, далее выдвигаемся.

На этом он ещё раз оглядел отряд и повернулся к Скрузу, давая понять, что он закончил.

Тот кивнул и дал знак своим людям выполнять команду, после чего все пришли в движение. К тому времени, когда прозвучал приказ «Строиться по двое в две шеренги!», все рыцари уже стояли наготове. У каждого при себе имелась фляга с водой, провизия, меч, лук и карманный нож. Рыцари выглядели хоть и взволнованно, но решительно. Их ждала долгая, трудная, но такая желанная дорога. Ни на одном лице не отражалось ни страха, ни сомнения, а лишь хладнокровное спокойствие, именно то, чему новобранцы учились долгих десять лет.

Перед строем вновь появился Десятый. На своём веку он перевидал много таких смен, но каждый раз, глядя на новых ребят, проникался уважением к их мужеству.

— Готовы? — обратился он к юношам.

— Так точно! — дружно громынуло в ответ.

— Тогда вперед, и да поможет нам великий Арсей! — заключил Десятый.

Проводник с Ларестором пошли впереди, остальные последовали за ними. Сначала шли молча, каждый думая о своем. Кто-то вспоминал семью, время, проведенное в академии,

другие пытались представить себе приграничный город, «Серые Врата» и то, что их там ждет. Позже эмоциональное возбуждение, вызванное ожиданием перемен, взяло верх, завязались разговоры, кто-то взялся шутить, то тут, то там в строю послышались хохотки. Постепенно у всех поднялось настроение и теперь сотня вышагивала, разве что не пританцовывая. Время полетело незаметно и уже вскоре Десятый остановился, поднятием руки обращая на себя внимание:

— Вот мы и подошли к запретному лесу. Будьте осторожны, ничего не трогайте, а главное, не ешьте, выполняйте четко мои инструкции и тогда никто не пострадает.

Лес и вправду выглядел как-то по-особенному — деревья отличались невероятной высотой, кусты превышали человеческий рост, а трава, расстилавшаяся ковром, имела синеватый оттенок. Имперцы выстроились в колонну и пошли след в след за командиром, а тот — за поводырем. Никто больше не болтал и не смеялся, каждый сосредоточился и насторожился. Когда путники вошли в лес, стоял солнечный ясный день, теперь же всё окружающее поглотила крошечная тьма. Кроны деревьев своим живым щитом настолько плотно скрыли небо, что невозможно было разглядеть ничего уже на расстоянии вытянутой руки. Складывалось впечатление, что за все времена сюда никогда не пробивался ни один лучик света, и в этих гиблых местах всегда господствовала вечная ночь.

— Что это? — внезапно остановившись, спросил Скруз.

Перед ними открылась прогалина, резко контрастировавшая с теми, что они уже прошли. Её всю заливал мягкий солнечный свет.

— Это место прозвали Поляной потерянных душ. Кто потерялся в этом лесу и не может найти обратной дороги, рано или поздно выходят сюда и остаются здесь навсегда, — спокойно пояснил проводник.

Поляна действительно отличалась от прочих. Здесь не было высоких деревьев, лучи солнца беспрепятственно падали и освещали всё вокруг. Как ни в чем не бывало, зеленела свежая травка, в которой проглядывались аппетитные грибочки. Раскинувшуюся посреди поляны лужайку пересекал ручеек, весело журча кристально чистой водой. Тут и там росли небольшие кустарники, усыпанные различными ягодами. Словом, рай на земле после адских тернистых тропок. Вся природа здесь дышала жизнью. Перводанную красоту этого места органично дополняли невиданные цветы в человеческий рост. Они не только выглядели божественно красиво, но и источали манящий, сладостный и дурманящий голову аромат.

Рыцари застыли в изумлении, околдованные местными чудесами. Малколм первым стряхнул оцепенение:

— Надеюсь, мы зайдем туда отдохнуть и перекусить? — с надеждой в голосе произнес он.

— Нет! — сурово отрезал Десятый. — То, что вы видите — фальшивка. В этом лесу нет ничего опаснее этого места!

— С чего это? — повернулся к нему Скруз.

— Эта поляна не так безобидна и прекрасна, как выглядит, — Десятый явно нервничал. — Этот лес, как лабиринт — когда путник не знает точного маршрута и теряется в лесу, он рано или поздно попадает сюда. Этой красоте и спокойствию изумляется каждый и, думая, что нашел пристанище и спасение, расслабляется. На самом же деле это мираж, ловушка, капкан. Изрядно вымотавшись в тернистом лесу, странник желает отдохнуть среди прелестных цветов и подкрепиться вкуснейшими ягодами... Всё, что вы тут видите, пропитано ядом. Человек, поддавшийся соблазну, погружается в глубокий сон и остается

здесь навсегда. Эти цветы носят имя «кайцу» — хищные. Они — сердце этой поляны, оружие, его жизненная сила. И вот когда странник мирно засыпает, они превращаются из прекрасных бутонов в кровожадных пожирателей людской плоти. Души несчастных, легкомысленно поддавшихся искушению, никогда не выйдут отсюда.

— Так почему их не вырубить? Вырвать ядовитые кустарники, растоптать грибы? — недоумённо поднял брови Скруз.

Десятый взглянул на него и прикрыл глаза:

— Думаете, за все годы никто не пытался этого сделать? — он вздохнул и покачал головой. — Император лично посылал солдат. Они неоднократно под корень уничтожали все живое на этой поляне, рубили, топтали, жгли, однако через некоторое время все возрождалось и возвращалось в тот вид, что вы видите перед собой.

Рыцари с округлившимися глазами уставились на цветы.

— Так что обойдем мы эту Поляну потерянных душ вон той тропой, — и Десятый указал пальцем в направлении одной из непроходимых пущ. — Придется поработать мечами для расчистки пути.

Рыцари взяли за оружие, Ларестор обнажил свой «Альмасхейн» и сильно сжал его синюю рукоять.

— Это древняя непроходимая тропа. Ее тоже неоднократно расчищали, пытаясь освоить новую дорогу. Но после вырубки растительности она тотчас выростала вновь, как хвост ящерицы, — приглушенным, словно рассказывая страшилку у костра, голосом оповестил Десятый. — Активно работаем мечами, нам нужно преодолеть ее до захода солнца, — подытожил он.

Рыцари, взявшись за дело, сразу ускорились, не желая застрять в этом гиблом месте после наступления сумерек. Тропа оказалась действительно непроходимой, силы медленно оставляли парней. Но ничего не поделаешь, другого пути у них не было, поэтому, сделав над собой усилие, они прорубались сквозь чащу, буквально, валясь с ног. Лес всячески сопротивлялся, кусты били по незащищенным лицам, царапали руки. Корни цеплялись за сапоги, что приводило к потере равновесия, а то и к падениям. Отряд замедлился, все тяжело дышали, ноги отказывались слушаться, усталость побеждала, когда Десятый поднял что-то с земли и закричал:

— Мы очень близко, еще каких-то полмили осталось.

Находкой проводника оказалась метка, что он оставлял в прошлые походы каждые полмили, чтобы ориентироваться на местности. Юноши, воодушевленные радостной новостью, заметно ожили, и результат не заставил себя ждать.

— Мы прошли этот нелегкий отрезок пути, — вздохнув, наконец, с облегчением, сказал Десятый, — но не расслабляйтесь, впереди еще долгая дорога. А сейчас сделаем привал, нужно разбить лагерь, отдохнуть, подкрепиться и набраться сил.

— Каждый знает, что ему надо делать! — окинул своё воинство взглядом Скруз.

Еще до начала их путешествия он поделил всех на отряды, отвечающие каждый за свою часть дела: одни рубили дрова на костер, другие очищали место для ночлега, третьи готовили кушать. Каждый знал свои обязанности, все работали слаженно. Десятый, наблюдая за этим действием, ещё больше начинал понимать, почему именно Ларестор возглавил войско.

Когда дело было сделано, рыцари собрались вокруг костра, на котором уже жарились грибы. Вдыхая запах свежей пищи, коротая время в предвкушении скорого ужина, они

рассказывали друг другу истории о подвигах первых рыцарей из тех, что слышали еще в детстве. Всех охватило хорошее настроение, только Десятый, держась особняком, уединился у большого дерева, задумчиво глядя на огонь и что-то бормоча себе под нос.

Костер горел всю ночь. Потрескивая, сгорал в огне хворост. Большая часть отряда легла спать, в то время как десять бойцов остались охранять сон своих товарищей, заняв позиции с хорошим обзором по периметру лагеря. Дозорные сменялись каждый час. Продолжить путь намечалось с первыми лучами солнца.

Когда на небе показался первый лучик солнца, проводник взобрался на большой камень у тропы и коротко протрубил в рог. Звук эхом пронесся по утреннему лесу, вороны, населявшие сумрачные дебри, взлетели вверх. В этом карканье, заполнившим всю округу, рыцари повскакивали на ноги и схватились за оружие, но, увидев стоявшего на камне Десятого, сразу успокоились.

— Нам предстоит пройти территорию Жадного Болота. Это следующая преграда на нашем пути. Ступайте за мной след в след. Не обращайтесь внимания на то, что будете видеть по сторонам. На поверхности болота лежит множество предметов, которые покажутся вам ценными или полезными, но не вздумайте брать ничего из этого. Самое маленькое кольцо, которое вы возьмете, чтобы потом подарить своей будущей женушке, утянет вас в жижу.

И никто не сможет вас спасти. А те, кто попытается вытащить своего товарища, будут поглощены болотом вместе с ним! Такова цена за жадность, которую болото возьмет с каждого ненасытного путника!

Ларестор кивнул и оглядел рыцарей. На их лицах читалась усталость и сонливость, однако информацию усвоили все. Поняв, что правильно донес мысль, проводник удовлетворенно кивнул сам себе, спрыгнул с камня и пошел вперед. Остальные, во главе с Ларестором, двинулись за ним. Жадное Болото оказалось непохожим на привычные болота, на нем не росли деревья и кусты, это была сплошная зелено-темная жижа, покрытая тонким слоем какой-то желтоватой поросли. С каждым шагом почва под ногами становилась мягче. В какой-то момент тропа исчезла, оставив сплошную грязь. Отряд заходил всё дальше, утопая в жиже сначала по щиколотку, затем по колено, позже — по пояс. Вскоре взору рыцарей открылась соблазнительная на фоне всеобщего хаоса картина — тысячи ценных предметов окружили их со всех сторон. Здесь присутствовали и великолепные мечи, и щиты, и доспехи, и топоры, и ювелирные украшения, и прочие красивые дорогие безделушки. От увиденного зарябило в глазах. Бойцы из всех сил старались не обращать на всё это великолепие внимания, но сокровища то и дело притягивали их взгляды, и тогда они тут же грубо одергивали друг друга, крича «Смотри вперед!», не давая тем самым товарищу искушаться.

Пройдя относительно небольшой отрезок пути, отряд ощутимо замедлился. Приходилось уже передвигаться, высоко поднимая руки с оружием над головой, а болотная жижа достигала каждому почти до подмышек. Десятого из-за его невысокого роста и вовсе можно было узнать лишь по торчащей над поверхностью голове. Это выглядело невероятно, но погруженный по шею в болото, он продолжал двигаться каким-то совершенно невообразимым образом быстрее других. Парни стали подозревать, что тот использует некую особую технику.

— Стоять! — вдруг сипло крикнул Десятый.

Воины замерли.

В наступившей тишине стали отчетливо слышны беспорядочные крики птиц, кваканье

лягушек и жужжание комаров. Йофрид, идущий прямо за Ларестором, с детства обладал очень чутким слухом. Его ухо уловило какую-то новую, диссонирующую нотку в этой более-менее привычно звучащей какофонии. Звук напоминал шорох крыльев. Но что-то в этом шорохе было неправильным. Такой шорох могли издавать лишь очень мощные крылья.

— Командующий! — произнесение этого звания в отношении к Ларестору далось ему с большим трудом, но тут было не до старых обид. — Прикажи приготовить луки!

— Аскельн! Разве я спрашивал твоего совета? — недовольно осадил подчиненного Скруз, но неподдельная тревога, прозвучавшая в этой просьбе, заставила его оглянуться назад.

Точку в этом вопросе поставил проводник. Его торчащая из болота голова надрывно прокричала:

— Сейчас тут будет виверна!

Сразу же вслед за его словами небо над отрядом потемнело и огласилось жутким утробным рыком, от которого по спинам рыцарей пробежал легкий холодок.

Запрокинув головы, они увидели здоровенную, демонического вида тварь. Крылья у чудовища были перепончатыми, как у летучей мыши, и имели невероятные размеры. Из-за того, что монстр появился неожиданно и летел очень низко, бойцам показалось, что он величиною с дворец. Тварь с ревом пронеслась над отрядом и стала набирать высоту, намереваясь, по всей видимости, сделать круг и вернуться для атаки. Стало понятно, что хоть крылья её и очень широки, но тело имело всё же меньшие габариты — с поляну или небольшой луг, хотя от этого оно не становилось менее смертоносным.

— К оружию! Цельтесь в эту тварь! Стрелять по команде! — голос Ларестора утонул в рыке виверны, от которого у всех заложило уши.

Сделав петлю, чудище полетело прямо на рыцарей, снижаясь с такой ловкостью и скоростью, что глаза храбрых воинов наполнились ужасом. Лохматая туша, несущаяся на крыльях, размахом в пару десятков человеческих тел, стремительно приближалась. Проводник, Ларестор, Йофрид, Джером и находившиеся рядом с ними бойцы могли разглядеть, как из пасти, ощерившейся десятками длинных клыков, по разные стороны струями разбрызгивается слюна, источающая пар. Похоже, чудище испытывало сильный голод и рассчитывало хорошенько полакомиться свежей человечиной. Звероподобное существо низко пронеслось над жертвами и, хищно вытянув когтистые лапы, ухватило одного из рыцарей.

— Джжееероооммм! — закричал Скруз, его сердце забило быстрее, на лбу выступил холодный пот.

В лапах зверя огромный Джером казался маленькой тряпичной куклой, безвольно болтая в воздухе руками и ногами. Виверна, стремительно набирая высоту, широко распахнула пасть и, мотнув башкой, закинула туда свою жертву, после чего челюсти сомкнулись. Зверь, перевернувшись в воздухе, снова стал камнем падать на отряд для новой атаки.

Ларестор тотчас положил ладонь на голову проводнику и повернул её к себе ухом.

— Что?! — рявкнул Десятый.

— Где у неё самое уязвимое место?! — сосредоточенно прокричал парень, стараясь приблизиться к его уху так близко, насколько это позволяло вязкое болото.

— Глотка и глаза! — проорал проводник, стараясь перекрыть окружающий гул.

Ларестор потянул из колчана стрелу и обернулся назад:

— Цельтесь в его пасть и глаза! Стрелять строго по команде!

Практически настигнув отряд, монстр снова заревел, широко раскрыв пасть.

— Сейчас! — скомандовал Скруз и пустил стрелу. Та, рассекая воздух, воткнулась в самую глотку чудовища. Вслед за ней отправилось ещё девяносто восемь стрел, не менее четверти из которых попали точно в пасть зверю и проткнули ему шею так, что наконечники вылезли с обратной стороны гигантской морды. Еще несколько воткнулись в оба глаза монстра. Казалось, невозможно в таких условиях выстрелить из лука настолько метко, но только не для лучших воинов Алатаринской Империи.

Виверна издала протяжный вой, дернула мордой и попыталась начать набирать высоту. Но, пролетев вместо этого над головами рыцарей, с чваканьем рухнула в болото в нескольких десятках шагов позади них. Упав, туша стала корчиться и изворачиваться, судорожно молотя по болоту огромными крыльями и разбрызгивая вокруг себя ошметки жижи. Она билась в агонии, издавая истошный визг и увязая в трясине всё сильнее и сильнее. Солдаты как замороженные смотрели на это ужасающее зрелище.

— Идем! Времени в обрез! — одернул их Десятый и побрел дальше. — Нам нельзя стоять. Или вы ждете, пока прилетит еще парочка?

Ларестор потянулся за проводником, отряд последовал за ними, не желая столкнуться лицом к лицу с еще одной тварью. Юноша думал о погибшем товарище, и сердце его разрывалось, то ускоряясь, то замирая в груди, на глазах выступали слезы. «Какой же я командующий, когда, не дойдя до рубежа, уже потерял одного из людей, доверившихся мне? Друга, с которым бок о бок десять лет делили все тяготы».

Они продолжали брести по жиже, держа над собой лук, и еще некоторое время слышали, как жутко кричало позади умирающее чудовище в то время как Жадное Болото пожирало его окончательно.

Никто не говорил ни слова, лишь глаза, опущенные вниз, выдавали печаль, сковавшую рыцарские сердца. Стали спускаться сумерки, сотня по-прежнему учтиво молчала, но Скруз понимал, что всех мучает вопрос: не придется ли ночевать на болоте? Ему и самому не давали покоя эти мысли, однако проводника спрашивать об этом он не стал, чтобы не показывать подчиненным свою неуверенность и не сеять тем самым панику. Но не думать об этом он не мог, поэтому то и дело ждал удобного случая. И вот когда, наконец, стемнело настолько, что голова Десятого стала впереди еле различимой, командующий увидел, что тот с каждым шагом становится заметно выше. Из жижи показались сначала плечи проводника, затем верхняя часть спины. Пройдя еще, Ларестор и сам ощутил, что почва под ногами стала тверже, и отряд постепенно стал выбираться из вязкой бездны.

— Мы вышли к равнинам, — глухим голосом известил проводник, лицо его выглядело печальным, похоже, он чувствовал и свою вину за эту нелепую смерть.

Как только лагерь обустроили для ночлега, развели огонь и организовали приготовление ужина, командующий попросил всех присутствующих помолиться богу войны Арсею, чтобы тот принял Джерома Ластрома в свою бессмертную армию.

После молитвы Скруз сел перекусить и погреться у костра, заведя неспешную беседу с проводником:

— Скажи, у тебя такое случалось, что к рубежу добирались на службу не сто рыцарей, а меньше?

— Один раз на Жадном Болоте молодой робкий парнишка захотел достать кольцо для любимой девушки, и болото его унесло, — тяжело вздохнул тот.

— А виверны часто нападали?

— Нет. Это первый раз, что она напала и оказалась таких внушительных размеров, обычно их убивают наёмники за вознаграждение или отлавливают в цирк.

— Десятый, — решил Ларестор перевести тему разговора, — а как ты так передвигаешься по болоту, что только одна голова торчит, и не тонешь, не захлебываешься и руки не стараешься держать над поверхностью?

— Это один из секретов Гильдии Проводников, — лукаво ухмыльнулся Десятый, набивая трубку благовонными травами. — Даже не пытайся повторить что-либо подобное. Любой, самый сильный рыцарь Империи, оказавшись в Жадном Болоте вот так же, как я, в жиге по подбородок, неминуемо умрет.

— Так научи нас! — влез в разговор Йофрид, который тут же рядом кипятил бодрящий отвар на костре. — С этой техникой наши рыцари будут во сто крат сильнее!

— Именно поэтому, — важно ответил проводник, прикуривая трубку, — мы не должны передавать вам этот секрет, равно как и многие другие наши тайные знания. Не только вам, а и любым другим армиям. В мире должен соблюдаться баланс, — он подмигнул юноше и похлопал того по плечу, словно подбадривая.

— Ты что же... не желаешь Империи процветания? — подозрительно прищурился Йофрид.

— Я следую идеологии своей Гильдии, — спокойно сказал Десятый, с удовольствием втянув в себя дым из трубки. — Есть строгие правила, которые складывались столетиями. Их нельзя нарушать. Поверь, ты не первый посвященный рыцарь, интересующийся этим секретом. И когда уж за сотни лет проводники ни с кем не поделились своими знаниями, то значит, так и должно быть. Не надейся стать исключением.

Аскельн остался недоволен таким ответом, но Ларестор взглядом остановил его и отправил отдыхать, не донимая больше проводника глупыми вопросами. Йофрид нахмурился и, сняв с костра отвар, прихватил его и насуплено пошел прочь, бормоча что-то себе под нос.

Вымотанные переходом через болото, рыцари спали как убитые. Дозорным приходилось прилагать немало усилий на то, чтобы будить своих сменщиков. Ночь пролетела незаметно. Утром продолжился путь через равнину. После топей бойцы получали истинное удовольствие от того, что идут по твердой земле. Вскоре они услышали ржание лошадей. Выйдя на звук, рыцари увидели большую поляну у леса, а на ней — сотню вороньих жеребцов. Десятый торжественно сообщил, что это часть ритуала, которым принято приветствовать новую смену защитников «Серых Врат». Он указал рукой направление, в котором они должны продолжать движение, чтобы попасть в приграничный город Гинвал. Затем попрощался со всеми и бодрым шагом двинулся в сторону чащи, скрывшись через мгновение в ее зарослях.

* * *

Стоял чудный день, в небе не было ни облачка. Рыцари, размеренно покачиваясь в сёдлах, охотно подставляли свои лица яркому солнцу, с удовольствием наслаждаясь его тёплыми лучами.

Хорошую погоду и осознание того, что они у цели, омрачали лишь мысли о погибшем товарище, не дожившем до того, чтобы увидеть знаменитые «Серые Врата». Но как бы то ни было, жизнь продолжалась, и ничто не способно так радовать на марше суровое солдатское сердце, как хорошая походная песня. Ларестор оглянулся на товарищей и затянул любимую всеми старинную балладу. Эта история была настолько длинной и содержала такое

количество куплетов, повествующих о каком-либо одном подвиге каждого из первых рыцарей, что лишь немногие в Алатарианской империи помнили ее целиком. Бойцы с готовностью поддержали сотней могучих плотов своего командира, и вот так, под дружное, но немного нестройное хрипчатое пение бойцы и въехали верхом в пограничный городок, один край которого находился где-то в сорока милях от болота, а второй вплотную примыкал к «Серым Вратам».

Хоть поселение и окружала крепостная стена с массивными воротами посередине, в качестве серьезной фортификационной преграды она не представляла собой особой ценности, будучи выстроенной скорее для порядка, нежели для того, чтобы выдерживать более-менее серьезные осады. Здесь явно никто не ожидал нападения с тыла, поскольку городишко располагался практически на острове, окруженном бескрайними непроходимыми топями Жадного Болота.

Местные жители успели за свою историю исследовать «остров» вдоль и поперек. На нем не водилось никаких угроз. Водилась лишь безобидная живность, пригодная для ловли, разведения и употребления в пищу. Иногда с болот заползали змеи, но это не пугало местных. А всякая летучая нечисть перестала пугать поселение очень давно, после того, как жители задались целью хорошенько их проучить и истребили не менее трех сотен особей.

С тех времен чудища перекочевали на Жадное Болото, чтобы там спокойно подстергать заблудившихся странников.

Въехав в город через парадные ворота, рыцари с любопытством завертели головами, осматриваясь внутри своего нового пристанища. Население Гинвала состояло из контингента гарнизона, оборонявшего «Серые Врата», работников, поддерживающих жизнеобеспечение города, ремесленников, охотников, фермеров, а также преподавателей Военной академии, слуг и простых жителей. На роль негласного старшины здешний народ, давно и не сговариваясь, определил судью Атинуса Корфа, который не только разрешал все мелкие споры между горожанами, но и естественным образом осуществлял некоторое управление гражданской жизнью поселения.

Что сразу бросалось в глаза при въезде в город, так это заметное превалирование на улицах по большей части представителей мужского пола. И это неудивительно, так как девочки, рождавшиеся в городе, были, можно сказать, все наперсчет, в то время как мужчины прибывали и прибывали. Таким образом, дефицит свободных приличных девушек в городе объяснялся очень просто, тем более ещё и потому, что уговорить невесту из Империи совершить переход через Жадные Болота удавалось далеко не каждому. Зато такое положение дел на радость всем холостякам уравнивал работающий в городке бордель, что периодически пополняется новыми работницами из числа женщин, отчаявшихся устроить свою жизнь на землях за Жадным Болотом. Заведением владела Линерия Ратс — женщина с темными курчавыми волосами и желто-зелеными, как у кошки, глазами, разменявшая к тому времени свой четвертый десяток. Ее смуглое овальное лицо еще хранило долю той жгучей красоты, которой она обладала в юные годы.

Военной академией заведовал опытный полководец Строд Фарлис — высокий чернявый мужчина, здоровый, мускулистый, с резкими скулами и высоким статным лбом. Здесь он вместе с несколькими другими ветеранами имперских войн обучал военному делу мальчиков и девочек, родившихся в гарнизоне, а также проводил курс дополнительной подготовки для каждой новой смены рыцарей. Большую часть учеников Академии составляли дети, которые рождались в ведомстве Линерии Ратс. Их прозвали «боевые

сироты», согласно местному порядку, им нельзя было знать своих настоящих матерей и отцов. Помимо военного дела, они осваивали и мирные ремесла. Когда они подрастали, то большинством своим оставались в городе и обеспечивали его функционирование, работая, к примеру, в булочной, кузне, кожевенной мастерской или выбирая для себя иное полезное занятие. Они поддерживали и обеспечивали городскую жизнь в мирное время, но одновременно в случае острой необходимости выступали частью резервного войска под командованием рыцарского гарнизона.

Любимое место города — огромная двухэтажная столовая Крули Хутта. Этот вертлявый, пронырливый карлик не баловал своих посетителей изысканной кухней, зато сам изготавливал неплохое вино, которое приходилось здешним жителям, ввиду их неприхотливости, вполне по вкусу. Готовить пищу и обслуживать посетителей ему помогали несколько девушек из числа местных уроженок. Размеры столовой позволяли вмещать в ней одновременно до четырехсот человек. На первом этаже всегда было шумно, здесь постоянно толпилась куча народу: одни жаждали пообедать, другие — выпить горячительных напитков после тяжелого трудового дня, третьи — поделиться последними новостями и посплетничать в кругу друзей. Подниматься же на второй этаж обычным горожанам строго запрещалось. Он предназначался исключительно для рыцарей.

Когда отряд въехал на переполненную людьми центральную площадь, Ларестор Скруз очень удивился тому, что никто, казалось, не обращает на прибывших абсолютно никакого внимания, продолжая, как ни в чем не бывало, заниматься своими повседневными заботами. Воинов окружал привычный городской шум: зазывания торговцев, удары кузнечного молота о наковальню, переругивания строителей, болтовня случайно встретившихся знакомых. Это выглядело как-то странно, новая смена ожидала торжественного приема. Между тем, встречающая делегация в общей сутолоке обнаружилась довольно скоро. Она ненавязчиво дожидалась их, заняв место чуть поодаль от самой гущи кишашего вокруг людского муравейника, и представляла собою трёх человек в воинском облачении. Перед ними в непринуждённых позах стояли в ряд трое рыцарей. По их скучающему виду можно было догадаться, что стоят тут они уже достаточно давно. Тот, что по центру, был ниже своих товарищей ровно на голову, хотя и вдвое шире в плечах. Лицо его украшали пышные усы. Он ждал их приближения, сложив руки за спиной. Ларестор сразу догадался, что именно он здесь главный. А двое высоких и широкоплечих бойцов, расположившихся по левую и правую руку от него, по всей видимости, его подчинённые.

— Рад приветствовать вас в Гинвале, нашем приграничном городке! — хриплым, но звучным голосом сказал усатый. — Меня зовут Гурд Рын. Я глава нынешней смены защитников «Серых Врат».

— Ларестор Скруз, — ответил глава новоприбывших, вежливо поклонившись, — мы пришли, чтобы сменить вас на этом ответственном посту.

— Да, знаю. Мы еще утром отвели своих лошадей и привязали их в условленном месте на поляне в знак приветствия. Через десять лет вы должны будете сделать то же самое для тех, кто придет сменить уже вас, — добродушно кивнул в ответ Гурд.

Вот кто был недоволен отсутствием торжественной части, так это Йофрид. Несмотря на то, что титул командующего достался не ему, амбиций у него от этого особо не поубавилось, он жаждал праздника в свою честь.

— Что-то нам тут не очень рады, — сжав губы, надменно процедил он.

— Умерьте гордыню, — спокойно ответил Гурд. — Почести остались по ту сторону

Жадного Болота, — он небрежно кивнул за спину Йофрида. — Тут мы все лишь обычные жители поселения. Одни лепят горшки, другие охотятся, третьи выращивают зерно. А у нас с вами своя, простая и понятная работа — защищать «Серые Врата». А тебе, — тут он повернулся к Ларестору, — нужно заняться повышением дисциплины в своём отряде.

Скруз пропустил мимо ушей менторский тон коллеги, вступать сходу в конфликт в его планы не входило, да и бойцов своих он знал, как себя самого. Поэтому, спрыгнув с коня, он лишь уточнил:

— Хотите сказать, мы не главные в этом поселении?

Но тот вместо ответа продолжил раздавать распоряжения теперь уже всему новому пополнению:

— Так, а вы отведите лошадей в конюшню, а потом идите к моим ребятам в казарму.

А я пока объясню вашему командующему, как тут все устроено.

Рыцари, спокойно проигнорировав его слова, выжидающе посмотрели на Скруза. Тот махнул им рукой: «Выполняйте». Только после этого отряд спешился и направился к конюшне вслед за помощниками Гурда. Один из парней прихватил и жеребца Скруза.

— Идем за мной, — пригладив правый ус, позвал Ларестора Гурд.

Когда тот подошел, оба неспешной походкой побрели в глубь города и разговор продолжился:

— Да, главным источником власти тут являются рыцари. И глава отряда у нас что-то вроде губернатора. Жизнь здесь устроена не так, как в остальной Империи.

— А как же дисциплина?

— Дисциплина тут строгая, по сути, половина местных жителей — воины. Это и те, кто родился здесь, а затем прошел обучение в Академии, и ветераны из Империи, осевшие в этих местах, чтобы встретить старость, отслужив положенные десять лет. Да-да, и такие есть, — улыбнулся усач, увидев удивление в глазах Ларестора. — За время службы находят себе невест из числа местных уроженок и заводят семьи. Женщины, разумеется, не желают уходить из родных земель и брести через Жадное Болото, вот мужчины и остаются, — он остановился у деревянного домишки, с заднего двора которого доносился лязг молота по наковальне, — здесь живет наш кузнец Свойдан, — пояснил Гурд.

Новый командующий вытянул шею, силясь заглянуть за широченную спину бывшего командующего.

— Э-э-э-э! Сво-о-йда-а-ан! — зычно пророкотал Гурд хриплым басом.

Чугунный гул не изменил своего размеренного ритма, но дверь домика тем не менее приоткрылась и оттуда выглянуло белобрысое лицо мальчишки лет тринадцати, щуплого, невысокого, с не по-детски смышлённым взглядом.

— Здравствуйте, командующий! — слегка испуганно и смущенно поздоровался он.

— Здравствуй! Отца позови, — дружелюбно обратился к юноше Гурд.

— Одну минуту, — с готовностью ответил мальчик и скрылся за деревянной дверью.

Через несколько секунд удары молота стихли. Тишина. Затем послышались тяжелые приближающиеся шаги и дверь распахнулась настежь. Согнувшись чуть ли не до пояса, через проем перешагнул потный здоровяк в грязных ситцевых штанах и рабочем фартуке. Голова его смотрелась причудливо маленькой на фоне огромных габаритов. Скруз видел многих гигантов, но этот превосходил всех. Навскидку в нем было не меньше семи футов роста. Волосы у мужчины были светло-русые с легким проблеском золотистых прядей, а в ярко-голубых глазах, казалось, отражается само небо.

— Приветствую, командующий, — пробасил кузнец.

— Привет, Свойдан! Это, — он указал на Ларестора, — новый командующий защитников, — а это Свойдан Бобл, местный кузнец, — продолжил усач, обращаясь к главе нового отряда. — К нему будешь обращаться по всем вопросам, связанным с оружием и доспехами. Тут, правда, есть еще один кузнец — бывший подмастерье Свойдана, но он работает только с гражданскими, по мелочам, — торжественно закончил знакомство Гурд.

— Ну здравствуй, новый командующий, — тем же спокойным тоном протянул Свойдан и слегка поклонился.

— Рад знакомству, — ответил тот. — Мое имя — Ларестор Скруз, будем знакомы.

— Завтра мы уходим, Свойдан, — перешел к делу бывший командующий. — Ты доделал мой шлем?

— Осталось совсем немного. Думаю, через три-четыре часа будет готово, — пообещал Свойдан.

— Отлично, — потер руки Гурд и, кивком головы приглашая Ларестора за собой, пошел по улице дальше.

Скруз послушно последовал за ним.

— Я заказывал Свойдану новый красивый шлем. Когда вернемся в Империю, хочу выглядеть не хуже, чем личный охранник императора, — произнося эти слова, Гурд раскатисто захохотал. — Жалованье за эти десять лет мне причитается знатное, поэтому сейчас имеет смысл задуматься о том, как тратить эту уйму денег. Я вот хотел жениться, для начала...

Скруз слушал его молча. Ему казалось странным, что имперский рыцарь, элита Императорской гвардии, откровенничает с незнакомцем, как пожилая домохозяйка, совсем забыв о субординации. Вероятно, длительная служба вдали от начальства сильно расслабляет. Подумав об этом, Ларестор внутренне содрогнулся от своих умозаключений. Для себя он твердо решил, что постарается всегда сохранять лицо и вести себя достойно, не допуская подобных вольностей.

— Сегодня вечером на площади будет праздник в честь смены сотни. Мы, сдающие пост, и вы, новобранцы, будем торжествовать вместе, встречая новое десятилетие. А пока что пойдем, я познакомлю тебя с остальными важными в городе людьми. Вот мы сейчас как раз подошли к дому местного судьи Атинуса Корфа, — сказав это, Гурд указал на маленький и скромный двухэтажный деревянный домик, ничем не отличающийся от нескольких сотен других таких же жилищ в городе.

Как успел заметить Ларестор, местные жители не очень-то ценили роскошь в быту, предпочитая обустраивать свои жилища скромно, но с комфортом. Административные и общественные здания здесь отличались удивительно крупной планировкой. Такими их сделали из практических соображений: в городишке живет несколько тысяч человек,

и важно, чтобы все имели возможность вместиться в одном помещении при проведении торжеств и общих мероприятий.

Гурд подергал веревку, висевшую справа от двери, и внутри домика зазвенел колокольчик.

— Войдите! — послышался бодрый мужской голос из глубины дома.

За ним сразу же раздался ворчливый женский:

— Атинус, ты же еще не доел!

Атинус прервал возражения категорическим тоном:

— Ты забыла? Сегодня важный день, приезжает новая смена рыцарей!

Гурд не стал церемониться и дожидаться, чем закончится спор супругов, потянул дверь на себя и шагнул внутрь, жестом приглашая за собой и Ларестора. Новый командующий перешагнул порог дома и тут же почувствовал великолепный аромат свежей домашней стряпни. Ему стало уютно. Сразу вспомнились долгие теплые вечера из детства, когда он после усердных тренировок и утомительной учебы, хорошенько отужинав вкуснятиной, заботливо приготовленной матерью, мог глядеть в окно и мечтать. Он представлял в подробностях грандиозные битвы и дальние походы. Теперь же те далёкие мечты понемногу становились его новой реальностью.

Войдя в домик, он обнаружил, что столовая находится прямо напротив входа, примыкая к нему. Судья, немолодой человек с короткими седоватыми волосами и пухлыми губами, расположился по-хозяйски в центре стола. Супруга его, выглядевшая намного моложе мужа со своими темными кучерявыми волосами, ярко-зелеными глазами и густыми соболиными бровями, сидела напротив мужа.

— Как идут приготовления к вечернему торжеству, господин судья? — учтиво начал разговор Рын.

Корф приподнялся из-за стола и, утирая лицо салфеткой, сделал приглашающий жест:

— Присаживайтесь, командующий! Мы с Нилли как раз обедаем. Прошу присоединяйтесь! Приготовления идут по плану, не беспокойтесь. Я отдал необходимые распоряжения. В столовой Хутта усердно готовят угощения, снаряды для огненного представления ждут своего часа, артисты репетируют номера в укромном месте в лесу, чтобы не раскрыть интригу раньше времени.

— Отлично! — одобрительно кивнул Гурд. — От вашего приглашения отобедать я, пожалуй, откажусь. У моего спутника времени в обрез. Я как раз знакомлю его с городом.

Разрешите представить — Ларестор Скруз, командующий защитников «Серых Врат» следующие десять лет, — при этих словах Гурд отступил в сторону, чтобы судья мог как следует разглядеть нового командующего.

— Добрый день. Я — Ларестор Скруз! — поздоровался тот, протягивая судье руку.

— А я — Атинус Корф, местный судья и управляющий хозяйством города. Вам у нас обязательно понравится! — и Корф расплылся в улыбке.

Чиновник улыбнулся настолько любезно и слащаво, что новому командующему стало неловко.

— Необязательно, чтобы мне тут нравилось. Я готов к любым тяготам и лишениям... — нахмурился Ларестор. Он собирался произвести впечатление серьезно настроенного человека. И хотел уже продолжить свою пламенную речь, но Гурд по-братски похлопал его по плечу и громогласно расхохотался, от чего его усы мелко задрожали.

— Новый командующий еще находится в плену столичного официоза, — сказал усач, положив ладонь на грудь и слегка закатив глаза, вроде ему стыдно за неприличное поведение новичка. — Пожалуй, мы пойдем. Нам еще надобно заглянуть в Академию прежде, чем я покажу командующему казарму, — сказал Рын и, вытирая выступившие от смеха слёзы, подтолкнул своего сменщика к выходу.

— Погодите, нельзя вот так отпускать гостей с пустыми руками, когда они пришли к тебе во время обеда, — запротестовала Нилли. Она отрезала два ломтя от пирога, стоявшего на столе, встала и поднесла их рыцарям. — Возьмите, перекусите по пути в Академию. Это пирог с уткой, один из лучших моих рецептов! — закончила она, протягивая мужчинам

сверток.

— О, спасибо, Нилли, — охотно согласился Гурд и, взяв свой ломоть, вышел за дверь.

Скруз, немного смутившись, тоже принял гостинец и, поблагодарив хозяйку, последовал за своим провожатым. На улице оба принялись за угощение, причём Гурд уплетал пирог за обе щеки, причмокивая от удовольствия, Ларестор же ел скромно, аккуратно откусывая ароматную выпечку по кусочку. Так они шли, молча, жуя и наслаждаясь трапезой. Старый командующий время от времени раскланивался с проходящими мимо горожанами, с которыми за годы службы завел тесные знакомства. Доев пирог, он сказал:

— Как видишь, мы тут не только казарменную стряпню хлебаем. Пока бойцы в дозоре, они могут кушать лишь выданный паек, что готовит наш повар. Но в свободное время можно подкрепиться у карлика Хутта, рыцарям он продает свою еду и напитки по крайне низким ценам. А часто и горожане угощают чем-нибудь вкусеньким. Особенно горожанки, — лукаво подмигнул Рын, вытерев ладонью подбородок. — Ну, вот мы и пришли! — он указал рукой на циклопических размеров каменное здание высотой в пять этажей, что даже по имперским меркам выглядело невероятно масштабно, такими высокими обычно строили разве что королевские замки.

Входных дверей в Академии не наблюдалось, только ворота высотой в три человеческих роста, а шириной — с пять. Гурд решительно постучался в них своим крепким кулаком так сильно, что, казалось, те задрожали. С той стороны кто-то прокашлялся, после чего поинтересовался низким протяжным голосом, больше напоминавшим рык льва:

— Кто явился в учебное время?

— Это рыцарь Гурд Рын. Я привел к главе Академии нового командующего защитников, — ответил бывший командующий.

— Раз так, проходите, — протяжно пророкотал голос.

Ворота здания распахнулись и спутники вошли в роскошный главный зал, переливавшийся золотистым и розовым светом, который исходил от множества драгоценных камней, украшающих стены. Прямо напротив входа располагалась широкая лестница с резными перилами по обе стороны, ведущая на второй этаж.

Никого не обнаружив внутри, Ларестор удивленно спросил:

— Что это за голос? Кто нам открыл?

— Академия, — зевая, ответил Рын.

Скруз застыл, переваривая сказанное:

— Она разговаривает? — уточнил он осторожно.

— Она живая, — как ни в чём не бывало кивнул рыцарь, затем обратился к кому-то, подняв глаза к потолку: — Пригласи к нам, пожалуйста, главу Академии. Я должен представить ему нового командующего.

— Сейчас, — спокойно ответил тот же глубокий, протяжный бас.

Пока они ждали, Скруз решил, что самое время осмотреться получше. Он подошел к усыпанной цветными драгоценными камнями стене, коснулся ее и тут же одернул руку. К его удивлению, стена оказалась теплой. И хоть она была явно каменной, на ощупь напоминала нечто живое. Парня охватило странное ощущение.

— А! Вот и вы, — послышалось за их спинами.

Скруз обернулся на голос. Он принадлежал мужчине с повязкой на левом глазу, правую его руку, что фиксировалась куском ткани, обтягивала черная перчатка. К ним вышел тот самый глава военной Академии Строд Фарлис, собственной персоной.

— Мы вас ждали несколько раньше, — с ноткой досады молвил он.

— Путь выдался тяжелый, — пожал плечами Ларестор, — в Жадном Болоте на нас напала мантикора, и одного из моих людей больше с нами нет.

Гурд, явно пребывая в прекрасном расположении духа, беспечно взмахнул рукой, примиряюще посмотрев на Строда:

— Бросьте, Фарлис! Что решают эти пару часов? — сказал он беспечно.

Глава Академии глянул на Гурда и вздохнул.

— И это слова командующего... Сегодня вы совсем распоясались, Рын, — произнес он с укором.

— А я уже и не командующий. С тех пор, как уважаемый Ларестор Скруз со своим отрядом прошел через ворота в город, я и мои люди остаются защитниками только формально, — ответил Гурд и рассмеялся так, вроде выиграл главный бой остроумия в своей жизни.

Ларестор посмотрел на него удивленно, а Строд — с сожалением.

— Соблюдение формальностей — важнейшая часть военной службы, Вам ли не знать? — наставительно заметил Фарлис. — Да ладно, что с вас взять? Вы, небось, в мечтах уже празднуете свадьбу, — лукаво прищурился глава, стараясь не отставать в колкостях.

— Да, это верно. Мыслями я в родном королевстве Рендевал, в самом прекрасном королевстве Алатарианской империи. С вами хорошо, но дома лучше, — самодовольно кивнул Рын. — А как там поживает наш узник?

— О... Этот Тайнс — спокойный человек, — сказал глава, — не доставляет ни малейших хлопот. Вот что значит старая закалка.

— Вы держите в Академии узников? — удивился Скруз.

— Ах да! — спохватился Строд, вспомнив о госте. — Давайте я проведу вам небольшую экскурсию.

Гурду эта идея не понравилась абсолютно, и он категорически замотал головой из стороны в сторону:

— Может, завтра? Я ему еще казарму должен показать. А у меня на сегодня и так дел невпроворот...

— Ну уж нет, рыцарь Рын, — настойчиво возразил Фарлис. — Вы сами сказали, что когда новый командующий вошел в город, Ваши полномочия стали сугубо формальными. Теперь командующий Скруз заправляет здесь всем и сам принимает такие решения. И ежели ему будет интересно осмотреть Академию прямо сейчас...

Он не закончил. Ларестор решил прервать этот бессмысленный спор. Во-первых, его уже стала раздражать такая беспечность Гурда и, во-вторых, ему было любопытно узнать больше о городе и его важных местах. Поэтому он жестом остановил Строда и сказал:

— Как новый командующий, я, безусловно, хочу осмотреть Академию и ознакомиться с ее порядками. Формально рыцарь Рын еще руководит гарнизоном, поэтому я не могу его послушаться. Но ежели Гурду не терпится сложить с себя полномочия, то я готов вступить в должность хоть сейчас. А он может спокойно удалиться по своим делам, — уверенно заключил Скруз.

Бывший командующий на секунду задумался, наморщив лоб, а затем сказал:

— Что ж, твое право. Я буду в казарме. Не задерживайся тут, мне еще нужно передать тебе кучу инструкций по ведению службы на рубеже, — затем повернулся к Фарлису, указывая тому рукой на Скруза, — он полностью в Вашем распоряжении.

На этом Гурд отвесил главе Академии прощальный поклон, резко повернулся и пошел к выходу. Ворота распахнулись перед ним и через долю секунды его шаги стихли где-то за ними.

Посмотрев вслед рыцарю, Ларестор сказал:

— Он ведет себя как-то... необычно... для командующего.

Ответ последовал тут же:

— Удаленность от руководства не на всех действует одинаково. Многие начинают вести себя не так, как подобает воину: перестают соблюдать не только устав, но и правила поведения в обществе, ведут распутный образ жизни, ленятся, пренебрегают устоями, некоторые злоупотребляют спиртными напитками, в частности, как Гурд.

— Да вы что?! — изумился новый командующий. — Он и сейчас пьян?!

Строд вздохнул:

— Это неважно. Я не собираюсь создавать ему проблемы в последний день службы. Пойдемте за мной, — и он жестом пригласил рыцаря к одной из дверей в самом углу правой стены.

За этой дверью находился коридор, за ним — еще одно помещение, тоже с несколькими дверьми по обе стороны. Шли долго, Ларестор удивлялся, насколько большое здание выделено под Академию, и тут же крепко озадачился оттого, что ему, как командующему, необходимо будет досконально изучить все эти длинные коридоры, вплоть до самого укромного уголка.

Из задумчивости его вывел голос Академии, прогудевший, как ему показалось, с издёвкой:

— И не пытайся...

Ларестору стало слегка не по себе. Он решил прояснить для себя этот вопрос.

— Гурд... Он говорил, что Академия — живая. Как это понимать? — неуверенно спросил он и тут же разозлился на самого себя за то, что мямлит.

— Вот так и понимать. Это древнее живое существо, — спокойно ответил Строд. — Как так вышло, что оно превратилось в здание? Неизвестно. По крайней мере, когда мы основали здесь Академию, оно уже было таким. Нашим предкам удалось с ним подружиться, и теперь мы просто пользуемся его к нам благорасположением.

Скруз слушал его, слегка приоткрыв рот. В это время они подошли к винтовой лестнице, ведущей вниз и стали спускаться по ней. Только через десять или пятнадцать минут они достигли нижнего этажа, где располагалась лишь одна дверь. Фарлис открыл ее и командующий увидел невероятных размеров тренировочный зал, освещенный яркими факелами. В их свете просматривалось множество висящих в воздухе платформ, ступеней и веревок. Ларестор увидел, как из стен выпрыгивают полупрозрачные противники и атакуют тренирующихся там рыцарей. Откуда-то оттуда же вырывались огненные шары и летели прямо в воинов. Пространство вокруг бойцов периодически трансформировалось, создавая новые преграды — ямы с кинжалами, зыбучие пески, болота, рвы с крокодилами, змеями и многое другое. Всё это казалось миражом, проекцией, придуманной для тренировок, тем не менее, всё здесь происходило по-настоящему.

— Вот здесь, — начал Фарлис, — каждый из наших рыцарей должен заниматься самое меньшее один раз в неделю. Это крайне сложное дело, поскольку в этом помещении царят несколько иные законы природы, нежели мы привыкли видеть. Мало того, что нужно сражаться с сильными противниками-фантомами, которые могут нанести реальные увечья,

так еще и каждое действие дается тут намного тяжелее, чем на поверхности. Вы чувствуете, что здесь приходится прилагать дополнительные усилия для того, чтобы дышать?

Ларестор утвердительно кивнул. Не то что дышать, а даже просто удерживаться на ногах ему здесь было по-настоящему тяжело. Ему казалось, что на плечах его всё это время лежала гигантская невидимая ладонь и пыталась вдавить его в каменный пол.

— Пойдем, — сказал Строд и, спускаясь по лестнице вниз, продолжил: — У нас есть обычное тренировочное поле с чучелами, мишенями и местами для турниров наверху, на заднем дворе Академии. Там рыцари тренируются каждый день, иногда вместе с учениками. А сюда строго запрещено приходить всем, кроме меня и рыцарей.

Скруз, выйдя вслед за ним, сразу ощутил, что дышать и двигаться стало так же легко, как прежде. Когда они дошли до следующего нижнего этажа, Фарлис снова остановился.

— Здесь мы держим узников, — бесстрастно произнес глава Академии и, взявшись за ручку и открыв очередную дверь, вошел внутрь. Ларестор последовал за ним.

Оглянувшись по сторонам, рыцарь понял, что находится в широком зале, похожем на тренировочный. Только вот в этом помещении ряды слева и справа занимали около двухсот камер. В каждой из них кто-то находился. В ближайшей к себе Ларестор рассмотрел молодого парня, что, должно быть, в детстве мечтал стать рыцарем, и его сердце немного сжалось.

— Видишь заключенных? — показывая на многочисленные клетки, спросил Строд.

Ларестор кивнул.

— А как ты думаешь, кто там сидит? Кто наши заключенные?

— Наверное, те, кого присылают сюда в изгнание из Империи, — пожал плечами тот.

— Да. Есть тут и такие, однако большей частью здесь сидят дезертиры, воры и убийцы из местного населения и даже из рыцарей.

— Тут есть заключенные рыцари? — подняв брови, переспросил Ларестор.

— Да, здесь не все так хорошо, как ты думаешь. С детства людям всех королевств Алатарианской Империи рассказывают сказки о доблестных героях, защищающих «Серые Врата» от опасностей. Мальчишки слушают и у них зарождается мечта. А потом эта мечта становится целью, приводя их в итоге сюда. Весь вопрос в том, от кого защищать «Серые Врата»? Я уже здесь тридцать лет и за это время ни одного масштабного нападения или намека на него не было. Подходят маленькие группы по тридцать человек и пытаются проникнуть за «Серые Врата», большинство из них безоружны, вот и все нападения.

Если даже представить, что кому-то удалось пройти «Серые Врата», дальше Жадного Болота им не пройти. Многие рыцари со временем осознают, что это не то, о чем они мечтали и, по сути, их защита — просто формальность. Начинают сходить с ума, пить, драться, насиловать женщин и дезертировать. Некоторые находятся здесь, — он показал на клетки, — а некоторые, не пройдя Жадное Болото, покоятся на дне жижи. А те, кто возвращается, кормят других байками о своих подвигах и о том, как их товарищ героически погиб.

Ларестор слушал и с каждым словом мрачнел всё больше. Когда Фарлис закончил, он задал мучавший его вопрос:

— Если масштабных нападений нет, тогда кто все эти заключенные? Не могут же они все быть местными?

— Да. Это еще одна мерзкая тайна. Ожидая, что в город нагрянет с проверкой император, каждые десять дней рыцари собирают отряд и делают вылазку за «Серые Врата».

Там, в ближайших поселениях, они ловят мирных жителей, преимущественно мужчин и приводят сюда, сажая их в темницу и создавая тем самым видимость выполненного долга. За все годы, что я здесь живу, ни императора, ни кого-то из его высоких чинов тут и близко не было, — тяжело вздохнув, закончил рассказ Строд Фарлис.

Ларестор стоял, застыв на месте, и прислушивался к тому, как прерывисто забилось в груди его сердце. «Надеюсь, — подумалось ему, — меня не постигнет участь этих бедолаг и я смогу хоть что-нибудь изменить здесь к лучшему». Стряхнув оцепенение и попытавшись сдвинуться с места, он вдруг понял, что не может сделать и шага, подошвы его сапог словно приклеились к каменным плитам пола. Он удивленно посмотрел на свои ноги, потом — на Фарлиса, но тот опередил его, произнеся с нажимом в пустоту:

— Академия! Нам нужно уйти.

Сразу же после этого Ларестор почувствовал, как его ноги вновь обрели полноту движений. Он и Строд, вернувшись на лестницу, поднялись по ней наверх и очутились в том же зале, откуда начинали путь.

— Наверху располагаются учебные классы, но их вы сможете осмотреть чуть позже, а сейчас вас ждут в казарме, — глава Академии улыбнулся и добавил, намекая, что экскурсия окончена: — Скоро начнется праздник, посвященный смене гарнизона, у вас есть время подготовиться.

Ларестор поблагодарил Фарлиса и, попрощавшись, вышел на улицу. Очутившись на свежем воздухе, он вздохнул полной грудью и осмотрелся в поисках казармы. Обнаружить её не составило большого труда, она выделялась гордо развевающимися штандартами Алатарианской империи на своей крыше, что просматривалась среди прочих, окружающих её построек с высокими шпилями и зубчатыми башенками. Определив цель, рыцарь неторопливой походкой зашагал в том направлении.

На площади тем временем вовсю шли приготовления к празднику. От дневной рутинной суеты не осталось и следа: лавки закрылись, местные занялись организацией предстоящего мероприятия. Горожане выставили перед трибуной несколько сотен больших столов и тысячи стульев. За ней установили навес и крытую конструкцию, в пределах которой велись последние приготовления к празднеству. К столам подносили великого разнообразия блюда, посуду, бутылки с напитками. По пути он встретил десятки людей, которые теперь бродили по-праздничному наряженные в ожидании начала веселья.

Когда Скруз подошел к входу в казарму, два стражника отсалютовали ему мечами и он учтиво кивнул им в ответ. Войдя в расположение, Ларестор тут же, на первом этаже, обнаружил Гурда, вальяжно расположившегося на скамье у окна с бутылкой вина и большой эмалированной кружкой. На его голове красовался новенький блестящий шлем с позолотой, а перед самым бывшим командующим стоял кузнец Свойдан. Теперь у парня не осталось и тени сомнения в том, что Рын совершенно пьян.

— И все-таки я тебя спрашиваю, — медленно говорил он Боблу, старательно выводя каждое слово, и было заметно, что внятность речи даётся ему с большим трудом, — сколько я должен тебе за этот вер... верли... великолепный шлем?

— Что вы, командующий? — добродушно отвечал здоровяк, — я сделал его для Вас от чистого сердца. Какие могут быть счеты между давними приятелями?

— Но ты же тратил время... и... это... — тут Гурд повёл порядком осоловевшими глазами, подбирая подходящее слово и упёрся взглядом в Ларестора. — О! Привет! Ты побывал внутри Академии? Как впечатления? — со стороны могло показаться, что он

моментально протрезвился.

— Нормально, — жестко ответил рыцарь. — Ты должен показать мне казарму. Или ты не в состоянии?

— Я?! — возмущенно переспросил Гурд, резко поднявшись на ноги и не забыв при этом одним духом замахнуть в себя последние капли со дна кружки. — Да я в полном порядке!

Я сейчас хоть десять казарм показать тебе смогу! Идем! — он махнул рукой Ларестору и решительным, хоть и не совсем твёрдым шагом повел того за собой.

Взяв себя в руки, рыцарь стал выглядеть относительно трезвым, лишь изредка покачиваясь на поворотах. Он показал Скрузу все помещения, начиная с оружейной и общих спален, заканчивая комнатой лекаря, кухней, импровизированной лабораторией. Отдельное внимание обратил на погреб с выходом к системе лабиринтов, соединяющих между собой постройки в городе.

Это заняло несколько часов и ко времени, когда осмотр был закончен, Гурд практически полностью протрезвел.

* * *

На улице смеркалось. По звукам музыки стало понятно, что праздник начался. За командующим и бойцами, незанятыми в дежурстве на «Серых Вратах», прислали двух мальчишек, которые вежливо пригласили рыцарей к столу.

По традиции оба командующих шли плечо к плечу, за ними маршировали бойцы новоприбывшего отряда, а позади тех — воины смены, которой предстояло покинуть городок. Вся площадь кишела народом. Люди радостно кричали пожелания легкой службы новоприбывшим и слова благодарности за мирные годы уходящим бойцам. Присутствующие учтиво расступались, давая дорогу защитникам «Серых Врат». Когда рыцари дошли до предназначенных для них столов, они сели друг напротив друга, новички лицом к трибуне, а старожилы — спиной, как того требовала традиция.

Их примеру последовали и горожане, заняв свои места. Детям и подросткам полагалось идти спать сразу после огненного представления, и по этой причине оно предусматривалось в первой части развлекательной программы. Для организации шоу местные фокусники на протяжении нескольких дней усердно репетировали потрясающий номер, чтобы зрители насладились сполна. Благодаря их усилиям взорам зрителей предстало удивительное зрелище: сотни разноцветных огоньков взрывались в небе яркими вспышками, образуя в нем красочные подвижные картинки. Изюминкой выступления стало то, что артисты решили продемонстрировать горожанам краткую историю образования Империи. Сейчас, в опустившихся на город сумерках, казалось, что она была соткана на небесах.

После этого детей отправили по домам, а фокусники продолжили удивлять своими чудесами взрослых: устраивали исчезновение и появление табуна из двенадцати вороных лошадей, потом выполняли трюки с дрессированными хищниками. Словом, радовали благодарную публику множеством жутких и одновременно с тем интересных номеров. В их арсенале были номера и с речным рогатым львом, и с летучим медведем, и с огнедышащей обезьяной — на любой вкус, что кому приходилось по душе.

Затем по очереди стали выходить барды-одиночки и менестрели. Сначала, как водится, прозвучал гимн Империи, а после уже души слушателей услаждали романтические серенады о любви и незамысловатые и нескончаемые баллады о легендарных подвигах героев старины. Наконец, после грустных, поданных на закуску сонетов, от которых некоторые женщины роняли скупую слезу, объявили долгожданные для всех танцы.

На трибуне появилось два десятка музыкантов с самыми разнообразными инструментами. Гурд, снова изрядно накачавшись спиртным, не удержался и сам бросился выделывать коленца. Глядя на то, как веселится командующий, многие рыцари из его отряда решили пуститься в пляс вслед за ним. Сразу же их окружили самые симпатичные девушки из ведомства Линерии Ратс, так же приглашённые украсить празднество своим присутствием. Некоторые из них, к тому же, питали слабую надежду отхватить себе по случаю в женихи защитника рубежа, пусть и бывшего. Одна бойкая голубоглазая рыжая девчонка настолько приглянулась Рыну, что тот, прыгая вокруг нее в неистовом танце, уже всерьез подумывал сделать ей предложение. Но невероятным усилием обуздав свою страсть, решил всё же не принимать под алкогольными парами столь поспешных решений.

Воинство Ларестора, наблюдая за всем этим действием, хранило гробовое молчание, забыв даже моргать. Молодые рыцари были настолько ошарашены происходящим, что не могли молвить и слова, не то что присоединиться к этой шумихе. Воспитанные в строгости и скромности, вели они себя крайне сдержанно. Вина и пива не пили, кушанья поглощали умеренно и постоянно поглядывали на Ларестора, ища одобрения в его взгляде. Но тот и сам растерялся, не понимая, как ему себя здесь вести. Всю жизнь с самого раннего детства он только и делал, что учился быть дисциплинированным воином — серьезным, неприхотливым в быту, не нуждающемся в изысканных кушаньях и праздной жизни. А сейчас те, на кого он равнялся, на его глазах вели себя сродни столичным забулдыгам, отчего он испытывал досаду и жгучий за них стыд.

Из состояния такого невеселого задумчивого оцепенения Ларестора вытащил Йофрид, уже долгое время не сводивший глаз с той рыжей бестии, что кружила возле Гурда. Хлопнув ладонью по столу и вскочив на ноги, Аскельн в нетерпении выпалил:

— Командующий! А мы разве вправе нарушать традиции?! — и, не дожидаясь ответа, схватил стоящую перед ним бутылку вина, откупорил её одним движением и стал жадно поглощать содержимое прямо из горлышка.

— Аскельн! — возмутился Скруз, намереваясь вырвать бутылку из его рук, как почувствовал, что кто-то положил руку ему на плечо.

Обернувшись, он увидел главу Академии — Фарлиса. Тот, прищурившись, выразительно сверлил его своим единственным левым глазом в то время как Йофрид, грохнув полупустой бутылкой об стол, выбрался со своего места и отправился в танцующую толпу, поближе к рыжей красотке.

— Традиция позволяет сегодня напиваться вдрызг всем защитникам, кроме тех, кто остался в дозоре, — сказал Фарлис дружелюбно. — Вы, разумеется, можете приказать, чтобы они действовали вразрез с устоями, но формально командующим по-прежнему остается Гурд, пока не состоялась церемония передачи «Серых Врат». Может, Вам лучше дать им как следует нагуляться и не противопоставлять себя подчиненным? — негромко закончил он.

— Так когда же начнется эта церемония? — раздраженно спросил Ларестор, поглядывая на танцующего Йофрида и опасаясь, как бы тот не опозорил своим поведением весь отряд.

— Когда командующий Гурд прикажет вести...

Его перебил пьяный выкрик Рына, заглушивший собою царящий вокруг шум:

— Ведите сюда узника!

Музыка стихла, и в повисшей паузе все посмотрели в его сторону. А тому просто

надоели замысловатые па выплясывающего рядом Йофрида, нагло пытающегося составить ему конкуренцию за внимание рыжеволосой соблазнительницы, и он решил подпортить сопернику планы. Как выяснилось, узника к этому моменту предварительно подняли из темницы и держали в одном из помещений Академии наготове, чтобы предъявить по первому же требованию. Согласно традициям, церемония смены охраны «Серых Врат» должна была сопровождаться демонстративным изгнанием одного из бедолаг, содержащихся в узилище и выбранного для этих целей заранее.

Народ перегруппировался, чтобы лучше видеть, а Гурд с помощниками, не откладывая дела в долгий ящик, по винтовой лестнице повели заключенного на крепостную стену. Вслед за ними к «Серым Вратам» направились Ларестор Скруз, Йофрид Аскельн и Малкольм Колбейн. Всю процессию возглавляли Строд Фарлис и судья Атинус Корф, держащие перед собой зажженные масляные лампы. Когда все выстроились в нужном порядке, а узника посадили в специальную подъемную корзину, присоединенную к лебедке, Атинус произнес:

— Подсудимый Майорбэк Тайнс! За тяжкие злодеяния, совершенные против Империи, ее правителя и народа, вы проговариваетесь к вечному изгнанию! Да будет исполнено это наказание во имя императора!

После этих слов корзина со скрипом тронулась и, лязгая цепью, пошла вниз, опуская несчастного на землю по обратную сторону «Серых Врат». Условности были соблюдены, пир подошел к завершению. Да здравствует новое десятилетие!

Глава V. Объединение кланов

Только оказавшись за стенами Алатарианской империи и осознав, что он теперь без оружия и провизии предоставлен сам себе на волю провидения в кишках опасностями лесах Бейленос — он поверил в реалистичность всего произошедшего. Он действительно изгнан. От этой мысли ком подкатил к его горлу, и ему захотелось кричать. Оглядевшись вокруг, он не увидел ничего, кроме густой зеленой растительности, высотой в человеческий рост. Как император Таггеранг мог его изгнать после того, что он для него сделал? Это в голове бедолаги никак не укладывалось. Надо сказать, Тайнс уж никак не производил впечатления злобного и опасного заключенного, лишённого всяких принципов и морали. На вид ему было около сорока пяти лет, хотя тюремная жизнь и отразилась на его внешности, мало что оставив от его былой статности и красоты. Теперь в некогда густые темные волосы вплелись проблески седины, а умные карие глаза, которые еще несколько лет назад пламенели живым огнем, потускнели. Видимо, сказалось долгое отсутствие радости в его наполненной скорбями жизни. Он стоял, как жалкий бродяга, в старой клетчатой тюремной рубашке, заплат на которой, казалось, было больше, чем цельной ткани и смотрел прямо перед собой, туда, где редкие кусты переходили в огромные зеленые деревья. Потом, оглянувшись, чтобы в последний раз увидеть «Серые Врата», смахнул слезу со щеки, после чего, опустив плечи, медленной походкой пошёл вперёд.

Не помня себя от волнения и досады, Тайнс мало смотрел по сторонам, и вот так, бесцельно перебирая ногами, прошел несколько миль, пока не наткнулся на небольшой ручей. Тут его и настигла жажда, вернув немного к реальности. В глаза его сразу бросилась небольшая разноцветная птичка, снующая по берегу и ищущая что-то в окрестной зелени.

С другой стороны водоема изгнанник увидел неизвестных пушистых зверьков, которые пили из него кристально чистую, прохладную воду. К удивлению Майорбэка, никто из них не испугался его приближения. Для Тайнса все это было в новинку, до сегодняшнего дня он не видел ничего подобного. В Империи свидание с дикой природой представлялось

возможным лишь в отдаленных ее королевствах. А последние несколько лет он и вовсе провел в заточении, ежедневно глядя лишь в холодный серый потолок. Сейчас же он вдыхал свежий лесной воздух, в котором смешались самые разнообразные оттенки — запах молоденькой травки, свежих пьянящих цветов, запах свободы, хоть и не такой, на которую он надеялся. Приблизившись к ручью, Майорбэк нагнулся, чтобы напиться. После того, как он выпил воды и умыл лицо, ум немного прояснился. Майорбэк лег на зеленую мягкую травку, источающую свежий аромат, и погрузился в свои мысли.

После короткого сна в мозгу бывшего заключенного окончательно просветлело. Теперь Майорбэк точно знал, что назад пути нет, нужно учиться жить на новых землях. Ему предстояло еще многое выяснить и осознать, но пока он просто шел вперед. Навстречу своей хоть и неизведанной, но свободной жизни. После непродолжительного отдыха у ручья он шел бодро, прокручивая в мыслях прошлое и будущее.

Спустя несколько суток ближе к ночи Майорбэк Тайнс начал паниковать. Запас пригодных в пищу ягод, что он нашел неподалеку от стены, истощился, а ручьи закончились сразу, как только он углубился в лес. Живот урчал все сильнее, а в горле пересохло. Более того, бывший узник после такой долгожданной свободы стал ощущать себя снова будто в камере. Ведь из-за густой листвы свет луны не мог пробиться сквозь кроны деревьев, мгла здесь господствовала в любое время суток, делая лес похожим на тюрьму. Майорбэк продирался сквозь чащу почти вслепую. Ноги налились свинцом, тело отказывалось слушаться и, тяжело дыша, он в бессилии рухнул на землю. Сухие ветки затрещали под его весом так громко, что эхо разнеслось по всему лесу. «Неужели после всего, что я пережил и преодолел, моя жизнь закончится вот так?» — звучала мысль в его голове, не давая покоя. Со слезами на глазах, лежа на животе, он стал биться головой о землю, крича что есть силы. Стало немного легче и, поднявшись на колени, он вдруг увидел что-то светящееся впереди. Присев и приглядевшись, он понял, что это нечто похоже на маленький костерок. Пару минут он молча собирался с мыслями, рассуждая, происходит это наяву или только лишь в его воображении. Стиснув зубы и сжав кулаки, Майорбэк Тайнс поднялся на ноги и решительно пошел прямо на огонек. Ненужные мысли об опасности больше не занимали его голову. Он твердо решил проверить странное место, ведь это был свет его последней надежды на спасение. С этой мыслью он все ближе подбирался к огоньку. С каждым шагом мерцание усиливалось, как и вера бывшего узника. Тайнс уже видел, что ему не померещилось, и это действительно огонь от костра. А когда ноздри его уловили аппетитный аромат жареного мяса, у него открылось второе дыхание, и он помчался на спасительный свет со всех ног, забыв об усталости.

Усилия его оказались не напрасны, цель была достигнута, он вышел к прекрасной, идеально круглой поляне. К удивлению его, людей он на ней не обнаружил, лишь костер горел посередине, клубы дыма которого терялись где-то в верхушках деревьев. В этом ночном умиротворенном спокойствии от такого привычного звука потрескивания сухих горящих ветвей к его глазам снова подступили слёзы. Зачем кто-то оставил прекрасного дикого кабана на вертеле и удалился прочь, даже не потушив костер, думать не хотелось. Гонимый нечеловеческим голодом, он отложил это на потом. При виде мяса, горячего и сочного, живот его громко заурчал, он нервно сглотнул наполнившую рот слюну и ноги сами понесли его к пище. Ухватив двумя руками вертел, оказавшийся тростью, на которую было насажено мясо, он отбросил его в траву и трясущимися пальцами стал рвать плоть животного на куски, жадно глотая их и причмокивая. В этот момент ему почему-то

вспомнился бездомный, которого он когда-то накормил. Тот также хищно набросился на еду, глотал её, практически не разжёвывая, и смотрел на Тайнса глазами, полными благодарности. Бывший узник не мог дать себе отчет в том, почему он вдруг вспомнил эти подробности своей биографии. Но мысль, что сейчас бездомный — он сам, на секунду оторвала его от трапезы.

Когда голод утих, Тайнс окинул взором поляну. Он не поверил своим глазам, когда возле костра увидел флягу. Открыв ее, полную воды, он жадно впился в нее сухими потрескавшимися губами. Когда последние капли были выпиты, за его спиной послышались тихие крадущиеся шаги. Резко развернувшись, он успел увидеть человеческий силуэт, после чего на его голову обрушился мощный удар чем-то тяжелым и он погрузился в глубокий сон.

...Темно. Он чувствует, что в непроглядной тьме, которая вновь поглотила всё окружающее пространство, кто-то есть. Вот мгла густеет, клубится, сбивается в силуэт, медленно приближающийся к нему, и становится видно, что это его старший сын, который умер много лет назад во время зеленой чумы. Чернильное марево не успокаивается, вновь приходит в движение и появляется отец, погибший в войне за Империю много лет назад. Он тоже подходит к нему, но не один, за его спиной раздаётся весёлое фырканье, и оттуда, размахивая прекрасной белой гривой, выходит его верный скакун. Они стоят все вместе и молча смотрят на него. Он не понимает, почему они решили навестить его сейчас, но испытывает непередаваемое чувство легкости, усталости, радости. Теперь к ним прибавляется горе, любовь, боль... Все смешивается в единый вихрь чувств. Его невероятно тянет к родным. Неожиданный резкий холод прерывает его мысли. В ослепительной вспышке всё начинает таять и исчезать прямо у него на глазах. Он протягивает к ним руки, не желая расставаться с ними...

В тот момент Тайнс открыл глаза. Немного придя в себя, он осознал, что сидит на земле со связанными руками и ногами, примотанный спиной к дереву, а голова, и лицо его почему-то мокрые. Он хотел пошевелиться и понял, что не может этого сделать. Губы его задрожали, пульс стал бешеным.

* * *

— Проснулся? — послышался грубый голос.

— Да, — ответил Тайнс, подняв глаза и пытаясь разглядеть говорившего. — Это ты меня огрел, а затем привел в чувство? — осторожно добавил он.

— Да, это сделал я.

В неверном пламени костра Тайнсу удалось разглядеть незнакомца получше. Это был мужчина примерно его возраста, с густыми взъерошенными волосами русого цвета. Длинный орлиный нос выделялся на тонком овальном лице, с ярко выраженными скулами и впалыми щеками. Одет он был в добротный походный плащ и крепкие на вид сандалии, сплетенные, похоже, из стеблей какого-то растения.

— За что?

— Да хотя бы за то, что ты сожрал мою еду и опустошил флягу.

— Прошу простить меня. Это действительно очень некрасиво с моей стороны. Оправданием мне может послужить лишь то, что я не пил и не ел несколько дней. Жажда и голод оказались сильнее моих моральных принципов. Но клянусь, при иных обстоятельствах я бы так никогда не поступил.

— Я прекрасно знаю, кто ты, Майорбэк Тайнс, — спокойно сказал незнакомец и подошел к нему ближе. Схватив Тайнса за лицо, он прорычал: — Смотри мне в глаза! Ты

узнаешь меня? — глаз его задергался, а желваки заходили взад и вперед.

— Нет, — глухо просипел Тайнс, всматриваясь внимательней.

— Понимаю. У тебя же таких, как я, было много. Зачем тебе нас помнить? — незнакомец ещё сильнее сдавил его лицо. — Ты же лучший друг императора, его помощник, правая рука, можно сказать, второй император, — незнакомец скривился, как от кислого и отбросил от себя лицо Майорбэка.

— Я не знаю, кто ты, — дрожащим голосом повторил бывший заключенный, быстро перебрав в голове, кто же это мог быть.

— Меня зовут Эдмундо Барнс. Я был одним из стражей великой казны Алатарианской империи. В одно время до императора стали доходить слухи, что кто-то готовит против него заговор и хочет свергнуть. Для его свержения понадобится обворовать имперскую казну и у заговорщиков есть свой человек в страже. Когда ты пришел с королевской стражей, то сразу, не колеблясь, указал на меня. И без всяких доказательств меня осудили к изгнанию в леса Бейленос. Моя жена Мелиса и сын Аскин остались в Империи. Им пришлось отречься от меня, как от врага Империи. Мой сын сейчас носит другую фамилию, называет отцом другого человека. И во всем виноват ты! Ты понимаешь?! — глаза его налились кровью и, сжав зубы, он схватил Тайнса за горло.

Майорбэк широко распахнул глаза, судорожно пытаясь собраться с мыслями.

— Ты знаешь, все эти годы я мечтал об этом моменте. Молился всем: и богу войны Арсею, и богу труда Бракасу, и богине власти и денег Ивикс, и даже богу земель Бейленос Алайросу. Я молился о мести, и они меня слышали. Единственная причина, почему я тебя не убил сразу — любопытство сильнее прочих человеческих чувств. И теперь я хочу знать, как такой большой человек, как ты, оказался в изгнании? Расскажи-ка мне все в подробностях, не жалея слов, — и незнакомец разжал пальцы, отпуская горло Тайнса, после чего тот сразу сильно закашлялся, жадно вдыхая воздух, хватка незнакомца оказалась очень крепкой.

Тайнс еще раз окинул взглядом лицо этого человека, но так и не смог вспомнить его:

— Я не помню тебя, но мне очень жаль, что так получилось. Тогда было такое время. Императору постоянно мерещились везде заговоры и предательства, в каждом он видел изменника и угрозу для своей власти. А я, как его правая рука, должен брать на себя это бремя и осуждать пусть даже невиновных людей для его успокоения. Я помню этот случай, когда ему нашептали о возможном грабеже казны. Я знал, что это ложь и пытался доказать ему это. Но он хотел казнить всю стражу, чтобы уж точно не ошибиться. Я убедил императора, что сам во всем разберусь и найду предателя. Мне пришлось выбрать одного, чтобы сохранить жизнь остальным. Я указал пальцем на первого, кто встретился у меня на пути. Мне жаль, что так вышло. Я чувствовал тогда на себе огромную вину и делал все, что мог, чтобы смертную казнь заменили на изгнание. Это мне удалось, но это всё, что я мог сделать. С этим и многими другими грузами на сердце я живу всю свою жизнь.

Живой пример того, как его выбор повлиял на судьбы людей и сломал их жизни, причинял ему буквально физическую боль. Он опустил голову и закрыл глаза, не в силах больше смотреть на человека, чью судьбу покалечил своим опрометчивым решением.

— Мне плевать на твою жалость, ты думал только о своей шкуре. Признай, ведь тебе тогда было важно, чтобы император не разочаровался в пользу своего помощника. Ты хотел выслужиться перед ним, только и всего, — громко фыркнул мужчина, злорадно улыбнулся и, вытащив нож, стал вертеть его в пальцах. — Судьба забавная штука. Ты распорядился моей

жизнью, а теперь я могу распорядиться твоей... Но прежде, чем ты умрешь, я хочу знать, как тебя сюда занесло? — и он равнодушно приставил холодное лезвие к горлу Тайнса.

— Я только что рассказал о том, как император чуть не лишился рассудка. Через некоторое время все наладилось и ум его прояснился. Никто не думал, что такое может еще когда-то повториться. Тем не менее, спустя десять лет это снова началось, только усилившись. Теперь он уже не верил никому из своего окружения, кроме меня. Император вызвал меня к себе и стал сетовать, что все военачальники предатели, повара — отравители,

а родственники — узурпаторы. После всего он добавил, что я должен взять их всех под стражу и казнить. Я пытался его отговорить и убедить в верности этих людей. Все усилия оказались тщетны. Я больше не узнавал своего правителя и друга. Я пытался объяснить, что все это происходит только в его голове. После моих слов его глаза стали стеклянными... Он закричал, что тем предателем, о котором он говорил, все это время был я. Как я не пытался оправдаться, все оказалось бесполезным. Меня взяли под стражу, а после приговорили к изгнанию. Император посчитал, что отлучение от Алатарианской империи будет для меня страшнее смерти. Он оказался прав. Так я и оказался здесь, — скривив рот в невесёлой усмешке, закончил Тайнс свой длинный монолог.

— Ха-ха-ха, — Барнс наигранно зашелся гомерическим смехом. — Какая прекрасная история! Правитель сошел с ума, а человек, по милости которого я десять лет живу в изгнании, теперь в моих руках и даже получил по заслугам без моего участия.

— После моего заточения, — перебил его Майорбэк, — прошло три года, вести из Империи доходили и до меня. Император снова в здравом уме, к нему вернулся рассудок. Единственный вопрос, который я себе задаю, почему он не помиловал меня?

— И все-таки справедливость существует, — Эдмундо обратил свой взор к небу. — Теперь я могу тебя убить... Но не рассчитывай, что это произойдет быстро. Я сделаю все очень медленно, наслаждаясь каждой секундой твоих мучений, — и он неспешно отвёл руку с ножом от горла. После чего, качнувшись назад, резко замахнулся, чтобы вогнать лезвие в бедро Тайнса.

— Стой-стой, не делай этого! — закричал Тайнс, расширив глаза.

— И с чего мне тебя слушать? — задумчиво посмотрел на него Барнс.

— Потому что я знаю, как помочь тебе вернуться домой, — дрожащим голосом ответил Майорбэк.

— Ха-ха-ха! — снова рассмеялся Барнс, — И как ты можешь мне в этом помочь? Если ты не заметил, то теперь мы оба на другой стороне. Мы в одной лодке, ты больше не друг императора. Очнись!

— Император сделал ошибку, изгнав меня, и он заплатит за нее сполна. Моих знаний об Империи достаточно для возвращения домой, — горячо выпалил Тайнс.

— Ну и как ты это собираешься сделать? — приподняв брови, с любопытством спросил Барнс.

— У меня был прямой доступ ко всем государственным тайнам, я владею такими секретами, которые доступны лишь избранным. Я знаю об Империи и её армии всё, я знаю то, что думает каждый из её генералов, я был вхож во все двери, большинство политических и военных стратегий разрабатывались мною! Лично! — выдал Тайнс, подняв голову вверх и выпятив подбородок.

— И как нам это поможет? Ты что же, предлагаешь вдвоем идти против целой армии? Я думаю, что ни одна стратегия не поможет тебе выиграть такую битву, — скептически

хмыкнул Барнс.

— Нет, конечно. Мы соберем армию здесь. А уж я-то знаю, как пробиться через Имперскую границу.

— Собрать армию здесь? Ты, наверное, ничего не знаешь об этих местах, если такое говоришь, — Барнс посмотрел на своего пленника даже с некоторым сожалением.

— Но здесь же есть люди, которые то и дело совершают нападки на границу? Только до сих пор безуспешно. А с моими знаниями они могут преуспеть в этом деле. Думаю, им будет интересно мое предложение, — не сдавался Тайнс.

— Я много раз наблюдал, как эти так называемые воины пытались пробиться через «Серые Врата». И скажу тебе, что это очень сложно... — задумчиво потёр переносицу Барнс.

— Да, ты прав, что до сих пор все попытки были безуспешны. Однако они осуществлялись спонтанно, без наличия должного количества воинов и четкого, организованного плана. Неорганизованные нападения маленькими группами отчаявшихся людей. А если собрать всех и ударить, как единое целое войско в одно уязвимое место, на которое я укажу, то успех непременно будет на нашей стороне! — твердо заявил Тайнс.

— Ты точно не знаешь, как все устроено. В Империи не рассказывают о жизни за «Серыми Вратами». Вы думаете, что здесь дикие люди, единственным смыслом жизни которых является желание прорвать рубеж. Но спешу тебя удивить — здесь все намного сложнее, только некоторые из кланов пытаются штурмовать «Серые Врата». Это малые группки, которые уж точно никак нельзя назвать армией. А остальные живут, развиваются и думать не думают об Империи, и тем более о войне с ней.

— Так давай заставим их задуматься, наконец, об этом, объединив наши знания, мы сможем доставить нас всех домой, — расправив плечи, сказал Майорбэк.

Жажда мести Барнса была очень сильной, но оказалась слабее надежды снова увидеть сына и вернуться к прежней жизни. Перехватив нож поудобнее, он со вздохом принялся неторопливо перерезать им веревки:

— Ладно. Мы попробуем вернуться домой. Однако если ты захочешь обмануть меня, пощады не жди, — снимая последние путы, пригрозил он пленнику своим большим кулаком.

— Договорились, — торопливо кивнул Тайнс, в знак примирения протягивая свою посиневшую без движения руку для пожатия.

Барнс, глянув на неё мельком, лишь пожал плечами и, отойдя, присел у костра, на что Майорбэк, не сильно обидевшись, взялся тут же приводить своё кровообращение в порядок. Встав на ноги и присев несколько раз, он растер онемевшие конечности и с удовольствием прислушался к тому, как они стали оживать и по ним тихонько побежали мурашки.

— С чего начнем? — задал закономерный вопрос Барнс, дождавшись окончания этих нехитрых манипуляций.

— Для начала ты мне расскажешь, как тут и что на этих землях за рубежом, — рассудительно предложил Тайнс.

— Хорошо. Но только не в холодном темном лесу, если не возражаешь. Пойдем ко мне. Возле теплого камина всяко лучше беседы вести, — Барнс поднялся на ноги и принялся тушить огонь.

— Хорошая идея, — обрадовался Тайнс. — Только мне нужно отдохнуть и выспаться, для остроты и ясности ума.

— Путь неблизкий, нужно идти, выспишься позже. Иди за мной след в след и не

отставай ни на шаг. Идти будем очень быстро, нам лучше не сталкиваться с тем, что просыпается ночью в этом лесу, — запахнув на себе плотнее плащ, он прихватил свою трость и, оглядевшись по сторонам, быстрым шагом направился вперед.

* * *

Тайнс, несмотря на усталость, двигался достаточно быстро, не отставая от проводника ни на шаг. Ночная чаща жила своей жизнью, наполненной странными звуками и голосами диких животных. Раздавшийся неподалёку жуткий рык заставил Тайнса подпрыгнуть от неожиданности:

— Что это?! — испугался он.

— Лучше бы тебе этого не знать, — коротко ответил Барнс.

Через некоторое время впереди сквозь заросли замерцал свет множества далёких огоньков.

— А это что там вдали? — снова спросил Тайнс своего немногословного спутника.

— Скоро сам все увидишь, мы уже почти на месте.

Чем ближе они подходили, тем яснее становилось видно, что перед ними раскинулось маленькое поселение, а мерцание, что виднелось издали, оказалось обыкновенными огоньками в их окнах. Эти домики, выстроенные из дерева и лозы, стояли друг от друга на большом расстоянии. Для Тайнса такое расположения было весьма непривычным, ведь в Алатарианской империи практически во всех королевствах дома находились очень близко друг к другу. Эдмундо остановился у одного из них:

— Ну вот мы и пришли. Заходи, посмотришь, как живут изгнанники, — и, распахнув деревянную без замков дверь, он вошёл первым.

Тайнс, не спеша, последовал за ним. Внутри дом выглядел чистым и ухоженным. Несмотря на маленькие размеры, в нем находилось все необходимое для жизни — большой круглый стол посередине, в углу разместилась небольшая деревянная кровать, а на стенах по всему дому располагались полки. Чего они только не вмещали — и сушеные грибы, и всевозможные растения, и какие-то сушеные листья, и оружие, и книги.

«У них есть книги?» — подумал удивленно Тайнс, однако решил, что это последнее, что его должно сейчас интересовать.

В хижине ощущался приятный аромат древесины, запах сушеных грибов и свежей домашней стряпни.

— Не имперский дворец, но все же как тебе? — искоса глянув на него, поинтересовался Барнс, нарушая тишину.

— Очень даже неплохо, — искренне похвалил Майорбэк, осматриваясь вокруг.

— Будешь пить настойку из листьев Дробуда? — предложил Эдмундо.

— А что это такое? Впервые слышу, — с интересом осведомился Тайнс.

— Это дерево, на листьях которого делают настойку. Местное подобие вина. Таких деревьев не так много в лесу, мне повезло найти их в своё время. Настойка из их листьев очень хорошо прочищает разум и расслабляет тело, как раз то, что нам сейчас нужно, — заметил Барнс.

— Да, это точно, мне сейчас нужно отдохнуть и набраться сил, — согласился Тайнс.

— У меня есть сушеные грибы Титс, они очень хорошо восстанавливают силы и наполняют животворящей энергией. Нужно сейчас постараться хорошенько отдохнуть, с завтрашнего утра нам с тобой предстоят сложные дела, — подытожил он.

С этими словами Барнс взял с полки большую емкость с зеленой жидкостью и сумку с

сушеными грибами. Принеся всё это и поставив на стол, он приглашающее махнул рукой:

— Садись, выпьем.

Тайнс подошел к столу и увидел, что вместо привычных ему стульев возле него стояли обычные пни. Барнс плеснул настойки в две глиняные чаши:

— Выпьем за то, чтобы все наши планы осуществились и каждый получил, то что заслуживает, — поднимая чашу вверх, провозгласил он.

Настойка оказалась действительно великолепной. Выпив и закусив сушеным грибом, Тайнс почувствовал легкую горечь и опьяняющую сладость. После первого же глотка он ощутил приятное тепло, постепенно разливающееся по всему телу. Опустошив всю чашу, он уже полностью расслабился, дурные мысли отступили, а глаза начали слипаться.

— Есть не предлагаю, ты и без того уже наелся в лесу, — вставая из-за стола, беззлобно пробурчал Барнс. — Теперь нам нужно хорошо выспаться, завтра понадобится много сил. Иди за мной, я покажу, где ты будешь спать.

Поднявшись, Тайнс пошел за хозяином. Через несколько шагов он увидел еще одну дверь, которая вела в небольшую комнатку для хранения запасов еды.

— Будешь спать здесь, — открыв дверь, указав рукой Барнс. — Заходи, располагайся, завтра подъем с первыми лучами солнца.

— Хорошо, спасибо.

Войдя внутрь, Майорбэк зажег фонарь и осмотрелся. На стенах было также множество полок, а под ними — длинные стеллажи, на которых хранились всевозможные запасы. Запах здесь стоял густой, приятный, дурманящий. После длинной изнуряющей дороги он и не заметил, как сомкнул глаза и провалился в глубокий сон...

— Вставай, уже солнце взошло! — раздалось над самым его ухом.

Открыв один глаз, он увидел стоящего над собой Барнса. От усталости ночь пролетела незаметно, оставшись позади, а казалось, что он только-только лёг.

— Сейчас встаю, — кивнул Тайнс, широко зевая и продирая глаза.

Он неторопливо встал, оделся и уже раскрыл рот, чтобы что-то сказать Барнсу, но тот жестом руки остановил его:

— Сейчас мы позавтракаем, а потом все остальное. На полный желудок думается лучше.

Тайнс закрыл рот, молча кивнул, вышел из кладовой и направился к столу. Подойдя, он увидел, что Барнс уже приготовил завтрак. В центре стола стояла похлебка — зеленый отвар с разными добавками, аромат от которого распространялся по всему дому, заставляя в предвкушении нервно сглатывать слюну.

— Как ты успел? — только и спросил он.

— Я встаю, когда еще солнце не взошло, это вы привыкли в Империи спать до полудня, — с самодовольным видом ответил хозяин, посмотрев на гостя.

— Напомню тебе, что последние три года я провел в заключении, там особо не поспишь, — насупился Майорбэк.

— Ладно тебе, — улыбнулся Барнс. — Садись кушать, надеюсь, это будет лучше тюремной стряпни.

Майорбэк, не заставляя себя упрашивать дважды, жадно набросился на похлебку. Она оказалось изумительной по вкусу, он глотал её, причмокивая и прикрывая глаза, и прерывался лишь на то, чтобы покачать от удовольствия головой. После тюремной еды и голода последних дней эта похлебка казалась ему вкуснее всех имперских блюд.

— Спасибо большое, я еще никогда ничего вкуснее не ел, — отдуваясь, искренне

поблагодарил он, закончив трапезу.

— Это все травы и грибы этих мест, они придают блюдам изысканный вкус, — ответил Барнс.

— Так! Теперь можем заняться разработкой нашего плана, — перешел к делу Тайнс, энергично потирая руки.

— Давай. Разрабатывай. Ты у нас мозги, вот и говори, с чего начинать будем и какие наши дальнейшие действия.

— Начинать будем с обещанного тобою вчера рассказа об этих местах и кланах, — выразительно взглянув на хозяина, подсказал Майорбэк.

— Хорошо, я расскажу тебе все, что сумел выяснить за прожитых здесь десять лет, — на последних словах он задумался и продолжил: — Все люди, проживающие на территории земель Бейленоса, делятся на шесть кланов, каждый из которых имеет своего вождя: Озерный, Лесной, Горный, Небесный, Подземный клан или, как его еще называют, клан Хаоса, и клан Отшельников. Все кланы живут обособленно и в каждом из них свои поселения со своими старейшинами — местными главами.

Первый, Озерный клан, считается символом гармонии, умиротворения и жизненной силы. Это миролюбивый народ, который исторически располагается у берегов озер, в непосредственной близости от воды. Их основное занятие — рыболовство, ремесло по дереву, в частности строительство плотов и лодок для своей работы. Клан возглавляет вождь — Озерог, это имя носит каждый, кто будет избран главой поселений на роль следующего. Люди здесь живут в полной гармонии с природой и поклоняются водному божеству — прекрасной богине Мелюзине, владычице водных глубин. Ее милость сулит тихие воды, отсутствие паводков и хороший улов.

Второй, Лесной клан, располагается в самой чащи густого, дремучего леса, служащего кровом для своих обитателей и убежищем от посторонних глаз. Члены клана промышляют охотой, сбором ягод, стрельбой из лука и резьбой по дереву. Их вождь избирается старейшинами — главами поселений. Вождь лесных кланов — Либертад. Имена вождей сменяются с их течением, так как каждый из них носит имя, данное при рождении. Обитатели этого поселения живут миролюбиво, чтя законы природы, свято веря в духов, приносящих удачу. Начиная работу с деревом, они обязательно обращаются к богу Тапио — покровителю лесов.

Третий, Горный клан, обосновался на вершинах скалистых могучих гор. Жители клана занимаются в основном изготовлением оружия, выращиванием скота, сбором ягод у подножий гор, промыслом из мехов животных. Вождь горных кланов выбирается путем поединков, в которых главы поселений сражаются на смерть. Победивший получает титул — Горнор, то есть имя вождя. Поклоняются богу Баритону — покровителю гор.

Четвертый, Небесный, является своеобразным ответвлением лесного — его представители живут в отдаленной части леса, где находятся самые высокие деревья. Здесь, в укромной тени, защищенные головокружительной высотой крон вековых деревьев, они строят свои жилища. Основное занятие для них — сбор фруктов и охотой. Вождя у них нет, а все вопросы решают главы поселений сообща. Поклоняется клан Сильфам — духам воздуха, отвечавшим за тихую погоду.

Пятый — Подземный или клан Хаоса. Люди, составлявшие его, живут под землей в извилистых катакомбах, которые были сделаны давным-давно и никто не знает кем и для чего. Размеры их поистине впечатляющие. Там живут изгои — те, кто не подошел ни одному

из кланов, изгнанники или смертельно больные, что не могут приносить пользу общему благу. Там, в нищете и одиночестве, словно крысы, они доживают свои последние дни. Каждый выживает, как может, воровство и насилие процветает повсеместно. Эти люди уже не верят ни во что, кроме себя, так как сила в этих местах — единственное проявление власти.

Шестой клан — клан Отшельников. Это несчастные, которые после изгнания не ушли глубоко в леса, а остались жить у самого рубежа с Империей. Это объединение даже не считается общиной, люди здесь живут, как и подземные изгои — отстраненно и поодиночке сводя концы с концами. Меня можно тоже причислить к клану Отшельников, так как ими называют всех, кто живет возле рубежа.

Кланы между собой не ведут открытых войн, однако вражда между ними есть. Единственное место мира во всех землях Бейленоса — Рынок Шести Кланов, называемый ещё Лунным рынком. Он устроился на самой большой равнине, на нем раз в три луны собираются племена для обмена ресурсами. Вожди понимают, что сохранять жизнедеятельность клана и вести хозяйство невозможно без материальных благ, которыми владеют другие кланы. Давно заключенное соглашение, согласно которому в установленные периоды месяца кланы производят между собой обмен товарами. Как ни странно, деньги у них не ходят, никаких тебе имперских таргенов.

На этом Эдмундо закончил свой рассказ и посмотрел на Тайнса. Тот, почесав затылок, крепко задумался, после чего кивнув своим мыслям, подвел итог:

— Хорошо, теперь мне нужно побыть где-нибудь одному, чтобы всё это обдумать.

— Можешь не беспокоиться, я ухожу по делам, тебя здесь никто не потревожит.

По прошествии некоторого времени у Майорбэка стала понемногу складываться общая картина положения дел и уже сформировалось достаточно мыслей, нуждающихся в обсуждении, но Барнс все не появлялся. Не тратя времени на пустое ожидание, Тайнс вышел на воздух, ему не терпелось рассказать о своих идеях. Барнс обнаружился тут же, у дома. Он стоял во дворе у небольшой клумбы, сосредоточенно и бережно поливая необычный цветок синего цвета, стебелек которого пламенел ярко-красным оттенком.

— Что это за цветок? — подходя ближе, спросил хозяина Майорбэк.

— Это цветок жизни, так его здесь называют, — ответил тот, не отрываясь от своего занятия. — Этот цветок спас много жизней, отвар из него лечит любой недуг, а если перетереть его стебли до однородной массы и помазать ранение, оно в считанные часы заживет. В это сложно поверить, я и сам считал это предрассудками, пока однажды на охоте на меня не напал дикий кабан, прокусив мне бок, — в подтверждение Барнс поднял край рубахи, показывая рукой на чудовищный шрам. — Корчась от боли, я упал, а затем от большой кровопотери потерял сознание. Пришел в себя я, лежа у теплого костра, на котором жарился тот самый кабан, в компании двух незнакомцев, молодого мужчины и маленького старика в темной потертой накидке. Первое, что меня удивило — я почти не чувствовал боли. Взявшись за бок, я не поверил своим глазам — рана затянулась, остался лишь маленький шрам со следами странной засохшей сине-красной смеси, — ностальгически потеряв свой левый бок, Барнс продолжил. — Тогда я вскочил и закричал: «Что со мной, я умер?»

«Нет, ты жив», — услышал я тихий хриплый голос старика.

«Что со мной случилось, сколько я тут пролежал и как это все понимать?»

«Ты здесь лежишь с утра, мы с моим учеником нашли тебя, истекающего кровью,

и вылечили», — продолжал спокойно говорить старик, не отрывая взгляд от огня.

«Как это возможно?» — недоумевал я, не в силах поверить в реальность их слов.

«Сначала я представляюсь, — неторопливо начал старик. — Я древний друид, а это мой внук и мой ученик. Еще многие сотни лет назад наши предки создали клан друидов, которые поклялись искать целебные травы, для помощи людям. Раньше нас много было, а теперь остались только я и мой внук. Когда-то в нашем арсенале было много целебных зелий и трав. Однако после того как мой дед нашел редкий «цветок жизни», мы больше их не используем, отвар из него лечит любой недуг и даже самую смертельную болезнь».

«Почему никто о нем не знает? Он же может спасти много жизней», — еще раз погладив бок, спросил я.

«Я понимаю твоё волнение и недовольство, но секрет, где растёт этот цветок, я унесу с собой в могилу. Владеть такой силой обычному человеку очень опасно, его свойства до конца не изведаны, мы знаем только о его целебных свойствах. Если же он попадет не в те руки, кто знает, как и в каких целях им воспользуются. Армия, владеющая этим цветком, может стать непобедимой, такой силой никто в мире не должен владеть для сохранения баланса», — уверенно закончил целитель.

«Могу я взглянуть на этот цветок?» — спросил я.

«Да, все-таки это он спас твою жизнь», — и старик взял небольшую старую потертую сумку и вытянул из нее растение с ярко-красным стебельком и синим цветком.

Я старался подробно рассмотреть и запомнить его.

«Все, нам уже пора идти», — пряча цветок, сказал старик парнишке.

«Спасибо вам большое за спасение, что я могу для вас сделать?» — искренне заинтересовался я тогда.

«Ничего не нужно, для нас лучшее вознаграждение — помощь тебе. Это наш долг. Ты сегодня родился заново, тебе жизнь дала второй шанс, воспользуйся им и проживи ее достойно», — сказав так, они ушли.

Но цветок тот я запомнил очень хорошо. После этого я стал изучать всевозможные легенды, пересказы, покупал все записи, где упоминалось хотя бы что-то похожее. Я искал его семь лет и, в конце концов, нашел. Там, где он растёт, таких цветков очень мало. Цветок жизни растёт очень быстро, однако он чувствительный к изменению температуры, я тебе недаром о нем рассказал. Я научился его выращивать и в ходе различных испытаний нашел еще одно свойство цветка. Когда он вырастет, в самой серединке цветка собирается пыльца. Если ее вдохнуть, сила человека удваивается, а то и утраивается на несколько часов.

Я думаю, это может нам помочь в дальнейшем, — закончил свой рассказ Барнс.

— Это очень нам поможет, даст преимущество, причем очень весомое, — явно обрадовался Тайнс, но, подумав несколько мгновений, недоуменно добавил: — А почему же они растут тогда просто у дома, а не спрятаны понадежнее?

— А зачем прятать? Это же просто цветы для украшения моего дома, — хитро улыбнувшись, подмигнул ему Эдмундо.

— Разумно придумано, прятать ценность у всех на виду, — одобрительно кивнул Тайнс.

— У меня припрятано много семени цветка жизни. Хватит на то, чтобы засеять плантации из сотен таких клумб.

— Прекрасно, — заключил Майорбэк и, оглянувшись по сторонам, перешел к делу — пойдем теперь всё же в дом, обсудим мой план, — и, взяв под руку, увлек собеседника за собой.

* * *

— Итак, у нас есть шесть кланов, — выудив из кармана камни, что прихватил с улицы и разложив их на столе, начал Тайнс.

— Теоретически так и есть, — сразу перебил его Барнс, — но мы не можем Подземный клан назвать полноценным, там нет единого механизма существования, правил и законов, нет никого, кто ими управляет. Отшельники — это люди, живущие на одной территории без верховного вождя и единых устоев. Так что, получается, есть четыре клана, которые действительно можно учитывать.

— Прошу, выслушай меня до конца, — терпеливо продолжил Майорбэк, — к этому мы еще вернемся... Итак, у нас есть шесть кланов. У клана Хаоса нет вождя, поэтому присоединить их к нам будет проще всего. Там много изгнанников из имперских земель,

у них есть желание вернуться или просто поквитаться за изгнание. Есть много воров и убийц, ради выгоды они пойдут на что угодно, а соблазн побывать на имперских землях с целью наживы очень велик.

— Это все пока только лишь красивые слова с визуальным сопровождением, — кивнув на камни, отмахнулся Барнс. — Но как это сделать в реальной жизни? И ещё. Вот ты говоришь «присоединить к нам»... Это к кому? Ко мне и к тебе?

— Да это будет не так легко, как изобразить на камнях... И это еще сырой план, который требует совместной доработки, но я излагаю его в общих чертах, — с уверенностью в голосе заверил напарника Тайнс. — Когда я говорю «к нам», я имею в виду не меня и тебя,

я говорю о клане Отшельников. Я помню, как ты говорил, что эти люди живут сами по себе и им ничего ни от кого не нужно, однако наступили такие времена, когда все мы должны объединиться для совершения одного общего дела. А для этого, в первую очередь, необходимо создать единый клан, убедить их в правильности нашей цели. Если у нас это получится, тогда успех будет неизбежен.

Барнс молча слушал, всем своим видом олицетворяя сильные сомнения в выполнимости такого плана. План, по его мнению, был хорош, но маловероятно, что жизнеспособен в реальных условиях.

— После того, — между тем, продолжил Тайнс, — как мы убедим клан Хаоса к нам присоединиться, мы должны сделать из них воинов. На обучение уйдет немало времени. Но мы с тобой бывшие солдаты и нам вполне по силам в краткие сроки подготовить более-менее боеспособную армию, за которой последуют и остальные кланы. С ними не будет так легко, вполне вероятно, что многие не захотят нарушить свою мирную жизнь, встав на тропу войны. Только один вариант заставит их передумать — нужно убедить остальные кланы, что им угрожает более значительная опасность, чем война с Алатарианской империей. А этого можно добиться, если мы к тому времени объединим две армии, Хаоса и клана Отшельников, а затем посетим Лунный рынок. Увидев нашу армию, они поймут, насколько серьезны наши намерения. А также шансы на победу. Я расскажу им свой план по захвату Империи, и они поймут, что с моими знаниями это будет не так сложно, как может показаться вначале. Затем мы предложим им присоединиться к нам, дадим время для размышления в течение одной луны. Кто не согласится, будет считаться нашим врагом. После таких условий, я думаю, все кланы обязательно согласятся. После присоединения ты должен будешь организовать армию, обеспечить их оружием, а также научить с ним обращаться. Обучишь их стратегиям, тактикам боя. Сделаем это, и каждый получит свое!

Хранивший всё это время молчание Барнс глубоко вздохнул и покачал головой:

— План очень хороший, — согласился он. — Но исполнить его будет крайне сложно. Например, горные кланы — очень боевой народ, и они лучше умрут, чем будут делать то, что им не нравится или может как-то повредить клану. А если им при этом еще и угрожать, то точно ничего хорошего из этого не выйдет.

Тайнс кивнул:

— Хорошо. К ним мы найдем иной подход, но давай сначала начнем хоть с чего-нибудь, например, с объединения клана Отшельников в одно целое. Если у нас это получится, то и все остальное будет по плечу.

— Справедливо, — согласился с ним Барнс, — давай думать, как это исполнить.

— Первым делом нам нужно как-то организовать общий сбор. Ты больше осведомлен в порядках здешних мест, подскажи, как это лучше сделать.

— Здесь нет такого понятия, как «общий». Если мы хотим собрать всех, лучшим способом будет объехать все поселения. Их тут не особо много, но каждое из них расположено на внушительном расстоянии друг от друга, поэтому нам двоим никак не управиться. Тем более, я все еще чужак не уверен, что меня будут слушать. К счастью,

у меня есть люди, которые мне должны. Они-то нам и помогут. Есть одно место подходящее, где можно провести собрание — это Поляна Грибов. О ней знают все, это самая большая равнина наших поселений, однако согласятся ли приехать все — большой вопрос, — поскребя подбородок, сказал Барнс.

— Я напишу послания в каждое поселение, а потом их доставим, — предложил Майорбэк.

— Тогда я пойду приведу тех, кто поможет нам в этом деле. Чего ждать? — с этими словами Барнс поднялся из-за стола, показывая, что разговор окончен.

— Одну минуту, — остановил его Тайнс.

— Что еще?

— Сколько посланий написать? Я даже не знаю, сколько поселений у вас. И еще нужна кожа для письма. Я же должен на чем-то их писать?

— Я об этом не подумал... Сейчас дам тебе кожу для письма. Это, разумеется, не имперская кожа, к которой ты привык, однако за годы я и сам неплохо научился ее изготавливать, — он подошел к полкам, где находились книги, взял стопку аккуратно сложенных прямоугольных кусков кожи и перо с чернильницей и поставил на стол перед Тайнсом. От чернил пошел легкий сладкий запах, Майорбэк немного наклонился и принялся к чернилам:

— Из чего они сделаны?

— Из здешних ягод, растущих вокруг, они идеально служат для этих целей, — он выдержал легкую паузу и продолжил: — Я видел, как ты удивленно смотрел на книги, наверное, думал, откуда они здесь? Так вот я их сам написал, в них хранится все моя жизнь. Я описал все, что со мной происходило с рождения до этого дня... Что до посланий, ты должен написать их семь. В каждом поселении живут около двухсот человек, а расстояния между ними где-то тридцать-сорок миль, так что это займет целый день езды на лошади.

Я приведу помощников и лошадей, а ты пока пиши вдохновляющую речь, — и на том он вышел с дома.

Майбэк Тайнс, не теряя времени, сел за составление посланий. Вооружившись предоставленными реквизитами, он сразу ощутил, насколько эта тускло-серая жесткая кожа отличается от той, белой, хорошо вымятой, к которой он привык в Империи. Много мыслей

крутилось в голове, однако за четверть часа из-под его пера не вышло ни строчки. Что такого мог написать бывший первый помощник императора людям, над которыми он не имел никакой власти? Ответ все не приходил. Они — изгнанники, или дети изгнанников, ненавидящие Алатарианскую империю и все, что с ней связано. Тем более что многие из них пострадали от его руки, как и Эдмундо Барнс. «Что же такого написать?» Тайнсу ничего не приходило в голову. Размышляя далее, он пришел к интересному умозаключению.

«А ведь можно сыграть на ненависти здешних людей к землям Империи и к их правителям! Он — некогда первый помощник императора, а это имеет вес. Так обернем этот недостаток в достоинство!» Мысль о том, что ненависть к нему поможет собрать всех, показалась ему более чем реалистичной. Это крайне рискованный шаг, но других вариантов нет. Кроме своих бывалых «заслуг», ему нечего предложить людям. С этой мыслью Тайнс, взяв перо, начал писать:

«Уважаемые жители земель Бейленос, в наших краях был пойман не простой имперский шпион, а Первый помощник императора Айриса Таггеранга — Майорбэк Тайнс. Суд над ним состоится через три дня на Поляне Грибов. Его судьба теперь в ваших руках. Это шанс отомстить Империи в лице Майорбэка Тайнса. Я приглашаю всех вас посетить всеобщее собрание и принять участие в суде».

— Всё, — он перевёл дух. — Первое послание готово, осталось продублировать еще шесть, и дело сделано.

Вдохновившись этим неожиданным озарением, он поспешил как можно скорее закончить начатое. Через некоторое время последнее письмо вышло из-под его легкой руки. Теперь осталось только дожидаться Барнса с его людьми. А его миссия на этом пока что окончена. Одна лишь мысль никак не давала ему покоя: а что если эти люди и правда захотят его казнить? И никакие слова их не переубедят в обратном, поскольку он сам и призвал их совершить над собой суд. Но, немного успокоившись, он решил, что слово — его главное оружие, которым он владеет в совершенстве. На него и будет делать ставку. А если пойдет не по плану, значит, такова его судьба. Во всяком случае, это лучше, чем сидеть сложа руки и окончить жизнь здесь, где-нибудь среди представителей клана Хаоса. Теперь осталось только свернуть кожу с посланиями трубочкой и крепко перевязать веревкой, дабы никто не смог прочесть их до того, как они будут вскрыты в поселениях своими адресатами. А больше всего Тайнс желал скрыть содержимое послания от самого Эдмундо Барнса, так как тот вполне мог воспротивиться таким планам. Когда дело было сделано, Тайнс, разложив все семь посланий на столе и обернувшись к окну, широко раскрыл глаза от удивления, насколько быстро прошло время, на улице уже стояла темень и звезды, как светлячки, освещали небо.

* * *

Барнс вернулся под утро, а с ним еще шесть мужчин.

— Знакомьтесь, это братья Туртс: Колби, Молби, Голби, Алби, Илби и их отец — Олби. Они из Поселения Гнилого Зуба, в свое время я помог им и теперь они согласились выручить меня, — показывая на мужчин, сказал Барнс.

Тайнс внимательно всмотрелся в лица новых союзников. Братья были очень молоды, самому старшему на вид можно было дать не больше двадцати лет, а младшему — около шестнадцати. Невооруженным взглядом было видно, что это семья — у всех рыжие густые волосы, такие же брови, и даже лица одинакового смуглого оттенка с тонкими, помолодецки розовыми губами, ярким живым румянцем и глазами цвета малахита. Все, как

один, похожи на отца, который стоял рядом с ними и больше напоминал старшего брата. Даже несмотря на возраст, его волосы были практически не тронуты сединой, глаза все так же горели живым огнем, а свежее здоровое лицо пестрело ребяческими веснушками.

— Меня зовут Майорбэк Тайнс, — вставая, представился он в ответ.

Тут Барнс заметил аккуратно разложенные на столе послания.

— Почему послания перемотаны нитью? — возмутился он. — Я рассчитывал прочесть их перед отправкой, прояснить для себя значения непонятных слов.

— В послании нет непонятных для тебя слов, ты сможешь понять все с первого раза, — легко улыбнулся Тайнс, переживая, дабы Барнс не захотел все-таки это сделать.

— Надеюсь, речь тут и вправду исключительная, — вертя в пальцах одно из них, выразил надежду Эдмундо.

— Одно послание я оставляю себе, для прочтения в этом поселении. А вы берите остальные шесть и отправляйтесь в другие. И постарайтесь собрать как можно больше людей, — закончил Барнс, раздавая послания по старшинству. Его выбор был предельно прост — чем старше представитель семьи, тем более отдаленное поселение ему достается.

— Колби, ты поедешь в Поселение Гнилого Зуба, оно находится ближе всех, — и он протянул письмо рыжему юнцу.

— Молби, ты поедешь в Поселение Старого Кузнеца, — выдал задание он второму брату.

— Ты, Голби, — в Поселение Подножия Горы.

— Алби, отправишься в Поселение Дроворуба Курта.

— Илби, — в Поселение Карлика Горбуна.

— А ты, Олби, отправишься в самую дальнюю точку — в Поселение Старого Мудреца.

Закончив, Барнс повернулся к Майбэку Тайнсу и увидел, что тот, с лицом, непроизвольно расплывшимся в широченной улыбке, еле сдерживается, чтоб не покатиться со смеху и тем самым не нарушить всю торжественность момента.

— Понимаю, что названия у нас немного диковинные, — пробубнил Барнс, — но такие названия даны не просто так. Например, Поселение Старого Кузнеца названо в честь старого кузнеца, к которому съезжались со всех поселений. Старика давно уже нет в живых, а название так и закрепилось за тем местом. Поселение Карлика Горбуна названо так в честь карлика-горбуна, который когда-то там и правда жил. Люди ехали посмотреть на него, посмеяться и понять, что их жизнь не так и плоха. Говорят, что этот карлик еще жив, но после того, как очень разбогател, перебрался жить в другое место, обзавелся женой, детьми и даже слугами. Нажил он свое состояние благодаря предприимчивости — брал вознаграждение с тех, кто желал посмотреть на него и потешиться. Об остальных названиях расскажу в другой раз, — сбивчиво оборвал Барнс сам себя, чувствуя, что тоже сейчас рассмеётся и развернулся к посыльным. — Можете брать лошадей и отправляться в путь. После того как доставите послания, возвращайтесь сюда. Удачной дороги! И да пребудет с вами Алайрос! — поднимая вверх руку в знак прощания, сказал Барнс, на чём рыжеволосая семья во главе с отцом быстрым шагом отправилась выполнять свою немаловажную миссию.

— Алайрос? — переспросил Тайнс, когда дверь за ними захлопнулась.

— Да. У каждого клана есть свое божество, которому они поклоняются, однако Алайросу молятся все жители земель Бейленос, этот бог стоит выше всех остальных, — объяснил Эдмундо, не отрывая взгляда от окна, за которым послышался топот шести отдалявшихся лошадей.

— Завтра соберем поселение. Кстати, его мы называем Поселение Пекаря Гурфи, наш хлеб славится во всех поселениях, — расплылся в улыбке Барнс.

Майорбэк с пониманием улыбнулся ему в ответ. Тут Барнс, словно внезапно что-то вспомнив, деловито огляделся вокруг и тотчас бросился с невнятным бормотанием перерывать груды своих вещей, бегая из одного угла дома в другой, пока не раздалось победное:

— Наконец-то! Я его нашел! — и он извлёк откуда-то на свет большой, припавший толстым слоем пыли колокол, — с таким красавцем мы легко привлечем к себе внимание, — нежно проведя по нему рукавом, сказал он. — Когда-то этот красавец, — и он поднял его над головой, — помог мне с Олби Туртсом на охоте загнать стаю диких кабанов прямо в ловушку, которую мы выкопали ранее возле Поляны Грибов. Этот колокол при своих относительно маленьких размерах издает оглушительной силы звук, — произнося эти слова, Эдмундо ликующе потряс колоколом, и дом мгновенно наполнил громовой звон. Тайнс закрыл уши, не выдержав звуковой волны. Эдмундо посмотрев на него, перестал трясти колокол, но звук еще несколько секунд отбивался эхом. Наконец, не в силах выпустить свою находку из рук, он завалился с ней на кровать, и отчаянно зевнул:

— Мне нужно немного поспать, и тебе советую, — на чем, обняв колокол, тут же захрапел.

Когда через несколько часов солнечные лучи залили собою весь дом, то, несмотря на совсем короткий отдых, у Майорбэка и Эдмундо было хорошее настроение.

— Бери послание и пойдем собирать жителей. У нас имеется одно место, где часто устраивают обмен товарами или просто собираются обсудить вопросы небольшими группами, тут его называют Равнина Злых Языков, там достаточно места для организации небольшого собрания, — предложил Барнс.

Тайнс кивнул, соглашаясь с ним, и спустя некоторое время напарники уже шли улицами поселения. У одного в руках был колокол, у другого — послание. Майорбэка всё не оставляли сомнения насчёт содержания послания, страшные мысли преследовали его всю дорогу, поскольку такой шаг подвергал его большому риску. Он первый раз углублялся так далеко в поселение. Вначале оно напоминало ему небольшую деревушку, но, пройдя дальше, становилось понятно, что это вполне развитое и самостоятельное поселение. Неподальку послышался звонкий перестук сразу нескольких молотов о наковальню. Это оказалась не просто кузня, а самая настоящая артель, где трудилось сразу несколько кузнецов, каждый из которых ведал частью своего ремесла лучше других. Кто-то делал подковы для лошадей, другой мастерил все для работы с землей — серпы, тяпки, грабли — словом все, что может пригодиться в повседневной жизни, а кому-то мастерски удавалось заниматься изготовлением наконечников для стрел и всякого вида оружия. По многочисленной очереди можно было предположить, что дело своё тут знали очень хорошо. Майбэк шел с открытым ртом, не в силах оторваться от столь обыденных, но умиляющих вещей. Стоило гостям пройти чуть дальше вглубь поселения, и ноздри их уловили соблазняющий запах свежее испеченного хлеба. Они вышли к пекарне, из дымохода которой бодро поднимались кольца дыма, а вокруг толклись дети, желающие полакомиться вкусной выпечкой.

— Это и есть пекарня Гурфи, в честь которой названо поселение, — показал на неё Барнс.

Майорбэк уставился на пекарню, широко раскрыв глаза.

— Что-то не так? — улыбаясь, спросил Эдмундо. — Ты, наверное, немного иначе

представлял себе дикие племена?

— Да-а-а, — выдохнув, несколько оторопело протянул Тайнс, — признаться, я не так себе представлял жизнь за «Серыми Вратами». Это очень сильно отличается от того, что рассказывают в Империи об этих местах.

— Я так же удивлялся поначалу, — поддержал его Барнс, — и понимаю твою реакцию, поскольку всех нас еще с детства кормят рассказами о диких людях, живущих по другую сторону рубежа, а земли Бейленос — главный враг Империи, но, как видишь, это очень далеко от истины. На землях Бейленос имеются ресурсы, которых в Алатаринской империи нет.

И вместо закрытия границ между землями лучше бы им наладить дружеские отношения, а самое важное — торговые отношения, от которых выиграли бы все.

Дойдя до главной площади, причудливо выложенной разноцветным камнем, по периметру которой были установлены удобные скамьи, Барнс остановился:

— Лучше всего начать оповещения отсюда, — уверенно сказал он и, подняв вверх свой колокол, что есть силы затряс им. Звук раскатисто поплыл по площади и далее, по извилистым улочкам поселения. Люди на площади оборачивались на звук и с удивлением останавливались. Пекари, кузнецы, продавцы лавок, отложив свою работу, пошли на звон, узнать в чем дело.

Когда Эдмундо Барнс убедился, что все желающие уже подошли, он, слегка откашлявшись, начал говорить:

— Общее собрание! Общее собрание! Собирайтесь сегодня, в полдень, когда солнце будет светить ярче всего, на Равнине Злых Языков!

— Зачем? Что такого случилось? — посыпались вопросы со всех сторон, заглушая друг друга. Люди с непониманием и тревогой смотрели на Барнса.

— Есть важное послание, которое может изменить наши жизни. Необходимо обсудить его всем сообща, — многозначительно изрек тот убедительным тоном.

Жители растерянно смотрели то на Барнса, то на незнакомца, стоявшего рядом с ним, то друг на друга, известие о каком-то общем для всех послании, чего у них отродясь не случалось, приводила их в полное недоумение. А союзники, между тем, направились дальше, и добрая часть дня осталась позади, прежде чем они обошли все узкие улочки с деревянными домиками.

— Теперь осталось пойти на поляну Злых Языков и ждать результата нашей многочасовой работы, — энергично потирая руки, подвёл итог Эдмундо.

Поляна с названием Равнина Злых Языков оказалась больше, чем представлял ее себе Тайнс. Зеленая трава до колена, кусты в рост человека и высоченный, росший по центру, мощный дуб, что расправил свои раскидистые ветви над всем этим благолепием, придавали изумительный вид этому месту. Барнс подошел к дереву и тут же расположился в его сени. Опёршись на него спиной и с наслаждением вытянув ноги, он сладко зевнул и, прикрывая глаза, подытожил:

— Теперь будем ждать.

— Я пока пойду осмотрюсь, — слегка тронул за плечо Тайнс засыпающего Барнса, на что тот лишь махнул рукой в ответ.

Поляна впечатляла, Тайнс шел по мягкому густому зеленому ковру, утопая в нем по щиколотку и осторожно обходя кусты с ягодами красного или черного цвета, не решаясь их пробовать на вкус. Высокие деревья соединялись вверху своими кронами и создавали

своеобразный купол над поляной. Запахи деревьев, травы и цветов переплетались и образовывали поистине чудесный аромат. Тайнс не мог надыхаться, вдыхая волшебный воздух полной грудью.

Плененный красотой, он не заметил, как пролетело время, и со всех сторон уже слышались голоса здешних жителей, заполнявших понемногу поляну. «Все-таки они пришли, любопытство победило», — подумал Майорбэк, выходя к людям. Он посмотрел на противоположную сторону, на которой стоял проснувшийся и явно прибодрившийся Барнс, они встретились взглядами и тот жестом руки позвал его к себе.

Несмотря на радость, охватившую его при виде такого большого собрания, он снова почувствовал сильное волнение. Как воспримут его обращение? Не станет ли этот чудесный день последним в его жизни? Его снова бросило в пот, однако отступить было некуда. Подойдя, он остановился под дубом, плечо к плечу с Эдмундо. Тот, едва сдерживая свой восторг, и без того написанный на его лице, оттого, что всё идет по плану, посмотрел на него вопросительным взглядом. Тайнс кивнул, давая понять, что готов.

Барнс взял колокол в правую руку, поднял его над головой и, что есть силы, затряс. Оглушающий звук вмиг заполнил всю поляну, и наступила тишина. Поставив колокол в траву, он взял рог для усиления звука, неторопливо примерился к нему, покрутив и так и эдак, и поднес ко рту:

— Я вижу в ваших глазах вопрос, — солидно начал он. — Понимаю. Вам всем интересно знать, зачем вы здесь собрались. Сейчас я прочту послание и вы все поймете, — и Барнс, не глядя, протянул руку к Тайнсу, чтоб тот дал ему сверток. Возникла пауза. Повернув голову, он посмотрел на напарника, который тем временем стоял, застыв, как изваяние, и тупо таращился прямо перед собой остекленелым взглядом. Ничего не понимая, он толкнул его локтем в бок и сделал страшные глаза: «Давай послание». Тот встряхнулся и, улыбнувшись: «Все под контролем, я немного задумался», протянул свиток.

Эдмундо Барнс неспешно развязал кожаный сверток, расправил и, вытянув его перед собой в левой руке, правой, с рогом, торжественно приложился к губам:

— Уважаемые жители земель Бейленос, в наших краях пойман имперский шпион, первый помощник императора Айриса Таггеранга Майорбэк Тайнс, — на этих словах лицо Барнса покраснело, ноздри раздулись, а свои налившиеся кровью глаза он гневно направил на Тайнса: «Это что такое? Как это понимать?!» Продолжая держать свиток перед собой, он опустил рог и, стараясь сохранять важную мину на лице, тихо процедил сквозь зубы:

— Это речь или предсмертное признание?!

— Читай дальше, — бесстрастно шепнул тот, — никто же здесь не знает, что Майорбэк Тайнс — это я.

Задохнувшись от такого нахального безрассудства, Барнс медленно выпустил из лёгких воздух и, пробуравив напарника тяжелым взглядом, вернулся к чтению:

— Суд над ним состоится через два дня на Поляне Грибов. Все желающие могут присутствовать и принять участие в решении его судьбы. Слово каждого из вас важно. Приходите и поквитайтесь за старые обиды с правой рукой императора!

После оглашения такой информации вокруг наступила тишина настолько гробовая, что стало слышно, как на деревьях шелестит листва... Потом кто-то хлопнул в ладоши, за ним — другой, вот последовал еще один, затем еще, и еще... Через мгновение жители рукоплескали и свистели, выражая неприкрытый восторг от таких радостных новостей. Барнс же стоял, широко раскрыв глаза, не зная, как правильно реагировать. Всё это время овации публики не

утихали, накатывая новой волной. Затем кто-то выкрикнул:

— Наконец-то мы сможем поквитаться! Имперские солдаты за «Серыми Вратами» забирают наших жителей и сажают в клетки. Кого-то они выпускают, а кто-то умирает в клетке, как животное. Старый Котр тому живой пример, он сидел в клетке двадцать три года. Его мучили, морили голодом. Когда же он стал старым и немощным, приволокли обратно еле живого. И что теперь? В пятьдесят пять лет он выглядит на все семьдесят! У него нет ни семьи, ни детей, ни друзей — никого, кто бы о нем заботился, разделял радости и печали. Всю свою короткую жизнь он провел в нечеловеческих условиях, так и не нажив ничего своего... А самое страшное, что это может случиться с каждым — нашими отцами, братьями, мужьями. Они издеваются над нами, а теперь мы поквитаемся с одним из них!

— А у меня разведчики с рубежа забрали брата. У него осталось жена и маленькая дочь. Так что я пойду на суд! И добьюсь, чтобы он вершился по всей строгости! — прокричал другой мужчина.

— И я пойду!..

— И я!..

— И я тоже... — пошел гул по всей поляне.

Голоса затмевали друг друга, сплетаясь в единый неистовый крик возмездия. Они желали отмщения, они желали крови, они желали видеть Майорбэка Тайнса мертвым!

Эдмундо Барнс не ожидал такого эффекта, он взял колокол и стал звонить в него изо всей силы. Его гулкий звук быстро заглушил голоса людей. Когда все окончательно стихло, он поднес рог к губам и продолжил:

— Прошу тишины! Все это вы расскажете на собрании, когда вам будет предоставлено слово! Раз все желают принять участие в суде, то встречаемся через три дня на Поляне Грибов. А сейчас можете расходиться по домам и готовиться к походу.

После этих слов снова поднялся гул, никто и не думал уходить. Разбившись мелкими группками, люди стали делиться друг с другом своими историями о нанесенных обидах и поломанных жизнях.

— Прошло лучше, чем я думал, — тихо изрек Барнс, толкнув Тайнса.

— А я даже не думал, что они настолько ненавидят имперцев, — покачал головой тот.

— Может, ты еще и не знал о том, что солдаты-разведчики, забирают людей? — повернулся к нему Эдмундо.

— Нет. О таком я слышу впервые и искренне не понимаю, зачем им это.

— Это все делается для создания видимости в необходимости защиты «Серых Врат» и важности сотни, защищающей их. Эти рыцари стали примером для подражания, олицетворением всех лучших качеств. А представь, если во всех королевствах Алатарианской империи узнают, что заключенные, находящиеся в приграничном городе Гинвал, это не те, кто пытался прорваться через «Серые Врата», а мирные трудяги? Если всем станет известно, что они хватают простых безобидных жителей и сажают их в клетки, как разбойников? Что тогда станет с людьми, которые всю жизнь равнялись на них?

— Ты думаешь, император об этом знает? — убитым голосом спросил Майорбэк.

— Нет. Я думаю, что кроме жителей приграничного города, об этом не знает никто.

На том разговор и закончился. На обратном пути оба молчали, каждый думал о своем.

На подходе к дому их уже ожидал самый младший из братьев Туртс. Он прибыл первым из Поселения Гнилого Зуба.

— Как все прошло? — подойдя, спросил Барнс.

— Прошло бы лучше, если бы я заранее знал, что твой новый друг, с которым ты нас познакомил, и есть тот самый помощник императора, о котором идет речь в документе! — раздувая ноздри и сжимая кулаки, заявил Колби.

— Не кипятись и верь мне, все идет так, как и должно идти, — он примирительно взъерошил парню его огненную шевелюру, и кивнул: — Продолжай давай.

— Все прошло неплохо, — успокоившись, продолжил тот, — некоторые даже придут целыми семьями. В Поселении Гнилого Зуба все ненавидят императора и его приспешников, так что народу соберется весьма прилично, — закончил Колби.

— Спасибо тебе за помощь. Осталось дожидаться твоих братьев и отца с вестями с других поселений. А пока можешь пойти в дом и немного отдохнуть с дороги, — доброжелательно предложил Эдмундо, указывая на дверь.

— Если послания имели такой же успех и в других поселениях, шансы собрать достаточное количество жителей значительно возрастают, — обернувшись к Тайнсу, подметил Барнс.

— Моя идея с судом оправдала надежды, — задумчиво, тихим голосом сказал Майорбэк.

— Хорошо, что их ненависть к имперцам сейчас обернулась в нашу пользу, но радоваться еще рано, очень рано, — сказав так, Барнс на секунду нахмурился, но так как пока всё шло по плану, просветлел и, хлопнув Майорбека по плечу, подтолкнул того к дому:

— Пойдем в дом. Отдохнем и покушаем, остальные приедут где-то под утро.

Зайдя в дом, они увидели, как Колби Туртс уснул прямо за столом.

— Видно, парень очень вымотался после длинной дороги, нужно его перенести на кровать, пусть поспит, — тихо сказал Эдмундо, подходя к нему.

Подхватив щуплое тело Колби под руки, они отнесли его на кровать. Тот что-то бормотал сквозь сон, но слов, увы, было не разобрать. Усталость так сильно его накрыла, что даже гром небесный не вырвал бы его сейчас из сновидений.

Когда под утро на улице раздался топот копыт, а за ним шаги и, наконец, скрип входной двери, в доме все проснулись. Первый вопрос задал протирающий ото сна глаза Колби, когда увидел на пороге сразу всю свою семью в полном составе, четырех братьев и отца.

— А почему вы приехали все вместе?

— Перед тем, как разъехаться, мы договорились, что после возвращения встретимся у молодой реки и поедem вместе, — ответил отец, присаживаясь за стол.

— А почему мне никто не сказал? — надув губу, посмотрел на отца Колби, чувствуя себя обделенным.

— Потому что ты ехал в Поселение Гнилого Зуба, а оно находится отсюда ближе всего, тебе пришлось бы нас ждать очень долго, — спокойно пояснил отец и продолжил, обращаясь к Барнсу: — Скажу прямо — я был немного поражен, когда прочитал это послание. Никто из нас не ожидал такого поворота. Но, тем не менее, это сработало. Причем не только в Поселении Старого Мудреца, а и во всех остальных. Так что собрание Отшельников через два дня на Поляне Грибов состоится. Мы сделали, как ты просил. Это было нелегко, но в конечном итоге все получилось. Мы хотели отдать тебе долг, если бы не ты, малыш Колби бы умер от красной сыпи. Еще никто не выживал после нее, но ты сотворил чудо. Вся наша семья и я, в частности, будем благодарны тебе до конца своих дней, — и он, с нежностью посмотрев на все ещё сонного Колби, добавил: — Я полагаю, мы теперь имеем право знать, для чего это собрание?

— Позвольте мне ответить на этот вопрос, — подал голос Тайнс. — Как вы уже поняли из письма, я был первым помощником императора Таггеранга. Мы с Эдмундо хотим объединить все кланы и выступить против Империи. Уверен, что с моими знаниями об Империи мы непременно одержим победу.

— Идея интересная и смелая. Но даже если вы объедините всех Отшельников, у нас не хватит людей, чтобы пробиться даже через «Серые Врата», — скептически улыбнулся Олби.

— У вас нет, однако если объединить все кланы и выступить одной армией, все может получиться, — продолжил Тайнс.

— И как вы это собираетесь проверить? — заинтересовался Олби.

— Поверь, — вмешался Барнс, — у нас есть план, которому мы четко следуем. И первый его пункт — объединение Отшельников.

— Хотите к нам присоединиться? — посмотрев Олби в глаза, спросил Майорбэк.

— Мы уже и так в это втянуты, так что я и моя семья будем вам помогать, чем сможем, — ответил Олби и протянул руку, что символизировало начало нового союза, его сыновья последовали примеру отца.

— Отдохните с дороги, она была очень утомительной. А когда проснетесь, будем выдвигаться к Поляне Грибов, — предложил Барнс и отправился досыпать.

Уставшая семья без долгих раздумий и лишних слов последовала его совету, быстро и непринужденно обустроившись прямо на полу.

* * *

Остаток ночи пролетел незаметно, когда первые лучи солнца пробились в окно, все проснулись. Лишь Колби, любитель понежиться в кровати, никак не мог разомкнуть глаз. За это он часто получал от братьев и даже сейчас им пришлось будить младшенького привычным образом.

— Отец, Колби снова взялся за свое, спит мертвым сном, словно сейчас глубокая ночь, что нам делать? — Голби негодуяще закатил глаза.

— То же, что и всегда, — легко улыбнулся Олби.

— Как скажешь, отец, — сказал Голби и, подмигнув братьям, пошел на улицу за кувшином с ледяной водой.

Только он стал подходить к спящему Колби, как тот вскочил на ноги и стал убежать от брата что есть силы. Тот устремился за ним, гонимый азартом наподдать соне, и быстро настиг, загнав его в угол с пощеничьими умоляющими глазами.

— От меня не уйдешь! — победоносно засмеялся Голби, обливая брата водой.

— Отец, помоги! Они опять меня обливают! — закричал Колби, весь дрожа от резкого холода.

— Ты же знаешь, если ты просыпаешься позже братьев, тебя ждет такая участь. И я ничем не смогу тебе помочь, — с улыбкой ответил ему отец.

— Голби, оставь его в покое, пусть собирается! — встрял старший брат Илби.

— Повезло тебе сегодня, продолжим в следующий раз, — слегка оскалив зубы, пообещал Голби, опуская полупустой кувшин с водой.

Эта забавная ситуация немного разрядила напряженную обстановку в доме.

— Возьмите каждый с собой запасы, покушаем в дороге, — сказал Барнс, показывая на кладовую с припасами.

Через некоторое время кавалькада из братьев Туртс, их отца Олби, Майорбэка Тайнса и Эдмундо Барнса в полной готовности выдвинулась в путь. Дорога им предстояла неблизкая,

а посему небольшой отряд сразу пустил лошадей в галоп, помчавшись к своей цели что есть сил.

Невооруженным взглядом было заметно, как младшие из братьев Туртс, Колби и Молби соперничают между собой, стараясь обогнать один другого. Их рыжие волосы развевались на ветру впереди всех. С виду они уже совсем не походили на мальчишек, но при всей их рассудительности и зрелом уме они то и дело срывались в ребячество в желании сделать последний глоток беззаботного, уходящего детства. Сохранив в себе юношеский азарт, даже в такой, ответственной ситуации они находили возможность позабавиться. Остальные, казалось, просто наблюдали за ними. Но кто знает, может и они не прочь были потягаться с ними в их игре, но чувство собственного достоинства не позволяло им сделать этого.

— Начало лета — мое самое любимое время года, — мерно покачиваясь в седле, обратился Олби к Барнсу. — Я очень люблю, когда стоит сухая и теплая погода. Тогда и на охоту идти приятно, и собирать ягоды в радость. Осенью погода становится холодной и влажной, ничего не хочется, только спать и есть. А уж в глубокую осень я всегда себя плохо чувствую. Сыновья в эту пору мне здорово помогают.

— Да, тут красиво в начале лета, я и сам в это время могу несколько дней дома не появляться — охотиться, купаться в реке, лазать по деревьям, собирать сочные плоды прямо с веток. Более того, летние ночи настолько теплые, что и ночлег можно найти без труда — на лужайке, возле русла реки, под кроной зеленых деревьев, — поддержал разговор тот.

— Я слышал, что в землях Имиль вообще нет глубокой осени, у них постоянное лето, — продолжил беседу Олби.

— Да, это сушая правда. Я бывал в тех землях, у них действительно стоит вечная жара, жители ходят только в тульмах. Это одеяние больше похоже на нижнее белье до колен, нежели на полноценную одежду, — подтвердил Тайнс, поддерживая разговор.

— А ты, Олби, никогда не покидал земли лесов Бейленоса? Ты тут родился? — спросил его Майорбэк.

— Да, я здесь родился и вырос так же, как и мой отец, и его отец, и отец его отца... Однако род Туртсов не всегда считался отшельниками, мой прапрадед — выходец из Озерного клана.

— А как так вышло, что вы стали отшельниками? — поинтересовался Тайнс, посмотрев на него широко открытыми глазами.

— Эту историю я услышал от своего отца, когда мне было двенадцать лет, а ему в свое время рассказал его отец. Потом уже я рассказывал ее своим сыновьям в день их двенадцатилетия. Это странная запутанная история, — вздохнул Олби и набрал побольше воздуха, приготовившись к длинному рассказу. — Когда мой дед жил в озерном клане, он являлся одним из тех, кто оберегал озера. Их называли «стражи озера», всего таких в отряде насчитывалось десять человек. Как-то раз, когда уже солнце уходило за горизонт и тьма плавно опускалась на землю, неся с собой сумрак, отряд деда обходил озера. И вот, выйдя к одному из озер, они нос к носу столкнулись с невиданным чудищем, пьющим воду прямо на берегу. Размерами оно достигало двух лошадей, шерсть отсутствовала, а глаза мерцали синим демоническим светом. Никто из очевидцев в жизни такого не видывал. Бойцами все были проверенными и храбрыми, но такого ужаса испытывать никому из них ещё не доводилось. Переглянувшись и придя к единодушному мнению, отряд организованно отступил, а если точнее, то со всех ног бросился бежать. Зверь же, услышав треск ломающихся под их ногами веток, поднял голову и прямо как человек вскочил на две задние

лапы. Дед покидал берег последним и, оглянувшись, встретился глаза в глаза с этим страшилищем, которое устремило свои светящиеся во тьме очи, казалось, в самую его душу. Затем зверь одним сильным прыжком взвился в воздух и приземлился прямо перед людьми. Выпрямившись во весь свой рост, он принял человеческую позу, склонившись над отрядом и раскрыв мощные челюсти. Ещё больше ужаса нагоняло то, что он не издавал ни звука, хотя даже одно дыхание такого монстра должно было раздаваться в ночной тиши громким эхом. Дед заметил еще одну его особенность — в пасти у зверя имелось только два острых и длинных клыка, один на верхней, другой на нижней челюсти. От этого он казался еще страшнее и опаснее. Чудище не спешило, могло показаться, что оно играет. Переливающееся в свете луны голое, мощное, мускулистое тело мягко опустилось на четыре лапы и застыло в полной неподвижности. Дрожащими руками солдаты обнажили оружие, но как биться с эдакой невидалью, не знал из них никто. Не выдержав напряжения, несколько солдат, включая моего деда, снова бросились бежать. Отбежав совсем недалеко, услышали за спиной нечеловеческие крики, а через мгновение там наступила полная тишина. Похоже, никто не выжил. Те, кто избрали стратегию бегства, гнали что есть сил, не оглядываясь, пока не рухнули, вконец обессиленные, на землю, тяжело дыша. Один из отряда перевернулся на спину, и тут же, глядя вверх, истошно заорал: «Он здесь!»

Солдаты, похватавшись за оружие, снова вскочили на ноги, но, вертя головами вокруг, ничего не замечали. Так продолжалось пару мгновений, пока возле дерева не мелькнула размытая беззвучная тень.

«Зверь!»,

«Зверь!»,

«Он там!»,

«Нет, он здесь!»,

«Он на дереве!»,

«Нет, за деревом!» — понеслись крики напуганных людей со всех сторон.

Зверь перемещался, как призрак, казалось, он мог напасть в любой миг, в любом месте и на любого из них, вынырнув буквально из воздуха. И вот ему надоели игры, и он вышел из тени. Снова так получилось, что мой дед находился от зверя дальше всех. Для того чтобы описать то, что было дальше, ни у какого сказителя не подберётся подходящего слова. Всё пришло в движение. Бывалые опытные бойцы, забрызгивая своей кровью всё вокруг, разлетались в разные стороны, как порванные картонные солдатикки, и падали замертво. Дед успел схватить длинное копьё с тяжелым наконечником, но демоническая тварь двигалась столь стремительно, что воспользоваться им было просто невозможно. Когда зверь покончил со всеми, он повернулся к деду, снова вперившись в него своими жуткими глазами. И тут дед, что есть силы, метнул своё копьё, которое, со свистом рассекая воздух, вонзилось тому в шею. Чудище, не издав ни звука, как простую занозу выдернуло из себя копьё и отбросило в сторону, рана тут же затянулась. Дед застыл на месте, тело окаменело, ледяной пот побежал по спине. Зверь, сделав пару шагов, навис над ним и совсем по-человечески нагнулся, рассматривая его внимательнее. Из приблизившейся пасти нестерпимо потянуло трупным запахом, деда чуть не стошнило, и он прикрылся рукой. Бездонные, пустые и холодные глаза ощупывали его бесконечно долго, и не будет этому, казалось, ни конца ни края. Но вот чудище взмахнуло лапой, голова деда дернулась, и он потерял сознание...

Очнулся он в теплой постели, а рядом сидела молодая красивая девушка. Она

рассказала, как нашла его в лесу, гуляя там со своим отцом. Этой девушкой была моя бабушка, жительница клана Отшельников. С того дня он остался жить с ней.

Странно то, что когда его нашла моя бабушка, стояла уже глубокая осень, погода была холодной и сырой. А когда случились все эти события, осень только начиналась, было сухо и тепло. Что же с ним происходило все эти луны и где он находился, никто не знает и до сих пор. Это очень загадочная история... — выдохнув, закончил рассказ Олби.

— Очень интересная история, я прямо заслушался, — сказал Тайнс, глядя на Олби Туртса с открытым от восторга ртом.

— Да, история действительно невероятная, — согласился Эдмундо, почесав седоватую щетину.

— Может, стоит передохнуть и подкрепиться? — подал голос младший из братьев Туртс, который давно искал возможность предложить привал, его желудок уже давно и немилосердно урчал.

— Да, пора уже делать привал, — согласился Эдмундо Барнс, останавливая лошадь и всматриваясь в заходящее солнце.

— Я знаю эту местность, — сказал Олби, — там, впереди, сразу за этим большим дубом, течет ручей с кристально чистой водой. Там-то мы и сможем остановиться, а заодно и пополнить наши запасы. Лучше места для привала нам не найти, предлагаю остановиться там.

Кавалькада достаточно быстро добралась до места и, убедившись в том, что для ночлега это как раз то, что нужно, принялась обустроиваться. Братья развели огонь, а их отец взялся за приготовление нехитрого ужина из тех продуктов, что были прихвачены ими с собой в доме Эдмундо. Сытно покушав и наговорившись вдоволь, всё огненноволосое семейство повалились спать прямо в мягкую траву возле огня, в то время как Тайнс с Барнсом расположились у ручья, воздух от него шел влажный и свежий.

Второй день пути мало чем отличался от первого, все те же ландшафты и пейзажи окружали путников, не балуя разнообразием видов, хотя в том и не было никакой нужды, солнце светило ярко, птицы вовсю распевали свои, одни им понятные песни, а зелень своей свежестью могла порадовать любой, даже самый придирчивый взгляд. Когда и этот день приблизился к концу, молодой Колби, ехавший впереди всех, указывая направление рукой, радостно закричал:

— Вижу Поляну Грибов!

Уже через пару минут все оказались на месте. Это была самая обычная поляна, отличавшаяся от других разве что практически идеальной округлой формой и поистине большим размером.

— Почему ее называют Поляной Грибов? — спросил Майорбэк, осматриваясь вокруг.

— Это из-за деревьев, что вокруг поляны, — ответил ему Олби, — если на них смотреть издали, они напоминают своей формой гриб. Отсюда и пошло название.

— Мы приехали раньше остальных, в запасе у нас еще целая ночь, нужно провести ее с пользой, хорошенько покушать и поспать, — протирая живот, сказал Эдмундо.

Спорить с ним никто не стал, сочтя, что к этим словам и добавить-то больше нечего.

Путников разбудил треск веток, шум и громкие разговоры, приближающиеся к их лагерю с первыми лучами солнца.

— До собрания еще полдня, — заметил Барнс, протирая глаза. — Видимо, у кого-то очень сильное желание тебе отомстить, — он взял Тайнса за плечо и слегка улыбнулся.

— Надеюсь, всё же не очень сильное, — рассматривая первых людей, входящих на поляну, ответил Майорбэк.

— Через полдня узнаем, — подытожил Олби.

Со временем Поляна Грибов заполнилась людьми полностью. Бурные обсуждения, разговоры, споры, простые дружеские беседы слышались вокруг, смешиваясь и переплетаясь в один огромный клубок шума и гама. Многие наверняка пришли просто ради того, чтобы побеседовать, увидеть знакомых, узнать последние новости, отвлечься от повседневных забот. Однако большинство всё же было настроено решительно и явилось сюда именно за тем, чтобы судить имперца. К полудню палящее солнце и отсутствие ветра стало приводить самых нетерпеливых людей в негодование:

— Где он?

— Покажите нам его!

— Мы сегодня начнем или нет?!

— Мы устали ждать!

Такие возгласы звучали повсеместно, наперебой дополняя друг друга. Чем больше времени проходило, тем сильнее и громче становились высказывания.

Эдмундо Барнс понял, что пришло время начинать, взяв свой специально прихваченный из поселения колокол, он принялся трясти его что есть силы. Звон распространился на милю вокруг, людской гул утих, всё внимание переключилось на источник звука. На поляне воцарилась тишина. Все взоры обратились к стоящим плечом к плечу Барнсу, Майорбэку Тайнсу и Олби Туртсу с сыновьями. Тогда Эдмундо отдал колокол одному из братьев и взял рог для усиления звука:

— Слава Алайрису, верховному богу, — начал Барнс. — Вы все знаете, с какой целью мы здесь собрались. Прежде чем начнется суд, давайте выслушаем подсудимого. Выйди вперед, Майорбэк Тайнс, первый помощник императора, покажись народу и скажи свое слово! — и он передал рог Майорбэку.

Тот, вытерев пот со лба, сделал шаг вперёд и, оглядев собрание, заговорил:

— Меня зовут Майорбэк Тайнс. В прошлом я служил первым помощником императора Айриса Таггеранга. Я был изгнан из Алатарианской империи. Сейчас я ничем от вас не отличаюсь. Я такой же, как и вы, изгнанник. Однако я не намерен с этим мириться.

В имперских краях много рассказывают о «диких людях», живущих в землях Бейленос. Попав сюда, я не увидел никаких диких людей. Жители Империи и жители Бейленос ничем не отличаются друг от друга. Хватит терпеть нападки имперских солдат с рубежа. Пришло время нанести ответный удар! Пришло время разрушить «Серые Врата»! Мы сможем! Не сможем мы это сделать, лишь объединившись! Объединившись здесь, мы придём к другим кланам. Мы покажем им, какая это сила, когда мы вместе! Пусть все увидят, что единство — это сила! И чем больше единство — тем больше и крепче сила! Вы меня слышали. Я всё сказал, — и он отступил на шаг назад.

— Ты — чужак! — понеслось из зашумевшей толпы.

— Откуда нам знать, что это не уловка императора?

— Он хочет нас собрать всех вместе и заманить в ловушку!..

Перед кричащей и размахивающей кулаками толпой, подняв вверх ладонь и призывая тем самым к тишине, снова встал Барнс:

— Да, он чужак! Но я — нет! Вы все меня хорошо знаете. Я изгнанник уже долгих десять лет. И за все это время я зарекомендовал себя перед всеми вами только с хорошей

стороны. Ни разу не подвел и не предал. Так послушайте хотя бы меня, — тут он забрал обратно рог у Майорбэка. — Я многим из вас помогал и был в каждом поселении. Но когда-то очень давно я служил императору, пока тот меня не изгнал из Империи за то, чего я не совершал. Там, за рубежом, у меня остался сын и жена, которых я не видел много-много лет. Каждый день перед сном я пытаюсь вспомнить лицо своего сына, но вместо этого в памяти всплывают лишь фрагменты. Каждую ночь я вижу мальчика, бегущего мне навстречу с криками «Папа, папа вернулся!», а потом я просыпаюсь. Я готов рискнуть ради объятий сына всем. Уверен, у многих из вас тоже есть прошлая жизнь там, за «Серыми Вратами». Есть родственники, дети, друзья, дом... настоящий дом. И разве вы не готовы сделать все, чтобы еще раз заглянуть в глаза любимым, обнять их и обрести такое долгожданное счастье? Или те, у кого солдаты забрали близких, они могут быть все еще живы за «Серыми Вратами». Нежели вы не хотите их спасти или почтить память, отомстив имперцам?

Когда я нашел Майорбэка Тайнса, я собирался его убить, как и вы сейчас. Мной двигали ненависть злорадия, месть. Однако надежда победила остальные чувства. И я понял, что он — это шанс вернуться домой! И я на все готов, чтобы осуществить наш план. Хватит бездействовать! Я предлагаю вам объединиться ради будущего!

После секундной паузы снова послышался рев толпы. Только на этот раз всё звучало иначе:

— Да! Да! Да!..

— Я согласен!..

— И я!..

— Я хочу домой!..

Стоявший прямо перед Барнсом в первом ряду ветхий старик подёргал того за рукав, привлекая к себе его внимание:

— Мил человек! А как нам это сделать? Нас ведь слишком мало для этого, да и оружия у нас особо нет.

— Да, ты прав. Нас мало, да и снаряжения нет никакого. Посему мы должны объединиться с другими кланами, тогда у нас куда больше шансов.

— Ты всерьез думаешь, что к нам присоединятся Озерные, Лесные и Небесные кланы? — скривившись, проскрипел старик. — Не говоря уже о Горном и клане отбросов, так называемом клане Хаоса?

— У нас есть план по объединению всех кланов. Но сначала мы должны сами стать кланом. Для этого нам нужно выбрать вождя, а по возвращении домой — главу поселения.

— Ты и будешь нашим вождем! — закричали из толпы.

— Да!..

— Да!..

— Да! Мы все согласны! — стремительно нарастало воодушевление.

— Нет! Стойте! — влез все тот же противный старик. — Он не может быть нашим вождем, он не родился в этих местах, мы не выберем чужака!

Шум стих, подобно откатившейся волне и в наступившей тишине старик, указывая крючковатым пальцем на Олби Туртса, стоявшего рядом с Эдмундо, провозгласил:

— Олби Туртс! Он коренной житель наших земель, его предки так же жили здесь.

Я знал его деда и если он хоть каплю похож на него, тогда лучшего вождя нам не сыскать! — тут старик воздел кверху свою костлявую руку и стал скандировать:

— Туртс! Туртс! Туртс!

С разных уголков поляны стали раздаваться поддерживающие возгласы, их подхватывало все большее и большее количество глоток, пока уже по всей поляне не разносилось дружное:

— Туртс! Туртс! Туртс!

Такой выбор застал Олби врасплох, не понимая, как ему реагировать, он застыл на месте.

— Отец, выйди вперед, народ зовет, — тихим голосом сказал Илби, освобождая отцу дорогу.

Олби Туртс, совершенно не подготовленный к такому повороту событий и оттого немного растерянный, все же вышел вперед и занял место рядом с Барнсом. Шум усилился, овации обрели новую силу. Тогда он, опустив голову, постоял немного, собираясь с мыслями, после чего, окинув взглядом поляну, поднял вверх руку, требуя внимания. Когда наступила тишина, он, тяжело вздохнув и облизав пересохшие губы, взял у Барнса рог:

— Спасибо, друзья! Для меня это большая честь! И большая ответственность! Я не знаю, что мне ещё сказать вам, но если вы выбрали меня вождем в этот нелегкий час, я согласен взять на себя это бремя и вести вас до конца! До победы! — тут он вскинул кулак вверх. — Да будет Алайрос на нашей стороне!

Поляна вновь взорвалась овациями, после чего все приклонили головы, выражая уважение и покорность первому вождю клана Отшельников.

— Поднимите свои головы и слушайте мой первый приказ, — скомандовал Олби, сдвинув рыжеватые брови. — Возвращайтесь в свои поселения, и пусть ваши кузнецы берут людей столько, сколько понадобится и отправляются к горным кланам. Обменяйте у них железной руды и делайте оружие, доспехи, щиты, кольчуги. Заготавливайте много, лишним не будет ничего. Теперь обращаюсь к будущим главам поселений. Через три луны я буду ждать вас здесь. На этом самом месте мы соберёмся и обговорим чёткий план наших дальнейших действий. Нам всем нужна слаженность и готовность действовать сообща. Теперь от нас зависит очень многое. От того, справимся мы или нет, зависит судьба народов всех земель Бейленос. Я всё сказал.

Встретив первую речь вождя с воодушевлением, жители поклонились в знак уважения и понемногу стали расходиться, обсуждая по дороге услышанное.

Поляна уже опустела, а Олби все стоял и смотрел перед собой неподвижным взглядом, не в силах поверить в действительность происходящего.

— Отец, с тобой все в порядке? — обеспокоенно окликнул его старший из сыновей, Илби.

— Да, все хорошо, — спокойным тоном ответил тот.

— Все сложилось даже лучше, чем мы думали, не так ли, мой вождь? — с улыбкой подмигнул ему Барнс.

Олби отстраненно кивнул и задумчиво провел пятерней по своей огненной шевелюре:

— Однако теперь у меня появилось много обязанностей перед людьми, отдавшими за меня свое слово, я не могу их подвести.

— Не подведешь, — положил тот руку ему на плечо.

Олби снова вздохнул:

— Ладно. Три луны на подготовку...

— Три луны — этого, конечно, мало для подготовки к войне с Империей, — встрял в разговор Тайнс, задумчиво ковырявшийся в зубах травинкой, — однако теперь мы вместе

и можем сделать очень многое.

* * *

Время летело незаметно, до назначенного срока оставалось всего ничего. На протяжении всех этих дней Майорбэк Тайнс составлял свой план, много раз зачеркивал его и переписывал снова, дорабатывал и дополнял, пытаясь найти идеальную концепцию победы.

Абсолютным большинством голосов главой их поселения был избран Эдмундо Барнс и теперь тот только и делал, что сутками напролёт занимался подготовкой к походу. Поселение разделилось на две группы людей: те, кто делал оружие и те, кто собирал припасы и охотился. Мужчины, что покрепче, становились помощниками кузнецов. Звонкие удары молота будили всю округу вместе с первыми лучами солнца и затихали лишь ближе к полуночи. Охотники приносили дичь, вялили её и набивали ею общинное хранилище. Женщины и дети также не сидели сложа руки, они собирали грибы, съедобные корни, целебные травы, ягоды, фрукты и овощи. Пекарни выпекали целые горы хлебных лепешек, засушивая их для длительного сбережения. В общем, всё поселение напоминало собой огромный человеческий муравейник, где каждый с полной самоотдачей делал всё, что мог, внося посильный вклад в общее дело.

И вот по прошествии трех лун под тем же старым дубом, росшим на Поляне Грибов, уже сложилась более-менее общая картина положения дел клана Отшельников, озвученная семью избранными народом главами поселений:

— Илби Туртс, глава Поселения Гнилого Зуба. Я подсчитал общую численность нашего клана. В клане Отшельников живет тридцать тысяч двести человек, из них десять тысяч сто мужчин, двенадцать тысяч пятьсот женщин и семь тысяч четыреста детей.

— Аудун Брод, глава Поселения Старого Кузнеца. Припасов еды хватит на две луны для одиннадцати тысяч человек.

— Эван Ховар, глава Поселения Подножия Горы. Количество оружия: девять тысяч мечей, двадцать тысяч луков.

— Свейн Отар, глава Поселения Дроворуба Курта. Количество лошадей в клане я насчитал пять тысяч, однако это не боевые лошади, вести бой на них невозможно, они могут служить только для перемещения.

— Ульв Торлав, глава Поселения Карлика Горбуна. Доспехов изготовлено две с половиной тысячи, деревянных щитов — одиннадцать тысяч, кольчуг — восемь тысяч.

— Эдмундо Барнс, глава Поселения Пекаря Гурфи. Всего мужчин в клане, которые могут идти в битву, девять тысяч пятьсот. Из них понятие о стрельбе из лука имеют все, а некоторые в этом деле даже очень неплохо преуспели. С навыками владения мечом дела обстоят похуже: из девяти тысяч пятиста кое-как управляют с мечом около двух тысяч человек, остальные же не умеют его даже в руках держать. Обучить такое количество людей за такое малое время просто невозможно. У меня только на проверку этих навыков ушло три луны, и это притом, что я каждый день этим занимался и ездил по всем поселениям.

Олби Туртс кивнул, поблагодарив всех за работу, и подвёл итог первого собрания старейшин тем, что объявил новый сбор через одну луну. Главы поселений должны были прибыть на Поляну Грибов со всей имеющейся у них к тому времени экипировкой, провиантом, людьми, лошадьми и оружием и, встав здесь лагерем, начать военную подготовку в преддверии грядущего похода.

Ровно через одну луну Поляна Грибов огласилась гулом голосов, лошадиным ржанием, бряцанием оружия и натужным скрипом груженных всякой всячиной повозок. Прибыв на место, десять тысяч человек сноровисто засуетились по поляне, обустроивая военный лагерь. В центре сразу установили палатку для вождя и его советников. Недалеко от нее разместили обоз с провизией и подобрали подходящее место для приготовления пищи. У края поляны поставили пять палаток для кузнецов, после чего разметили площадки для тренировок по стрельбе из лука, боя на мечях и строевого шага. Оставшуюся часть лагеря отвели под расположение солдат и содержание лошадей. Руководившие всем этим действием Олби Туртс, Эдмундо Барнс и Майорбэк Тайнс тщательно следили за тем, чтобы всё выполнялось как положено. В конце концов, день непрерывной работы принес свои плоды и к вечеру лагерь стоял в полной готовности.

— Вы только взгляните на этот лагерь! — сверкая глазами, радостно размахивал руками Барнс. — Ничуть не хуже имперского! А доспехи, что украшают наших людей? — он с удовольствием глянул на десяток солдат, стоящих в доспехах с гордо поднятой головой. — Прямо имперские рыцари, ни отнять ни прибавить!

— А что с остальными? — спросил Олби, кивая на основную, по-прежнему не экипированную часть будущих бойцов.

— Доспехов очень мало, на всех не хватит. И их нужно подгонять под каждого солдата индивидуально, для этого мы и поставили пять палаток для кузнецов, — махнул рукой Барнс в сторону палаток. — После обучения я посмотрю — кто будет лучшим, тот и получит доспехи.

— Сколько уйдет на подготовку?

— Если тренироваться с первыми лучами солнца и до первых звезд, тогда хватит одной луны. По крайней мере, азами — сносным обращением с мечом, строевым шагом, навыками построения и боевого слаживания — они вполне овладеют. Со стрельбой из лука в большей мере все уже знакомы неплохо.

— Тогда решено, — подытожил Туртс, — через одну луну выдвигаемся в поход. Сделай все необходимое для подготовки моих людей, — и, хлопнув Барнса по плечу, он сам пошел обживать на новом месте.

С восходом солнца жизнь в лагере закипела с новой силой. Каждый день с раннего утра все приходило в движение и успокаивалось лишь ближе к ночи. По всей округе, не смолкая, разносился звонкий лязг мечей, перемежаемый звуками спускаемой тетивы и свистом вспарывающих воздух стрел. Слышался размеренный топот множества ног, отрабатывающих строевой шаг и резкие окрики военных команд. Кузнецы целыми днями подгоняли доспехи солдатам, направляемым к ним Барнсом. Лошадей также тренировали и дрессировали, стараясь сделать из обычного коня боевую единицу, которая будет давить врага, не отступая назад. Специальная подготовка могла сделать даже из самого миролюбивого травоядного жесткого и выносливого хищника.

До полной луны оставалось три дня. Майорбэк Тайнс и Эдмундо Барнс шли к палатке вождя на собрание. Возле палатки их встретил караул, состоящий из двух солдат, охранявших вход внутрь. Увидев подходящих к палатке людей, они скрестили мечи, преграждая путь.

— Молодцы! Хорошо усвоили мои уроки, — похвалил их Барнс, одобрительно положив одному из них руку на плечо. Тот поднял высоко подбородок и отвел меч в сторону, освобождая путь.

— Ошибочка, — Эдмундо покачал головой, задумчиво глядя на жиденские усы парня. — Пока вождь не даст приказ пропустить, ты должен охранять вход, кто бы ни подошел.

Парень кивнул и тут же вернул меч на место, восстановив крест.

— Пропустите их, — послышался голос вождя из палатки.

Солдаты отошли, освободив проход, и Эдмундо с Майорбэком вошли внутрь.

В центре палатки стоял большой круглый невзрачный стол из темного дерева. Вокруг стола расположились стулья из того же дерева, на которых восседали главы поселений. Весь стол, свешиваясь с его краёв, занимала развернутая карта земель Бейленос, состоявшая из сшитых вместе кусков серой кожи. Тут же рядом стоял маленький столик с глиняными чашами, наполненными водой.

— Приветствую вас, присаживайтесь, — пригласил вождь, показывая вошедшим на два свободных стула.

После того, как друзья разместились, заняв пустующие места, Тайнс сразу перешел к делу:

— Если позволите, я начну, — учтиво предложил он, внимательно оглядев присутствующих.

Вождь кивнул.

— Все луны подготовки я составлял план действий, старался побольше разузнать о землях, о кланах. Много говорил с жителями поселений. Мне повезло найти человека, который провел двадцать три года в подземных катакомбах клана Хаоса. Это старик Гералдис из Поселения Пекаря Гурфи. Несмотря на его грустную историю, то, что он рассказал мне о внутреннем устройстве клана Хаоса, оказалось очень полезным. Люди в катакомбах разделяются на касты. Основная каста — это наёмники. Убийцы и разбойники, готовые ради наживы сделать все что угодно. Ради высоких идей и общечеловеческих ценностей они воевать не пойдут. Но их можно купить. Нам нужно просто заинтересовать их чем-то таким, от чего они не смогут отказаться. Предложить им нечто такое, что заставит их присоединиться к нам. Думаю, что имперская казна выступит в этом случае более чем весомым аргументом. Нужно лишь убедить их в больших шансах на успех. Если они к нам присоединятся, это очень усилит нашу позицию в переговорах с остальными кланами, — закончив, Тайнс взял железную чашу с водой одним махом осушил ее до дна.

— Задумка весьма интересная и смелая, — одобрительно покивал вождь. — Однако захотят ли наши жители биться бок о бок с ворами и убийцами?

— Я сам не в восторге от таких союзников, однако у нас нет большого выбора, — пожал плечами Майорбэк и продолжил: — К тому же, это не всё. Есть еще кое-что, о чем рассказал Гералдис. В катакомбах он достаточно близко сошелся с одним из местных. Они частенько вели приятельские беседы и практически сдружились, что для тех мест большая редкость. Незадолго перед тем, как покинуть те края, он услышал от того местного его историю, он, оказывается, был в прошлом главой одного из горных поселений. Но после обнаружения смертельной болезни он ушел в катакомбы доживать свои дни. На первый взгляд, эта информация бесполезна, однако если он все еще жив, у меня есть некоторые соображения насчет того, как можно его использовать.

— Глава Поселения Старого Кузнеца, Аудун Брод, — попытался подняться, опираясь на свою трость, седовласый старик. Вождь жестом руки остановил его и тот с облегчением сел на место. — Я старый человек и за всю свою жизнь пересекался с разными людьми.

И однажды я имел неприятный опыт сотрудничества с представителями клана отбросов, — при этих словах он поморщился. — Не буду углубляться в подробности этой истории, скажу лишь то, что за вознаграждение эти люди сделают все что угодно, вопрос только в цене.

Вождь Олби поднялся на ноги и неторопливо окинул всех взглядом:

— Хорошо. Из присутствующих глав есть те, кто не согласен с планом? — спросил он.

Старейшины замаялись на несколько минут, задумчиво переглядываясь друг с другом, пока все взгляды не остановились на Аудине Броде, давая ему слово, после чего тот вздохнул и ответил за всех:

— Все главы согласны.

— Хорошо. Тогда через три дня направляемся в подземные катакомбы клана Хаоса. Собрание закончено, — подытожил вождь, на чем присутствующие загалдели и стали подниматься со своих мест, собираясь на выход, но он продолжил: — Формально, — все головы заинтересованно развернулись в его сторону. — И если вы не против, то можно еще посидеть в неформальной обстановке, не обсуждая военные дела, дела поселений и все, что с ними связано, — после этих слов все вернулись на свои места. — Беседовать лучше на полные желудки, — заканчивая свою мысль, добродушно улыбнулся Олби. — Охрана! — позвал он и чьё-то смышенное лицо тут же засунулось в палатку. — Скажи, пусть приносят, — лицо ухмыльнулось, с готовностью кивнуло и скрылось за пологом.

Через некоторое время, неся перед собой деревянные подносы, в палатке появились солдаты, отвечающие за приготовление еды. Пьянящий аромат грибного супа, смешиваясь с запахом свежезажаренного кролика, заполнил собой всё внутреннее пространство. Когда эти блюда торжественно опустились на стол, с которого до этого заблаговременно убрали надоевшую всем карту, глаза глав поселений весело заблестели.

— Желаю всем приятного аппетита, надеюсь, вам понравится грибной суп по рецепту моей бабушки, — улыбнулся Олби, после чего все, как по команде, радостно потёрли ладони и принялись уплетать блюда за обе щёки, не стесняясь при этом причмокивать, приговаривать и одобрительно покачивать головами.

Барнс первым сыто откинулся на стуле и, причмокнув, с довольным видом сложил руки на животе:

— Лучшего супа я еще не пробовал никогда. А теперь можно и поговорить о чем-нибудь. Кто-то здесь знает увлекательные истории?..

Прошло ещё три дня, по истечении которых армия клана Отшельников была, наконец, полностью готова к маршу. Люди, выстроившись в походном порядке, ожидали команду выдвигаться. Барнс все три дня ломал голову, какую тактику перемещения выбрать. Основным критерием выбора служила возможность передвижения войска по лесистой местности с максимальной скоростью, не выдавая себя. И вот, по команде вождя, солдаты пришли в движение, поход начался.

Колонну, как и полагалось, верхом на коне возглавлял вождь — Олби Туртс. По правую руку, отстав от него на полкорпуса, ехал Эдмундо Барнс, по левую — Майорбэк Тайнс. За ними пешим ходом в полном вооружении шли закованные в доспехи солдаты, ведя своих лошадей в поводу. Следом двигались повозки, груженные припасами, а арьергард составляли конные лучники, облаченные в легкие кольчуги.

— Почему они не могут ехать на лошадях, как все остальные? — спросил Олби, показывая на пеших солдат.

— Ни одна лошадь не выдержит долгого пути с всадником, закованным в броню, вес настолько большой, что может сломать ей спину, — ответил спокойно Барнс.

— А зачем же тогда они ведут лошадей?

— Я же сказал «долгого пути не выдержат», а вот в бою на короткие дистанции лошади становятся грозной силой, — разъяснил Эдмундо.

Прошло полдня пути, солнце стояло высоко в зените и немилосердно палило своими лучами обливавшихся потом путников. Солдатам в броне поход давался тяжелее всех, доспехи нагревались, тело буквально варилось внутри, как в казане, одежда прилипала к коже. Некоторые поснимали шлемы, тяжело дыша и отдуваясь.

Когда впереди показалась стена из высоких раскидистых деревьев, отличавшихся буйством от тех, что росли в лесах клана Отшельников, Олби Туртс, останавливая коня и разворачиваясь к солдатам, поднял руку, привлекая к себе внимание:

— Мы заходим на земли Лесного клана! Будьте внимательны и предельно осторожны!

* * *

Деревья здесь и правда были необычными. Очень высокие и ветвистые, они своими листьями, величиной в человеческую ладонь, закрывали собою небо настолько плотно, что кусты и травы под ними покрывали, по всей видимости, никогда не высыхающие капли росы.

Прошло несколько часов и плотность леса настолько увеличилась, что армии пришлось сузить колонну, перестроив фланги. Помимо древесных и хвойных, тут встречались и привычного вида дикие фруктовые деревья, и кусты со знакомыми черными и красными плодами. Тогда солдаты, проходящие мимо, срывали сочные ягоды и лакомились ими с большим аппетитом. Все расслабились, вдыхая приятный хвойный аромат, однако никто не забывал, где находится. Жители Лесного клана умели маскироваться чрезвычайно мастерски, наверняка они и сейчас следили за незванными гостями.

Так прошло три дня пути, дорога давалась настолько тяжело, что некоторые бойцы уже падали от усталости, не в силах подняться. Но вот лес расступился и клан Отшельников, возглавляемый Олби Туртсом, Эдмундо Барнсом и Майорбэком Тайнсом, выбрался на равнину, оказавшись недалеко от подземных катакомб клана Хаоса.

— Стой! — подняв руку вверх, скомандовал Олби Туртс. — Мы разобьем лагерь здесь, — он оглянулся на своих старейшин. — Командуйте обустройством лагеря на длительное время.

Те кивнули и отправились выполнять приказ.

— Эдмундо, выбери лучших воинов, что пойдут с нами завтра в катакомбы, но не больше десяти, нам не нужно привлекать к себе внимание и провоцировать конфликт.

Пока Барнс пошел собирать отряд, Майорбэк вытянул из-за пояса сверток серой кожи, развернул его и протянул вождю со словами:

— Старик Гералдис нарисовал мне карту этих катакомб. Здесь отмечены все внешние входы и выходы, а также схема туннелей внутри, так что мы сможем без труда определить нужное нам направление и не заблудиться.

— Это будет нашим преимуществом, — кивнул тот, взяв в руки карту.

К тому времени, когда солнце спряталось за горизонт и небо покрылось паутиной из маленьких мерцающих огоньков, лагерь был обустроен. Сытые и довольные солдаты, расположившись на удобной травке, погрузились в сон, сладко и мирно посапывая. В лагере наступила тишина, и только мерные шаги часовых нарушали идиллию прекрасной ночи.

Поутру, когда сквозь серые непроглядные тучи только-только начали пробиваться первые робкие лучи солнца, Майорбэк открыл глаза.

— Вставай, через час выходим, — окликнул его проходивший мимо Барнс. От неожиданности тот вскочил на ноги. Барнс же с улыбкой прошел мимо не останавливаясь.

Майорбэк, проводив товарища сонным взглядом, потянулся и, вдохнув полной грудью свежий утренний воздух, ощутил, что полон сил и решимости. План начинал приводиться в действие и впервые с момента изгнания он по-настоящему поверил в то, что у них все получится.

Через час десять готовых к вылазке воинов построились у выхода из лагеря. Трое из выбранной десятки были отменными лучниками, остальные неплохо управлялись с мечом.

Тихонько бряцая оружием, они в нетерпении поглядывали на переговаривающихся между собою Олби Туттса, Эдмундо Барнса и пришедшего позже всех Тайнса.

— Ну что? — взглянул на соратников тот. — Весь наш план будет зависеть от этой миссии.

— Главное тут лишнего ничего по ходу не придумывать, и всё пройдет как надо, — пожал плечами Барнс.

— Подготовка плана и его реализация — это совсем две разные вещи, — покосился на него Майорбэк. — Тебе ли не знать?

— Да, в военном деле не всегда всё идет по плану. Однако если он есть, шансы увеличиваются, тем более такой продуманный, как у нас, — улыбнувшись, дружески ткнул того локтем в бок Эдмундо.

— Если вы закончили, давайте-ка посмотрим на карту, — прервал их Олби.

Тайнс кивнул и вытянул карту, растянув ее в стороны так, что серая кожа затрещала по швам:

— Посмотрите сюда, — принялся возить он по ней пальцем. — Это вход, о котором мало кому известно, здесь мы сможем войти незамеченными. Он ведет прямиком к месту, где доживают свои годы старики или смертельно больные. А оттуда пойдём по этому ходу, далее по коридорам и выйдем прямиком к наемникам.

— Почему мы не можем сразу же войти с этого входа и попасть прямо к наемникам? — потыкал своим пальцем в карту Барнс. — Эти коридоры невероятно обширные, мы на такой путь потратим целый день, а то и больше.

— Да, ты прав. Однако старик Гералдис предупредил меня, что если мы пойдём любым иным путем, то можем встретить кое-кого куда как более опасного, чем воры и убийцы.

— Это кто же может быть опасней? — подняв брови вверх, удивленно спросил Эдмундо.

— Безумцы. В этих коридорах живут обезумевшие от темноты и одиночества люди. Те, кто провёл здесь долгое время и мало чем теперь отличается от животных. Гералдис говорил, что и людская плоть им не чужда, — на этих словах лицо Тайнса перекошилось. — Старик нарисовал самый безопасный путь.

— Перспектива быть съеденным каким-то людоедом не очень привлекательна, — согласился Барнс.

— Если все решено, тогда в путь, — заключил Олби. — Я уже распорядился, что если от нас через два дня не будет известий, идти нам на помощь, — и, взглянув на воинов, махнул рукой. — Выдвигаемся.

Дорога от лагеря до входа в катакомбы оказалась не такой уж и длинной, правда, путь

проходил через непролазные кустарники и высокую, в рост человека, тускло-зеленую траву. Густота деревьев явно уменьшилась, да и высотой они стали значительно уступать тем, что росли в лесах Лесного клана. Трава очень затрудняла ход, местами даже приходилось прорубаться сквозь нее. Немало сил и времени ушло у отряда на преодоление этого короткого пути, но вот лесная чаща осталась у них за спиной, а перед ними открылась безбрежная степная ширь. То, что они увидели перед собой, выглядело совершенно неожиданно. Чего только тут не было — и загоны с животными, и огромные плантации кустарников с явно съедобными спелыми ягодами на них, и плодородные пашни,

и выглядевшие абсолютно цивилизованно фермерские угодья.

— Это что? — брови Майорбэка стремительно поползли вверх. — Что это такое? — глаза его округлились и он нервно схватился за карту, принявшись вертеть её и так и эдак. — Мы что, не туда вышли?

— Мы вышли правильно, — со спокойной уверенностью ответил Олби. — Ты, наверное, думал, что клан Хаоса живет только под землей? Что они, словно крысы, прячутся в подземных ходах и не выходят на свет? Спешу тебя разуверить. Вся эта территория, которую ты видишь перед собой, — это их земли — и внутри катакомб, и на поверхности. Впечатляет, не так ли? — ухмыльнулся вождь и продолжил: — Не все из них промышляют грабежом и убийствами, есть и такие, что выбрали другой образ жизни — разводить скот, например, собирать урожай, а потом обменивать этот товар на другой, изготавливаемый под землей в катакомбах. Кто-то выкупает орудия труда для своего ремесла, а кто-то просто платит едой за защиту и безопасность. Все связано и работает не хуже, чем в поселениях иных кланов.

Майорбэк остолбенел, однако для него это было приятное открытие. Вид лежащих перед ним поселений с низкими и длинными домами, построенными из лесного сруба, напоминал фермерские земли в имперских королевствах. С правой стороны виднелись заботливо засеянные поля, с левой — загоны с животными, издаലെка напоминающие имперских овец. Еще дальше просматривался небольшой водоем. Узкий и длинный, он, как драгоценный камень, блестел на фоне желтых полей.

* * *

— Я нашел вход, он совсем недалеко, — доложил один из троих солдат, ходивших в разведку.

Вход и правда находился недалеко, каких-то полчаса — и отряд стоял напротив него. Серое, осевшее, ничем не примечательное сооружение больше напоминало нору землеройки — маленькое, узкое, словно прорытое изниоткуда. Земляная осевшая арка, заросшая густой растительностью, выглядела настолько заброшенной, что, казалось, вот-вот развалится, засыпав и без того ветхий вход.

— Старик мне говорил, что это старый лаз и им уже давно никто не пользуется, — сказал Тайнс, посмотрев на заросли, опутавшие проход и скривил лицо. От одного только его вида у него уже мурашки бежали по спине.

— Расчистить проход, — скомандовал Олби, окинув взглядом солдат. Те вынули мечи и взялись выполнять приказ.

— Что же, теперь мы увидим темную часть клана Хаоса, и что-то мне подсказывает, что там не так красиво, как наверху, — с этими словами Олби поскрѐб бороду и направился к расчищенному в катакомбы проходу, оказавшимся небольшим прямоугольным отверстием, в которое с трудом мог протиснуться лишь один человек. Приблизившись, Олби аккуратно

заглянул внутрь. Ступеньки, выбитые в земле, уходили глубоко вниз.

— Зажги фонарь, — сказал Олби, не оборачиваясь, и протянул назад руку.

Солдат зажег один из фонарей, прихваченных из лагеря, и передал вождю. Тот сунул фонарь в темноту и еще раз взглянул вниз. Ступени вели глубоко под землю, а потом сворачивали в сторону. Туртс осторожно ступил на первую ступень правой ногой, потом аккуратно подтянул левую, после чего уже двумя ногами легко попрыгал на ней, пробуя на прочность. Ступень оказалась достаточно крепкой, что вселило в него уверенность спускаться дальше. Майорбэк, с не оставлявшей его мыслью «Только бы старик не ошибся в составлении карты», пошел сразу за ним. За Тайнсом следовали десять солдат, и замыкал колонну Эдмундо Барнс с фонарём в руках.

Олби медленно и осторожно спускался вниз, аккуратно нащупывая почву под ногами. В катакомбах она оказалась влажной и вязковатой, словно болотная, высохшая на солнце жижа. Чем ниже спускался отряд, тем сложнее становилось дышать, сырой запах сковывал легкие, заставляя вдыхать воздух чаще. Структура земельных пород ступеней и коридора изменялась по ходу продвижения вниз. Когда отряд дошел до плавного поворота вправо, коридор стал стремительно сужаться над их головами так, что приходилось продвигаться дальше в полуприседе. От узкого темного места кожа на теле покрывалась мурашками, а по спине пробегал холодок. Все шли молча, не издавая ни звука, только топот сапог отражался от стен и устремлялся вверх. Далее тесный коридор расширился. Стены стали гладкими и ровными, и на них проявились выгравированные кем-то рисунки. Солдаты закрутили головами, поднося фонарь то к правой стороне коридора, то к левой и, широко раскрыв глаза, рассматривали изображения, на которых женщины и мужчины занимались тем, о чем нельзя говорить при детях. Причем изображено всё это было в мельчайших подробностях.

— Мы движемся в правильном направлении, — с облегчением выдохнул Майорбэк.

Это были первые слова, прозвучавшие в катакомбах за всё время их пути. Олби развернулся и вопросительно посмотрел на него, на что тот пояснил:

— Старик Гералдис сказал, что проход будут украшать женщины. Я тогда ничего не понял, а он только громко рассмеялся и ничего не объяснил. Лишь добавил, что когда я их увижу, я все пойму.

Олби слегка улыбнулся и, повернувшись, продолжил спуск. Прошло ещё около получаса, как вдруг ступени внезапно оборвались и отряд оказался в просторном гроте, примерно с четыре человеческих роста в высоту и около пяти в ширину. Повсюду на шлифованных, гладких стенах красовались все те же рисунки в больших масштабах. Впереди — три коридора, ведущие в разных направлениях.

— Я думал, эти ступени никогда не закончатся, — проворчал Барнс, тяжело вздыхая.

Дышать заметно стало легче, запах сырости сменился на запах земли после дождя.

— Посмотри по карте, в какой коридор нам заходить? — сказал Олби, осматриваясь по сторонам.

Тайнс вынул карту и отыскивал место, в котором они остановились.

— Мы стоим здесь, — указал он на точку пальцем и принялся возить им по карте. — Нам в средний коридор. Он выведет нас прямо к смертельно больным, а уже оттуда мы направимся по этому пути и попадем в конечную точку.

— Будем надеяться, что он ничего не перепутал. Если мы свернем не туда, можем навсегда потеряться в этих лабиринтах, — сказал Барнс, всматриваясь в темный проход.

— Старик Гералдис прожил здесь двадцать три года, — уточнил Тайнс.

— Что ж, тогда будем надеяться на его хорошую память, — ехидно улыбнулся Эдмундо.

— Если вы закончили уже обсуждать состояние памяти старика Гералдиса, тогда, может, продолжим путь? — оборвал их Олби.

— Вождь Олби, позвольте, я пойду вперед и буду вести всех нас по карте, — учтиво попросил Тайнс.

Туртс кивнул и пропустил его вперед.

— По словам Гералдиса, это самый опасный участок пути, — входя в один из проемов, добавил Майорбэк.

Коридор оказался шире, чем ожидалось, здесь уже два человека вполне свободно могли идти рядом. Отряд по-прежнему сопровождали дамы, призывно таращившиеся на них со стен и потолков. Некоторые были изображены столь реалистично, будто сейчас сойдут со стены и предстанут перед путниками во всей красе. От этих изображений даже выдавших виды мужчин порой бросало в краску, заставляя отворачиваться. Чем дальше отряд продвигался, тем больше встречалось им на пути развилок и ответвлений.

— Как бы мы здесь ориентировались без карты? — недоумённо покачал головой на очередном повороте Барнс. — Я представления не имею.

— Хорошо, что нам не нужно этого проверять, — не оборачиваясь, ответил Тайнс.

По ощущениям прошло часа три-четыре после начала спуска, а картинка всё не менялась — все те же высокие потолки, широкие коридоры и бесстыдно пялящиеся на них обнаженные женщины. Такое однообразие всем уже порядком поднадоело, да и чувство голода стало напоминать о себе всё более настойчиво. Желудки предательски заурчали, а мысли, рассредоточившись, самовольно потянулись к рюкзакам с провизией.

Вдруг Майорбэк Тайнс резко остановился, наострив уши. Вслушиваясь в невнятный шепот пустоты и легкий свист потоков воздуха, гуляющих по этим безлюдным местам, он обернулся к товарищам и, приложив указательный палец левой руки к губам, призвал всех к тишине:

— Тсс-с-с! Вы слышите?

В коридоре наступила гробовая тишина. В полном безмолвии откуда-то проступил неясный и глухой звук, напоминающий невнятный людской гомон.

— Вы это слышите? — тихо повторил Тайнс, широко открыв глаза и замерев на одном месте.

— Да, — ответил Барнс, прислушавшись, — источник звука совсем недалеко.

— Похоже, мы на правильном пути, — прошептал Олби Туртс, так же прислушиваясь.

Лица некоторых солдат невольно стали бледнеть, а лбы покрываться испариной. Если на поверхности эти храбрые воины были готовы к встрече с любой неожиданностью, то сейчас, когда с каждым шагом опасность становилась все ближе, мужество понемногу стало их покидать.

— Будем идти очень тихо и осторожно, мы должны первыми увидеть источник шума, — прошептал Тайнс, мягко двинувшись вперед.

Чем дальше они шли, тем шум становился все сильнее, а говор — более четким и понятным, уже можно было распознать некоторые слова. Вскоре коридор закончился выходом в то место, откуда и доносился этот гул.

— Стоп, — шепнул Тайнс, замер и прислушался. Разговоры теперь слышались намного громче и отчетливей. Различалось несколько мужских голосов.

— Сейчас мы войдем туда, — Тайнс ткнул пальцем вперед, — и окажемся на открытой

местности. Мы не знаем, что нас там ждет, не теряйте бдительности, будьте готовы ко всему.

Солдаты бесшумно обнажили мечи и взяли луки наизготовку.

— Фонари нужно потушить, — шепнул стоявший рядом Эдмундо.

Трое солдат с мечами, пригнувшись, тихим шагом пошли вперед, остальные следовали сзади с луками в руках, прикрывая их. После них шел Тайнс, Туртс и Барнс. Отряд двигался бесшумно, затаив дыхание. Спустя несколько мгновений солдат, шедший первым, осторожно выглянул в проход, покрутил там головой и, развернувшись, подал сигнал остальным идти к нему. Когда отряд приблизился, перед всеми открылся вид на просторное угрюмое подземелье с мрачными сводами. По сути, это был самый настоящий подземный город, хотя по форме он больше напоминал огромную крысиную нору. В этом каменном мешке жили люди, занимающиеся своими повседневными делами и не обращающие на незваных гостей ровно никакого внимания. Майорбэк, Эдмундо и Олби стояли, широко раскрыв рты и не двигаясь. Солдаты, опустив оружие, осмотрелись вокруг и, убедившись, что им тут никто не угрожает, попрятали мечи и луки.

— Это не то, что я ожидал увидеть, — пробормотал Олби, стряхивая оцепенение.

— Всё верно, — осматриваясь вокруг, сказал Тайнс. — Это место, где содержатся больные со всех местных поселений. Гералдис описывал мне его.

— Тогда мы на верном пути! Пошли дальше, — скомандовал Олби в полный голос.

Отряд влился в один из проулков, если его можно было так назвать. С правой и левой стороны располагались невзрачно сбитые из дерева домики, настолько маленькие, что напоминали игрушечные или скорее даже будки для домашних животных. Сложно было представить, как там может поместиться взрослый человек. Возле каждого жилища стояли внушительных размеров железные казаны, в которых то тут, то там что-то варилось и бурлило, распространяя вокруг кисловатый неприятный запах. Трое мужчин в серых истрепанных накидках, сидевшие у одного такого, попавшегося им по пути, казана встретили их равнодушными взглядами. Лица их были зеленоватого оттенка, а кожу покрывали волдыри размером с небольшой орех. От них исходил отвратительный гнилой запах, на который они не обращали, казалось, никакого внимания, равно как и проходящие мимо люди. Тайнс прикрыл нос рукой, он слышал об этой редкостной болезни, в имперских землях ее называли «зеленая смерть» или «проклятье болотной жабы». Никто не знал, откуда она берется. Сначала лицо человека начинало понемногу зеленеть, кожа становилась сухой и шероховатой, далее в некоторых местах на ней появлялись вздутия и так постепенно они завладевали всем телом, становясь все больше и больше. А когда они вырастали со сливу, то начинали лопаться, словно мыльные пузыри, и жидкость, скопившаяся внутри, разбрызгивалась во все стороны вместе с кровью. Когда начинался процесс лопанья — кровь уже было не остановить, и человек в жутких муках умирал. Майорбэк отвел взгляд от больных и, почувствовав, что начинает задыхаться от зловония, ускорил шаг.

Стены пещеры, утыканные по периметру множеством зажженных фонарей, пестрели всё теми же непристойными рисунками. От тепла, исходящего от светильников и казанов, воздух нагревался до предела. Накал и духота заставляли легкие судорожно сокращаться, непрестанно перегоняя содержимое и пытаясь вычленивать из этого спертого, сухого марева хоть какую-то часть живительного кислорода. От сухого горячего воздуха захотелось кашлять, лбы покрыла испарина, а одежда под кольчугами взмокла.

— А где, интересно, они берут еду, одежду и масло в фонари? По их виду не скажешь,

что они могут самостоятельно подыматься наверх и добывать припасы, — смахнув рукавом пот с лица, поинтересовался Барнс.

— Гералдис рассказывал, что сюда раз в одну луну привозят все необходимое, наверняка тут есть более удобный вход, — ответил Майорбэк.

Людей на улице встречалось немного, но чем дальше отряд заходил вглубь поселения, тем становилось шумнее. Пройдя мимо последнего домика, они вышли на небольшую площадь и остановились в растерянности. Не в силах сдвинуться с места, все застыли как истуканы, широко раскрыв глаза и неприятно ощутив, как по телу побежали мурашки.

В центре площади играли маленькие дети, самому старшему было на вид лет десять, не больше. Голые, они со смехом носились друг за другом и на первый взгляд ничем не отличались от тех, что бегают наверху, но это только если не присматриваться. А так,

у рыжеволосого мальчишки, например, ступни ног были размером с медвежью лапу и покрывались каменной коркой. Тайнс вспомнил и эту хворь, она так и называлась «каменная сыпь», а со временем «каменная кожа». Когда эта зараза начинает покрывать тело, человек сначала теряет способность двигаться, а потом и дышать. У другого ребёнка, девочки, что всё старалась подпрыгнуть повыше, Майорбэк заметил на шее круглую, размером со спелое яблоко, шишку. К сожалению, и эту болезнь он знал. Нарост на шее будет расти и высасывать все соки из тела, пока человек не умрет. Особенность этой хвори в том, что она может передаваться, однако никто не знает, каким именно образом. Тайнс отвернулся от увлеченно играющих друг с другом детей, у каждого из которых была своя, редкая и неизлечимая болезнь, не вынеся такого зрелища, но взгляд его тут же уткнулся в группу подростков, стоящих неподалёку. На ногах молодых парней и девушек, одетых в драные рубахи и потрепанные накидки, тоже не было обуви. Голени одного парня, худые, словно два стебелька, обтягивала почерневшая, как уголь, кожа. Стоял он, опираясь на друга, у которого вместо носа зияла дыра, а правый глаз закрывала грязная полинялая повязка. Тут же, рядом с ними, расположились прямо на земле несколько стариков, развлекавшихся тем, что бросали по очереди камни в глиняный кувшин. Когда отряд двинулся дальше через площадь, никто из этих людей даже не взглянул в их сторону. Эта атмосфера отупения и безразличия ко всему окружающему потрясла Тайнса до глубины души:

— Как могут они так жить? — повернулся он к Барнсу. На что тот лишь вздохнул и пожал плечами.

Следующая улица выглядела не лучше предыдущей. Чуть ли не из каждого жилища здесь слышались крики, стоны, вопли и хрипящий кашель. Возле одного из домишек сидели у костра люди в грязных оборванных рубищах, больше схожих с лохмотьями, что надевают на огородные пугала, нежели на то, что можно называть одеждой. Их отрешенные лица укрывал несмываемый слой сажи, а выпученные пожелтевшие белки глаз испещрялись множеством красных прожилок. Из-за язв и гниющих ран их кожа на руках и ногах больше напоминала своим видом протухший и давно изъеденный червями кусок сырого мяса, чем что-то человеческое. Солдаты отворачивались и, морща нос, едва сдерживали подступающую тошноту и рвотные позывы.

Сердца всей экспедиции разрывались от той покорной безнадежности, что царила в этом погребенном под землей месте, и слезы сами собой накатывались на глаза.

Задыхаясь от волнения, Барнс повернулся к Олби:

— Я думаю, что смогу им помочь.

— Как? — быстро спросил тот.

— Так же, как и твоему сыну.

Майорбэк поднял голову, он сразу понял, о чем говорит Эдмундо. И что самое важное, это точно могло сработать.

— Ты о цветках сейчас говоришь? О тех чудодейственных цветках? — спросил Олби.

— Да, — Эдмундо вытащил из висящей на поясе сумки огромный пучок сушеных цветов, перемотанных веревкой. — Я как чувствовал, что нужно взять больше обычного. Если найти здесь достаточное количество воды и взять пять таких емкостей, — он кивнул на казан, стоявший возле дома, — я думаю, смогу им помочь.

— Сколько на это понадобится времени? — прищурился Олби.

— Первое — найти воду, второе — казаны, — Барнс взялся загибать пальцы на руке, — третье — варить цветы не менее чем полдня и четвертое — напоить бедолаг этим отваром,

закончив считать, он подвел итог: — Думаю, на это уйдут сутки.

— Тогда я должен послать одного из солдат, предупредить людей в лагере, что мы задержимся, — кивнул Вождь.

После того, как посыльный отправился выполнять поручение, Олби с Эдмундо и Майорбэком устроили короткое совещание, в результате чего местом проведения процедуры единодушно была избрана площадь. Взяв миссию оповещения населения на себя, они отрядили четырех бойцов принести на площадь казаны и дрова для костра, а остальных озадачили поиском воды.

Прошло немало времени, прежде чем на площадь с разных сторон практически одновременно вошли обе группы солдат, в сопровождении взявшихся помогать им местных. Одни тащили пять огромных, чисто вымытых казанов и вязанки дров к ним, другие — кто в чём мог нёс воду. Люди, находившиеся на площади, молча наблюдали за происходящим, не проявляя, однако, к нему особого интереса.

Что до Майорбэка, Олби и Эдмундо, то они потратили немало времени и усилий, прежде чем обойти всех, но им троим это не удалось бы и за три дня, если бы не местные, которые, услышав о возможной помощи, сами принялись оповещать жителей.

Они появились на площади, ведя за собой множество людей. Некоторые шли сами, а некоторых несли, однако никто не хотел упускать пусть маленький и призрачный, но все же шанс на исцеление или хотя бы возможность усмирить боль на какое-то время.

Барнс, увидев, что все готово, решительно взялся за дело:

— Разводите огонь, — проходя мимо солдат, распорядился он, а сам, не теряя времени, приблизился к стоявшим в ряд казанам. Вытянув пучок цветов, он медленно и аккуратно разделил его на пять равных частей и принялся неторопливо и тщательно растирать каждую в ладонях и по очереди закидывать на дно казана. Солдаты со своей стороны справились с заданием быстро, и вот уже огонь под казанами запылал во всю мощь, нагревая и без того горячий, обжигающий лицо воздух. Барнс, вбросив последний пучок, махнул рукой:

— Заливайте.

Когда все емкости были полностью залиты водой, он взял большую деревяшку, что служила у местных половником, и стал обходить казаны по порядку, немного помешивая чудодейственный отвар.

Между тем со всей площади сюда понемногу стали подтягиваться и местные, держась чуть поодаль и не решаясь подходить ближе. В их потухших и безжизненных глазах сложно было пытаться прочесть что-либо, тем не менее, они всё подходили и подходили, и вокруг

уже становилось тесновато.

Эдмундо, внимательно следящий за процессом кипения, услышал за спиной шаркающие шаги. Обернувшись, он увидел перед собой немолодого мужчину в наброшенном на голову капюшоне, из-под тени которого проглядывали красные тусклые глаза. Хотя лицо его и было скрыто, можно было разглядеть, что кожа на нем обвисла, как надетая не по размеру на череп и одна половина гноилась, а руки и ноги густо покрывались ужасными ранами, из которых сочилась белая тягучая жидкость, похожая на сукровицу. От него шел резкий трупный запах, который тотчас ударил Барнсу в ноздри и вьелся в каждую клеточку его мозга, пробирая до дрожи и вызывая самые неприятные ассоциации. Он едва сдержал рвотный рефлекс.

— Вы правда можете нам помочь? — тихо, замогильным голосом протянул бедняга.

Барнс встретился с ним глазами, и ему стало не по себе. Он хотел уже было попятиться назад, но тот с такой мольбой и надеждой сверлил его взглядом, что это тут же заставило его опомниться и передумать, чтобы не обидеть своим отношением бедолагу. Собрав всю свою волю в кулак, он твердо произнес, глядя на того в упор:

— Да.

В глазах под накидкой засияли маленькие искорки надежды.

— Вы думаете, мы сможем вернуться к семьям после излечения? — спросил он с надеждой.

— Я думаю, вы сможете делать все, что вам захочется, — подбодрил его Эдмундо.

— Меня зовут Бард Хоблауд.

— Я Эдмундо Барнс, — знакомство закончилось без рукопожатия по понятным причинам. — У тебя кто-то остался дома? Семья?

— Да, у меня остались трое сыновей и дочь, — красные глаза наполнились слезами.

— В этом мы похожи, — кивнул Барнс, отвернувшись, — у меня тоже остался сын, которого я не могу увидеть. Из какого ты клана?

— Я был главой поселения под названием Синдор, — опустив голову, тихо ответил тот.

— Главой поселения?! — вскинулся Барнс, с новым интересом осмотрев собеседника с ног до головы. — Так это о тебе говорил старик Гералдис?

— Гералдис? Он жив? — скинул накидку с головы Хоблауд.

— Да. Он живет в клане Отшельников.

— В клане Отшельников? Но, насколько я помню, Отшельники никогда не считали себя кланом.

— Да, у Отшельников много чего изменилось, но об этом позже, расскажи мне свою историю, — попросил Барнс.

— В Горном клане человек может стать вождем, только если обладает недюжинной силой духа и крепостью тела, — начал рассказ Бард. — После смерти главы поселения на его место претендовали двое: я и мой друг, — при слове «друг» лицо его скривилось и он сцепил зубы. — Мы сошлись в смертельном бою, я победил, однако убивать не стал, и это, наверное, было самой большой ошибкой в моей жизни, — он сжал кулаки так, что пальцы его хрустнули. — В знак принятия моей победы он подарил мне настойку, с очень необычным кисло-сладким вкусом. Оказалось, что в настойке имелась кровь зараженного. Долго ждать не пришлось, через несколько дней на моем теле стали появляться раны, что не затягивались, все способы лечения оказались тщетны. По правилам клана я должен был уйти из поселения, дабы не заразить других, — смахнув слезу, он сжал большой кулак правой

руки и с силой ударил им несколько раз в ладонь левой руки.

— Надеюсь, после выздоровления ты сможешь вернуть свою старую жизнь, — ободряюще кивнул ему Барнс.

Бард молча кивнул в ответ и, снова набросив на лицо капюшон, отошел в сторону. Пока они разговаривали, казаны забурлили, играя поднимающимися кверху пузырьками воздуха, и вокруг распространился необычный травянистый и пряный запах. Эдмундо забегал от одного чана к другому, помешивая отвар. Теперь следовало дожидаться, чтобы вода приобрела насыщенный красный оттенок. И через долгих пять часов варено, наконец, поменяло цвет.

— Отвар готов! Немедленно снимайте казаны с огня, — махнул Эдмундо рукой солдатам, что отдыхали неподалеку.

Местные жители, увидев, что казаны сняты, пришли в оживление и потянулись поближе, на что Барнс тут же замахал руками, показывая им, чтобы они остановились.

— Отвару нужно остыть! Или результата не будет! — закричал он.

Те послушались и остановились.

Барнс подошел к расположившимся в сторонке Майорбэку и Олби и прилег рядом. Ноги гудели, спину ломало, живот неистово бурчал, напоминая о себе. Эдмундо, выудив из походного рюкзака кусок вяленого мяса и сухарь хлеба, принялся за еду. Проглотив все это в одно мгновение, он откинулся на спину и тут же заснул, понимая, что в такой жаре отвар будет остывать очень медленно.

Духота не давала в полной мере насладиться сном, через несколько часов Эдмундо проснулся. Открыв глаза, он увидел, что Тайнс и Олби уже крутились возле казанов. Он встал, потянулся, протер глаза и пошел к ним. Подойдя к одному из чанов и взяв лежащую рядом деревянную ложку, он зачерпнул отвар и, поднеся ко рту, слегка пригубил его. Майорбэк и Олби смотрели него вопросительными взглядами, ожидая положительного или отрицательного ответа.

— Отвар готов к употреблению, — вынес свой вердикт Барнс и, обернувшись, крикнул: — Бард Хоблауд, подойди сюда!

Тот отделился от толпы и, подойдя быстрым шагом, встал возле него.

— Ты будешь первым, кто испробует отвар, остальные становитесь в очередь напротив казанов, — скомандовал Эдмундо и, зачерпнув ложкой отвар, поднес его к губам Барда.

Тот сначала вдохнул пряный аромат надежды, а потом, приложив губы к ложке, иссушил ее до дна.

— Запах сладкий, а вкус горький, — вытирая губы, слегка улыбнулся Бард, от чего из его гниющих на лице ран засочилась белая жидкость.

— Иди и хорошенько отдохни, — мягким голосом посоветовал ему Барнс.

Длинные колонны людей выстроились возле каждого казана, солдаты черпали отвар и давали испивать несчастным. Люди все прибывали и прибывали — кривые, полусогнутые, неходячие и плохо зрячие. Одни шли, других несли, третьи ползли сами, однако все направлялись в одно место. Прошло много времени, сложно сказать точно, сколько именно, однако по ощущениям часов шесть, не менее, пока ни одного подземного жителя не осталось на площади.

— Теперь остается только ждать, — тяжело вздыхая от усталости, сказал Барнс, подходя к своим, не менее уставшим друзьям. — Один парнишка лет семнадцати, с жуткими зелеными пятнами, рассказал мне о пустующих домах недалеко отсюда, предлагаю пойти

туда и хорошенько выспаться, — предложил он.

Недолго думая, так и поступили. Подходящий домик отыскался довольно быстро. Войдя внутрь, все быстро распределились, кто где. Когда Барнс увидел кровать на низких ножках и с матрасом, набитым сухой травой, он тут же рухнул на него, обессиленный, и заснул крепким сном.

Проснувшись раньше всех, Барнс вышел во двор и, присев на шаткий, кое-как сбитый из неровных досок стул, вытянул кусок сушеного хлеба и принялся неторопливо его жевать. Неожиданно послышался приближающийся топот босых ног, подняв глаза, он увидел, что кто-то бежит к нему и машет руками. Барнс поднялся и направился навстречу. Бежавшим оказался тот самый мальчик, что вчера рассказал ему о домиках.

— Там... там люди... они... все... там... идите за мной... там! — издалека, заикаясь, закричал он, тяжело вдыхая горячий воздух и размахивая руками.

— Что случилось? — перешел на бег Барнс. Поравнявшись с мальчиком, он открыл от изумления рот. Черты лица того неузнаваемо изменились. Тонкие высохшие губы обрели бледно-персиковый цвет, а узкие выцветшие глаза оказались глубокого серо-стального цвета. Жуткие зеленые пятна и гниющие язвы полностью исчезли, как не бывало, оставив лишь небольшое напоминание о себе в виде шрамов.

— Ты излечился, — недоверчиво потрогав лицо парня, прошептал Барнс.

— И не только я! Там, на площади... Там!

— Беги, передай, что мы скоро будем, — и Эдмундо поспешил разбудить товарищей.

Через короткое время отряд отправился на место. Издалека уже было заметно множество людей, толпившихся на площади. При их приближении местные жители побежали навстречу, каждый лез обниматься и хотел пожать руку. Еще вчера гноящиеся и сочившиеся язвы и раны сегодня превратились в безобидные, еле заметные шрамы. Эдмундо смотрел на здоровый румянец на лицах, глаза, обретшие свой истинный цвет, слушал слова благодарности. Слезы радости и искренний смех детей наполнил сердце Эдмундо теплом и уютом. За долгое время он сделал, наконец, что-то стоящее, то, что поистине принесло ему удовлетворение. Кто-то ухватил крепкой рукой плечо Барнса и потянул из толпы. Эдмундо развернулся:

— Бард? — поднял он брови вверх.

Перед ним стоял мужчина с темными глазами, большим волевым подбородком и мужественными чертами лица. Даже волосы обрели свой темный природный цвет.

— Да! — с искренней улыбкой ответил тот, взяв двумя большущими ладонями руку Барнса и что есть силы принявшись ее трясти.

— Хорошо выглядишь, тебя не узнать.

— Сложно в это поверить, однако я полностью излечился, на теле не осталось ни одной раны или язвы, а чувствую я себя просто великолепно, — с этими словами он взял огромный камень, лежавший у его ног, и поднял над головой.

— Но есть еще люди, которым нужно помочь, это не единственное место в катакомбах, где живут больные, — опуская камень, нахмурился Хоблауд.

— У меня еще остались чудодейственные цветки, нужно лишь найти добровольцев, что согласятся пойти в другие подземелья и дать отвар больным.

— У меня есть те, кто сможет это сделать, — улыбнулся Бард и, скрывшись с глаз, быстро вернулся с пятью мужчинами. — Это те, кто лучше всех знают катакомбы.

Эдмундо окинул их взглядом.

— Возьмите казаны и слейте со всех в один, там еще должно остаться где-то полказана, после вы, двое, — он посмотрел на двух мужчин в отрепьях с босыми ногами, — отнесете отвар в другие поселения, а остальные приготовят еще три казана, — Эдмундо вытянул пучок цветов поменьше прежнего. — Я расскажу, как варить, — добавил он, увидев смятение на лицах.

Затем, повернувшись к друзьям, стоявшим рядом, представил:

— Знакомьтесь, это Бард Хоблауд. Это о нем рассказывал старик Гералдис, он глава поселения Синдор из Горных кланов.

— Был главой, — поправил его Хоблауд и опустил глаза.

— Я правильно сказал, все еще можно вернуть, — уверенно посмотрел на него Эдмундо и продолжил: — Познакомься, это вождь клана Отшельников Олби Туртс, — Бард слегка поклонился. — А возле него Майорбэк Тайнс, — на этом он запнулся, не зная, как того представить.

— Имперский изгнанник, — подсказал Тайнс, увидев затруднения товарища.

— Честь с вами познакомиться, я каждый день молился Баритону — покровителю гор и, видимо, он меня услышал, — он поднял глаза вверх. — Я в неоплатном долгу перед вами, если я могу чем-то помочь, только скажите.

— Да, я думаю, ты можешь нам помочь, — почесал бороду Тайнс. — Я расскажу тебе истинную причину нашего появления здесь, а ты поделишься с нами полезной информацией.

Посмотрев на Барнса и Олби и дождавшись одобрительных взглядов, Тайнс вкратце рассказал тому об их планах.

— Смело, — сказал Бард после завершения рассказа. — Я живу здесь уже четыре года, однако до конца так и не разобрался, как все устроено. Наверняка знаю, здесь каждый сам по себе, от клана — только название, — произнося эти слова, Бард тяжело вздохнул и жадно схватил ртом воздух, будто стараясь сохранять самообладание. — Первое, что вам нужно сделать, это встретиться с неким наемником по имени Зорзон, он всем заправляет. Все заказы на убийства и воровство проходят через него. В глубине катакомб есть каста, называющая себя ворами. Однако воровство — не главное их занятие, они делают хорошее качественное оружие на любой вкус и кошелек. Продают его либо наемникам Зорзона, либо на Лунном рынке. Так или иначе, без разрешения Зорзона здесь ничего не происходит, — закончил Бард.

— У нас есть, что ему предложить, — кивнул Майорбэк, задумчиво глядя перед собой.

— Что касается Горного клана, то тут я могу рассказать о нем все, — продолжил говорить Бард, жестикулируя руками. — В Горном клане имеется двенадцать поселений.

С детства детей учат двум вещам — драться и разводить скот. Никакой жалости и пощады к противнику, честь превыше всего, лучше умереть, чем сдаться, гибель в бою — высшая награда, посланная могущественным Баритоном. Все эти постулаты закладываются с детства. Вождь Горного клана не подчинится никому. Он лучше умрет, чем преклонит колени. К слову, по моим подсчетам скоро состоятся перевыборы их вождя.

— И как его выбирают? — спросил Тайнс.

— Главы поселений сражаются в честном поединке, кто победит — тот и вождь, все очень просто.

— Формально ты ведь тоже глава поселения? — уточнил Майорбэк.

— После моего ухода главой стал другой, — тихо ответил Бард, сжав кулаки.

— Но взять участие в турнире ты можешь? — прямо спросил Майорбэк.

— Нет, я не глава поселения. И если бы даже меня допустили, да какие у меня шансы? Я последние четыре года медленно умирал и гнил снаружи и внутри, какой из меня боец? — опустил глаза Бард.

— Я могу уравнивать твои шансы, — кинул на него взгляд Эдмундо, внимательно слушавший разговор.

— Как? Разве что выйти вместо меня, — улыбнулся тот.

— Ты же сам сказал, что последние четыре года гнил в этом гиблом месте, а сейчас ты стоишь перед нами и выглядишь абсолютно здоровым. Это заслуга этого маленького цветочка, — он вытянул перед собой оставшийся цветок и покрутил его перед глазами.

— У него имеется множество свойств, например, пыльца вдохнувшего ее человека наделяет невообразимой силой, равной десяти человеческим силам. С ней у тебя появятся большие шансы.

Бард взял у него из рук цветочек и пристально всмотрелся в него:

— Теоретически меня никто не побеждал и по правилам я могу выставить свою кандидатуру на турнир, — не отводя глаз от цветка, сказал он.

— Используй второй шанс, — положил ему руку на плечо Барнс.

— Я обязан тебе жизнью, так что я попробую это сделать, — согласился Бард.

— Это займет много времени, — подметил Туртс.

— Я думаю, нам нужно разделиться. Олби, тебе лучше пойти с Бардом в Горный клан. Ты как вождь будешь иметь больший вес, чем кто-либо из нас. А мы с Эдмундо встретимся с этим Зорзоном и попробуем договориться.

— Солдаты пусть идут с вами, не нужно привлекать к себе внимание, — дополнил Барнс.

— Возьми, — Эдмундо протянул руку к Барду, в которой находилась маленькая колбочка из дерева. — Вытянешь пробку, высыпь на ладонь и хорошо все вдохни, ты почувствуешь мгновенный прилив силы.

— Спасибо тебе за все, — Бард обнял его за плечи и похлопал по спине, после чего с Туртсом и девятью солдатами направился в сторону выхода из подземелья.

* * *

Олби и Бард поднялись наверх, преодолев разветвленный крутой ряд полуразрушенных ступеней. Оказавшись на поверхности, они, не сговариваясь, остановились, жадно втягивая лёгкими свежий прохладный воздух. Машинально взглянув на солнце, находящееся в зените, оба невольно подумали об одном и том же: «Полдень, то есть сейчас должно быть очень жарко и душно». Тем не менее, после спертой, смрадной духоты катакомб даже полуденный зной казался им умиротворяющим живительным холодком. Их ноздри то и дело раздувались, прерывисто вдыхая кислород, словно спасительный эликсир, а грудная клетка импульсивно вздымалась то вверх, то вниз, старательно перекачивая его легкими.

— Давно я не поднимался наверх. Как же здесь прекрасно! Природа, воздух, атмосфера жизни — все заставляет пробудиться от сна и вновь дышать полной грудью! — глубоко дыша, Бард подставил лицо солнцу и закрыл глаза, наслаждаясь его ласкающими лучами.

— Мне всегда было интересно, как вы там живете? Я, пробыв в этих гиблых местах совсем немного, и то почувствовал страх безнадежности и уныния! Для вас же это привычное место обитания! Многие, как и ты, годами не поднимаются на поверхность! Мне кажется, это угнетает еще больше, чем смертельная болезнь! Вокруг солнце, небо, зеленая

травка, ручейки с живительной водой! Все это может привести в чувство и приободрить! — Олби широко развел руки в стороны, показывая новому знакомому всю обширность и красоту окрестного мира.

— Жизнь в катакомбах нельзя назвать добровольной. Это худшее, что может случиться в жизни человека, — Хоблауд опустил глаза, перед которыми пронеслись четыре года ужаса.

— Теперь все будет хорошо, — похлопал его по плечу Олби. — Пойдем, лагерь здесь недалеко.

Прошло не так много времени и, преодолев несколько сотен метров, попугчики вошли в лагерь. Несмотря на жаркий день, в лагере шли тренировки полным ходом, мечи звенели, ударяясь друг о друга, стрелы свистели, срываясь с тетивы, лошади преодолевали барьеры, неся на себе всадника. На кострах готовились различные блюда, запахи от запеченной дичи, грибного супа, приятно били в нос и заставляли урчать животы. Им навстречу шел быстрым шагом рыжеволосый мальчишка с мечом на поясе и железным нагрудником. Он подошел ближе и обнял Вождя Олби. Тот обнял его в ответ, поглаживая рыжие волосы парня.

— Познакомься, это Бард Хоблауд, он житель Горного клана, куда мы с ним скоро и отправимся, а этот молодой человек — мой младший сын Колби, — представил он их друг другу.

— Приятно познакомиться с сыном такого замечательного человека. Твой отец настоящий герой, я обязан ему жизнью, — приветливо сказал Бард, подавая парню руку.

— И мне приятно, — подал тот руку в ответ и жалобно вытаращился на отца умоляющими глазами. — А можно мне пойти с вами? Я еще никогда не бывал в землях горного Клана.

— Нет, сынок, не в этот раз. Это не прогулка с дружеским визитом, а ответственное задание. Все очень серьезно, опасность и риски очень высоки, — строго сказал Олби, но увидев на лице сына застывшую печаль, ласково добавил, положив руку на его плечо: — Ты должен остаться здесь и защищать лагерь.

Парень на миг недовольно и раздосадованно скорчил физиономию, но тотчас опомнился и утвердительно кивнул, покоряясь воле отца.

— А теперь иди и распорядись, чтобы нам приготовили лучший обед в честь нашего возвращения. Я сейчас так голоден, что готов в одиночку проглотить целого кабана, — попросил Олби сына и похлопал по своему животу в предвкушении вкусных яств.

Колби утвердительно кивнул и немного расстроенный, опустив голову, удалился прочь выполнить просьбу отца.

— Ты правильно поступил, что не позволил своему сыну идти с нами. Этот путь очень опасный и непредсказуемый. Наш народ относится к чужакам недружелюбно, некоторые даже враждебно. Зачастую с наших земель мало кто возвращался живым, — произнес Бард, когда сын Олби удалился на приличное расстояние.

— Пять лун назад мы имели дело с Горным кланом, покупали железную руду, нас хорошо принимали, — сказал Олби с задумчивым взглядом.

— Тогда вы были почетными гостями, которые приносили нужные товары Клану, в этот раз я не могу гарантировать такого же приема, — сказал Хоблауд.

— Сегодня уже поздно, чтобы выдвигаться в путь. Так что предлагаю до утра остаться в лагере, а с первыми лучами солнца отправимся в дорогу, — полувопросительно-полуутвердительно предложил Олби.

— Я согласен. Выдвигаться в потемках — плохая идея, — ответил Бард, моргнув

темными глазами в знак утверждения их плана.

— Так... Где же моя еда?! Я просто умираю от голода! — воскликнул Олби и направился вперед на манящий соблазнительный запах.

Бард не спеша пошел за ним, попутно разглядывая сооружения в лагере. Он не верил своим глазам — он на поверхности, среди людей, впервые за долгое время будет ночевать не в подземных катакомбах, а под открытым небом в окружении природы, милостивых пейзажей и прелестных запахов леса. Вместо сырости и промозглости тоннелей у него теперь мягкая трава, вместо раскаленного пола — удобное место для ночлега, а спертый жаркий воздух теперь заменит ему свежий легкий бриз. Он наслаждался всем, что теперь подарила ему судьба, но мысли его по-настоящему занимало только желание поскорее обнять своих детей. Страх внутри, сковывающий и мерзкий, не давал ему покоя ни днем ни ночью, гложил каждую секунду, распалая огонь сомнений и метаний в его обнадеженном сердце.

«Как они живут? Узнают ли меня? Захотят ли видеть?» — эти мысли невероятно пугали Барда, но одновременно с тем еще больше мотивировали попасть домой, чтобы получить ответы на вопросы.

Ночь прошла тихо и незаметно. Олби с удовольствием вернулся к привычным условиям и сладко спал всю ночь. Бард, тоже невероятно обрадованный возможностью ночевать на свежем воздухе, а не в жарких душных катакомбах, мирно посапывал на мягкой траве, словно дитя, убаюканное в колыбели.

Первые лучи солнца упали на землю мелкой россыпью блестящих светящихся ниток, словно тончайшее кружево. Они освещали и согревали землю, даря тепло и поток нового дня всему живому. Олби и Бард уже проснулись, так что к моменту рассвета оба были собраны и готовы к длинной дороге. Рядом с ними — десять крепких воинов клана Отшельников. Они будут сопровождать вождя и нового союзника в Горный клан.

— Почему мы едем без брони и оружия? Это же небезопасно отправляться в земли Горного клана с маленькими ножиками! — спросил один из солдат у Олби.

— Я понимаю твои опасения. Ты прав, ехать без оружия небезопасно. Но здесь как раз таки все наоборот — с оружием ступать на земли Горных кланов — это опасность. Они должны увидеть в нас не врагов, а союзников. Мы хотим показать им свои доброжелательные намерения и переманить на свою сторону. С оружием же вряд ли нам удастся произвести миролюбивое впечатление, — объяснил Олби.

Паренек кивнул в знак согласия и еще больше помрачнел в лице. Умереть еще до начала великой битвы просто в потасовке с горными дикарями точно никак не входило в его планы. Но разгневаться вождя или того хуже — показаться трусом он не желал еще больше. Поэтому смиренно принял свою участь и даже немного возгордился тем, что Олби отобрал его для этой ответственной миссии.

— Я знаю краткий путь. Так мы сможем сэкономить время. Для этого нам нужно поехать через ущелье Добс, и тогда мы выиграем половину дня пути, — предложил Бард.

— Хорошо, тогда ездай первым. Мы будем следовать за тобой, — согласился Олби, отпуская поводья и пропуская попутчика вперед.

Бард хлестнул своего скакуна настолько ловко и умело, что, казалось, целыми днями только и делал, что тренировался верхом, а не прозябал больной и немощный в подземелье мертвых. Тот покорно послушался хозяина и рванул что есть сил вперед. Остальные отпустили поводья и помчались вдогонку, стараясь не отставать от него.

Полдня непрерывного пути прилично измотали не только лошадей, но и наездников. Гонимые временем, они преодолели немалую часть пути, но вскоре усталость взяла свое и лошади одна за другой стали понемногу выдыхаться и лишаться жизненных сил. Поэтому, увидев прекрасное место для непродолжительного отдыха, Олби дал команду остановиться и сделать привал. Место, выбранное Олби, оказалось размашистой поляной овальной формы, густо усеянной какой-то диковинной травой, напоминающей мох. По всему диаметру поляны расположились старинные мощные дубы, по второму ярусы за ними — молодые ели, хвойный запах которых сводил с ума и вносил нотку прохлады в это райское место. Прямо под большим развесистым деревом на юго-западе равнины расположился небольшой быстрый ручей. Это позволило путешественникам напоить измотанных лошадей, остудиться самим и пополнить запасы воды.

— Я знаю эти места, — начал говорить Бард. — Мы уже не так далеко от цели. Отсюда до моего поселения примерно полдня непрерывной езды. Я бывал здесь с отцом в детстве. Помню, как только я научился сидеть в седле, он взял меня в далекое путешествие. Мы ехали очень долго, отец рассказывал всякие истории об этих местах, о своих приключениях,

о легендах и старинных былинах, бытующих в этих землях. Я, маленький наивный мальчишка, слушал его байки, раззинув рот от удивления, стараясь услышать и переварить каждое слово, не упустить ни малейшей детали — настолько интересно и занимательно умел преподнести информацию отец. Да и в детстве все мы непременно хотим верить в чудо, не так ли? — после этих слов Бард ностальгически закатил глаза и весело хмыкнул, будто желая увидеть на лицах попутчиков немой ответ, но, не найдя его, продолжил свой монолог. — Сейчас я понимаю, что половина из того, что он говорил — всего лишь выдумка, чтобы меня заинтересовать. Но тогда я верил в каждую легенду, рассказанную им, в каждую байку, придуманную для меня, и чувствовал себя невероятным счастливым в окружении дикой живописной природы, родных мест и отца, готового ради меня на все. Наверное, так спокойно и беззаботно мы чувствуем себя только в детстве — дома, с родными и близкими, лишеными всяких хлопот и невзгод взрослой жизни. Есть только ты и целый мир, полный неизведанных уголков и твоих больших надежд. Отец навсегда останется для меня героем — сильный, смелый, заботливый. Он открыл для меня целый мир, научил всему, что умел сам. Все свои принципы я вынес из его наставлений, а его уроки я не забуду даже на смертном одре. Во время болезни многие воспоминания становились мутными, некоторые вообще стирались, но все, что связано с ним, я помнил каждую секунду своей жизни. Помню, как мы ночевали под открытым небом в месте, похожем на это. Тогда я впервые ночевал не дома. Мама тогда очень рассердилась на отца, что он не предупредил ее и увез меня. Это самое яркое мое детское воспоминание. После этого было много всего захватывающего и интересного, но этот эпизод моей жизни не смог затмить ни один другой. А потом отец умер, мама вышла замуж за другого мужчину, который имел троих своих сыновей старше меня. После этого моя жизнь стала невыносимой. Они издевались надо мной, сколько я себя помню. Тогда я жутко обижался и на них, и на маму, и на отчима. Практически каждую ночь я просыпался в слезах, мечась в нервных конвульсиях от собственного бессилия. И лишь спустя годы, когда я вырос, понял, что это меня только закалило. Мой характер закалялся через пот и кровь. Я навсегда запомнил обиду, нанесенную в детстве, и поклялся отомстить за издевательства. И когда я вырос, каждого из них вызвал на честный поединок, проходящий один на один перед главой поселения. Я убил их один за другим. После этого мать от меня отказалась, не захотела даже видеть. Долгое время я не мог найти своего места

в жизни, скитался от одного поселения к другому, пока не встретил свою жену Мириаду — самую красивую женщину на земле. У нас случилась любовь с первого взгляда, в тот момент я понял, что хочу прожить всю свою жизнь рядом с этой женщиной. А когда у нас появился первый ребенок, я снова обрел смысл жизни и почувствовал себя по-настоящему счастливым. Хммм... Что-то я разоткровенничался. Видимо, отсутствие общения последние несколько лет и свежий воздух так действуют на мой не привыкший к беседам мозг. Прошу прощения, что утомил вас такими подробностями своей биографии, — смущенно сказал Хоблауд, хватаясь за флягу с водой и припадая к ней сухими, обезвоженными от длительного рассказа губами.

— Когда ты делишься с кем-то своими переживаниями, становится легче. Гораздо лучше высказаться и перенести эту боль своих воспоминаний, чем она будет выедать тебя изнутри, — доверительно сказал Олби, ободряюще похлопав Барда по плечу, и добавил: — Тем более, ты очень интересно рассказываешь. Слушать тебя — одно удовольствие и улада для ушей. И не вздумай грустить! Еще каких-то три дня — и ты снова увидишь жену, детей, ступишь на родные земли.

— Да, ты прав. Я уже столько пережил и даже потерял последнюю надежду и всякий смысл к существованию, что теперь так раскисать на пороге осуществления своей мечты — недопустимо и просто глупо! Спасибо тебе за поддержку! — поблагодарил Хоблауд, крепко сжав руку вождя и трясая ее со всей своей недюжинной силой.

— Так, а теперь довольно сентиментальностей! Время отдыха закончилось, пора отправляться дальше! Нас ждут великие дела! — садясь на лошадь, проговорил вождь Туртс, призывая остальных тоже оседлать своих скакунов.

Всю дорогу они ехали тихо, никто не проронил ни слова, каждый думал о чем-то своем. Хоблауд лелеял надежды о возвращении в родные земли, кто-то предвкушал успешное завершение операции и великую битву, остальные — просто надеялись вернуться из земель горных варваров живыми. Так прошло два дня тяжелого пути, две тихие ночи и несколько привалов.

— Там, впереди, виднеется ущелье, которое жители горных кланов называют Добс. Сразу за ним начинаются владения горных кланов, — крикнул Хоблауд и сурово посмотрел на идущих позади, словно предупреждал о необходимости быть особо предусмотрительными и аккуратными.

— Нам нужно перейти его до темноты, иначе придется снова дожидаться утра.

В сумерках мы там можем просто свалиться в обрыв или не заметить какую другую опасность. Кстати, вон там, с горы, течет очень чистая и вкусная вода, мы можем пополнить свои запасы, — добавил Бард, указывая вправо от себя.

Вождь утвердительно кивнул, и отряд последовал за своим проводником. Дойдя до ущелья, в глаза Олби сразу бросилось то, что оно узкое настолько, что пройти сквозь него сможет только один человек. Высокие горы и узкое пространство создают ощущения тесноты и сжатости, будто тесная коробочка зажимает тебя со всех сторон и старается задавить своими мощными стенами.

— Видите, какое тут узкое пространство, поэтому в эти места очень редко кто-то забредает, так как чаще всего люди из Горных кланов едут напрямиком на Лунный рынок, чтобы продать свой товар. А по этой тропе ни одна повозка не проедет, соответственно, она почти не используется и забыта за ненужностью, — объяснил Бард.

Все пристально всматривались в ущелье, стараясь оценить безопасность прохода сквозь

него. Некоторые, с особой боязнью относящиеся к этой идее, не спешили рассказывать о своих переживаниях, не желая выглядеть трусами среди товарищей.

— Это вода, о которой я вам говорил, — произнес Бард, показывая на воду, стекающую по неглубокой расщелине и капающую вниз легким ручейком.

— Ммм... Вода и действительно вкусная, свежая, кристально чистая, — сказал один из спутников, зачерпнув пригоршню и отхлебнув несколько первых глотков живительной прохлады. — Нужно набрать ее побольше, вряд ли в этих местах нам удастся еще раз столь же беспрепятственно остановиться для пополнения запасов.

Тем временем лошади жадно слизывали воду, капающую прямо с гор. Когда все насладились изумительным вкусом чистого источника и пополнили запасы сполна, отряд принял решение двигаться дальше, чтобы успеть преодолеть ущелье засветло. Спустя короткое время, к всеобщему удивлению, ущелье уже осталось позади, а отряд во главе с Олби Туртсом — вождем клана Отшельников, Бардом Хоблаудом — жителем Горного клана и десятью бравыми воинами ступили на земли Горного клана.

— Приветствую вас, друзья мои! Сейчас мы находимся во владениях Горных кланов! Да пребудет с вами удача, ибо только она может нас теперь спасти! — с серьезным видом произнес Бард, украдкой оглядываясь по сторонам.

— Уже стемнело, нам нужно найти место для ночлега и разбить лагерь, — заметил Олби, пристально изучая территорию в поисках подходящего места.

— Почему бы нам не разбить лагерь прямо здесь, возле ущелья? — предложил Бард. — Это место как раз подойдет для такого дела, ведь сюда никто не сунется. Мы будем в безопасности в окружении скалистых гор и немного покрова ночи, — заметил Бард, размахивая руками по сторонам, словно демонстрируя чужакам всю прелесть и выгодное расположение здешних мест.

— Действительно, это неплохое место для ночлега, — осматриваясь по сторонам и оценивая обстановку, согласился Олби.

Остальные воины также одобрительно кивнули в знак подтверждения своего согласия.

— Разводите огонь и готовьте ужин. А я пока немного осмотрюсь вокруг, — раздав задания, Олби куда-то быстро удалился.

Хоть уже изрядно стемнело, полная прозрачно-белая луна хорошо освещала путь, по которому направился Олби, все больше отдаляясь от лагеря. Как только вождь порядком отошел от лагеря, он начал жадно вдыхать воздух полной грудью во всю мощь. Здесь он показался ему по-особенному чистым и приятным, мягким и нежным, наполняя каждую клеточку, словно живительный обтекаемый эликсир, насыщая шипучим, живым кислородом уставшее брненное тело. Впереди перед ним виднелись бесконечные покатые горы, которые поднимались все выше и выше. Кажется, они задевали своими верхушками небеса, ласково щекоча и играя с пушистыми серыми облаками. Олби начал вдавливать ногой землю, стараясь немного ее впусить. К удивлению вождя, почва никак не поддавалась нехитрым манипуляциям. Да, это не та земля, к которой привык Туртс. Ему казалось, что вся она — это сплошные камни, рыхлые, мелкие, похожие на мелкий гравий или щебенку. «Как люди обрабатывают эти земли? Как на них что-то выращивают? Неужели они вообще для чего-то пригодны?» — подумал Олби, стоя в темноте и так и не достигнув успеха в своей операции. Он не искал ответов на вопросы, потайных дорог или скрытых опасностей. Олби отошел от лагеря, чтобы немного побыть наедине с собой и привести мысли в порядок. За короткое время на него свалилось много обязанностей и задач, которые он должен выполнять. Все от

него чего-то ждут — решений, приказов, советов. Много людей на него рассчитывают, верят в него, следуют за своим вождем. Ему никак нельзя оплошать, ведь ответственность, возложенная на него, слишком велика, а от его действий зависят жизни людей. Самое страшное для него — подвести свой народ и, в первую очередь, сыновей. Такая ответственность не могла не угнетать неокрепший мозг простого жителя деревни. Поэтому Олби что есть духу старался демонстрировать лишь спокойствие и уверенность на людях,

а эмоции держать при себе. В таких блужданиях он провел чуть больше получаса. Через некоторое время запах еды донесся и до Олби, который к этому моменту успел изрядно проголодаться. Естественные человеческие потребности вмиг вырвали его из мира раздумий и заставили вспомнить о делах насущных. Например, об его урчащем желудке, жаждущем получить свою порцию заслуженного ужина. Получив сигнал о необходимости вернуться в лагерь в виде густого дыма, исходящего от разбитого костра и ароматного запаха жареных грибов, вождь Туртс поспешил вернуться в лагерь. Вернувшись обратно, первым делом Олби обратил внимание на жареные грибы, взятые с собой из лагеря, вяленое мясо и куски сухого хлеба. Запах пищи сводил с ума и возбуждал все рецепторы в мозгу вождя так, что тот поспешил присоединиться к товарищам, которые уже уселись вокруг костра в ожидании Олби, чтобы начать трапезу.

— Мы ждали тебя, вождь. Без тебя не начинаем ужин, — сказал один из его людей, жестом приглашая к импровизированному столу.

— Наконец-то теперь все здесь. Можно налечь на еду, — сказал вождь и первым взял большой жареный гриб. Все последовали его примеру и набросились на нехитрую трапезу. После сытного ужина сон резкой волной накатил на всех без исключения. И все,

с удовольствием поглаживая наполнившиеся животы, погрузились в царство снов. Только Бард лежал и смотрел на звезды, всматриваясь в чистое безоблачное небо и выискивая на нем знакомые созвездия. В тот момент им овладевали самые разнообразные мысли и вопросы, ответы на которые найти пока не представлялось возможным. Он старался гнать их прочь, переворачиваясь и закрывая глаза, чтобы отвлечься и, наконец, заснуть. Но они никак не хотели покидать его натруженный мозг, раз за разом усиливаясь и сменяя одна другую.

В какой-то момент мужчина настолько устал от их бурного нескончаемого потока, что просто перевернулся лицом к земле и закрыл глаза руками. Так, спрятавшись от яркого света луны, он смог провалиться в глубокий долгожданный сон. Сны этой ночью не беспокоили его, давая возможно выспаться уставшему, изможденному страннику.

— Вставайте, вам нужно это увидеть, — услышав сквозь сон Олби.

Открыв глаза, он увидел, что это Бард пытается его разбудить, легонько тормоша его за плечо. Когда Хоблауд убедился, что вождь открыл глаза, он принялся будить остальных.

— Что случилось? Еще ведь даже солнце не взошло, — недовольно сквозь сон промямлил Олби.

— В том то и дело. Поторопитесь, если хотите стать свидетелями прекрасного! Уверю вас, вы никогда не увидите восхода солнца красивее, чем здесь. Это стоит того, чтобы открыть глаза даже в такую рань! — настоятельно заверил Бард, агитируя товарищей поскорее подняться. — Это всегда было моей самой любимой частью похода с отцом — восход солнца, — с ностальгией вспоминал Бард, пока остальные неспешно поднимались со своих походных постелей и недовольно кряхтели на разбудившего их нахала.

Тем не менее, сон уже не шел после такого экстремального подъема, поэтому Олби и

его люди стали понемногу просыпаться и приходить в себя. Постепенно им даже становилась интересна причина, по которой их разбудили так рано. Мужчины решили убедиться, стоило ли оно того, поэтому все-таки поднялись.

— Усаживайтесь поудобнее, сейчас начнется, — с легким восторгом и благоговением произнес Бард, облюбовав место на большом камне с восточного края поляны.

Мужчины неспешно последовали его примеру, выбрав себе места для обзора. И вот началось! Медленно отступили сумерки, уступая свои права первым робким солнечным лучам. Воздух был прохладен и свеж, наполнен сладким томлением и легкими озоновыми нотками. Ветер притаился в несмелом порыве, давая возможность наблюдателям услышать самые маленькие, незначительные изменения природы. Наступила минута перед рассветом, когда все живое на мгновение замирает, словно останавливаясь во времени, чтобы проводить уходящую ночь и встретить зарю нового дня.

Секунда за секундой небо медленно начало светлеть. Всего через несколько минут над горизонтом вошло солнце — яркое, желтогорячее, волнуемое. Своим покатым краем оно вначале несмело показалось из-за огромной высокой горы, слегка задевая ее своим румяным круглым боком. Затем уже более резво возвысилось над ней, касаясь ее соседей, поднимаясь все выше и выше, пока окончательно не заняло свое полноправное место на небосводе. По прошествии нескольких мгновений оно озарило своим ровным светом горы, поляну и все живое, что грелось и нежилось под ласковыми утренними лучами. Воздух вокруг вмиг накалился, нагретый теперь настойчивыми палящими вспышками вступившего в свои права светила. Под яркими лучиками отблескивали верхушки горных гигантов, и они становились похожими на шпиль или величественные золотые верхушки храмов, построенных в честь бога Баритона — покровителя гор. Через несколько минут стало совсем светло и тепло. Наступил новый день.

— Это самый прекрасный восход, который я когда-либо видел в своей жизни! Сколько их на моей памяти, но такого в наших землях не застал ни разу! — восхищенно воскликнул Олби, вскакивая на обе ноги от удивления и усиленно протирая глаза, будто пытаясь понять, не снится ли ему это чудо.

— Ты прав! — согласился Бард. — Вы все увидели, откуда восходит солнце. Это и есть наш ориентир, туда и будем держать путь. В восточном направлении находится мое поселение — Синдор. Для большей безопасности мы не станем проезжать через другие поселения, поэтому проследуем в обход. Объездная дорога более длинная, зато на ней меньше риск нарваться на неприятности, да и привлекать лишнее внимание нам ни к чему, — предупредил Хоблауд, указывая левой рукой в направлении их дальнейшего пути.

— Ты знаешь эти места лучше нас всех, веди, — согласился с ним Олби.

— Я благодарен, вождь Туртс, за оказанное мне доверие. В таком случае следуйте за мной след в след, ни на шаг не отступая. Эти места опасны сами по себе — горная скалистая местность, овраги. Ущелья и рвы. А если добавить к этому набору воинственно настроенных местных жителей, вообще получается смертоносный коктейль, — крикнул Бард и помчался вперед что есть духу, через каждый десяток метров подхлестывая своего скакуна и натягивая посылнее поводья. Весь путь оказался однообразен. Каждый следующий пройденный участок ничем не отличался от предыдущего — сплошь и рядом горы, камни, карликовые придорожные деревца, не достигающие в высоту даже человеческого роста. Несмотря на это, дорога не казалась легкой — извилистая крутая местность плавно сменялась с ровных на покатые участки пути, резкие спуски и подъемы не давали расслабиться ни на минуту.

Лошадям приходилось бежать то вверх, то вниз, преодолевая крутые радиусы горной местности. Из-за этого путешественники вынуждены были совершать много остановок, чтобы дать отдых скакунам и перевести дух самим. Чем дальше они продвигались, тем сложнее становилось дышать и людям, и животным. Тяжелый, давящий воздух на вершинах не давал вдохнуть полной грудью, сковывая и сжимая легкие изнутри. После очередного привала Бард понял, насколько трудно становится дышать, лошади отказывались продолжать путь, препираясь и не давая себя оседлать.

— В горах сложно привыкнуть к воздуху, если ты здесь не родился. Но ничего, это скоро пройдет, ваше тело адаптируется к местным условиям и вам станет гораздо легче, — приободрил их Бард, заметив опаску и нешуточное волнение в глазах воинов и даже самого Олби.

— Осталось еще совсем немного! Если прибавим шагу, окажемся на месте менее чем через половину дня, — продолжал говорить Бард, стараясь придать уверенности, энтузиазма и замотивировать солдат. Путь продолжился, однако лошади уже не могли бежать так же быстро, как в начале пути. Тяжелый высокогорный воздух и непрерывная изматывающая дорога отняли у них слишком много сил. Однако все прекрасно понимали, что остановиться сейчас, когда цель уже маячит прямо перед носом, никак нельзя. Ни один настоящий воин не признает, что обессилел и не откажется выполнять задание. А у них впереди великая битва, сейчас же это так, лишь подготовка. Так чего они будут стоять, если сломаются уже на этом испытании? Понимая это, все солдаты молча, сжав зубы, из последних сил плелись вперед. Ими управляли идея, азарт, в конце концов, долг. И они, окрыленные и движимые слепым энтузиазмом, проходили шаг за шагом этот тернистый путь во имя единой цели общего блага желанной глобальной победы. При этом каждый осознавал, что делать надо все с умом, чтобы не погубить ни себя, ни лошадей. За всю дорогу им не встретила ни одна живая душа. Так тихо и безлюдно оказалось во время всей дороги, что только ветер и глухое эхо гор сопровождало их. Такая неестественная тишина напрягала и вносила долю мистики в их маленькое путешествие. Скоро впереди завиднелись густые клубы пыли, а затем и громкий топот копыт. Здесь есть люди. Это одновременно и обрадовало, и насторожило отряд.

— Что это? — немного испуганно спросил Олби, поглядывая на Барда.

— Все нормально, без паники. Вы наблюдаете всего лишь перегон горных коз, баранов, овец, здесь это привычное явление, — успокоил его Бард, утвердительно моргнув и остальным, которые с легким ужасом в глазах застыли на месте и ожидали дальнейших указаний от вождя и проводника.

— И что нам делать? — опять спросил Олби.

— Ничего особенного, просто сойти с дороги и переждать, пока они пройдут. У нас принято уступать дорогу, когда перегоняют отару. Горные тропы и так узкие, разминуться здесь невероятно сложно, — предупредил Бард, сходя с дороги.

Все последовали за ним, уступая дорогу местным жителям, и стали ждать их появления. Через некоторое время топот усилился, а пыль полетела огромным комом в лица отряда. Они близко. Через полминуты показалась отара с пастухами.

— О, во имя Алайроса, сколько же здесь этого скота?! — с большим удивлением воскликнул один из Отшельников, еще больше попятившись назад.

— О чем ты говоришь? — засмеялся Бард. — Это еще немного, такое количество скота может держать всего один человек.

— Один человек?! — снова переспросил солдат, округлив глаза.

— Да, один, — подтвердил еще раз Бард, беспечно кивнув головой, будто так и должно быть. — Скотоводство и создание оружия — основная деятельность Горных кланов, мы больше ничем не занимаемся. У нас нет плодородных земель или лесов, в которых можно собирать ягоды и охотиться. Охотиться тоже можно, в горах водится немало вкусного зверя. Но для удовлетворения своих нужд и для обмена товарами на Лунном рынке этого слишком мало. Поэтому мы и занимаемся разведением скота в таких количествах, — подытожил Бард.

Скоро пыль осталась позади, висящей завесой напоминая о себе, и только следы от копыт все еще виднелись на земле.

— Теперь мы можем продолжать путь, — направляясь к дороге, сказал Бард.

Пребывая в шокированном состоянии, спутники последовали за ним. Мужчины из отряда никак не могли прийти в себя после увиденного. В землях клана Отшельников скот встречался очень редко и мало. Да и то он там разительно отличается от здешнего — сухой, худой, мелкопородистый, а местные отары — здоровые, крупные, щедро откормленные.

— Видите ту небольшую гору? — показывая вперед, спросил Бард.

Олби кивнул.

— Там и находится мое поселение. Думаю, до захода солнца мы будем уже там, — бодро сказал Бард и, что есть силы, хлестнул ногой коня, давая ему команду нести его вперед.

Остаток пути пролетал быстро и незаметно. Ни накопившаяся усталость, ни тяжелый воздух уже не волновали путешественников, все гнали максимально быстро, стараясь достигнуть пункта назначения до сумерек. Они почти у цели, и это не может не придавать жизненных сил и волевого азарта.

* * *

Воины были одержимы мыслью поскорее добраться в поселение и, наконец, передохнуть. Мысли же Барда занимали только размышления о предстоящей встрече с женой и детьми. Он все пытался подобрать нужные слова, которые он скажет им при долгожданном воссоединении. Переживал о том, как они отреагируют на его неожиданное возвращение и обрадует ли их такая ошеломляющая новость, которая перевернет с ног на голову их привычный уклад жизни. Скоро Синдор замаячил на горизонте.

— Еще несколько часов и мы будем на месте! — радостно воскликнул Бард.

С каждым часом поселение становилось все ближе и ближе. Еще совсем чуть-чуть и Хоблауд наконец-то снова окажется в своем родном поселении спустя долгих четыре года.

— Теперь мы спешимся, возьмем лошадей за поводья и пойдем пешком. Я буду идти посередине, чтобы меня никто не узнал раньше времени, — сказал Бард, слезая с коня и протискиваясь в середину отряда, скрываясь между широкими плечами товарищей.

— Хорошо. Думаю, ты прав. Рассекретить себя раньше времени нам невыгодно, — согласился Олби и тоже принялся слезать с коня.

Солдаты сделали то же самое, пропуская между собой Барда с его скакуном.

— Ты сказал «не узнали раньше времени». Раньше чего? Что ты имеешь в виду? — слегка встревоженно переспросил Олби.

— Раньше того, как наступит время и я смогу кое-что сделать, — спокойно, но задумчиво ответил Бард.

— Что ты имеешь в виду? Мы пришли сюда все вместе, поэтому, полагаю, я имею право

знать о твоих планах, — настойчиво продолжал Олби, подходя к Хоблауду вплотную и разворачиваясь к нему всем корпусом.

— Я должен сначала встретиться в честном бою с главой поселения, который подло отравил меня, чтобы занять мое место, — с едва прикрываемой злостью и животрепещущей яростью произнес Бард, сжимая большие кулаки.

Через некоторое время отряд уже достиг окраины поселения, где располагались загоны со скотом. Их взору предстали небольшие, тщательно отделенные секции — некоторые миниатюрной площади, другие побольше. У каждого из таких загонов стояли люди, присматривая за скотом и его жизнеобеспечением — кормом, выпасом и прочими обыденными операциями. Каждый такой загон принадлежал одному человеку. А все, кто не имел собственного хозяйства, работали у него в подчинении. Владения, как и земли, и скот, передавались из поколения в поколение — от отца к сыну. Если же твои предки не имели собственных имений и считались наемными рабочими, та же участь ждала и потомков. Такой первобытный диковинный уклад определился здесь с древних времен.

— Окружите меня со всех сторон, возьмите в кольцо. Постарайтесь сделать это незаметно, дабы не вызвать лишних подозрений, — шепотом попросил Бард, сжимаясь и втискиваясь вглубь отряда все дальше. — Мы заходим в поселение, будьте предельно осторожны и смотрите в оба.

Олби кивнул, отдавая молчаливый приказ, и его люди тотчас передислоцировались, вставая спереди, сзади и сбоку таким образом, дабы Бард оказался в центре. Проведя нехитрую манипуляцию в считанные секунды, они медленным аккуратным шагом двинулись дальше. Олби пристально смотрел по сторонам, оценивая обстановку. На первый взгляд, поселение ничем не отличалось от множества прочих, в том числе и поселений клана Отшельников. Те же домики, сбитые из свежей древесины или отборного сруба. На улице стояли кузнецы и усердно работали по металлу, занимаясь своим привычным делом. Извилистыми пыльными улочками бегали и играли дети, что-то кричали друг другу, спорили и дрались на игрушечных деревянных мечях. Женщины занимались привычными бытовыми делами: шли стирать на озеро, вели домашнее хозяйство, работали в огороде. А судя по запаху, доносящемуся из открытых окошек домиков, еще и готовили домашнюю стряпню.

— Хмм, — задумчиво протянул Олби, — я думал, наши кланы должны иметь существенные различия. Однако вы живете так же, как и мы, — добавил он, украдкой всматриваясь вглубь отряда, где под мощным заслоном из увесистых плеч скрывался Бард.

— А что ты хотел увидеть? — чуть не расхохотался Бард, но затем вспомнил о конспирации и более сдержанно добавил: — Здоровых мужланов, которые целыми днями дерутся и буянят?

— Вы, Горные кланы, силу и боевое мастерство ставите на первое место. Я предполагал, поселение в целом будет выглядеть более воинственно и сурово.

— Спешу тебя обрадовать! Твои догадки верны и не лишены доли правды. Однако на одних драках не будет держаться целый клан. Нужно заниматься и обустройством жизнедеятельности поселений. Кушать все хотят, — с легкой улыбкой ответил Хоблауд и добавил: — На следующей улице нужно свернуть направо, тогда мы выйдем у моего дома.

Спустя пару сотен метров, завернув за переулок, он увидел знакомую улицу, по которой гулял с детьми и женой. Воспоминания мощной волной нахлынули на Барда, дрожь пробежала по всему телу. Увидев родной дом, Барда, наконец, покинули тревожные мысли и чувства, он спрыгнул с лошади и изо всех сил бросился бежать к нему. Стоя напротив двери,

тело перестало ему подчиняться, руки дрожали, по спине стружкой скатился холодный пот. Он так долго ждал этого момента.

— С тобой все в порядке? — тихо спросил Олби, подойдя сзади и взяв товарища за плечо.

— Все хорошо, — с трудом выговорил Бард тихим, едва слышным голосом, который больше походил на щебетание птенца, нежели на прежний бас здорового мужчины. Подняв руку, чтобы сделать пару робких ударов в дверь, он тут же остановился. Рука его застыла в воздухе, словно завороченная или остановленная невидимой силой. Собравшись с духом, он легко постучал по массивной двери, сделанной с полуовальных бревен. Дверь распахнулась при первом прикосновении. Внутри Хоблауда все перевернулось, сердце замерло, он ворвался в дом.

— Мириада! Одвин! Сигурд! Орин! Мира! Где вы все? — кричал отец, мечась по дому, как в агонии, его руки тряслись, голос дрожал и заикался. Олби стоял и смотрел, не зная, как помочь товарищу.

— Что здесь происходит?! Вы кто такие?! Живо убирайтесь из этого дома! Или я вам сейчас помогу! — брызгая слюной, завопил, появившийся с внутреннего хода мужчина с огромным молотом в руках. Его короткие волосы пшеничного цвета топорщились на голове колючими кустами, а сломанный нос и многочисленные шрамы над бровями выдавали его как завязанного участника потасовок.

— Дядя Орни, это ты? — воскликнул Бард, пристально всматриваясь в его лицо.

— Откуда ты знаешь мое имя? — грозно рыкнул он, однако, присмотревшись, опустил оружие.

— Это же я, неужели так изменился? — сказал Бард, подходя ближе.

— Бард? Это правда ты? — воскликнул мужчина, бросив молот на пол и кинувшись в объятия Барда.

— Да, дядя, это действительно я, — с нежностью в голосе ответил Бард, заключая родственника в свои объятия.

— Во имя Баритона! Глаза, волосы, голос... Это и правда ты, мой мальчик! — крепко сжимая парня, шептал мужчина.

— Все нормально, не беспокойтесь, это дядя моей жены — Орни, — сказал Бард, посмотрев на Олби, который уже обнажил нож и держал его наготове, с недоумением глядя на несуразную картину.

— Ты жив! И здоров! — осмотрев того с головы до ног, заключил дядя. — Но как ты смог излечиться от недуга? Тебя не было долгих четыре года! Мы все думали, что ты уже покойник! — восхищенно и слегка озадаченно забрасывал он вопросами Хоблауда, не отпуская его из своих крепких рук.

— Это длинная история. Я обязательно тебе все расскажу, позже, — учтиво произнес Бард, освобождаясь из цепких объятий и всматриваясь в лицо Орни печальными, полными тоски глазами. — Ты лучше скажи — где моя семья?

— Даже не знаю, с чего начать... — задумчиво протянул Орни, опустив глаза. — Начну, пожалуй, сначала. Когда ты заболел, место главы занял Марло. Он всегда тебе завидовал, только лишь притворяясь твоим другом. А я тебя предупреждал на его счет... — тяжело вздыхая, напомнил дядя, сжав кулаки. — Ему всегда хотелось иметь то, что принадлежит тебе. Став главой поселения, он получил власть в наших землях. Марло пришел к твоей жене и предлагал выйти за него замуж, дарил подарки и цветы, всячески пытался склонить ее к

нужному для себя решению. Но Мириада любит тебя. Она отвергала любые ухаживания и оставалась верна тебе, несмотря ни на что. Когда Марло понял, что так он ее никогда не получит, решил применить другие грязные методы. Он пригрозил ей, что если она не выйдет за него, он убьет ее детей. Бедная женщина вынужденно согласилась. С того времени она уже три года живет с ним и вашими детьми в его доме, — негодуяще выпалил Орни, всматриваясь в разъяренные глаза Барда с опаской.

— Я убью его! Клянусь, убью! Баритон будь свидетелем моей клятвы! — закричал Бард, подняв глаза вверх.

— Постой, не торопись, у тебя будет такая возможность, Баритон видит, я тебе помогу, — ласково сказал Орни, аккуратной, но стальной хваткой удерживая руку Хоблауда. — Его все равно сейчас нет.

— Нет? А где же он? — буркнул Бард, освобождая онемевшую конечность.

— Он отправился в поселение Горнор, где будет проходить турнир, определяющий вождя клана, — тихо ответил Орни, встревоженно моргнув бледно-серыми глазами.

— А мои дети? Где они? — обеспокоенно спросил Бард.

— Он взял с собой и твою жену, и детей, — ответил дядя Орни, не поднимая век.

— Если он уже ушел на турнир как представитель этого поселения, ты не сможешь принять участие в турнире? — встрял в разговор вождь Олби. — Получается, мы опоздали? — поникшим голосом подытожил он.

— Да, не смогу, однако я все равно туда пойду — там моя семья.

— Подожди, не торопись с выводами. Если ты хочешь принять участие в турнире, то вполне можешь это сделать, — прервал их диалог дядя Орни, поворачивая Хоблауда лицом к себе.

— Как? Меня же не допустят до участия, сразиться в честном бою за место могут только главы поселений, — уточнил Бард, подняв брови дугой настолько сильно, что, казалось, еще чуть-чуть — и они взлетят прямо до макушки.

— Все верно. Но ты забываешь, что в соответствии с нашими законами главой поселения может стать лишь тот, кто победит всех претендентов в честном бою. А ты в свое время уже победил Марло. Когда ты ушел из поселения, он занял твое место, и никто не бросил ему вызов. Ты до сих пор являешься главой поселения. И по нашим законам, Марло не может считаться законноизбранным. Ты имеешь полное право взять участие в турнире, чего нельзя сказать о твоём бывшем друге, — закончил объяснение дядя.

— Ты, как всегда прав, дядя, — взяв его за плечо и посмотрев в его морщинистые глаза, ответил Бард. — Только встретились и уже прощаться, — шепотом проговорил Хоблауд, опуская глаза.

— погоди со мной прощаться! То, что я стар, не значит, что меня нужно списывать со счетов! — обиженно воскликнул тот. — Я иду с вами, и это не обсуждается. Я так долго тебя не видел, дабы вновь проститься? Нет уж, даже не проси.

— Дядя Орни, я рад, что ты будешь рядом со мной на этом пути, — радостно сказал Бард и добавил, ударив себя рукой по лбу. — В этой суматохе я совсем забыл представить вас друг другу. Познакомься, это вождь клана Отшельников Олби Туртс, а стоящие позади мужчины — солдаты его армии, и скажу тебе, у него амбициозные планы на свое правление.

А это мой дорогой дядя Орни, всеми любимый и уважаемый житель поселения Синдор. Мужчины пожали друг другу руки, обмениваясь любезностями.

— Видно, что вы устали с дороги, — окинув взглядом Олби и Барда, подметил дядя. —

Идите за мной, я вас накормлю напою и уложу спать, а завтра отправимся в путь с первыми лучами солнца.

Путники и правда очень устали от длительных переходов, поэтому отряд чрезвычайно обрадовался гостеприимству их нового знакомого.

Выйдя на улицу, в глаза Орни сразу бросились гнедые и вороные жеребцы, стоящие возле дома.

— Ваши лошади? — спросил он, оборачиваясь к позади идущим солдатам.

— Да, — кивнул Олби.

— Подковы на их копытах никуда не годятся. Ездить с ними по нашей местности невероятно трудное занятие — и лошадей угробите, и сами намучаетесь. Я подкую их специальными здешними подковами, — осмотрев лошадей, подытожил Орни и повернулся к вождю, — Позвольте поинтересоваться, как вы познакомились с Бардом?

— Это очень занятная история. Нас свела сама судьба — ответил Олби и, сделав паузу, рассказал вкратце о событиях, которые они пережили, прежде чем познакомиться с Бардом. А также историю их совместного пути сюда.

— Вот так история, — покачал головой Орни и, показав на большой дом, явно отличавшийся от остальных, сообщил: — Мы пришли.

Открыв массивную дверь с вырезанными узорами, он жестом руки пригласил гостей войти в дом.

— Располагайтесь в гостиной, — сказал дядя, показывая на большую комнату со столом посередине, а сам куда-то удалился.

— А твой дядя — богач, оказывается! Такую роскошь не каждый себе может позволить, — заключил Олби, проводя рукой по отполированному краю стола, сделанного из редкого белого дуба и осматривая узоры, вырезанные умелым мастером.

— Да, дядя Орни раньше был владельцем половины скота в поселении. Однако после трагической смерти тетушки Арин в нем что-то изменилось, он перестал заниматься разведением скота, уволил всю прислугу. Все богатства, что были в этом доме, он раздал людям, оставив лишь этот стол, — Бард провел рукой по столу, от воспоминаний сердце сжималось, а на глаза наворачивались слезы. Олби решил больше не спрашивать Барда о его дяде и сменил тему.

— Как ты познакомился со своей женой?

От неожиданного вопроса у Барда округлились глаза и брови поползли вверх. Он пристально посмотрел на вождя. Осмотрев комнату, Бард метнулся в одну сторону, потом вернулся назад, встал и выпрямился во весь рост.

— На этом самом месте я впервые увидел Мириаду. Эта курносая зеленоглазая восьмилетняя девчонка уплетала большой кусок мяса за маленьким столом, а вокруг нее мельтешили слуги, стараясь угодить. Я, маленький десятилетний мальчик, пасший весь день скот дяди Орни, пришел за оплатой. Он спросил, хочу ли я кушать, я был очень голоден. Дядя пригласил меня в дом и тогда я впервые увидел Мириаду, — подняв голову вверх и немного прикрыв глаза, с довольной улыбкой закончил рассказ Бард.

Олби хотел что-то сказать, однако изумительный запах, доносившийся из другой комнаты, заставил забыть его обо всем, ноздри раздулись и стали жадно втягивать аромат прожаренного мяса, рот наполнился слюной, а живот предательски заурчал. Он окинул комнату взглядом, оказывается, он не один такой, солдаты, присевшие на пол у стены, так же поднимали головы, улавливая прелестный аромат. На пороге соседней комнаты

показался дядя Орни с огромным деревянным подносом, доверху наполненным жареным мясом. Он медленно поставил его на стол. Зажаристое мясо горного барана с золотистой корочкой выглядело еще лучше, чем пахло.

— Пожалуйста, угощайтесь.

Голодные мужчины не стали дожидаться второго приглашения и с удовольствием принялись пробовать мясо, хватая его с подноса и жадно вгрызаясь в аппетитные кусочки. Поднос быстро опустел и мужчины довольно гладили сытые животы.

— Большое тебе спасибо. Это невероятно вкусно, — вставая из-за стола, поблагодарил Олби. — Где мы можем устроиться на ночлег? — учтиво добавил он.

— Несколько человек могут лечь здесь прямо на полу, я подготовлю для вас матрасы. Остальные пойдут со мной в хлев, там вам тоже будет удобно. Он теплый, сухой, словом, полностью приспособлен для подобных привалов, — ответил дядя Орни, выходя из дома.

Часть солдат во главе с вождем остались в доме и принялись укладывать матрасы на пол, обустривая себе спальные места. Оставшаяся часть последовала за хозяином поместья.

— У тебя есть оружие на завтрашний бой? — поинтересовался дядя, обратившись к Барду.

— Да, у меня есть меч, — спокойно ответил тот и вытянул маленький карманный ножик из левого кармана старых ситцевых брюк.

— Это что еще такое? — удивленно спросил Орни, вытаращившись на невзрачный кусок металла.

— Мое оружие, — смущенно проговорил Бард.

— Ты собираешься победить лучших воинов Горного клана с этим недоразумением? — воскликнул Орни.

— А что не так? — поглядывая на нож, переспросил Хоблауд.

— Доспехов, как я понимаю, у тебя тоже нет? — уже более радушно продолжал Орни.

Бард отрицательно покачал головой.

— Дааа... — озадаченно протянул Орни и добавил: — Пойдем со мной.

Они отошли недалеко от дома и приблизились к старой постройке, напоминающей чулан. Дядя Орни подвел Барда к большому сундуку в углу комнаты, покрытому слоем густой давней пыли. Смахнув пыль лежащей рядом марлевой тряпкой, он с легкостью открыл сундук. Тот издал неприятный пронзительный скрип, мощная деревянная крышка открылась. Взору Барда предстали прекрасные добротные доспехи дяди Орни.

— Возьми себе, они очень прочные и надежные, сделаны еще моим прадедом из металла, которого теперь не найти ни в одном поселении Горных кланов, а главное, доспехи можно подогнать под себя без задействования грубой силы, — сказал Орни, пропуская Барда к сундуку.

— Что же это за доспехи, если их не нужно подгонять по размеру? — переспросил Бард, подняв брови вверх.

— Это благодаря металлу и ловким рукам кузнеца мы получили шедевр, — положив ему руку на плечо, ответил дядя.

Бард аккуратно вытянул меч, крепко обхватив его правой рукой за мощную, граненую рукоятку. Первое ощущение показалось ему странным и непривычным. Через долю секунды он понял, в чем дело — оружие было невероятно легким, что совершенно не характерно для подобных вещей. Обычно, чтобы удержать меч в руках, нужна недюжинная сила. А этот лежит в ладони прочно, но легко, как перышко. А какой баланс! Словно прямое

продолжение руки, он, будто, сливался с ней воедино.

— Почему он такой легкий? — с удивлением спросил Бард, пристальнее всматриваясь в корпус оружия.

— В этом и заключается вся сила металла. Он сам по себе очень крепкий, пробить его просто невозможно. Броня также легка и прочна. В этом и есть вся прелесть — дополнительный вес доспехов не будет отвлекать тебя от боя и забирать драгоценные силы, — объяснил Орни, хитро поглядывая на высокого Барда.

Хоблауд взялся примерять на себя доспехи. Вначале он аккуратно вынул их из сундука, манерно покрутил в руках, рассматривая каждый сантиметр прекрасного обмундирования, после чего надел их на себя, со знанием дела зашнуровывая и поправляя все элементы. Он стоял, полностью экипированный, взял в руки меч и начал проделывать боевые упражнения, красуясь и рассматривая себя в отражении старого зеркала, висевшего на стене над сундуком. Он не держал оружие уже четыре года, но это не помешало ему вспомнить все то, чему он учился всю жизнь.

— Спасибо тебе большое, дядя Орни! Эта броня прекрасна! Она настолько легка, что я ее даже не чувствую на себе, это делает меня еще более маневренным. А этот меч! Он словно невесомый! — быстро говорил Бард с детским восторгом.

— Эти доспехи достойны вождя. Ты обязательно скоро им станешь и вернешь все, что тебе причитается! — с гордостью произнес дядя, легонько похлопав его по плечу.

Воодушевленный Хоблауд еще минут с десять поупражнялся и покрасовался в зеркале, любуясь подарками дяди и собственным статным отражением. На мгновение он забыл о печалях — отнятой семье, годах, проведенных вдали от дома, предстоящей битве на смерть. Он просто погрузился в мир доблести, чести, воинов. В мир своей некогда реальности.

— А теперь ступай спать, — произнес Орни, выдергивая мужчину из сладких грез. — Завтра нас ждет тяжелая дорога, нужно как следует отдохнуть и набраться сил, они тебе пригодятся.

Они оба последовали в дом, где воины уже видели десятый сон. Бард лег на матрац, набитый шерстью местных баранов, положил руки под голову и уставился в потолок.

В голове он прокручивал предстоящий бой, вспоминая тактики, стратегии и секретные приемы, что не один раз приносили ему победу. Бард не заметил, как сон предательски подступил к его возбужденному сознанию и сомкнул отяжелевшие веки, уводя мысли куда-то далеко-далеко в царство снов...

* * *

— Вставайте! Завтрак готов! — послышался резкий пронзительный голос. Олби, Бард и солдаты, хорошо отдохнувшие и полные сил, были рады услышать утром такие прекрасные слова. На завтрак было предложено внушительное количество продолговатых овощей зеленого цвета, растущих только в их горной местности. Внутри овощ имел желтогорячий цвет, сочный, с кисловатым вкусом, он пришелся по нраву всем без исключения.

— Дядя, когда ты успел нарезать плоды колнучего Калуса? — спросил Бард, уплетая мякоть овоща за две щеки.

— В моем возрасте сон не так крепок, как раньше, я очень мало сплю, поэтому я много чего успеваю сделать, — махнув рукой, ответил он. — Я также нарезал плодов нам в путь и подковал три лошади, — добавил дядя.

— Три? — переспросил Бард, поднимая бровь вверх.

— Да, три, мы поедем вместе — я, ты и вождь Олби. Ехать на выборы вождя с армией

другого клана — это не лучшая идея, — помотал головой Орни.

Бард посмотрел на вождя Олби, ожидая его реакции.

— Я с ним согласен, — спокойно ответил тот на вопросительный взгляд Барда, продолжая кушать желтую мякоть.

— Ваши люди могут остаться у меня, пока мы не вернемся, — вежливо предложил Орни.

— Очень любезно с вашей стороны, мы примем предложение, — согласился вождь, улавливая легкую радость на лицах солдат.

После завтрака, собравшись и выйдя на улицу, их уже ждали три лошади с походными рюкзаками, полными провизии, подкованные, напоенные, с вычесанными гривами.

— Сколько же ты спал? — с легкой улыбкой спросил Бард, осматривая лошадей.

— Достаточно, — подмигнул дядя, вскакивая в седло.

— Поедем через Аглиум? — уточнил у него Бард.

— Нет, поедем через Храбриус, — ответил тот.

— Через Храбриус дорога длиннее, зачем нам усложнять путь? — фыркнул Бард.

— Дорога длиннее, однако безопаснее, и глава поселения — мой старый товарищ, мы сможем безопасно проехать, — и сразу же добавил, не давая возразить Барду: — Ты забыл о банде Дикого Маврида? Сейчас они с новым размахом стали делать свои грязные дела, грабить и убивать на дорогах, последние два нападения были как раз возле поселения Аглиум.

— Тогда лучше не рисковать, поедем через Храбриус, — согласился Бард.

Путь оказался таким же однообразным. Горная местность не радовала красками или пейзажами — повсюду горы, небольшие придорожные деревца, больше похожие на кустарники. Иногда встречалась реденькая колючая трава, растущая вдали от дороги. До полудня они проехали Лапрос, а ближе к вечеру пересекли Драуд. Поселения ничем особо не отличались друг от друга — те же загоны скота и тренировочные площадки на окраинах.

К глубокой ночи группа добралась до поселения Эфрэш, от которого полдня пути в Храбриус, а оттуда так же до Горнора.

— Мы заночуем здесь, — утвердительно сказал дядя Орни.

— Где? — коротко спросил Бард и посмотрел на темную пелену, укрывающую небо.

— У меня есть должник, который с удовольствием примет нас.

«У него везде должники, иногда это бывает полезно», — отметил про себя Бард.

И правда, должник дяди оказался весьма приветливым мужчиной, приняв их как важных гостей, щедро угощал запасами еды, наливал настойку из колючей травы, что по вкусу напоминала болотную воду. Уложил в свою постель, а сам лег на полу. Лошади также почувствовали себя важными персонами, их накормили, напоили, вымыли и отвели в стойло. Несмотря на ночь на дворе, мужчина не лег спать, пока не сделал все, по его словам, для дорогих гостей.

С первыми проблесками лучиков солнца отряд, поблагодарив приветливого хозяина дома, отправился в путь. Дорога к Храбриусу была началом самого тяжелого отрезка пути. Скалистая местность с мелким гравием под ногами не давала лошадям нормально идти. Дорога тянулась вверх, на подъем терялось много сил. Дышать становится все сложнее. По обе стороны дороги находились мелкие скалы в рост человека, создавая иллюзию движения по коридору. Впереди замаячили маленькие деревянные домишки поселения Храбриус. Оставалось еще несколько часов езды.

— Там впереди кто-то есть! — окликнул Орни, показывая рукой вперед.

Олби и Бард пришпорили коней и те помчались вскачь. Гравий летел из-под копыт лошадей, оставляя след пыли за собой. Приблизившись, троица, спрыгнув с лошадей, подбежала к лежащему телу на земле. Платье серого цвета до щиколоток и длинные темные волосы дали понять — это женщина, лежавшая лицом вниз. Медленно согнувшись над ней, дядя Орни осторожно перевернул ее, и тут же в его горло упёрлось холодное лезвие ножа.

— Не шевелись, — прошипела молодая кареглазая девчонка.

Олби и Бард схватились за оружие.

— Я бы не стал этого делать, — послышался грубый бас позади них и что-то твердое, похожее на меч, уперлось в спины путников.

Женщина стала подниматься, не отводя нож от горла Орни. Тот, подняв руки, также встал на ноги. Женщина свободной рукой скинула старое платье и оказалась в сетчатой кольчуге, боевых сапогах с двойной подошвой и штанах, поднятых выше колена.

— Меня зовут Маврид, — пробасил мужчина высокого роста с волосами, заплетенными во множество косичек, показавшийся из-за огромного камня с правой стороны улицы. —

И сейчас вы отдадите мне все, что у вас есть, а я подумаю, какие конечности останутся при вас.

Закончив, он стал рассматривать путников. Дядя Орни скривил лицо и плюнул на землю, когда тот посмотрел на него.

— Вижу, ты слышал обо мне, старик, — Маврид схватил его правой рукой за подбородок.

— Вождю давно нужно было с тобой покончить, — вырвав подбородок, сказал Орни и сжал кулаки.

— Вождю нет дела до меня и до нескольких неважных людишек на моем пути, — с ухмылкой ответил на это Маврид.

— Скоро вождь сменится, а с ним и порядки, — фыркнул дядя, посмотрев на Барда.

Маврид уловил, кому направлялся взгляд, подошел к Барду и окинул его взглядом.

— Ты хочешь стать вождем? — насмешливо спросил он. — Или я неправильно истолковал старика?

— Неправильно, мы обычные жители, едем посмотреть на выборы вождя, у нас нет ничего ценного, — ответил Бард, глядя в голубые глаза Маврида.

— А это уже я буду решать, есть ценное или нет! — взревел разбойник, выхватив походной рюкзак, висевший на лошади. — Посмотрим, что у нас здесь, — он перевернул рюкзак и стал вытряхивать содержимое, что есть силы, на землю. Когда в рюкзаке уже ничего не осталось, Маврид поворошил содержимое ногой, однако ничего ценного не нашел. Он досадливо сморщился и бросился к другому рюкзаку. И там не оказалось ничего ценного. После этого глаза Маврида налились кровью, он вытянул меч и уже готов был разрубить пополам пленников, однако в последний момент остановился. — Продадим их в рабство, — полусшепотом, прищутив глаза, прошипел он. — За этих двух можно хорошие вещи выменять, да и за старика что-то дадут. Свяжите их!

— Я вождь клана Отшельников, Олби Туртс! — выпрямившись во весь рост, вытянув подбородок вперед, твердым голосом произнес Олби, посмотрев прямо в глаза Маврида.

— У Отшельников нет вождя! — тот одним прыжком сблизился с ним нос к носу.

— Если я не вернусь через два дня, тысячи воинов будут меня искать, — не отводя взгляда, старался более ровным голосом ответить Олби.

Маврид ударил головой в нос вождя, тот от неожиданности упал, липкая теплая кровь залила его лицо.

— Никто не смеет врать Мавриду, а тем более пугать! — сцепив зубы и раздув ноздри, он завел меч над головой и уже хотел разрубить лежащего противника пополам.

— У Отшельников есть вождь, — тихо шепнул один из подручных, с узкими глазами и широким носом.

— Ты откуда знаешь? — не опуская меч, гневно крикнул Маврид.

— Лун пять-шесть назад ходили слухи, что Отшельники обзавелись вождем, — ответил вполтона мужчина, не глядя главарю в глаза. — И это еще не все, говорили, что они выменяли у Горного клана столько железной руды, что можно снабдить оружием и броней тысячи солдат, — закончил тот.

Маврид опустил медленно меч, почесал густую темную, торчащую в разные стороны бороду, думая, что с ними делать.

— Убьем их, да и дело с концом, никто не узнает, — звонко, с ехидным оттенком в голосе сказала молодая девушка, прижав нож к горлу Орни так, что капельки крови потекли по блестящему лезвию и дошли до рукояти.

— Может, он говорит правду и через три дня здесь будут Отшельники, нас не так много, как раньше, для противостояния целой армии, — тихо возразил узкоглазый.

— А ты что думаешь? — Маврид вопросительно кивнул мужчине, на вид старше их всех, до этого молчащего и не выказывающего эмоций.

— Мое мнение таково: если мы убьем вождя другого клана на землях Горных кланов, вождь Гонор откроет на нас охоту и уже не остановится, пока не истребит всех, — заключил мужчина, отводя меч от спины Барда.

— Решено! Вождя, или кто он там, оставляем в живых, а старика и большого отдадим в рабство, — потирая руки, сказал главарь банды.

Бард, почувствовав, что острие меча больше не упирается в его спину, резко присел, выхватывая нож из сапога и, крутнувшись в бёдрах, с разворота всадил его по самую рукоять в бедро разбойнику. Тот закричал, упал на колени и выпустил меч из рук. Хоблауд вытянув нож из бедра, всадил его в глаз противника. Дядя Орни, воспользовавшись тем, что разбойница отвлеклась, схватил лезвие возле горла голой рукой, сжал его и отвел от себя. Девушка зашипела, оскалив зубы, выдернула нож, оставив глубокую рану на ладони дяди. Он отскочил к коню, выхватив молот, висевший у седла. В это время Маврид, увидев, что его подельник истекает кровью, заорал, занеся меч над головой, и бросился на Барда, однако Олби, лежавший перед ним, что есть силы, ударил его по ногам. Тот рухнул на землю, не удержав меч в руке. Девушка шипела и рычала, пуская слюну сквозь зубы. Дядя Орни стоял с молотом в руках, не спуская с нее глаз, ожидая нападения, сердце бешено билось, адреналин зашкаливал. Давно у него не было таких ощущений. Вождь быстро вскочил на ноги и, подбежав к мечу, схватил его и развернулся, однако главарь банды в тот момент уже поднялся и вытянул запасной нож, стоя у него за спиной. Одним ловким движением бандит всадил острое лезвие короткого ножа ему в живот. Олби кашлянул кровью прямо в лицо противнику, тот, оскалив зубы, провернул нож и резко вытянул. Олби упал, рана кровоточила, он кашлял, а тело тряслось. Бард застыл на несколько секунд, глядя на умирающего Олби, глаза округлились, сердце билось прерывисто. Эти несколько секунд дали Мавриду время поднять меч и броситься в атаку на Хоблауда, желая раскроить ему череп. Бард успел вытянуть меч и парировать удар. Он наносил удар за ударом, Бард

мастерски отражал их, однако потерял много сил. Хоблауд собрался с духом, размахнулся, ударил наискось мечом, рассекая воздух. Однако соперник ловко уклонился, на лице его появилась нахальная улыбочка. Теперь он нанес очередной удар, блестящее лезвие пронеслось в миллиметрах от лица Барда, заставив его сердце содрогнуться. Хоблауд молниеносно рванул вперед навстречу противнику, их мечи скрестились. Искры золотыми кольцами брызнули во все стороны от столкновения накалившихся клинков. Бард вспомнил один трюк из боевой техники на мечах. Удар ногой в грудь — и Маврид скорчился от боли, закричав, упал на колени. Бард еще раз нанес удар —

в этот раз сапог воткнулся в зубы, кровь брызнула изо рта и он свалился на землю.

— Никому не победить Маврида! — прорычал тот лежа на земле, тяжело дыша, сгустки крови вылетали с того места, где секунду назад торчали желтоватые зубы. Бард стал над ним, последний раз окинул взглядом и вонзил меч в сердце противника.

Тем временем дядя Орни победил соперницу, стоя над обмякшим телом, он вытирал кровь на щеке, сочившуюся из пореза. Орни и Бард одновременно подбежали к чуть живому Олби. Нагнувшись над ним, дядя проверил дыхание.

— Он еще дышит, сердцебиение очень слабое, думаю, это его последние минуты, — опустив глаза вниз, заключил тихим голосом дядя.

У Барда поднялись брови, он вспомнил о цветке. Вытянув два чудодейственных цветка, держа в руке, посмотрел на них и на умирающего Орни. «Что же делать, если я спасу Орни, тогда мне не победить на турнире», — эта мысль посетила его все лишь на секунду, Бард сразу отбросил ее и стал растирать красный цветок в ладонях.

— Что ты делаешь? — расширив глаза, спросил дядя.

— Нет времени объяснять, — ответил тот, еще сильнее принимаясь растирать растение. Когда цветок полностью измельчился в его больших ладонях, Бард взял немного воды из фляги, набрал ее в рот и, дунув, распылил по всей поверхности. Всю эту однородную жижу, похожую на болото, Хоблауд нанес на рану Вождя Орни.

— Теперь ждем, — тихо сказал он, закончив процедуру.

— Чего ждать? — удивленно поднял брови дядя.

— Пока он поправится.

— Его уже не спасти, — взяв за плечо Барда, сказал дядя.

— Ждем, — тихо, но твердо ответил Бард.

Прошло несколько часов, за это время Бард и Орни перенесли тела бандитов и засыпали их камнями. Лошадей отпустили, а оружие и ценные вещи забрали.

— Что случилось? — послышался тихий хрипящий прерывистый голос.

— Лежи, тебя ранили, однако ты выжил, — не давая ему вставать, ответил Бард.

Олби провел рукой там, где еще несколько часов назад была рана, боль исчезла, а рана полностью затянулась.

— Ты использовал цветок? — тихо прохрипел он.

— Да.

— А как же поединок?

— Для победы мне не нужен никакой цветок, — ответил Бард, подняв глаза вверх, явно о чем-то задумавшись.

— Ты жив, — подняв высоко брови, с радостной улыбкой сказал дядя, вернувшись из-за большого камня.

— Ты мне должен все рассказать, — кинул взгляд на Барда дядя Орни. Хоблауд сразу

понял, о чем хотел узнать дядя.

— Я в порядке, можно продолжать путь, — вставая на ноги, сказал Вождь.

Отряд обогнул поселение Храбриус и вышел к горе, на которой находилось поселение вождей Горнор, — это самая высокая точка во всех землях Бейленос. Чем выше отряд поднимался, тем более спертым и горячим становился воздух. Даже Бард и Орни, привыкшие к горному воздуху, ближе к вершине тяжело задышали и стали жадно глотать кислород. Поднявшись на гору, путники увидели раскинувшееся перед ними поселение Горнор, ничем не отличавшееся от остальных, за исключением отсутствия скота.

— Нужно поговорить с вождем Горнором, — сказал Орни, бросая взгляд на попутчиков.

— Сначала я должен найти свою жену и детей! — нахмутив брови, сказал Бард.

— Я понимаю твоё состояние. Но не поддавайся эмоциям, — остановил его дядя Орни, строго взглянув в глаза, держа за плечо.

— Я не могу ничего не делать, зная, что моя жена и дети здесь! — не успокаивался Хоблауд, делая попытки пойти вперед.

— Сначала ты должен поговорить с вождем, объяснить ему свою ситуацию, чтобы он разрешил тебе принять участие в турнире. Только тогда у тебя будет шанс убить Марло. Без этого все бессмысленно, так что давай действовать постепенно, — продолжал говорить Орни, взывая к голосу разума Барда.

Хоблауд оставил попытки освободиться, явно проанализировав сказанное дядей.

— Если ты убьешь Марло сейчас, — продолжал убеждать его Орни и, заметив, что доля сомнений проскользнула в глазах у Барда, решил применить более серьезные аргументы, — это расценится как убийство, а не поединок. Тебя казнят в соответствии с нашими законами. И чего ты добьешься? Неужели ради этого ты излечился, проделал такой длинный путь? Твоя семья вновь останется без тебя!

— Ты прав, дядя! — согласился тот, виновато опустив голову, осознавая недопустимость своих импульсивных поступков. — Я так рад, что ты рядом и можешь уберечь меня от необдуманных действий. Спасибо тебе за это!

Орни кивнул, обрадованный взвешенному решению.

— Едем к вождю? — твердо сказал Бард, возвращаясь к лошади.

— Не торопись, так просто нас к нему не пустят. Да еще и перед завтрашним турниром, — потирая бороду, сказал Орни.

— А вождя клана Отшельников к нему пустят? — поинтересовался Олби.

— Это интересное предложение, может сработать. Вождю другого клана он не может отказать, — ответил дядя Орни, загоревшись неожиданной мыслью.

— Едем к нему сейчас? — нетерпеливо сказал Бард и двинулся вперед.

Спустя некоторое время впереди показался большой дом из красивого редкого белого дерева. Дверь широкая увесистая с узорами, шириной в два человека. К дому вела единственная дорожка, уложенная разноцветными камнями, что, переливаясь, блестели на солнце, напоминая отблеск драгоценных камней.

— Оставьте лошадей здесь, дальше пойдем пешком, — сказал дядя Орни, спешиваясь и беря лошадь за поводья.

Олби Туртс, Бард Хоблауд и дядя Орни втроем пошли в сторону парадной двери дома вождя Горнора. Навстречу к ним направлялась стража, явно недовольная появлению незваных гостей.

— Вы кто такие? С чем пожаловали? — грозно спросил один из стражников, сжимая в

руках огромный топор, который поблескивал только что наточенным отполированным лезвием и переливался в свете камней. Это придавало ему еще более устрашающий, но одновременно с тем загадочный волшебный вид.

— Я вождь клана Отшельников — Олби Туртс, хочу аудиенции с вождем Горнором, — спокойно и уверенно ответил Олби, краем глаза косясь на обнаженное оружие.

— Сегодня это в любом случае невозможно. Завтра состоится турнир, в котором наш вождь будет принимать участие. Он занят подготовкой и никого не примет, — продолжал стоять на своем стражник.

— Мы как раз на эту тему и пришли поговорить с ним. У меня есть важная информация, которая может повлиять на исход турнира, — продолжал говорить Олби, сохраняя невозмутимый решительный вид. И только уголки его губ предательски поползли вниз, говоря о его едва скрываемой победоносной улыбке, а в глазах заплясали озорные огоньки.

— Что могут знать Отшельники о священном турнире? — на повышенных тонах воскликнул изумленный стражник, скорчив оскорбленное выражение лица и всем своим видом демонстрируя презрение к непризнанному вождю.

Олби не успел ничего ответить. Из-за всего этого шума, поднявшегося у входа в дом, на улицу вышел вождь Горнор, мужчина лет пятидесяти, практически нагой, в одной лишь ночной рубашке. На его теле без труда можно было разглядеть множество шрамов, полученных, по всей видимости, в многочисленных сражениях. Один виднелся прямо под левым глазом, образуя причудливый полумесяц.

— Что за шум? — прогремел басом голос вождя.

— Да вот... — небрежно начал стражник, — нездешние люди добиваются вашей аудиенции.

— Кто вы такие? — спросил вождь, скорчив недовольную гримасу.

— Меня зовут Олби Туртс, я вождь клана Отшельников и хочу с Вами поговорить, — спокойно обратился Туртс, глядя прямо в глаз вождя Горнора.

— Что ж, если это действительно что-то важное, приходи через два дня. Завтра у меня важные дела, так что сейчас я не могу уделить тебе время, — сказал вождь и собирался уже закрывать дверь.

— Подождите! Это касается турнира.

— Турнира? — разворачиваясь к ним, озадаченно переспросил Горнор.

— Да, — интригуяще повторил Олби, выдерживая непродолжительную паузу. — Если вы хотите, чтобы турнир прошел с соблюдением справедливости и честных, веками выстроенных правил, вы должны нас выслушать! — продолжал настаивать Олби, минуя охранников и пробираясь ближе к вождю.

— Если речь о турнире, тогда проходите, — устало вздохнув, согласился вождь.

Отряд поспешил воспользоваться приглашением, пока Горнор не передумал. Оказавшись внутри, первое, что бросилось в глаза — это огромное количество разного оружия, висящего на стенах — кинжалы, ножи, сабли, мечи, молоты и топоры. Стол, и стулья, и шкафы, и настенные полки — все сделано из того же белого дерева.

— Рассказывайте, зачем пришли, — грозным голосом сказал вождь, призывая гостей сесть на большой угловой диван с мягкой, молочно-белой обивкой.

— Меня зовут Бард Хоблауд, причина, по которой мы здесь, это я, — выровнявшись во весь рост, начал первым говорить он.

— Я внимательно слушаю, — окинул его пристальным взглядом вождь Горнор.

Бард вкратце рассказал историю своей жизни. И о цели появления в поселении накануне турнира. Вождь не сводил с рассказчика глаз, сканируя его взглядом.

— Этот турнир существует еще со времен первых жителей Горного клана. Традиция гласит, что главы поселений должны сразиться в честном бою. Ты больше не являешься главой поселения. Однако я тебе дам шанс сразиться с Марло на арене вождей. Если победишь, то станешь главой поселения и, следовательно, сможешь принять участие в турнире.

— Это справедливое и честное решение, — согласился с ним Бард.

— А сейчас мне нужно отдыхать, чего и вам желаю, стражники проводят вас в дом для гостей, — Горнор кинул резкий взгляд на Олби. — Извините за неподобающий прием, после турнира вас примут, как полагается для вождя, — мягким голосом сказал Горнор.

«Если ты после турнира еще останешься вождем», — подумал Олби, однако ничего не сказал, только поклонился в ответ.

Стража провела спутников в большой старый дом, находившийся недалеко от дома вождя.

* * *

Рано утром Барда разбудил стук в дверь и он вскочил на ноги. Не до конца проснувшись, он подошел к двери, протирая глаза и стараясь открыть тяжелые веки.

С поворотом ручки дверь скрипнула и распахнулась. Перед ним предстали две красивые молодые девушки с деревянными подносами.

— Вождю клана Отшельников от вождя Горного клана, — торжественным голосом произнесла кареглазая девушка. Дядя Орни и Олби Туртс проснулись от шума. Бард хотел помочь хрупким девушкам с тяжелыми подносами.

— Мы сами, — остановила одна из них Хоблауда. Девушки зашли в дом, аккуратно придерживая подносы с различными блюдами, и направились к столу. За несколько минут стол красиво украшен ароматными яствами. Бард во время завтрака то и дело нервно поглаживал на дверь.

Сытно отзавтракав, дядя поглаживал живот, прикрыв глаза, и легко улыбался. Вскоре дверь распахнулась и в нее вошли все те же стражники.

— Следуйте за нами, мы проведем вас к арене, — сказал один из стражников.

Дорога оказалась недолгой. Прошло всего несколько часов прежде, чем они добрались до самой вершины горы, на которой и будет проходить турнир. Бард, Олби и Орни со стражниками шли в толпе по направлению к арене. Многие представители Горного клана сегодня покинули жилища, дабы лично увидеть, кто сегодня станет новым вождем.

Вершина была плоской и по размерам вполне сопоставимой со средним городком Империи. Арена находилась в самом центре. Из других построек тут располагалось лишь несколько домиков, один из которых принадлежал торговцу, чья лавка стояла у входа на арену. Входа два: один большой для зрителей и на противоположной стороне маленький — для распорядителя соревнований, а также участников и тех, кто их сопровождает. Стражники довели Барда и его помощников до второго, а затем ушли в направлении домов.

Войдя в помещение, построенное под ареной, Бард тут же встретился глазами с Марло, который сидел на лавке у дальней стены с двумя своими сотоварищами. Враги смотрели друг на друга несколько секунд, чувствовалось, как в помещении растет напряжение.

Первым нарушил Молчание Марло. Он ухмыльнулся и небрежно бросил:

— Подумать только, ты еще не отправился на тот свет. Видать, хотел перед смертью

поинтересоваться у меня, хорошо ли твоя бывшая жена исполняет свои супружеские обязанности? Как ее новый муж, могу ответить: да, очень хорошо. У нее великолепное тело и она старается изо всех сил ради здоровья и жизни твоих детей, — Сказав это, Марло отбросил назад свои длинные черные волосы, дернув головой, и расхохотался.

Хоблауд бросился было в сторону наглеца, но тут же был облеплен со всех сторон стражниками, коих в помещении было не менее десятка.

— Соблюдайте порядок! — раздался громогласный голос, настолько мощный, что его, наверное, можно было слышать даже у подножия горы. Эти слова принадлежали распорядителю турнира Фрексону Уджу. — Если вы нападете на противника до начала боев, то будете с позором выгнаны с турнира!

Бард, до этого все еще пытавшийся вырваться из рук стражников, успокоился, услышав Уджу.

— Приветствую тебя, Фрексон! — сказал Хоблауд, тяжело дыша. — Ты слышал, что говорит этот недостойный человек?

— Здравствуй, Бард! Слова меня не интересуют. По правилам поединок должен состояться на арене перед зрителями, а не здесь, — наставительно ответил Удж. — Лучше побереги силы для боя.

Стражники отпустили Хоблауда и тот, в сопровождении Олби и Орни, отошел к дальней стене помещения. Марло проводил их насмешливым взглядом.

— Марло Кодвинг! — сказал распорядитель, повернувшись к длинноволосому наглецу. — Отправляйся в комнату подготовки. Скоро состоится твой бой с Бардом. До тех пор вам лучше не видеться.

Марло встал со скамьи и вместе с двумя помощниками вслед за стражником вышел в дверь, ведущую вглубь подсобных помещений арены.

Спустя несколько минут такое же указание получила команда Хоблауда. За дверью находился длинный закругляющийся коридор, справа и слева которого находились входы в комнаты. Коридор проходил по всей окружности арены, и помимо дверей в помещения для подготовки в нем в разных точках было более десяти выходов на арену — специально для участников. Стражник довел товарищей до одной из комнат и пригласил их жестом внутрь. Когда они вошли, дверь сзади закрылась. Комната была довольно просторной, больше чем средний дом в поселении. В ней стояли стол, несколько стульев, бадья с водой и чучело, видимо, на случай, если участнику турнира захочется потренироваться перед боем.

— Как ты себя чувствуешь? — нервно зашептал дядя Мириады, смотря на трясущегося от гнева Барда. — Тебе нужно успокоиться и привести тело и дух в порядок, ты долго не тренировался, не трать зря драгоценную энергию».

— Со мной все в порядке, — уверенно ответил Бард. — После лекарства Барнса я чувствую себя так, словно вовсе не болел. А что до отсутствия тренировок, так я хорошо знаю тактику моего противника. В детстве мы много тренировались вместе. Я без особого труда победил его один раз и смогу победить снова, даже если это будет сложнее.

Орни вздохнул и сел на стул. Олби вытащил из ножен Хоблауда меч, которым тот должен сражаться, сел на другой стул и принялся затачивать клинок. Спустя какое-то время дверь в комнату открылась. На пороге стоял стражник.

— Бард Хоблауд! Пришло время сразиться на арене! Твои помощники могут пройти с тобой.

Стражник отвел команду к ближайшему выходу на арену. Вместо каменной стены тут

были стальные прутья и решетчатые ворота. Зрители на трибунах неистово кричали, предвкушая славное зрелище. Стражник распахнул решетчатые ворота, выпустил Хоблауда и тут же закрыл их.

Ступив на каменистую почву, воин обвел взглядом трибуны и поднял меч вверх. Зрители ответили ему восторженным ревом, — многие из них были из поселения Синдор. Затем Бард посмотрел вдаль, на противоположный край арены. Оттуда вышел его враг. Тот тоже поднял вверх меч и получил свою порцию возгласов поддержки, но среди них вполне были различимы неодобрительные «Фу-у-у-у!», ведь слух о подлостях Марло уже успел обойти поселения Горного Клана. Далеко не все поверили в эту историю, но репутация Кодвинга все же подпортилась.

Прогремели звуки сотни походных труб. Это стражники дали знак зрителям, что сейчас будет говорить распорядитель. Шум на трибунах тут же прекратился.

Фрексон вышел на центральную ложу, находившуюся чуть выше остальных зрительских мест. Рядом с ним находились несколько лучших воинов стражи.

— Жители горных поселений! — прокричал он, и его громоподобный голос отчетливо слышен каждому. — Сейчас воины Бард Хоблауд и Марло Кодвинг сразятся за право участия в сегодняшнем турнире! Победитель получит шанс стать вождем всего нашего клана! Да будет бо-о-о-о-ой!!! — протяжно прогремел распорядитель последнее слово и зрители закричали вслед за ним: «Бо-о-о-о-ой! Бой! Бой! Бой!!!».

Под эти ритмичные возгласы Хоблауд медленно пошел в сторону противника. Тот двинулся к нему. Постепенно сближаясь, они ускоряли шаг. Когда оставалось полсотни шагов, бойцы побежали навстречу друг другу. Спустя несколько мгновений их разделяло расстояние, не превышающее длины трех мечей, при этом оба они находились на площадке из цельного камня. Марло с разбега прыгнул вперед, выставив клинок перед собой,

и вытянулся в воздухе, став подобным огромному копью, летящему в цель. Он рассчитал все так, что у Барда, который помедлил с прыжком, казалось, не было ни малейшего шанса.

Но Хоблауд выжидал не зря. Увидев на бегу рывок Кодвинга, он сразу же совершил прыжок вправо, одновременно резко обхватив меч двумя руками острием вниз, и ударив им в каменную площадку слева от себя, тем самым придавая телу дополнительное ускорение и отыгрывая назад потерянные ранее доли секунды.

В полете Бард развернул корпус так, что устремленный в него меч Марло стал проходить мимо вместе со своим обладателем. Продолжая пролетать мимо тела врага, он резко поднял свой клинок, которым только что отталкивался от площадки, замахнулся и ударил им сверху вниз по спине Кодвинга, рассекая его плоть и хребет надвое. Брызнувшая кровь окропила его лицо и грудь. Приземлившись на стопы, Хоблауд еще несколько шагов скользил по гладкой поверхности камня. Сквозь рев публики он расслышал душераздирающий вопль позади себя. Развернувшись, воин медленно пошел в сторону разрубленного надвое тела. Обезумев от боли, Марло ничего не мог говорить. Он лишь верещал и вопил, лежа в пыли, которая быстро смешивалась с кровью и превращалась в грязь. Половинки его тела оставались соединенными несколькими лоскутами плоти, но нижняя часть лежала животом вниз, в то время как верхняя барахталась на спине, что делало зрелище еще более ужасающим. Но зрители хохотали от радости, ведь они обожали подобные представления. Ценность человеческой жизни для местных жителей была невысока, особенно если она принадлежала тому, кто потерпел поражение в честном поединке. Неспешно Бард подошел к кричащему от мук противнику, занес над ним клинок и

воткнул острием прямо в глаз, проколов череп насквозь. Марло захрипел, дернулся еще несколько раз и замер. Зрители вскочили с мест, воздев руки к небу, радостно крича. Хоблауд рукой провел по лицу, пытаясь стереть кровь поверженного предателя, стекающую с бровей, щек и подбородка тягучими каплями. Поднял меч в ответ на поздравления толпы, осмотрел трибуны и спокойно пошел к выходу с арены, задумчиво глядя прямо перед собой на распахнутые стражником ворота. Он чувствовал, что вместе с Марло как будто бы убил и частичку живого в себе.

Олби и Орни встретили Хоблауда бурными поздравлениями. В сопровождении стражника втроем они пошли по коридору обратно в комнату подготовки. Там воин смыл с себя кровь и пыль, а затем присел за стол.

— Не думал, что ты в такой хорошей форме, — произнес дядя Мириады. — Но теперь тебе предстоит сразиться в финальном поединке. В нем примут участие сразу все главы поселений и нынешний вождь клана Горнор, а он, как известно, очень искусный воин.

— Нет, это не я в хорошей форме, — произнес задумчиво Бард. — Это Марло был в плохой.

Олби удивленно посмотрел на воина и сказал:

— Похоже, ты не очень-то рад победе. В чем дело? Ведь ты победил своего злейшего врага!

— Мы с детства были лучшими друзьями. То, как он поступил потом, показало, что Кодвинг не был мне настоящим другом. Но приятные воспоминания из детства никуда не делись, — опустив глаза, он подумал про себя: «Я сделал то, что хотел, то, что было нужно, а сейчас мне предстоит сразиться с лучшими воинами клана. Пыльца бы мне тут не помешала».

— Ты хороший боец, у тебя хватит навыков для победы, — словно прочитав его мысли, сказал Олби.

После все в комнате сидели молча, уйдя каждый в свои мысли. Через время дверь открылась, вошел все тот же стражник, команда пошла по коридору к тому же выходу.

Выйдя за решетчатые ворота, Бард стал в боевую стойку, схватив меч обеими руками.

С десятка других выходов в других секторах стояли остальные претенденты на титул вождя клана, на расстоянии примерно сотни шагов друг от друга. С трибун разносился истеричный рев зрителей. Воин окинул взглядом остальных противников, но взгляд его задержался только на одном из них — Горноре. Этот огромный широкоплечий человек, вооруженный боевым топором, ростом был на несколько голов выше каждого из других участников. Казалось, ни у кого нет против него шансов.

Походные горны затрубили, толпа лишь немного притихла, унять ее полностью невозможно в предвкушении восхитительного кровавого зрелища.

— Сейчас все бойцы сразятся в решающем поединке, — грянул громом голос распорядителя. — Вождем станет сильнейший! Да будет бо-о-о-ой!!!

Зрители тут же стали ритмично повторять: «Бой! Бой! Бой! Бой!».

Бард спокойно пошел вперед и тут же заметил то, что его позабавило: воины старались подальше отойти от Горнора и дрались между собой, не вступая с ним в поединок. Таким образом, у тех, кто дальше от него, появилось тактическое преимущество, они оборонялись, а те, кто находился ближе к Горнору, вынуждены нападать, ощущая опасность с тыла и пытаясь выбрать себе более удобную позицию по отношению к нынешнему вождю. Тот, ухмыляясь, медленно шел в направлении ближайшей потасовки, взвешивая в одной руке

громадный топор. Хоблауд решил не лезть в драку с другими участниками, если те сами на него не нападут. Он двигался в сторону Горнора, как главного соперника. Иногда на Барда нападали с разных сторон, но он даже не поворачивался в их сторону. Он уворачивался от атак, не глядя на противников, и наносил мощные и точные контрудары, стараясь прежде всего нанести ранение, которое не позволит бойцу продолжать схватку, но не лишит его жизни.

Горнор безжалостно снес головы нескольким претендентам и заметил идущего к нему Хоблауда.

— Ты хороший воин, Бард! — сипло пробасил он и пошел в его сторону. — Но сегодня твой жизненный путь прекратится. После турнира я помолюсь Баритону, дабы он принял тебя в свое царство, — жуткое лицо вождя, пересеченное наискось широким белым шрамом, исказилось в подобии дружелюбной улыбки. Когда между ними осталось около десяти шагов, Горнор с резвостью, которой никак нельзя было ожидать от такого гиганта, прыгнул вперед с занесенным топором, собираясь раскроить голову Хоблауда. Он летел стремительно и неумолимо, словно оторвавшаяся от скалы глыба. Но благодаря реакции Бард видел его так, словно замедлил время в несколько раз. Он сделал быстрый шаг в сторону, и противник пролетел мимо, приземлившись в нескольких шагах позади него и сразу начал вставать, пытаясь обернуться в сторону возможной угрозы. Хоблауд развернулся быстрее, подскочил ближе и со спины несколько раз прочертил мечом по ногам Горнора. Первыми ударами он точно отсекал стальные вставки на массивных боевых сапогах соперника, а вторыми разрубил сухожилия на его ногах, лишив возможности двигаться или стоять. Горнор стал падать назад, будучи не в состоянии далее удерживать вес собственного тела.

В тот же миг Бард ощутил легкое жжение в затылке. Его обострившееся восприятие окружающей обстановки подсказало, что в двух шагах позади находится единственный воин, сумевший устоять на ногах в мясорубке между остальными участниками турнира и прибежавший, дабы убить Горнора и Хоблауда, пока те отвлечены своей дуэлью. Бард, не оборачиваясь, сменил хват рукояти меча так, чтобы клинок был направлен вниз, и скользнул спиной назад, одновременно совершая колющий удар вслепую.

Клинок воткнулся в плоть бойца, который по инерции сделал еще один шаг, из-за чего меч прошел через все его тело и вышел из спины. Резким движением Хоблауд выдернул клинок, встал и пошел к Горнору. Тот, полулежа у стены, держал перед собой топор.

— Клянусь Горой, — прошипел раненый воин, — я еще не видел, чтобы кто-то сражался так же ловко, как ты.

— Сдавайся, — попросил Бард, остановившись в нескольких шагах от него. — Мне не нужна твоя смерть.

Горнор злобно рассмеялся.

— Сдаться?! Чтобы я, вождь Горного Клана, сдался? На такой позор в наших краях не согласился бы даже конюх!

— Это не позор. Грядет большая война. Нам важна жизнь каждого воина. И такой искусный боец, как ты, может совершить на этой войне немало подвигов во имя Горного Клана.

— Что еще за война? — спросил Горнор, тяжело дыша. — Хотя, черт возьми, какой из меня теперь воин?! Ты лишил меня возможности ходить! Я калека! — зарычал он и внезапно метнул свой огромный топор в Барда.

Тот невозмутимо отклонил голову в сторону, не двинувшись с места. Лезвие топора оцарапало ему ухо. Люди на трибунах неожиданно затихли. Всем было интересно, о чем говорят эти двое.

— Ты безоружен. Если думаешь, что сдаться — это позор, то не лучше ли смыть этот позор кровью врагов? Неужели тебе хочется умереть здесь, на арене, безо всякой пользы, вместо того, дабы помочь клану? А насчет ног не беспокойся. У моих новых товарищей есть зелье, которое может вылечить от любых болезней и травм.

— Что еще за сказки? — буркнул Горнор. — Не бывает таких зелий. И что за новые товарищи?

— Я все тебе расскажу, клянусь Горой! — положив руку на сердце, крикнул Хоблауд так громко, чтобы его мог слышать каждый зритель. — И если я сойду, то пусть меня казнят на этой арене, на потеху всему клану! Нам нельзя терять времени. Сейчас на арене от ран умирают наши лучшие воины. Многих из них еще можно спасти с помощью целебного зелья. Неужели вы, — Бард развернулся к трибунам и повысил голос, — хотите, чтобы перед войной мы так глупо лишились ценных бойцов?! Ну же, ответьте мне, жители Горного Клана!

Тысячи голосов закричали: «He-e-ет!».

— Видишь, — сказал спокойно Хоблауд, — никто не посчитает это позором. А если уж ты так хочешь умереть, то сделай это в бою, забрав с собой как можно больше врагов, дабы наши потомки слагали легенды о твоём мужестве.

Бывший вождь опустил глаза. Он не хотел жить после поражения, но видя, что все еще нужен клану живым, вынужден был согласиться.

— Хорошо, — пробурчал он, — пусть будет по-твоему.

Зрители радостно закричали, предвкушая славную войну. Все покидали трибуны, спеша разнести новости по поселениям и приготовить доспехи с оружием для предстоящего похода. Никто еще не знал, что это будет за война и для чего она нужна, однако принять в ней участие под руководством нового вождя хотелось каждому зрелому жителю Горного клана. Очень уж наскучила им мирная жизнь; надоело, что ежедневные тренировки проходят впустую.

* * *

Попрощавшись с Олби Туртсом и Бардом Хоблаудом, Майорбэк Тайнс и Эдмундо Барнс отправились искать главу клана Хаоса, Зорзона. Возле некоторых пещер на стенах были закреплены лампы, это означало, что в них живут люди. Многие местные жители шарахались от чужаков, прятались. Некоторые кричали, дабы они убирались. Заговорить с кем-либо не удавалось. Дойдя до просторной площадки, от которой расходилось несколько тоннелей в разные стороны, они услышали сзади чей-то веселый голос:

— Эй, чужаки! Куда это вы так упорно спешите? Заблудиться не бойтесь?

Тут же Майорбэк почувствовал, как к его горлу приставили нож. Затем кто-то засмеялся ему в затылок. А спереди из темноты выступил лысый мужчина с длинной бородой в красивых доспехах и добротной кожаной одежде. Он выглядел намного лучше всех жителей подземелья, которых Тайнсу доводилось видеть до этого: те носили, как правило, грязные лохмотья.

— Мое имя Зорзон, — медленно, с расстановкой, представился бородач. — А вы кто?

— Я Майорбэк Тайнс, бывший главный помощник императора, а это Эдмундо Барнс, житель клана Отшельников.

Человек сзади, державший нож у горла Тайнса, присвистнул. Зорзон улыбнулся.

— Не думал, что в наши скромные места когда-нибудь занесет столь важную птицу. Извините, мы не подготовились, как следует, к вашему визиту. Полагаю, вы рассчитываете, что тут устроят пир в вашу честь?

Люди Зорзона расхохотались.

— Благодарю, но не стоит утруждаться, — натянуто улыбнулся Майорбэк. — Я не заслуживаю высоких почестей. Я пришел лишь для того, чтобы предложить вам одно дело, после которого вы сможете пировать всю жизнь. Вы хотите стать богаче самых успешных купцов Империи?

Зорзон подал рукой знак своему бойцу, и тот убрал нож от горла Тайнса.

— Продолжай, — сказал главарь клана Хаоса, сделав приглашающий жест ладонью вверх.

— Я планирую свергнуть Императора. Для этого мне нужна армия. Ваши навыки нам очень пригодятся.

— Ты предлагаешь нам рисковать жизнью ради твоих амбиций? — рассмеялся вождь. — Да уж, заманчивое предложение.

Он расхохотался и долго не мог успокоиться, а вместе с ним хихикали и ржали его подчиненные, которых, как теперь оказалось, здесь было не двое, а не менее полутора десятка. Это Тайнс понял по голосам. Дождавшись, когда Зорзон закончит смеяться, он серьезно произнес:

— Я был допущен к самым сокровенным тайнам Империи. Я знаю все или почти все о сокровищах императора и его ближайших подданных. Мне известна каждая лазейка во дворце и во многих других зданиях столицы. Вы не представляете, сколько там золота, драгоценных камней, украшений, редких диковинных игрушек и дорогостоящих предметов быта.

— Врешь! — визгливо крикнул кто-то сзади.

Зорзон нервно махнул рукой, чтобы крикнувший замолчал.

— А зачем? — сказал Майорбэк, скосив глаза назад и после просмотра прямо в переносицу Зорзону. — Есть ли смысл мне врать? Ведь вы все время будете рядом со мной.

Я хочу, дабы на время похода вы стали моей личной охраной. И вы будете знать о моих планах все. В любой момент, когда подумаете, что я вам соврал, сможете убить меня.

Глава клана Хаоса ухмыльнулся.

— Он не врет, — сказал Зорзон, глядя в глаза Тайнсу, но обращаясь к своим подчиненным. — Я тоже слышал, что к нам забрел помощник императора. Из надежного источника.

По отряду наемников пронесся вздох удивления. Глядя в глаза Зорзона, Майбэк понял, что тот готов согласиться. А это значило, что клан Хаоса присоединится к его армии.

Прошло несколько дней. Колонна повозок, конных и пеших воинов соединенных отрядов Горного клана, а также кланов Хаоса и Отшельников, двигалась в направлении Лунного рынка. Это была не вся армия, а лишь по несколько десятков лучших воинов от каждого клана и отряды снабжения. Впереди всех верхом отдельно ехала небольшая группа, состоящая из глав кланов, их ближайших помощников, а также Майорбэка, Барнса и братьев Туртс.

Был здесь и старший сын Барда Хоблауда. Его звали Одвин, было ему всего четырнадцать лет. По обычаям Горного Клана он уже мог участвовать в военном походе в

качестве помощника лекаря, коим назначили Эдмундо. Поэтому Одвин Хоблауд ехал рядом с Барнсом.

— Небесный клан ни за что к нам не присоединится, — задумчиво сказал Зорзон. — Да и Лесной тоже. Они помешаны на так называемом Тапио, покровителе лесов. Их вожде Либертон — фанатик.

— У каждого клана есть свое божество, людям нужно во что-то верить и поклоняться, — нахмурился Олби.

Зорзон рассмеялся, и два ближайших помощника, как всегда, поддержали его своим хихиканьем.

— Лесной и Небесный кланы несговорчивы. Их нельзя заинтересовать технологиями, благами цивилизации, мезтью, наживой. Они живут в своем изолированном мире, поклоняются божествам и больше им ничего не надо. Как же их заинтересовать? — задумчиво сказал Тайнс, словно высказал мысли вслух.

— Давить и пугать также бесполезно, я имел с ними дело, — зевая, промолвил Зорзон.

— Изложим наше предложение и дадим время подумать, — горячо возразил Олби. — Они вполне могут согласиться. Да, эти люди очень религиозны, во всем слушают шаманов. Но они совсем не глупы.

— Пусть они хорошенько посоветуются между собой, — сказал Хоблауд. — Дадим им время до следующего Лунного рынка.

— Впереди рынок, — послышался бодрый голос Барнса.

В трехстах шагах из-за кустов показался небольшой деревянный заборчик. За ним было видно толпу людей, лавки и повозки торговцев. Сюда свозили все, что водилось, выращивалось и изготавливалось на землях Бейленоса — от засоленного мяса и зерна до домашней утвари, рабочих инструментов, руды и прочих полезных материалов.

Группа вождей кланов состояла приблизительно из двухсот вооруженных бойцов в доспехах и нескольких повозок со снаряжением. Разумеется, ее вид сразу же привлек внимание местных жителей, пришедших на рынок как на праздник и никогда ранее не видевших столь больших групп воинов. Сначала их даже приняли за разбойников, особенно когда кто-то из торговцев узнал в одном из всадников Зорзона. Порядок на рынке поддерживало около десятка стражников из Озерного клана. Они тут же заняли позиции для обороны. Командир стражников издали закричал:

— Стойте! У нас тут несколько катапульта наготове! Если вы не остановитесь, то мы мигом разнесем половину вашего отряда.

Люди Зорзона и жители Горного клана тут же рассмеялись, но вожди приказали колонне остановиться.

Олби крикнул:

— Нет у вас никаких катапульта! Я много раз бывал на Лунном рынке и знаю, как тут все устроено. Меня зовут Олби Туртс, я глава клана Отшельников!

Командир стражников откашлялся и взялся советоваться с товарищами. Затем сказал:

— Да, тебя тут знают, Олби! Но впервые слышим, что у Отшельников появился вождь.

Торговцы из клана Отшельников, находившиеся на рынке, стали кричать: «Да, появился! Теперь у нас все по-другому. Мы стали настоящим кланом, как полагается».

Командир, послушав это, спросил:

— Так чего вам нужно?! Зачем вы пришли с оружием на Лунный рынок? Непохоже, что собрались торговать. Да еще среди вас есть Зорзон. Все знают, что он главный разбойник на

землях Бейленоса.

Зорзон удовлетворенно улыбнулся под возгласы одобрения своих бойцов. Погладив бороду, он горделиво ответил:

— Да, меня все знают. Я хорошо делаю свое дело. Но теперь у меня совсем другие занятия. Я — вождь клана Хаоса и один из полководцев армии Бейленоса!

С рынка донеслись возгласы удивления: «Что за армия?! Какая армия? О чем он?»

— Как же мне надоела эта болтовня... — раздраженно прорычал Хоблауд. А затем громко обратился к командиру стражников: — Солдат! С тобой говорит вождь Горного клана! Мы не собираемся устраивать тут бойню и бесчинства! Мы свято чтим традиции. Лунный Рынок — не место для убийств. Но нам нужно сделать важное объявление для представителей Озерного, Лесного и Небесного кланов. Мы разобьем лагерь рядом с рынком, а после придем на переговоры.

Командир внимательно выслушал слова вождя. Ему не оставалось ничего другого, кроме как согласиться.

— Да, хорошо! Ваши бойцы тоже могут посетить рынок, если пожелают. Только без лошадей и оружия.

Вожди отдали распоряжения помощникам, чтобы те сформировали лагерь, а сами вместе с Майорбэком отправились на рынок. Торговцы и покупатели, казалось, потеряли интерес к пришельцам и занимались своими рутинными делами. Продолжился привычный базарный гам. Лишь несколько зевак продолжали глазеть в сторону необычной делегации.

У входа стоял человек с густыми каштановыми волосами, торчащими в разные стороны з совершенно гладким лицом, без единой волосинки. Если бы не морщины у глаз, то можно подумать, что это желторотый юнец, а не командир стражников рынка.

— Да будет с вами Алайрос, повелитель богов! Меня зовут Кроби Ирт. Я командую местной стражей, слежу за порядком, — сказал он, учтиво кивая головой в такт собственным словам.

— Скажите-ка, Кроби, — сказал Майорбэк, прищурившись, — нужно организовать собрание, дабы нас все выслушали. Можно это организовать?

— Да, можно, — осторожно ответил Ирт. — А вы кто?

— Это наш глашатай, — вмешался Хоблауд, похлопав Тайнса по плечу, — он уполномочен говорить от имени всей армии Бейленоса.

Кроби с сомнением глянул на Зорзона и Олби, но те кивнули ему в знак согласия со словами Барда.

— Хорошо, — согласился командир стражи, вздыхая, — идите в центр рынка, на площадь. Я обо всем позабочусь.

Вожди двинулись в указанном направлении. Рынок оказался очень большим, чего со стороны дороги нельзя было разглядеть из-за густо растущих кустов. Тайнс шел, разглядывая товары в лавках. Торговцы зазывали покупателей, показывая им товары во всей красе — ткани, горшки, вкусные на вид угощения. С Олби то и дело здоровались местные, похоже, его тут хорошо знали. Когда группа вышла к центру рынка, там обнаружилась вымощенная камнем площадь, посреди которой стоял деревянный помост со ступеньками. На нем выступали бродячие артисты. Мальчишка с сундуком бегал среди зрителей и те бросали туда монетки, дабы представление продолжалось дальше.

Внезапно раздался громкий звон: это Ирт вышел к помосту и стал колотить молотом в стальную тарелку, висевшую тут же рядом на столбе. Народ постепенно замолчал, артисты

прекратили выступление и сошли с платформы. Кроби поднялся на помост и закричал:

— Торговцы и покупатели Лунного рынка! Сегодня нас почтили своим визитом вожди кланов Гор, Отшельников и Хаоса. У них есть важное сообщение для всех вас!

Командир стражи посмотрел в сторону вождей и жестом пригласил их к себе. Все поднялись на помост. Майорбэк не знал, с чего лучше начать, но инициативу взял на себя Олби.

— Многие из вас хорошо меня знают, — начал он, — меня зовут Олби Туртс. И недавно я стал вождем клана Отшельников, — он сделал паузу, и вокруг прозвучало много одобрительных выкриков от людей, узнавших Олби.

— Но, возможно, что у вас возникнет вопрос, кто мои спутники, — продолжил Туртс. — Это Бард Хоблауд, вождь жителей Горного клана! — он указал на Хоблауда и из толпы раздались голоса торговцев и покупателей из Горного клана: «Да, знаем! Знаем Хоблауда! Он стал нашим вождем, честно победив в турнире!»

Бард гордо приосанился.

— А этот человек ранее был известен вам как один из самых опасных людей Бейленоса, — указал Туртс рукой на вождя клана Хаоса, — Его зовут Зорзон. Сейчас он на нашей стороне.

Люди отреагировали по-разному: одни презрительными или злобными выкриками, другие испуганными вздохами. Но никто не обрадовался присутствию главаря разбойников.

Зорзон ухмыльнулся, самолюбивой улыбкой. Давая понять, что ему все равно, кто что о нем думает.

— Это все отлично, — раздался из толпы приятный тенор, который вполне мог принадлежать придворному певцу, однако принадлежал Свелию Раксу — самому богатому торговцу Бейленоса, тучному человеку с большим животом, пухлыми щеками и чуть ли не тройным подбородком. — Зачем вы нас собрали?

Несколько прихвостней поддержали Свелию и стали выкрикивать его вопрос по несколько раз.

— Мы пойдем войной на империю, — сказал ровным голосом Майорбэк, при этом как можно ровнее вытягивая подбородок вперед.

Толпа издала испуганные вздохи, некоторые хвАтуясь за голову, у других округлились глаза и пришел ступор.

— И вы будете сражаться вместе с нами, плечом к плечу, — добавил вождь.

Испуганные оханья и аханья стали еще громче. Многие мужчины начали возмущаться:

— Для чего это нам?!

— Мы спокойно живем, нас все устраивает!

— Если Горному клану так нравится воевать, то пусть сам и отправляется на «Серые Врата»!

— Клану Хаоса лишь бы пограбить. Душегубы!

— Вы уже нашли себе отличную компашку, что от нас-то нужно?!

Неожиданно раздался громкий звон. Это Тайнс взял молот у командира Кроби и стал колотить им в висевшую на столбе стальную тарелку, чтобы привлечь к себе внимание всех. Когда торговцы и покупатели замолчали, он отдал молот обратно и поднялся на помост. «Кто этот чужак?» — стали спрашивать друг друга люди.

— Мое имя Майорбэк Тайнс и совсем недавно я был правой рукой правителя Империи, от которой вас отделяют «Серые Врата», — произнес он голосом опытного оратора, стараясь

вложить в свою речь мастерство убеждения, каким обладал.

Подождав немного, пока слушатели переварят его слова, Майорбэк продолжил:

— В последние годы император стал очень подозрителен, ему везде мерещились враги и предатели. По его приказу казнили, отправляли в темницы или изгоняли огромное количество невинных людей. В итоге это коснулось и меня. Я отсидел три года в темнице, а затем был изгнан. И это была его большая ошибка.

— Очень романтичная история, имперец! — ядовито выкрикнул Свелио Ракс. — Но какое нам дело до ваших приключений? Может, вы еще и возьмете сундучок, дабы во время этого увлекательного повествования бегать в толпе и собирать монетки, как делают бродячие артисты на своих выступлениях? — задорно добавил он, и многие на рынке рассмеялись его шутке.

— Я понимаю вашу иронию, — спокойно ответил Тайнс, глядя на толстяка, — но скоро произойдет то, от чего вам совсем не будет смешно. Чем вы занимаетесь?

— Обмениваюсь товарами. У меня с десяток лавок на рынке, да еще несколько ферм и ремесленных цехов в разных уголках Бейленоса. А вы что, ищете работу? — спросил Ракс, и толпа вокруг засмеялась еще сильнее.

— Нет, совсем нет. Но скоро вы лишитесь всего, что у вас есть.

В толпе зароптали, каждый на свой лад: возмущенно, испуганно, удивленно или непонимающе.

Свелио нахмурился и прищурился.

— Вы мне угрожаете? — спросил он с сомнением.

— Нет-нет, что вы, — успокоил Тайнс, — мне это не нужно. Айрис Таггеранг рано или поздно придет сюда, дабы все у вас забрать. Когда он расправится с внутренними врагами его взор упадет на замели Бейленос, от которых, по его мнению, исходит главная угроза для Алатарианской империи.

Люди заохали и начали возмущаться. Завязался спор: одни говорили, что нужно готовиться к войне, другие настаивали на том, что чужаку нельзя верить, обзывали его лжецом, шпионом, провокатором, подлецом. Подождав немного, Тайнс дал знак Кроби, дабы тот постучал в тарелку.

— Мы должны выступить одной сплоченной армией, нам нужны силы всех кланов. От этого зависит выживание каждого из вас, — Тайнс жестом руки указал на толпу. — Клан, который откажется, станет изгоем на землях Бейленос. С ним будут разорваны все отношения, будет запрещено посещать земли других кланов и Лунного рынка для обмена товарами. У вас есть три луны на размышления — до следующего Лунного рынка. Так и передайте своим вождям.

Слушавшие стали осыпаться вопросами Майорбэка и вождей, но те спокойно сошли с помоста и пошли сквозь толпу к выходу с рынка, дабы вернуться к месту, где воины уже всю обустроивали лагерь.

Следующие три луны прошли довольно быстро. Воины ходили охотиться и рыбачить, одну часть дичи оставляли для полевой кухни, а другую продавали на рынке или обменивали на другие товары. Все кланы собирались на рынке раз в три луны, во все остальное время рынок не пустовал: торговцев и покупателей на нем было намного меньше, продолжало работать несколько человек из Озерного клана, в числе которых и Свелио. Тот не мог упустить возможность хорошенько нажиться на лагере армии Бейленоса, расположенном прямо рядом с рынком.

В начале второй луны в лагерь пришла жена Хоблауда с дочкой Мирой и младшими сыновьями — Орином и Сигурдом. В день победы в турнире он не успел провести с ними достаточно времени и ныне очень рад их присутствию. Когда Бард остался наедине с женой в своей походной палатке, они зажгли свечи и легли рядом.

— Ты, наверное, хочешь знать, как мы жили с Марло? — спросила женщина.

— Мне больно об этом думать, и я ничего не хочу об этом знать, — ответил вождь.

— Я должна тебе сказать только одно, — сказала она сдавленным голосом и по ее щекам покатались слезы, — он ни разу не получил то, чего хотел, с моего согласия.

Хоблауд тяжело выдохнул.

— Я не сомневался в этом, Мириада, — сказал он после тяжелой паузы. — А теперь давай просто помолчим, — произнес воин и обнял любимую супругу.

Тем временем у одного из костров в лагере Барнс показывал Одвину, как лечить разнообразные ранения на поле боя. Вокруг собрались остальные дети и подростки — братья Туртс, а также Орин, Сигурд и Мира. Роль тренировочного манекена охотно взял на себя мальчик из труппы бродячих артистов, ранее бегавший с сундуком для монет среди толпы. Сейчас он по-прежнему оставался тут вместе с труппой, пытавшейся развлекать представлениями воинов в лагере.

У соседнего костра в нескольких десятках шагов сидели Майорбэк, Олби, Орни и Зорзон. На вертеле перед ними запекалось около десятка тушек кроликов и куропаток. Сладкий запах исходил на весь лагерь. Внезапно к ним подбежал один из помощников вождя клана Хаоса. В руках он держал большую бутылку с темной жидкостью.

— Как вы приказывали, командир, — почтительно произнес помощник слегка визгливым голосом. Это был очень худой и высокий человек с длинными волосами до плеч и большой плешью на всю макушку. Его звали Сильди.

— Благодарю, Сильди. Что же ты мне ее съешь? Разлей всем у костра. И себе в кружку плесни.

Сильди кривыми зубами вытащил пробку из бутылки, а затем стал наливать ее содержимое в протянутые кружки.

— Что это? — спросил Майорбэк, приняхавшись. Запах был резковатый, но приятный, с оттенками трав и ягод.

— Толстяк Свелио уверял, что это лучшая настойка в Бейленосе. Выменяли у него бутылку на пару свежих шкур волков, попавшихся сегодня моим ребятам в лесу, — самодовольно сказал Зорзон и сделал большой глоток из кружки. — Ух, крепкая! Но и вправду хороша, — ухмыльнулся он.

Сильди снял с вертела готовую тушку кролика, положил ее в глиняную шершавую миску и поставил перед командиром. Тот принялся с аппетитом закусывать. Тайнс тоже отхлебнул и слегка поморщился, на посту помощника императора он привык к менее крепким напиткам. Но тут же ощутил приятное послевкусие во рту и тепло, растекающееся по груди и животу.

— Хорошая настойка! — похвалил Олби, залпом выпив все содержимое своей кружки и одобрительно крякнув. — Почти такая же, как делал мой дед. Интересно, где Свелио достал этот рецепт?

— Толстяк на нашей стороне. Я уже успел наладить с ним плотное общение, — подмигнул ему Зорзон, прожевывая кусок крольчатины.

Вторая луна прошла спокойно. Иногда к лагерю подходили жители окрестных земель,

дабы поторговать с воинами и обменяться новостями. Большинство из них были Отшельниками или представителями Озерного клана, поселения которого находились ближе всего к Лунному рынку. К концу третьей луны между местными и солдатами установились вполне дружеские отношения.

Настал день Лунного рынка. Майорбэк, Бард, Зорзон и Олби с утра пораньше пришли на центральную площадь. Лавки и проходы заполнялись народом, шум постепенно нарастал, запах от съестного разносился по всему рынку и приятно раздражал обоняние. Вожди сидели в одной из лавок Ракса. Весь день около трети лавок пустовало. Покупателей также было значительно меньше, чем обычно. Вскоре приехал вождь Озерного клана — Релдио Тобс. Сухой седой мужчина небольшого роста в тяжелых доспехах кивнул Раксу в знак приветствия, но не стал заходить в его лавку, а направился вглубь рынка.

Когда солнце поднялось высоко над горизонтом, к воротам рынка подъехало двое всадников.

Один — в черном, как земля, балахоне, другой — в облачно-белом. Они слезли с лошадей, привязали их и направились в центр рынка, где должна была состояться встреча вождей кланов. Ровно в полдень на платформе в центре рынка стояли Олби Туртс, Майорбэк Тайнс, Бард Хоблауд, Зорзон, Релдио Тобс, и оба человека в черном и белом балахонах. Командир стражи принялся колотить в тарелку. Звук разнесся по рынку и люди стали подходить к платформе. Первым сделал шаг вперед Майорбэк и поднял руку, дабы обратить на себя внимания:

— Ровно три луны назад мы вынесли свое предложение другим кланам вступить в ряды армии земель Бейленос и выступить против общего врага, — он сделал паузу, осмотрев людей на площади. — Давайте же послушаем их решение, — Тайнс развернулся к вождям и подал приглашающий жест рукой. Первым выступил вперед седовласый мужчина:

— Я Релдио Тобс, вождь Озерного клана. Наши люди присоединятся к общей армии.

Представители Озерного клана, стоявшие внизу платформы, ликующе закричали, поднимая руки вверх. Следующим вышел человек в темном балахоне и сбросил с головы капюшон. Люди, находящиеся ближе всех, отпрянули от него, другие округлили глаза и сморщили носы. Оратор оказался полностью лысым, ни единого волоска не наблюдалось на его гладковыбритой голове и нежном юном лице, а также отсутствовали брови, что больше всего повергало в шок.

— Я гонец Лесного клана! — звонким, немного даже женским, однако твердым и уверенным голосом произнес юнец. — Я говорю от имени вождя Либертода. Прошу принять слова вождя моими устами. Мы не поддерживаем войну с Империей. Однако разделяем ваше стремление, — тут он развернулся и посмотрел на вождей, стоявших сзади, — защитить земли Бейленос. Вследствие этого мы дадим в ряды вашей армии две тысячи воинов. Это все, чем Лесной клан может вам помочь, — закончил говорить безволосый юнец, кинув взгляд на Майорбэка.

Тайнс одобрительно кивнул, в знак принятия помощи.

— Я гонец Небесного клана! — громко произнес обладатель белого балахона, снимая его с головы. Этот юнец мало чем отличался от предыдущего, разве что наличием бровей. — Наши шаманы молились священным духам воздуха Сильфам, задавая вопросы о войне. Их ответ пришел во сне Потшану — главному шаману. Духи не хотят, дабы мы вступали в войны, мы должны жить в мире и молитвах. Однако Небесный клан передаст оружие и броню, а также сто лучших целителей, — закончив говорить, парень надел капюшон и встал

возле остальных.

— Это не то, на что мы рассчитывали, — Майорбэк посмотрел на двух юношей. — Однако мы ценим вашу помощь и примем ее с удовольствием, — закончив, он слегка поклонился, гонцы ответили тем же.

В тот же день прошло совещание вождей, каждому вождю давалась одна луна, дабы привести солдат в лагерь, собрать имеющееся оружие, бронь, припасы и все, что пригодится в походе. Было принято решение проводить подготовку в имеющемся лагере, в нем было достаточно места для размещения десятков тысяч солдат. Ровно через одну луну Озерный клан, Горный клан и клан Хаоса привели своих солдат. Через пару дней, когда все солдаты разместились, вожди в том же шатре собрали военный совет.

— Рад видеть вас всех, — Майорбэк поклонился вождям, получив в ответ то же приветствие. — На подготовку я выделил три луны. За это время нужно детально проработать план, тактику и стратегию ведения боя, — он посмотрел на вождей, те утвердительно кивнули, соглашаясь с ним. Собрание проходило за большим круглым столом, ничем примечательным не отличавшимся, за исключением ярко-оранжевого цвета. — Для составления плана мне понадобится вся информация о ваших войсках, — развернув большой кусок серой помятой кожи и взяв в правую руку гладкое перо, он макнул его в чернила, распространив по шатру сладкий запах ягод, из которых они были сделаны. — Кто первый? — приготовившись записывать, спросил он.

— Вождь клана Отшельников Олби Туртс, — встав на ноги, официально представился рыжеволосый здоровяк и, приложив руку к груди, слегка поклонился другим вождям.

— У нас имеются девять тысяч пятьсот солдат. Из них мечом владеют четыре тысячи пятьсот, луком владеют все без исключения.

Тайнс внимательно записывал, выводя каждую цифру и букву. Далее встал Горнор — вождь Горного клана.

— Я привел за собой пятнадцать тысяч солдат. Мы, горные кланы, не пользуемся луками, однако хорошо умеем управляться с молотами, топорами и двуручными мечами. Хорошо сидим в седле, как на лошадях, так и на боевых баранах.

— Релдио Тобс или Озерог, вождь Озерного клана, — учтиво представился и поклонился седовласый мужчина. — Со мной пришло десять тысяч лучших представителей клана. Все они прекрасно управляются с копьями ближнего и дальнего боя.

— Зорзон, просто Зорзон, — слегка ёрничая, с улыбкой поднялся на ноги глава клана Хаоса, тем самым намекая на своё презрение к любому официозу. — За мной последовали пять тысяч людей и, к слову, тысяча из них исцелилась благодаря вам, — он бросил взгляд на Олби и Тайнса, сгорбавшегося над куском кожи. — Однако каждый из моих бойцов стоит десятка ваших, — Зорзон обвел пальцем собравшихся вождей, вызвав на их лицах недовольные гримасы. — Мои бойцы хорошо управляются со всеми видами оружия, какое только есть на свете, — сделав паузу, он ещё раз с усмешкой оглядел вождей и добавил: — Элитные воины, — после чего, шутливо поклонившись, сел.

— Еще две тысячи лучников пришли от Лесного клана и сто целителей от Небесного клана, — сосредоточенно продолжал возить пером по коже Тайнс, не подымая головы. —

И тысяча людей, которые будут заниматься полевой кухней, содержать животных и всячески помогать солдатам, — записав всё это, он выпрямился и, посмотрев в список, начал подсчитывать, загибая пальцы, пока не подытожил: — Итого у нас сорок одна тысяча пятьсот солдат, — после чего под одобрительный гомон вождей встал и, махнув рукой в

сторону выхода из шатра, предложил: — А сейчас, если вы не против, пойдёмте осмотрим лагерь.

Лагерь условно разделялся на четыре части. Одна часть лагеря отводилась для ночлега, другая — под стойла лошадей и боевых баранов из Горного клана, третья — для тренировок и четвертую часть занимала полевая кухня. И совсем небольшая часть служила складом для продовольствия, оружия, брони и ещё много чего.

Сразу за шатром находился тренировочный сектор, утыканный множеством деревянных чучел и мишеней. Он занимал из всех самую большую площадь. Под руководством Эдмундо Барнса воины всех кланов оттачивали здесь мастерство владения оружием, изучали тактику и стратегию ведения боя. Несмолкаемый перезвон мечей, свист стрел и тупые удары топорами создавали такой шум, от которого закладывало уши.

Убедившись, что подготовка солдат идет как никогда лучше, вожди, не отвлекая подданных от тренировочного процесса, пошли дальше по лагерю. Следующий пункт, который интересовал вождей, это был склад. Путь к нему, правда, пролегал через полевую кухню, обойти которую спокойно не удавалось ещё никому, однако манящие запахи грибного супа и жареного мяса, заставив урчать животы, не сбили верховных представителей кланов с пути истинного. Обойдя кухню, они пришли в конец лагеря, где стояло множество повозок и было навалено огромное количество срубленного дерева.

Подойдя к одной из повозок, Тайнс вытянул удлиненный лук из отшлифованного белого прочного дерева с вырезанными на нем знаками, символизирующими все божества земель Бейленос.

— Это подарок от Небесного клана, могучий лук из самого прочного дерева — белого, которое растёт лишь на их земле. Выстрел из такого оружия пробивает кольчуги и в некоторых случаях даже доспехи не устоят перед стрелой из белого дерева. Четыре тысячи луков и двадцать тысяч стрел передал Небесный клан, — поднимая лук вверх, подытожил Тайнс.

— А зачем столько срубленного дерева? — поинтересовался Зорзон, любознательность всегда была его характерной чертой.

— Из этих материалов лучшие плотники из Озерного клана будут строить осадные орудия по моим чертежам, — потирая руки, ответил Тайнс.

— А там что происходит? — спросил Олби, показывая вперед, где за пределами лагеря над лесом поднимались вверх лёгкие столбы дыма красного, синего и зеленого цветов.

— Пойдем, — махнул рукой Тайнс и направился в ту сторону. За густыми деревьями и кустарниками их взглядам открылась небольшая поляна, на которой около сотни людей в белых балахонах развели множество костров с кипевшими казанами на них. — Это те самые целители из Небесного клана, они варят целебное зелье из цветка, что передал им Эдмундо Барнс, — он показал на казаны с кипящей ярко красной жидкостью. — А также бодрящее зелье, что придаст сил в бою и не даст заснуть на посту, — Тайнс ткнул пальцем на синий отвар. — И яд, которым смазывают оружие жители клана Хаоса, — он показал на зеленую жижу. — У всех солдат будет по одному пузырьку каждого из снадобий.

— Главное, пузырьки не перепутать, — ухмыльнулся Зорзон. Тайнс смерил его взглядом, однако ничего не сказал.

Посмотрев лагерь, вожди вернулись в шатер, где уже был накрыт стол с различными блюдами. От одуряющего запаха носы у всех хищно зашевелились, животы утробно заурчали, а рты стали переполняться слюной. Не дожидаясь приглашения, вожди сели за стол и стали

уплетать яства за обе щеки, причмокивая, мыча и тряся головами от удовольствия.

Следующие три луны были посвящены подготовке к атаке на Империю. Майорбэк Тайнс, зная об устройстве имперской армии практически все, помогал Эдмундо Барнсу готовить солдат. Плотники Озерного клана сооружали машины и орудия по проектам Майорбэка. Поселения кланов также активно принимали участие в подготовке к войне, выковывая оружие, доспехи, заготавливая продовольствие и отправляя все это в лагерь. Повозки каждый день приезжали из разных уголков земель Бейленос.

Ближе к концу третьей луны армия земель Бейленос была полностью подготовлена к вторжению в Алатарианскую империю.

ЧАСТЬ III

Глава VI. Союз. Часть вторая.

По дороге к приграничному городу Гинвал принц Рональд Таггеранг размышлял, — если ехать через Илатари — столицу королевства Атуя, расстояние намного короче,

в разы короче, однако на пути к месту назначения имеется преграда в виде Жадного Болота. Металлические помощники никак не пройдут, да и проводника нужно искать, дабы провел по безопасным местам. Принц Рональд подумал и решил, что проще будет ехать вокруг через королевство Гетер, объехав Жадное Болото, тем более он уверен, что армия императора будет двигаться тем же путем. От Идонора до Бларка, граничного городка между королевством Пирин и Гетер, ехать было одно удовольствие, даже преодоление болота в окрестностях Идонора не составило большого труда, и метало прошли его с легкостью. Они двигались с такой большой скоростью, что болотная трава не успевала проваливаться. Городок Бларк мало чем отличался от Шадена, разве что здесь было меньше трактиров. Проезжая мимо небольшой таверны, Рональд увидел двух пьяниц, что спорили между собой, держа в руках по большому бокалу пива. Один бил себя в грудь и что-то кричал, другой махал что есть силы головой, не соглашаясь с ним. Пьянчуги, увидев металлических животных, что прошли в двух шагах от них, даже не обратили на это особого внимания, наверное, они видели что-нибудь подобное каждый день, после нескольких бокалов пива или чего покрепче. Принц Рональд словил себя на мысли, что ему противно смотреть на мерзкие пьяные рожи, еще недавно он бы с удовольствием к ним присоединился, однако что-то изменилось и даже мысль о пиве, вине и всяком алкоголе не вызывала у него никаких чувств. Он стал безразличен к пьянству. Такое заключение сделал для себя принц.

После королевства Гетер начинались необитаемые места. Негустой лес располагался на многие мили. Тонкие деревья, ели и сосны росли на большом расстоянии друг от друга,

а между ними кусты с иголками. Все, чем мог порадовать лес путников, это приятным с ароматом сосны воздухом. Его хотелось вдыхать и вдыхать на полную грудь.

За лесом начинались болота, однако не такие, как Жадное Болото, или болото в окрестностях Идонора. А это мелкое болото, самые глубокие места достигали человеческого колена. А вот чем и правда оно отличалось, так это смрадом, такого смрада нет больше нигде. Почему-то птицы прилетали в эти места тысячами и многие из них издыхали и разлагались в воде, его еще называли «Птичье Болото». С годами птичий помет, птичьи трупы — все это перемешалось с болотной жижей и стало однородной массой, что испускало трупный смрад. Принц, не привыкший к таким запахам, несколько раз не сдержался и блеванул. Остальным, судя по их кислым лицам, также был не по нраву запах, однако они сумели совладать собой. Тряпицы, что были предназначены для перевязки ран, хорошо подошли в роли масок, чтобы хоть немного приглушить запах.

Если сказать, что спутники принца были немногословны, так это не сказать ничего. За всю дорогу, начиная от поселения вождя в землях Имиль и до Птичьего Болота, принц Рональд говорил только с одним человеком, и это был король Эйган. Тот с удовольствием, как казалось Рону, отвечал на его вопросы и задавал встречные. А вот солдаты короля как тень следовали сзади, и если бы не привалы, можно было бы о них и вовсе забыть. Единственный, от кого принц слышал несколько слов, так это Русию. Остальные же четверо молчали все время. Даже между собой они обменивались лишь жестами и взглядами, им этого было достаточно. Рональд как-то спросил у Эйгана, почему его люди не говорят, на что тот ответил: «Берегут жизненную силу». Принц не совсем понял, что тот имел в виду, но и расспрашивать подробней не стал.

Преодолев Птичье Болото, отряд вышел на равнины без деревьев, болот и кустов. Лишь мелкая травка покрывала землю, в некоторых местах она была ярко-зеленой, в некоторых желтоватой, где-то выше, где-то ниже. Впереди, за несколько миль от них, виднелись постройки приграничного городка Гинвал. Преодолев около трех миль, металлические животные со всадниками вошли в окрестности города.

* * *

Путников встретили часовые, признав принца Рональда по гербам и фамильным отличиям на доспехах. Стражники пропустили отряд в город. Конечно, не без того, чтобы постоять сначала немного, глаза с открытыми ртами на невиданных зверей и людей, оседлавших их. Приграничный городок сейчас напоминал собой большой военный лагерь. Войска королевств Империи под личными знаменами располагались в городе. Кому не хватило места в постройках, жили в палатках, а если и с этим не повезло, ночевали прямо на земле. Солдатам не привыкать к такому образу жизни, в походах и не такое может случиться. Рональд спросил у стражника, где император и тот вызвался провести принца. А правитель находился на военном совещании в одной из казарм города. Принц сам не решился зайти,

а взял с собой короля Эйгана, прихватившего кристальное оружие. Остальные попутчики остались за дверью. Рональд несмело открыл дверь, в комнате стоял шум, гам и запах масляных фонарей. Люди стояли над небольшим квадратным столом, на котором была развернута, по всей видимости, карта местности и, тыча пальцами, каждый старался донести свои мысли и обосновать, что именно она лучше других. Людей за столом стояло шестеро, не считая императора, принц знал их всех, это были военные советники, ни дня в своей жизни не нюхавшие запаха настоящих битв. Император, почувствовав взгляд на себе, поднял глаза от карты и посмотрел в сторону Рона.

— Рональд, сын? — Айрис округлил глаза. — Ты как здесь? Ты что здесь делаешь?

Люди, окружавшие правителя, замерли, не говоря ни слова.

— Здравствуй, отец, нам нужно поговорить.

— Ты получил мое письмо?

— Да, мне передали его в Идоноре.

— Так почему ты не в столице, не взял на себя правление?

— Это сейчас неважно, важно то, что я хочу рассказать, — продолжал стоять на своем принц.

— Ты, наверное, не понимаешь, что происходит, это я тебе сейчас расскажу, что на самом деле важно. Многотысячная армия собралась за «Серыми Вратами» и готовится к нападению, я собрал армию, всю, что смог, однако и ее недостаточно, у дикарей людей в

несколько раз больше.

Рональд покачал головой:

— Дикари — не главная проблема.

— Не главная? — поднял бровь вверх император.

— Я расскажу вам о более серьезной проблеме, нежели дикари, — и принц рассказал.

Он представил всем присутствующим короля подземного мира Ирдис, Эйгана Таррина. Император, его советники, генералы недоумевали, какой такой подземный мир. Однако Эйган кратко рассказал историю своего народа и обстоятельства, что привели его сюда. Далее продемонстрировал кристальное оружие и на что оно способно. Попросил проследовать на улицу, где показал металлических зверей и рассказал о принципе их работы. Для слушателей это казалось сказкой наяву, в некоторые вещи так сложно поверить, что порой не веришь собственным глазам и ушам. Но поверить придется, в противном случае, на земли Империи придут тысячи таких металлических животных, с тысячью всадниками с кристальным оружием и сотрут в порошок все живое.

Император задумчиво поскреб седоватую бороду, осматривая прибывших с другого мира и их скакунов.

— Допустим, мы поверим в опасность со стороны гор, но что делать с дикарями, что стоят уже на пороге у наших границ?

— Разделив армию на два фронта, мы обречены на поражения и там, и там, — добавил широкоплечий, низкий, с длинными усами генерал Марольд.

— Наши войска смогут небольшим количеством удерживать дикарей за стенами, пока основная часть войск уйдет в земли Имиль, — высказал мнение самый молодой из советников, рыжеволосый, с идеально гладкой кожей на лице без единой щетинки.

— Маленькой группкой не удержать «Серые Врата», разведчики доложили, что у дикарей есть осадные оружия, — возразил генерал Марольд.

— С каких это пор дикари строят осадные орудия? — подняв брови, удивленно спросил принц Рональд.

— С тех пор, как их предводителем стал Тайнс, это он сумел объединить кланы земель Бейленос и выступить единой армией, — ответил император Айрис.

— Майорбэк Тайнс? Ваша правая рука? Ближайший советник? — переспросил Рональд и непонимающе глянул в глаза отцу.

— Да, сын, именно он, после его изгнания он как-то сумел выжить, и не просто выжить, а стать негласным королем земель Бейленос.

— Возможно, мы сможем провести с ним переговоры? Предложим ему то, что он хочет и быть может, он отступит, получив желаемое.

— В данной ситуации переговоры — это лучший план, — согласился император и тут же распорядился: — Приведите мне послов и секретаря, будем писать послание Тайнсу.

Через некоторое время секретарь с пером и пергаментом слушал внимательно слова правителя и чертил их на белоснежной, хорошо вымятой качественной коже. «Уважаемый Майорбэк Тайнс, я знаю, что вы — предводитель армии земель Бейленос, нам нужно с вами провести переговоры, я хочу услышать, что вы хотите добиться этой войной, узнать ваши цели и желания». Император поставил свою подпись в конце письма и запечатал конверт сургучом. Два посла и один знаменосец с белым флагом погрузились в тележку, которая подняла их вверх, а потом опустила вниз на другой стороне. Прошло больше чем полдня, как тележка с послами и знаменосцем вернулась с ответом. Ответ был написан на том же куске

пергамента, с другой стороны. Император дал его секретарю и тот начал громко читать:

«Уважаемый Айрисс Таггеранг, правитель Алатарианской империи. Мы согласны на переговоры, но с одним условием. Вы приглашаете меня в Гинвал в имперские земли, однако я изгнан из имперских земель и мне запрещено переступать границы Империи. Если вы отмените решение о моем изгнании, мы сможем провести переговоры». Секретарь прекратил читать, давая понять, что это конец послания. Айрисс задумчиво посмотрел в небо, сузил губы, поморщил лоб. Он никогда не отменял своих решений, в этом была его сила. Тайнс специально вынуждает императора поступиться принципами и сделать то, что ранее он никогда не делал.

Император посмотрел на сына и на прибывших с ним людей, на металл, на кристальное оружие.

— Пиши помилование на имя Майорбэка Тайнса, — сквозь зубы прошипел император.

Секретарь тут же принялся писать помилование, для этого использовались специальные листы с определенными знаками, что никто не мог подделать. Выписав помилование, он отдал все тем же посланцам и те отправились обратно. Когда они уходили, последние солнечные лучи прятались за горизонт и ночь приходила на смену дню. Ночью император Айрисс Таггеранг не мог уснуть, ворочался с боку на бок, мысли не давали ему покоя. Он думал об Империи и своем правлении, где столько лет не было даже намека на войну, не было никаких угроз, одна стабильность и процветание. А сейчас целых две угрозы оттуда, откуда никто не мог и подумать. Кто мог знать, что дикие племена земель Бейленос объединятся и выступят единой армией или что где-то в недрах земли есть цивилизация, есть люди? Такого предположить никто и никогда не мог. Так император промаялся до утра,

с первыми лучами солнца он услышал шум и возню на улице. Собирался уже вставать, как в покои постучал стражник.

— Говори, я слышу.

— Ваше Величество, послы вернулись, а с ними представитель от дикарей, — сказал голос за дверью.

Айрисс, не выспавшись, усталый поднялся с постели и стал одеваться. Слуг не звал, решил сам одеться, так будет быстрее. Алая рубаха с золотыми пуговицами, штаны ярко-желтого цвета и невысокие сапоги с узкими носами. Таким одеянием император решил порадовать глаз дикаря на переговорах, давая понять, что он у себя дома и может одеваться, как захочет. А весь яркий образ он подчеркнул неотъемлемым атрибутом правителя — короной Империи. Возле двери его ожидали стражники, дабы сопроводить в казарму, где будут проходить переговоры. Приграничный город Гинвал начинал оживать с первыми лучами солнца. Капитаны муштровали солдат, одни оттачивали строевой шаг, другие — боевые построения, третьи — бои на мечах и стрельбу из арбалета и лука. Император, проходя через город, смотрел на все это и думал: «Зачем вести переговоры? С такой армией мы бы разбили дикарей мгновенно». Однако мысль о другой угрозе не давала ему покоя и толкала на встречу.

Войдя в казарму, Айрисс увидел Рональда, Эйгана, генерала Марольда и человека, в котором император не без труда узнал своего бывшего помощника Майорбэка Тайнса.

— Приветствую Вас, император, — поклонился Тайнс.

— Присаживайтесь, — Айрисс окинул всех взглядом и указал на стол. Все сели молча, не проронив ни слова. Император — с одной стороны, а Тайнс — с другой, напротив него.

— Почему вы один? — вопрос адресовался Майорбэку.

— Я единственный, кого помиловали, и я единственный, кто может находиться на территории Империи, — еще раз поклонился Тайнс.

— А ваши подручные не боятся, что вы не вернетесь к ним? — с ноткой угрозы задал вопрос Таггеранг.

— Нет, я им дал указания, если я не вернусь до завтра, начинать штурм «Серых Врат».

— Чего вы хотите, какая ваша цель нападения на имперские земли?

— Сначала я просто хотел Вам отомстить, а потом, узнав жителей диких земель получше, мне захотелось им помочь.

Остальные, сидевшие за столом, не решались мешать разговору, лишь слушали, затаив дыхание.

— И в чем же заключается ваша им помощь? В том, что имперские войска перебьют их? — сузив губы, грубо спросил Айрисс.

— Вы недооцениваете силу воли и мастерство, которым обладают люди земель Бейленос, — слегка улыбнулся Тайнс. — У меня есть к Вам встречный вопрос: если Вы так уверены в силе имперских войск, зачем вести переговоры?

Айрисс Таггеранг перевел взгляд на Эйгана Таррина. Тайнс уловил его взгляд и тоже посмотрел на незнакомца. Таррин понял, что сейчас его черед говорить. Он поднялся, учтиво поклонился королю дикарей. И рассказал все. После окончания рассказа Майорбэк аж присвистнул, не выдержав удивления, глаза его еще несколько минут были круглые, а брови вылезли на лоб.

— Теперь я понимаю, зачем Вы ведете переговоры, вести бой на два фронта — очень сложная задача.

— Что вы хотите для того, чтобы отступить? — прямо спросил Айрисс, посмотрев бывшему помощнику в глаза.

— Дайте-ка подумать, сомневаюсь, что вожди кланов согласятся отступить, они жаждут крови, много усилий было приложено, дабы собрать, сплотить и обучить людей, — медленно, не спеша, наслаждаясь каждым словом, говорил Тайнс.

— А теперь слушай сюда, — Айрисс поставил руки на стол и вытянулся вперед, ноздри его раздувались, играли желваки. — Вариант первый. Допустим, вы все-таки решите напасть, осадное орудие — грозная штука, однако не смертельная, мы будем залатывать дыры и успевать восстанавливать повреждение. Наши войска выходить в открытый бой не будут и рано или поздно вам придется начать штурм «Серых Врат». Мы поставим лучников, арбалетчиков и будем вас поливать стрелами, обливать смолой, поджигать, закидывать камнями, а сейчас, когда в нашем распоряжении имеется оружие посильнее, — он указал взглядом на кристальное оружие, что лежало на столе для демонстрации, — не пустить ваши войска на стену стало проще. Ваша осада захлебнется собственной кровью, и спустя несколько месяцев такой бойни вы сами отступите, если что-то останется от армии, — закончил ликующее император.

Майорбэк Тайнс сплотнул, лицо его изменилось, от нахальной улыбки не осталось и следа.

— А второй вариант? — тихо спросил он.

— Хотите выслушать второй вариант? — теперь уже император легко улыбнулся.

— Если я здесь, так почему бы не выслушать все варианты, — стараясь не показывать волнения, отвечал Майорбэк.

Если император не боится осады, а жизнь Тайнса держится лишь на угрозе вторжения,

что стоит правителю отдать приказ — и Майорбэка тут же казнят. Такие мысли крутились в голове пленника.

— Вариант второй. Я предложу вам присоединение земель Бейленос к Империи. При этом с соблюдением полной независимости правления без вмешательства императора в ваши законы, выбор вождей, раздел территорий. Каждый житель получит статус имперца и будет иметь все права, которые положены жителям Алатарианской империи. Что касается дальнейшего развития — вы будете иметь полный доступ к казне Империи, она будет финансировать все строительства, архитектуру, обустройство вашей культуры и продвижение науки. Стена между имперскими землями и землями Бейленос будет снесена, а через Жадное Болото мы проложим мост. Кроме того, между нашими землями будут организованы торговые пути. Налогообложение не станет распространяться на земли десять лет, пока вы не достигните стабильности и развития. А вас, Майорбэк Тайнс, я официально назначу правителем земель Бейленос. Вот мое предложение, — закончил свою речь император, пристально глядя в глаза собеседнику.

От такого предложения Тайнс выпучил глаза и открыл немного рот. Он никак не ожидал такой щедрости. Присутствующие также немного оторопели и не знали, как себя вести, посему решили молчать. В один момент все как один уставились на гостя, ожидая ответа.

— Я так понимаю, что на такие щедрые предложения имеются условия? — придя в себя, спросил Майорбэк.

— Вы всегда отличались умом, условие есть только одно, — император сделал легкую паузу и вдохнул воздух. — Вы должны выступить с нами против надвигающегося врага одним фронтом, если он так ужасен, как его описали, мне потребуется любая помощь.

Тайнс задумчиво поглядел на Айриса. Прикрыв глаза и сжав губы, он прикидывал свои шансы. С одной стороны, власть, правление и риск быть убитым появившимися так некстати из-под земли непонятными врагами. А с другой стороны, если он откажется, то может быть убит на месте, или если его отпустят, ему придется воевать с имперскими солдатами, где также есть большой шанс умереть. Похоже, единственное правильное решение — согласиться.

— Пожалуй, я согласен, — сказал Тайнс.

— Как вы уговорите дикие племена присоединиться к имперским войскам? — спросил Айрисс, однако в голове у него вопрос звучал так: «Послушают ли тебя дикари, хватит ли твоей власти над ними?»

— Я сумею правильно донести Ваше предложение, и они его примут. Как я это сделаю, это уже мои заботы, и еще одно, — Тайнс поднял указательный палец вверх. — Вы, император, человек слова, и никто не ставит твердость ваших обещаний под сомнение, однако можно Ваше предложение сделать более весомым и перенести на бумагу, заверенную имперской печатью и подписью императора? Одна будет храниться у меня, другая у вас, — мягко, стараясь скрыть нотки недоверия в словах, сказал Майорбэк.

Император обнажил зубы в улыбке.

— Стража, приведите секретаря, — крикнул он, обращаясь к солдатам за дверью. Через некоторое время привели секретаря. Все условия были записаны, скреплены печатью и подписью. Майорбэк Тайнс со своей копией договора отправился обратно, на другую сторону «Серых Врат».

Глава VII. Решающая битва

После того, как ушел Майорбэк Тайнс, прошел целый день, прежде чем со стороны Бейленос передали послание, а именно письмо. Первые полстраницы письма описывалось, каких усилий стоило Тайнсу уговаривать вождей кланов присоединиться к имперским войскам. Однако этого оказалось недостаточно, и жители земель Бейленос отказались умирать за императора. Но есть и положительная новость: предложение императора о присоединении земель воспринялось хорошо, даже, можно сказать, радостно. Вожди не будут штурмовать «Серые Врата», а в знак благодарности за такое щедрое предложение отдадут все осадные орудия и тысячу лучших лучников.

Закончив читать, Айрис посмотрел с легкой улыбкой на Рональда и генерала Марольда, что в столь поздний час составили ему компанию в чаепитии.

— Все, как я и предполагал, — сказал император, улыбаясь, и сделал большой глоток чая.

— Они к нам не присоединятся? — возмущенно спросил генерал, непонимающе глядя на довольное лицо Таггеранга.

— Вы правильно поняли.

Марольд хмыкнул, посмотрел на Рональда, желая увидеть на его лице такое же непонимание. Однако принц держал двумя руками чашку с желтоватой жидкостью и спокойно делал маленькие глотки, каждый раз причмокивая.

Правитель увидел смятение на лице генерала и решил прояснить.

— Генерал, вы, как человек военный, должны были понять сразу выгоду ситуации, — начал говорить Айрис, поставив чашку на стеклянный столик. — Если бы дикари к нам присоединились, это могло бы подорвать моральный дух наших войск. Никто не знает, что ждать от такого союза, а постоянные переживания о предательстве и боязнь получить стрелу или нож в спину — это еще как заставит переживать имперских солдат, это первое, — Айрис снова взял чашку и громко сделал несколько глотков, чай промочил пересохшее горло.

— А второе, мы не будем переживать о нападении на «Серые Врата» в наше отсутствие. То, что они отдают осадные орудия — это гарантия того, что никто не будет штурмовать Гинвал.

И третье — это сами осадные орудия, их нам уж как не хватает, — закончил император, откинувшись на спинку стула.

Генерал почесал затылок.

— Действительно, от такого расклада есть плюсы, как я сразу не сообразил, старею, наверное, — сказал он и тяжело вздохнул.

— Вам просто нужно отдохнуть, как и всем нам, завтра отправляемся в земли Имиль, нам нужны силы, путь неблизок.

— Да, вы правы, — генерал вскочил на ноги, не допив чай. — Позвольте идти отдыхать? — военным отточенным голосом спросил Марольд.

— Идите, генерал. Отдыхайте, — кивнул Айрис.

Марольд отвесил поклон и ушел. Рональд и Айрис, отец и сын, еще немного посидели, пили чай, разговаривали, смеялись, давно у них не было такого душевного разговора. Когда чаепитие закончилось, на улице уже стояла темень и лишь луна тонким серпом освещала спящий приграничный город Гинвал.

Механизмами, что открывали «Серые Врата», не пользовались несколько сотен лет, однако в эти смутные времена их привели в действие и впервые за все время «Серые Врата»

распахнулись. Двести двадцать осадных орудий и тысяча солдат в зеленых накидках и с длинными луками вошли в приграничный город Гинвал. Остальные войска Империи еще с самого утра готовились выступать. Боевые лошади были накормлены, напоены, подкованы и готовы к пути. Повозки забиты провизией, оружейным снаряжением, фонарями с маслом, сухими дровами, посудой, казанами, полевой кухней и еще много чем, что пригодится в походе. Полдня понадобилось, дабы все войска Империи выстроились в нужном порядке и были готовы выдвигаться в дорогу. На всякий случай император оставил сотню рыцарей во главе с Ларестором Скрузом, что охраняли «Серые Врата» в Гинвале, нести дальше службу, возложенную на них.

По расчетам путь к поселению вождя земель Имиль должен занять около семидесяти дней. Эйган Таррин переживал, успеют ли они до того, как предатели с Ирдиса пробьются наверх. Рональд видел переживания короля и старался всячески его поддержать, за время путешествия они явно сблизились и стали хорошими собеседниками.

Император, принц Рональд и король Эйган двигались впереди, сразу за ними ехал на гнедой кобыле генерал Марольд и пять жителей подземного мира Ирдис на металлических животных. Остальная армия растянулась на несколько миль сзади.

Через месяц, ровно тридцать дней, армия вошла в приграничный городок Идонор. Старики, охранявшие границу, потеряли дар речи, когда увидели императора, да и еще многотысячную армию позади него. После пересечения границы и войдя на земли Имиль, наступила самая сложная часть путешествия.

Продвижение давалось с трудом. Жара сводила с ума — под кольчугами и доспехами одежда мгновенно становилась мокрая и липкая. Вода во флягах стремительно заканчивалась. Тяжелое дыхание людей, фырканье лошадей разносились эхом на многие мили. Солдаты, не привыкшие к жаре, падали, теряя сознание, другие пытались охладиться, лили на себя воду, снимали шлемы, а некоторые даже умудрялись снять и сапоги. В те редкие моменты, когда армия останавливалась на привал, солдаты спешно снимали с себя все и чуть ли не голышом расхаживали по лагерю. Ветерок, что изредка радовал своим присутствием, не избавлял от жары, а напротив, обжигал кожу палящим, раскалённым воздухом.

Ночь же кардинально отличалась, ночью температура падала и заставляла кутаться в одеяла, или надевать дополнительную одежду. Перепады температуры между днем и ночью сильно подрывали состояние солдат, многие, разгорячившиеся днем, замерзали ночью и хворь незаметно подобралась к неприспособленным телам людей. Лихорадка, температура, раздражающий кашель, все это одолевало войско императора. Лекари не покладая рук день и ночь трудились, дабы победить хворь. И через шесть дней пути по землям Имиль это им удалось — хворь стала отступать, или тела солдат привыкли к климату, или лекари постарались на славу. За последующие дни похода ни один не заболел. Были, конечно, другие несчастные случаи, сломанная или вывихнутая нога, порез руки или ноги, драка между солдатами, один раз даже было такое, что солдата укусил дикий кабан, когда тот хотел его зарезать. В той схватке животное оказалось умнее человека. Прошло сорок два дня пути по землям Имиль, прежде чем император дошел до поселения вождя Армонца. Армия Империи расположилась недалеко от его границ, а Айрис со своей свитой в лице сына и короля Таррина пошли на встречу с вождем Армонцом. У входа в поселение их встретил сын вождя Хормиус.

— Приветствую Вас, император Айрис Таггеранг, — учтиво поклонился тот и попросил

следовать за ним. Как ни странно, на всей территории не было видно мужчин, лишь несколько стражников перетаптывались у домика вождя. Вождь Армонц стоял возле своего жилища в белой накидке, опираясь на длинный закрученный меч, похожий на серп.

— Приветствую Вас, император, — поклонился вождь, трое стражников сделали то же самое. Император легко поклонился в ответ.

— Где все ваши солдаты? — спросил Айрис.

— На границе с Мертвыми землями, около двух дней пути отсюда. Мои люди разбили там военный лагерь, я хочу встретить врага на Мертвых землях. Не позволю ни единому подземному выродку ступить на земли Имиль, — прорычал сквозь зубы вождь. — Простите за такие слова, — сразу исправился он, посмотрев на короля так называемых выродков.

— Ничего, я понимаю Ваше беспокойство, — спокойно ответил король Ирдиса.

— А где имперские войска, позвольте поинтересоваться? — спросил вождь, заглядывая Айрису за спину.

— Неподалеку, я не хотел обременять Вас их присутствием, завтра мы присоединимся к военному лагерю.

— Мы с сыном также отправимся с Вами, а сейчас позвольте Вас угостить лучшим кушаньем земель Имиль, лучшими напитками и лучшими девушками, — при слове «девушками» вождь подмигнул императору.

— Благодарю Вас за гостеприимство, — кивнул правитель в знак согласия. Вождь махнул рукой Хормиусу и тот попросил гостей следовать за ним. Пройдя несколько сот шагов, сын вождя остановился напротив высокого и широкого глиняного домика, дверь была нараспашку. На табличке над дверью значилась надпись на общем языке «Трактир Билли Тычки».

— Прошу Вас, заходите, — жестом руки Хормиус указал на дверь.

Император Айрис Таггеранг, его сын Рональд и Эйган Таррин направились в сторону двери. Войдя внутрь, запах от многочисленных масляных фонарей, жареной, вареной, тушеной еды и женских духов ударил в нос путникам. В помещении все столы были сдвинуты под стенку, и остался стоять лишь один деревянный стол с узорами. На столе виднелись яства, запеченные имильские животные, белый хрустящий хлеб, всевозможные салаты и напитки в кувшинах, вино, пиво и знаменитая местная настойка «Имилька». Эта настойка готовилась на сорте грибов, растущих лишь в самых жарких местах земель Имиль и считалась лучшим пойлом в этих краях. За столом уже сидели шесть темнокожих девушек. Они поднялись при виде гостей, из одежды на них имелись набедренные повязки, не скрывающие ничего, и надетые так, лишь бы считалось. Груды прикрывались легкими, совершенно прозрачными накидками, а на шеях висели ожерелья. Все достоинства девушек были видны сразу, молодые, с щедрыми формами, они так и манили прикоснуться к их упругой плоти.

— Присаживайтесь, не заставляйте дам долго ждать, — улыбнулся Хормиус. Для него честь, что сам правитель Алатаринской империи находится в землях Имиль. Гости, не ожидая ничего подобного, были в ступоре. Хормиус, увидев нерешительность знатных людей, махнул девушкам и те встали и подошли к гостям, по две девушки на одного мужчину, взяв каждого с двух сторон под руки, они молча провели их и усадили за стол. Парни подчинились воле красавиц. Каждый сидел между двух девушек, те неспешно, грациозно наполняли бокалы вином, накладывали кушанье в тарелки. Сами не спешили есть, лишь молча наблюдали, при этом поглаживали гостей по рукам, по спинам, иногда по

бедрам, мягко и приятно. От таких прикосновений кровь в жилах закипала, мужская сила росла с каждым прикосновением. Желание сорвать тряпье с горячих тел девиц побеждало здравый рассудок. Однако гости держали себя в руках, пили, закусывали, говорили лишь по делу, больше о предстоящей битве. Вкусно покушав и испробовав знаменитую «имильку», гости были не прочь и пойти отдыхать. Поняв их настрой, Хормиус, что все время стоял недалеко, подошел к ним.

— Выберите себе понравившуюся девушку и можете идти в комнату отдыха. Скажу вам по секрету, они все хороши, это лучшие девушки земель Имиль, они ждали вашего прибытия, — приглушенным голосом сказал Хормиус.

Гости посмотрели на девушек, потом друг на друга, по глазам было видно, что каждый не прочь позабавиться с девицей, однако моральный кодекс не позволяет этого сделать. Посему мужчины поблагодарили прекрасных дам за приятную компанию и удалились в комнаты отдыха в одиночестве. Ночь прошла быстро, и с первыми лучами солнца Айрис Таггеранг его сын Рональд и Эйган Таррин отправились в лагерь на границе с Мертвыми землями. Перед тем как выдвигаться в путь, Айрис велел отправить весть в имперский лагерь, дабы генерал Марольд вел армию по карте, предоставленной ему в послании.

К лагерю было два дня пути, вождь Армонц и его сын Хормиус отправились с ними. Хормиус прихватил с собой одну из вчерашних девиц. Он хотел впечатлить девушку и попросил принца Рональда одолжить ему металлического волка. Принц не возражал, в их небольшом отряде лишь у него и Эйгана были металы, все остальные передвигались на лошадях из плоти и крови. Через два дня пути впереди замаячил лагерь.

* * *

Последний день пути проходил по лесу, с высокими деревьями с грубыми стволами. Однако по мере приближения к лагерю от зеленых гигантов оставались лишь срубленные пни. У самого лагеря люди с топорами рубили деревья так, что только щепки разлетались в разные стороны. Возле них ходил надсмотрщик и отсчитывал темп:

— Раз, — кричал тот, и топоры обрушивались на ствол. — Два, — топоры рубили снова. Другие же работники, обвязав веревкой дерево тянули в нужном им направлении. После сруба, от лежащего дерева отделяли ветки и куда — то уносили на специальных для этого сделанных приспособлениях в виде длинной телеги, а вместо животных ее тянули десять человек.

Лагерь раскинулся на большое расстояние примерно около мили. Похоже солдаты Имильцев старалась расположиться вдоль границы.

Как только часовые увидели вождя сразу же побежали кому — то доложить. Через несколько минут, они возвращались с человеком, что старался поспевать за молодыми воинами, однако большой живот и тройной подбородок мешал этому.

— Приветствую вождя Армонца и его сына Хормиуса, — льстиво промолвил человек и низко поклонился. Его живот коснулся земли и оказался в пыли. Человек быстрым движением руки вытер отъеденное брюхо, чем вызвал брезгливость на лице императора.

— Ты что, не видишь, кто перед тобой стоит? — закричал вождь Армонц, вскакивая с коня и наступая на толстяка. Тот округлил глаза, не понимая, что с него хотят и в чем он виноват.

— Почему ты в неподобающем виде предстал перед императором Алатаринской империи, его сыном — наследником трона и королем подземного мира Ирдис? — вождь поднял руку вверх, замахиваясь тыльной стороной ладони. Человек прикрылся руками и

втянул голову в плечи.

— Простите, простите, я не знал, — завизжал он, как поросенок, тройной подбородок подрагивал в такт движениям губ.

— Быстро оденься, ты не у себя в деревне, что можешь ходить до пояса нагой и трясти жирным чревом, — крикнул Армонц, сжимая кулаки. — Оденься, приведи себя в подобающий вид, а затем придешь на доклад, — закончил отчитывать его вождь.

Человек откланялся и быстро, насколько мог, побежал к небольшой палатке. В лагере таких имелось совсем мало, а если точнее, двадцать три. Они предназначались для лекарей, шаманов, друидов и тех, кто командовал солдатами.

Вождь подошел к спутникам.

— Простите этого невежду, — он махнул в направлении, куда убежал толстяк. — Его вид желает лучшего, однако его ум противоположен его внешности, при войне племен он выиграл больше битв, чем кто-либо, его зовут Зимбао, и он — капитан моей армии, — объяснил Армонц, пытаясь хоть как-то оправдать своего человека.

Не прошло и десяти минут, как капитан Зимбао в парадной белой накидке и серповатым мечом на поясе снова вышел из палатки. На этот раз он не спешил, не бежал, а шел медленно, ступая с ноги на ногу с важным видом. Сблизившись, он учтиво поклонился, приветствуя заново высокопоставленных гостей, сделав вид, что ранее ничего не было. Так лучше и для него, и для вождя.

— Докладывай о подготовке армии к обороне! — громко сказал вождь, дабы его слышали все в округе.

Зимбао откашлялся, вдохнул воздух на полную грудь и начал:

— Солдаты расположились по всему периметру границы между землями Имиль и Мертвыми землями, именно там растут самые большие и толстые деревья, которые нам и нужны. Первая задача — это сруб деревьев вдоль границы.

— Зачем? — нетерпеливо спросил вождь.

Капитан выждал паузу, ожидая еще вопросов от Армонца, убедившись, что это единственный, продолжил:

— Ученые с земель Империи, Эмилия Фрост и Фин Ламби, исследовали в полной мере оружие жителей подземного мира и силу его разрушения. Кристальное оружие, как они его называют, может выпустить подряд три белых шара, потом ему требуется время для перезарядки около двадцати минут, — Зимбао сделал паузу и окинул взглядом слушателей, ожидая вопросов, когда те не последовали, он продолжил: — Сила оружия такова, что один шар без особого труда разрушает среднее по толщине дерево, если же взять два дерева или три с самыми толстыми стволами, пробить их невозможно. Посему мы срубаем деревья с самыми толстыми стволами и делаем щиты в три человеческих роста, а другую сторону дерева затачиваем и делаем подобие копья, — после этого капитан умолк, ожидая обсуждения услышанного со стороны правителей.

— Я так понял, у вас имеется план ведения боя? — спросил император, уловив тот момент, когда капитан специально остановился и перестал рассказывать далее.

— При всем уважении к Вашему величеству, я бы хотел озвучить свой план на военном совете, дабы имперские опытные полководцы дополнили, исправили или вообще отвергли его, — сказал Зимбао, слегка склонив голову.

— Это хороший ответ, — Айрис одобрительно кивнул. — Военный совет состоится, когда придут имперские войска, — добавил он и умолк. Повисла неловкая пауза.

— Веди нас в наши палатки, или ты так и будешь держать правителей на улице? — грозно рявкнул Хормиус, взглядом адресуя вопрос стражнику, стоявшему возле Зимбао. Тот засуетился, не зная, что ему делать, никто ни о каких палатках для правителя ему не говорил. Капитан Зимбао, увидев смятение юноши, взял его за плечо, наклонился и шепнул на ухо:

— Три палатки белоснежного цвета, — и указал приблизительное направление. Солдат, уловив курс, указываемый капитаном, расплылся в улыбке.

— Прошу вас, следуйте за мной, — вложив всю учтивость в слова, сказал стражник, посмотрев на правителей.

— Веди, — шикнул сын вождя и тот, развернувшись, устремился к скоплению палаток.

В том месте лагеря, куда привел стражник, находились шесть палаток, расположенных недалеко друг от друга. Одна палатка красного цвета, это цвет шамана. Две палатки — зеленого, обозначающие, что в них находятся лекари или друиды. И, наконец, три палатки белоснежного цвета, побольше и поизящней остальных. Таким цветом в землях Имиль окрашивали палатки правителей.

До конца дня и всю ночь император провел в палатке, не выходя из нее. Ему было не по себе находиться среди чужой армии, пока своя в дороге. Ночь на диво прошла спокойно и умиротворенно, Айрис погрузился в сон, от вечера и до самого утра ни разу не проснувшись.

Рано утром послышался знакомый звук. Это был звук боевого рога Империи. «Значит, имперская армия уже здесь», — первым делом подумал Айрис после пробуждения, однако вставать он не спешил, так прекрасно он не отдыхал уже очень давно. Прошло приблизительно полчаса, как император вышел из палатки. Генерал Марольд направлялся в его сторону.

— Здравия Вам, император, — сказал Марольд, подойдя ближе, и глубоко поклонился.

— И вам здравия, — кивнул Айрис.

— Имперские войска прибыли в лагерь по назначенным координатам, — доложил генерал.

— Сегодня проведем военный совет, вы должны на нем присутствовать, — твердо сказал император.

— Слушаюсь, милорд, — Марольд резко кивнул.

— Можете быть свободны и проследите, дабы солдаты Империи хорошо отдохнули, — закончил Айрис.

Военный совет состоялся под вечер, последние лучики солнца прятались за горизонт. Палатка императора наполнялась людьми.

На военный совет были приглашены вождь земель Имиль Армонц, его сын Хормиус, правитель подземного королевства Ирдис, Эйган Таррин, Рональд Таггеранг, генерал Марольд, капитан Зимбао и Русио. Для военного совета в палатку императора специально принесли несколько столов, соединив в один, дабы все могли за ним поместиться, а также карты Мертвых земель. За освещение отвечал один из подземных кристаллов, что светил лучше любого фонаря или факела. Его подвесили в центре палатки, отчего свет равномерно распределился по всему периметру. Когда все присутствующие присели, Айрис Таггеранг поднялся, он решил, что должен первым сказать слово:

— Наши земли столкнулись с угрозой ранее невиданной силы и сейчас тот момент, когда мы должны сплотиться и выстоять перед врагом, никто не покинет военный совет, пока мы общими усилиями не придумаем, как выиграть битву.

Все прониклись этими словами, на лицах читалась ответственность и гордость.

Следующим поднялся капитан Зимбао, его живот лег на стол. Имилец подвинул к себе карту, уткнул в нее пухлый указательный палец и стал водить по шершавой поверхности:

— Я капитан Зимбао, кто не знает, я главнокомандующий армией земель Имиль, — начал он, оторвав взгляд от карты.

— Всего лишь капитан и уже главнокомандующий, — насмешливо сказал генерал Марольд.

— У нас немного званий, лишь сержант и капитан, этого вполне достаточно для командования солдатами, — спокойно ответил Зимбао, решительно тряхнув тройным подбородком в направлении генерала. Марольд, увидев гневный взгляд императора, убрал улыбку и опустил глаза.

— Итак, я продолжу, ранее я рассказывал, что кристальное оружие не может пробить два толстых дерева, однако у него есть три выстрела перед тем, как ему понадобится перезарядка. Мое предложение таково: с толстых стволов деревьев сделать щиты в толщину четыре дерева, а в высоту три человеческих роста. Мы сделаем окоп до пояса и вставим туда сделанные щиты, что образуют прочную деревянную стену, а сами выстроим армии за ними, щиты нас защищать от атак кристальным оружием. С целью защититься от металлических животных противника на образовавшуюся стену из щитов поставим по всей длине узкую часть срубленного дерева, с заточенным острием, как у копья. Даже металлические животные со всей своей силой не смогут пробиться через такой барьер, — закончил Зимбао, осматривая присутствующих, ожидая вопросов или дополнений.

— Что вы думаете об этом, генерал? — грубовато спросил император Таггеранг. Генерал вскочил на ноги, поправил волосы.

— В общем, идея с защитой неплоха, однако в защите войн не выигрывают, нужна продуманная атака, — слово «атака» генерал подчеркнул жестом.

— У вас есть идеи по этому поводу? — спросил его Айрис, показывая тем самым, что хочет слышать лишь конкретные идеи.

— Да, есть, во время их атаки кристальным оружием мы выстрелим из осадных орудий, а когда они перестанут стрелять, мы выйдем из укрепления и ударим конницей. Мой новый знакомый, — при этих словах Марольд посмотрел на Русио, — рассказал мне, что металлические звери могут двигаться лишь благодаря такому вот кристаллу, — он показал на плоский прямоугольный камень, висевший в центре палатки. — И если его, например, разбить, грозное орудие превращается в груды отходов. Наша конница вполне может справиться с этим заданием.

Когда генерал умолк, Эйган Таррин решил также высказаться.

— Я Эйган Таррин, правитель подземного мира Ирдис, — без лишнего пафоса представился он. — Металлические механизмы — не единственная угроза, у войска предателей имеются люди, если их можно так назвать, они так долго жили в темной пещерной местности, что за столетия изменились их тела. Зрение и острота ума убавились, однако крепость тела и сила увеличились, а восприятие боли притупилось. Легкое ранение их не остановит, нужно нанести удар в сердце или срубить голову, — закончил Таррин, опустив глаза вниз. Видно было, что слова «удар в сердце» и «срубить голову» давались ему нелегко, поскольку это также его люди, они единой крови, потомки жителей королевства Лузвинд. Эйган осмотрел присутствующих, но никто ничего не спросил.

Император поднялся.

— Давайте подытожим наше не слишком продуктивное военное совещание, — Айрис

бросил взгляд на генерала Марольда и капитана Имильской армии Зимбао, именно они должны были давать блистательные идеи. — С некоторыми моментами я согласен. Первое, идея со щитами хорошая. Второе, удар из осадных орудий приемлем, пусть поймут, что у нас есть чем ответить. После того, как кристальный заряд иссякнет, мы не знаем, кто пойдет первым в атаку, метало или жители темной пещеры, посему я предлагаю не сразу вводить конницу в бой, а сначала пусть лучники и арбалетчики поливают их стрелами, а когда те приблизятся, конница вступит в бой, а за ней пехота. Основной задачей боя поставим уничтожение кристаллов в головах зверей. Пусть все — и конница, и пехота, и стрелки метят в камень и разбивают их, чем больше, тем лучше. Осадные орудия пусть не прекращают долбить их тыл, не давая расслабиться и вынуждая идти в атаку. Единственный шанс на победу — это разбалансировать вражескую армию, заставить делать ошибки и играть по нашим правилам, — император в конце речи повысил голос и ударил кулаком по столу. Присутствующие одобрительно закивали.

На этом первый военный совет закончился. Далее в палатку принесли различные напитки и яства, без хорошего пиршества не заканчивается ни одно заседание. Таких военных советов было еще три. На каждом обсуждались детали стратегии и тактики ведения боя, хитрости и уловки, однако все сводилось до пунктов, намеченных еще на первом собрании. Последнее из таких заседаний прервал ворвавшийся в палатку человек. Не вошедший, как подобает, а именно ворвавшийся. Темнокожий имилец упал на пол, тяжело дыша, хватая ртом воздух и сильно кашляя при попытке вымолвить хоть слово. Когда стражники, с опозданием вошедшие внутрь, схватили его под руки и подняли на ноги, он еле слышно промямлил пересохшим голосом:

— Идут!

— Приведите его в чувство и пусть скажет нормально! — не выдержав, рыкнул вождь оттого, что его человек не может связать двух слов воедино. Стражники трянули человеком и дали пощечину, это дало свои результаты. Он начал ясно излагать мысли:

— Мы наблюдали за входом в гору Визер, как вы приказывали, — он кинул взгляд на вождя. — Пять дней назад вход, заваленный бульжниками, очистили, раздробили камень и вышли тысячи людей на металлических животных и нелюдей — мерзких, сгорбленных чудовищ. Я, как только увидел, взял самого быстрого коня и направился сообщить.

Бедолаге дали воды, тот схватил посудину двумя руками и стал хлебать, жидкость текла по подбородку, падая большими каплями вниз.

— Через сколько они будут у границ земель Имиль? — спросил ровным голосом император Таггеранг.

— Я пять дней скакал, делая привал раз в день, спал в седле, лошадь чуть не умерла подо мной, думаю, через дней десять они будут у границ, — вытирая от пота лысую голову, сказал имилец.

— Тут есть кому думать, тебе задали вопрос, ты давай точный ответ, а коль не знаешь, молчи! — крикнул вождь, сжимая кулаки.

— Простите, вождь, — человек упал на колени и склонил голову. Армонц фыркнул и махнул рукой. Стражники поняли жест и, взяв под руки разведчика, вывели его прочь.

— Итак, у нас есть около десяти дней, дабы подготовить защиту, — подытожил император. — Капитан Зимбао, как обстоят дела со щитами и рвом?

Капитан поднялся на ноги. Пухлые губы зашевелились, произнося слова.

— Деревьев срубили более чем достаточно, больше половины щитов уже сделали, ров

закончили несколько дней назад, — капитан отчеканил четко, без заминок, каждое слово.

— Благодарю за ответ, садитесь, — кивнул Айрис.

Генерал Марольд поднялся на ноги, не успел капитан сесть:

— Разрешите говорить, Ваше Величество?

— Говори.

— Я считаю, нужно удвоить количество часовых и послать множество шпионов, чтобы мы знали о каждом шаге, предпринятым противником, — громко сказал генерал, делая акцент на словах «я считаю».

— Я с вами согласен, вот вы этим и займитесь, — одобрительно сказал император. Генерал поклонился и сел на стул. Больше никто ничего не говорил, лишь задумчиво смотрели друг на друга.

— На этом военный совет завершаем, — сказал император и встал, остальные последовали за ним. В этот день не было пиршества, нельзя задурманивать голову пьянящим вином. Предстояло много дел.

Так и получилось, в следующие десять дней все усилия приложили для доделывания деревянных щитов, достигнув результатов за четыре дня. Еще два дня их устанавливали в ров, делая толстенную защитную стену, всем процессом руководил капитан Зимбао. Генерал Марольд контролировал часовых и шпионов, часовых стало в четыре раза больше, чем ранее, а сменялись они реже, тем самым охватывали большую территорию. Шпионы приносили известия раз в два дня обо всем, что делают противники, с какой скоростью передвигаются, где находятся сейчас, тренируются ли в походе, если да, то что делают, как живут и даже что кушают. Марольд расспрашивал о мельчайших деталях у шпионов, даже о тех, что тот не мог видеть или знать.

Также генерал отрабатывал с солдатами маневры и тактику боя, и устанавливал основные задачи на сражение. Когда очередной шпион доложил, что враг за два дня пути от границы, генерал Марольд и капитан Зимбао привели своих солдат в боевое построение. Вся армия спряталась за массивной деревянной стеной, сделанной из щитов. Первая шеренга — лучники из Лесного клана, лучники земель Имиль и арбалетчики Империи. Вторая шеренга — конница, состоящая по большей мере из легкой кавалерии, однако имелась и тяжёлая. Третья шеренга — пехота, основная единица, составляющая армию земель Имиль. До пояса голые, ничем не защищенные воины стояли с мечом, напоминавшим серп и круглым деревянным щитом. Имперская пехота в той же шеренге кардинально отличалась от имильских солдат. Кольчуги, шлемы, а некоторые и вовсе полностью закованные в доспехи, с мечами, копьями и щитами. Ночью, когда холодок пробирался под одежду и заставлял потирать руки, цокать зубами, топтаться на месте и еще много уловок, только бы не мерзнуть, вдалеке появились огоньки. Они были так далеко, что казалось, надвигается стая светлячков. С каждым часом светлячки становились все больше, ярче и ближе. Пока и вовсе не приблизились настолько, что можно было распознать силуэты людей и животных.

* * *

Свечение от тысячи кристаллов рассеивалось по округе и видно становилось лучше, чем днем.

Солдаты армии союза стояли за щитами и дрожали то ли от холода, то ли от страха.

С обычным человеком встретиться на поле боя, так ты знаешь, что от него ожидать, а здесь металлические животные,двигающиеся магическим образом; невиданное оружие, бьющее сильнее, нежели осадные орудия, а помещающееся в человеческую ладонь.

Арбалетчики в первой шеренге натянули тетивы и вставили болты, приготовили оружие к бою. За ними располагалась конница, кони ржали и потопывали на месте. Далее располагалась пехота. Император Айрис Таггеранг, король Эйган Таррин и Рональд Таггеранг занимали место в центре. Вождь Армонц, его сын Хормиус и капитан Зимбао разместились на правом фланге, который полностью состоял из солдат земель Имиль. Командование левым флангом взял на себя генерал Марольд.

— Чего они ждут? Почему не наносят удар, или ждут рассвета? — вслух размышлял император.

— Лучшее время нападения для них — это ночь, их глаза не привыкли к солнцу, я первые месяцы жил с полузакрытыми глазами, — ответил на размышления Эйган Таррин.

— Может, они ждут, что мы первыми начнем атаку? — спросил Рональд, также находившийся возле императора и короля. Те не знали, что ему ответить, поэтому промолчали.

Айрис Таггеранг восседал на красивом большом породистом жеребце, белого, как снег, цвета, с единственным темным пятном возле глаза. Он держал сигнальный рог, один раз подуть — означало сигнал к наступлению, два раза — сигнал к отступлению.

Генерал Марольд на левом фланге проезжал медленно и важно на гнедой кобыле по рядам солдат и громко, четко молвил каждое слово, произнося патриотическую речь, вдохновляя солдат. В один момент все утихло и устремили свой взор вверх, — над вражеской армией поднялся светящийся шар и полетел ввысь, кто-то из них произвел выстрел из кристального оружия. Но почему ввысь? Этим они хотели запугать противника, или традиция перед боем делать предупредительный выстрел вверх? Последняя догадка оказалась верной, это был сигнал к наступлению.

Со стороны армии подземного мира Ирдис засветились тысячи белых сгустков энергии, больше похожих на одуванчики и, поднявшись в воздух, направились в сторону войск альянса.

Те, кто стоял далеко от щитов, смотрели в ночное небо, открыв рты, не отрывая взгляда от надвигающихся белых шаров. Такого никто и никогда ранее не видел, глаза расширились, а брови вздымались вверх все больше с приближением сияния к ним. Как только энергия соприкоснулась с деревянными щитами, раздался грохот, будто гром в самую неистовую грозу, и пролетел над головами солдат. Щепки от щитов разлетелись в стороны, ближайšie воины прикрылись кто руками, кто щитами, кто арбалетом, кто луком. Некоторые попадали на землю, закрывая голову руками. Стена из щитов пошла волной, однако первый удар выдержала. Как только солдаты альянса вышли со ступора и осознали, что произошло, то стали орать и хлопать в честь того, что идея со щитами удачная. Далее последовали еще два удара, после которых, по расчетам Эмили и Фина, оружие должно остановиться для перезарядки. Щиты выдержали и их, однако стало понятно: еще один или в лучшем случае два удара — и от них не останется ничего, лишь щепки по земле. Однако ни четвертого, ни пятого выстрела не произошло. Неужели ученые правы и кристальному оружию нужно время для перезагрузки?

Альянс не оставил удары врага без внимания и ответ последовал из осадного орудия: камни обливали смолой, поджигали и запускали в тыл противника. Со стороны подземного мира выдвинулись тысячи солдат на металлических животных. Свет, что исходил от кристаллов в головах зверей, отражался от металла, из которого были собраны механизмы и

образовывал сияние, словно от звезды в самую темную ночь, движущейся вперед.

Император подул в рог, это был сигнал для наступления. Как только противник оказался на расстоянии выстрела, арбалетчики и лучники стали выпускать град стрел, что взлетали вверх и падали на головы врагам. Они сумели сделать четыре залпа, прежде чем те пересекли точку, где стрелков должны сменить пешие войска.

Генерал Марольд опустил забрало шлема, махнул вытянутой вверх рукой — это служило сигналом к наступлению, и тысячи лошадей устремились за генералом. Каждый всадник помнил наставления, главное, разбивать кристаллы. Через мгновение две армии столкнулись в ожесточенном бою. Имперцы били кристаллы, оказалось, разбить кристалл не так просто, нужно приложить немалые усилия, дабы повредить твердый камень. Подземным жителям не составляло труда поражать противников, им не нужно было искать слабые места в броне, колоть или рубить с большой силой, а всего лишь коснуться человека кристалльным оружием, как его тело становилось мягким и бездыханным. Генерал Марольд отбивал атаки противника, не давая дотронуться к себе острием копья с кристалльным наконечником. В этой всей суматохе он успевал одновременно выкрикивать самые изысканные ругательства, подсказывать подчиненным, как бить и как блокировать. За минут десять боя имперская конница сократилась втрое. Однако генерал и не думал давать команду отступить. Это еще больше придавало ему сил, удары становились сильнее и быстрее.

Тем временем капитан Зимбао со своим пешим войском двинулся на помощь. Без всякой брони, только в белых прозрачных накидках, а некоторые и вовсе лишь в набедренных повязках, — у солдатов земель Имиль не было шансов против металла. На удивление и себе,

и другим, они имели успех в разбивании кристаллов и в обездвиживании металла. Со своими мечами наподобие серпа они уходили вбок, когда груда металла летела на них и били снизу вверх, подцепляя камень. Как только источник питания уничтожался, металлическое животное в тот же миг останавливалось и статуей стояло неподвижно, а его хозяин соскакивал на землю и принимался драться, где чаще всего проигрывал. Чаша весов склонилась на сторону войск союза. Следующие со стороны подземного мира выдвинулись солдаты из темной пещеры. Сгорбленные, с маленькими глазками, в кольчугах и кристалльным оружием, они напоминали муравьев, высыпающихся из муравейника.

Генерал Марольд уловил боковым зрением приближение уродов, как он их называл.

— Помните, срубить голову или проткнуть сердце! — что есть мочи заорал он. Однако удары копыт, звон оружия, фырганье лошадей и крики людей заглушили его голос так, что он сам себя еле слышал.

Император, увидев наступление следующей волны войск Ирдиса, дал команду и самая сильная тяжелая пехота рыцарей, полностью закованных в тяжелые доспехи, пошла вперед в наступление. Их было не так много, всего тысяча сто, однако каждый из них стоил десятка легких пехотинцев или двадцати имильцев. Рыцари зашагали нога в ногу строевым уверенным шагом, обнажив мечи и взяв щиты, они твердо двигались в сторону битвы. Самое большое количество солдат, а именно легкой пехоты, Айрис Таггеранг оставил, еще рано посылать их в бой. Тем более что у противника, по всей видимости, также имелась легкая пехота, которую осадные орудия союза отогнали на более дальнее расстояние.

Тяжелые пехотинцы схлестнулись с мутантами. Однако даже прочная качественная броня не могла сдержать удар кристалльного оружия, — стоило уродам лишь прикоснуться к доспеху пехотинца, как тот падал замертво. Отделенные конечности, ранение в плечо, живот

или бок никак не останавливали врага, мутанты шли вперед, невзирая на боль. Лишь отрубленная голова или прямой удар в сердце мог остановить их напор. Имильские солдаты под руководством капитана Зимбао сражались со всей свирепостью и злостью, кричали при ударе, при блокировке удара, при убийстве врага. Однако навыки их боя оставляли желать лучшего, посему, несмотря на перевес в численности армии союза, бой проходил равно, с колебанием то в одну сторону, то в другую.

Внезапно с тыла врага послышался сильный звонкий звук, словно десять добрых молодцев ударили в большую колокол одновременно. И еще раз тот же самый звук, и еще, и еще сильнее. Солдаты обеих армий упали на колени, закрывая уши, у некоторых солдат пошла кровь, у других — желтая слизь, похожая на воск. Первыми пришли в себя солдаты противника и быстро стали отступать, бежать со всех ног назад в свой тыл. Когда звук прекратился и слух вернулся, армия союза, не разобравшись, зачем противник отступает, хотела броситься догонять, однако без приказа не положено. Генерал Марольд первым смекнул, зачем они возвращаются: «Кристалльное оружие перезарядилось и готово к бою, сейчас нас перебьют, как мух».

Только он хотел дать команду к отступлению, как услышал звук имперского рога, похоже,

и император также догадался, зачем враг отступает.

— Назад, все за щиты, отходим, за щиты! — заорал во весь голос Марольд, да так, что в горле заскребло. Армия союза отступила за щиты. Прошло немало времени. Странно, однако новые выстрелы не последовали. Вместо этого со стороны врага выдвинулись пять фигур и направились в сторону союзных войск. Один из пяти в руках держал длинное подобие копья, на конце которого ярко светился круглый плоский кристалл.

— Они хотят переговоров? — тихим, еле слышным голосом то ли сказал, то ли спросил король Эйган Таррин и поднял бровь. Император, стоявший рядом, услышал его слова и бросил на него вопросительный взгляд. — Плоский кристалл означает желание к мирным переговорам, — пояснил он императору.

Пятерка остановилась ровно посередине поля боя, где лежали убитые солдаты с одной и с другой стороны. Металлические животные статуями стояли неподвижно. Раненые стонали и умоляли помочь, некоторые выкрикивали проклятья и клялись убить эту пятерку, однако те стояли, не двигаясь, не обращая никакого внимания ни на своих, ни на чужих.

— Это может быть ловушка, — шепнул принц Рональд отцу на ухо.

— Может, — не стал отрицать император.

— Только мы выйдем, как они нас расстреляют из кристалльного оружия, — предположительно высказался принц.

— Да, могут. Посему к ним пойдут несколько простых солдат и один из этих, — он указал на всадников, сидевших верхом на метало и находившихся, как тень, всегда рядом возле короля Эйгана.

Через несколько минут отряд для переговоров сложился из трех пехотинцев, двух молодчиков с редкими усиками, старца с седой бородой и Русио. Делегация выдвинулась вперед. Через несколько минут они поравнялись с врагом. Переговоры длились не больше пяти минут, как Русио развернулся в сторону союзников и направился к ним. Остальные остались на месте. Подъехав к королю и императору, он увидел удивление на их лицах и единственный немой вопрос: «что ему сказали?».

— Их предводитель, — при словах «предводитель» Русио стиснул зубы и прошипел его

имя, — Дейв Борг, желает говорить лишь с Вами, — он обратился к королю Эйгану. Таррин не удивился, этого стоило ожидать.

— Давайте поедem и услышим, чего Борг хочет, — со всей серьезностью сказал Эйган, устремив свой взгляд на огромного металлического медведя, на котором восседал Дейв Борг.

В сопровождении Русио правитель Таррин подъехал к переговорщикам.

— Приветствую вас, Эйган Таррин, — с легкой, еле уловимой нагловатой улыбкой поприветствовал Борг прибывших. Он не сказал «приветствую, король Эйган Таррин», тем самым подчеркивая, что не видит в нем правителя.

— Что ты хотел? Зачем эти нелепые переговоры? — холодно ответил король. И устремил пронзительный взгляд в переносицу врага.

— Я хочу поединка королей.

— Чего ты хочешь? — прищурился Эйган. Две эмоции одновременно переполняли его: гнев и удивление.

— Поединка королей, — еще раз внятно сказал Борг.

— И где же ты возьмешь еще одного короля? — с насмешкой спросил Таррин и осмотрелся вокруг, словно отыскивая его.

— Я сражусь с тобой, — холодно прошипел Дейв.

— Поединок королей, само это название, отображает суть, а ты не король, ты лишь учил молодчиков держать оружие в руках, — с презрением сказал Таррин, искривив губу.

— Если боишься, так и скажи, — не найдя аргументов, рявкнул Дейв Борг.

— Зачем тебе это нужно? Ты же и так всеми людьми Ирдиса управляешь, а если я выиграю, то снова займу и так мой трон по праву, — спросил король с ненаигранным любопытством.

Борг отвел глаза, не зная, что сказать.

— Ах, я понял, дай угадаю: многие перестали тебя поддерживать в слепой бессмысленной войне, в выполнении клятвы данной более пятисот лет назад безумцем. Однако если отказаться от этой идеи и вернуться в королевство или остаться наверху, люди, скорей всего, не выберут тебя своим лидером, и ты решил, если убьешь меня в поединке королей, сможешь занять мой трон? — на лице Эйгана показалась улыбка. На лице Борга читалось, что его слова попали в точку.

— Этот поединок выгоден обоим, если ты выиграешь, война прекратится и ты займешь свой паршивый трон, а если я выиграю — люди увидят, кто их король, однако есть и третий вариант: отказаться от поединка и дальше сражаться на поле боя, там уже кто знает, кто победит, — с лукавой улыбкой ответил Борг. Он был мастером меча, так его называли ученики, которых он обучал управляться с оружием, не только с мечом, а всем имевшимся в королевстве Ирдис. Однако владение мечом — это его самая сильная сторона.

Таррин потер подбородок, задумчиво посмотрев на врага. В его словах был смысл, закончить войну одним поединком и вернуть трон — предложение выглядело заманчивым.

— Полагаю, ты выберешь поединок на мечах? — спросил король.

— Правильно полагаешь, — подмигнул Дейв. — Однако не на кристальных мечах, а металлических, до смерти, — добавил он.

Эйган Таррин потер лоб, меряя противника взглядом с головы до ног. Он его хорошо знал, тот был выше и шире в плечах, на несколько лет моложе и всегда кланялся при встрече, желал здравия Его Величеству. Еще немного поразмыслив, король Эйган Таррин поднял подбородок, посмотрел прямо в глаза Дейву Боргу и выдал решение.

— Через час на этом же месте, — после этих слов он развернул металлическую ящерицу и направился к войскам союза.

Услышав об этом предложении, Рональд покачал головой, за много месяцев он прикипел к королю Эйгану и не хотел дать тому умереть.

— Не нужно никакого поединка, мы их разобьем на поле боя, мы побеждаем, — эмоционально высказался принц, схватив за плечи Таррина.

— Я уже принял решение, — спокойно ответил Эйган.

Прошел час и Эйган Таррин стоял напротив Дейва Борга. Они были одни в центре поля битвы. По правилам поединка королей, битва шла до того момента, пока один из бойцов не умрет. Свидетелями дуэли могут быть по три самых доверенных лица, с одной и с другой стороны. Сейчас же свидетелей были тысячи.

Несколько секунд противники смотрели друг на друга, словно оценивая, думая о стратегии и тактике боя. Однако, как показывает практика, в бою все идет не так, холодный разум и обдуманное решение — лучший инструмент в достижении победы.

Дейв Борг вытянул из ножен меч с выгравированным на нем именем. Порисовав в воздухе восьмерки, сделав несколько выпадов и атак, он пригнулся и встал в боевую стойку, затем, направив острие меча на Эйгана, шагнул вперед. Король в золотистых доспехах стоял с мечом руке, сосредоточенно ожидая противника. Дейв Борг стал кружить вокруг Таррина, сверля его взглядом.

— Ты собираешься убить меня взглядом? — спросил с насмешкой король. Под этой бравадой он пытался скрыть неуверенность в силе, ловкости и умениях. Правитель понимал, что Борг опытней в бою на мечах. Однако и Таррин не так уж ему уступал, он каждый день оттачивал мастерство и сражался с опытными солдатами.

— Сдохни, мой король! — прорычал Дейв, бросившись на Таррина. Он нанес удар сверху вниз, правитель парировал, мечи скрестились. Борг нажимал всем весом и Эйган отскочил, не выдержав напора. Сердце короля забилося сильнее и тело само рефлекторно бросилось в атаку. Удар, удар, удар, мечи звенели, сталкиваясь друг с другом. Борг умело, как по учебнику, отбил все атаки. Бой длился меньше минуты, однако у Эйгана пересохло в горле и он тяжело задышал. Соперник сделал обманный маневр, показывая колющий прямой, а сам ударил наискось, меч просвистел возле уха Таррина и ударил его в ключицу, прочные доспехи выдержали удар, однако боль вспыхнула внутри плеча, рука онемела и повисла, как веревка. Король вскрикнул и упал на землю. Там внизу, на земле, он уткнулся взглядом в ранее незамеченные тела убитых, отрубленные конечности, кровь, смешанную с землей, голову, отделенную от тела солдата и лежавшую прямо возле него.

«Нет, я так не закончу», — подумал король и перекатился в сторону как раз в тот момент, когда Борг наносил, по его мнению, последний удар. Острие клинка воткнулось в землю, что дало Эйгану секунду, чтобы подняться на ноги. Боль пульсировала в плече с нарастающей силой. Если бы он попал в руку, в которой правитель держал меч, на этом бой бы и закончился, однако он попал в плечо левой руки, а правая все еще работала.

— Тебе меня не победить, — сквозь зубы выцедил Борг. Он перехватил двумя руками рукоять меча для усиленной атаки, размахнулся и ударил по диагонали, король пригнулся, и его сердце екнуло, когда меч пронесся над головой. Оттого, что Дейв промахнулся, он утратил равновесие, и его занесло в правую сторону. Эйган, в тот момент находившийся в полусогнутом состоянии, что есть силы ударил противника в слабое, незащищенное доспехами место под голенью. Этот удар имел успех. Дейв Борг взвыл от боли и рухнул на

землю. Доспехи побагровели от сочившейся из-под них крови. Кровь была темного цвета, а значит, она сама не остановится. Борг попытался встать, опершись о меч и стиснув зубы, он поднялся. Перенеся вес тела на левую ногу, он немного поднял правую, с которой кровь стекала большими каплями на землю. Взяв обеими руками меч, он еле стоял, держа равновесие. В глубине души он понимал, что это конец, но сдаваться не мог и не хотел.

Король Таррин ходил вокруг противника, вырисовывая фигуры мечом в воздухе.

— Иронично в этом поединке то, что это ты научил меня этому удару, — немного с наслаждением говорил король. — Великий Дейв Борг повержен собственным приемом.

— Закончи поединок! — крикнул Борг. В этих словах Таррин уловил другой смысл, «убей меня, не тяни».

— Зачем мне тебя убивать, быстро освободив от боли, если ты и так истечешь кровью и умрешь, но более мучительно? — король остановился.

— Поединок королей требует этого, — слово «убить» Дейв заменил словом «этого».

— Поединок королей — да, однако ты не король, ты простой учитель боя на мечах, который сумел расположить к себе людей.

От потери крови в глазах Борга начинало темнеть, он еле стоял на ногах, прикладывая неистовые силы, дабы не упасть, все еще держа меч перед собой.

— Убей меня, — тихим голосом, с полузакрытыми глазами, медленно сказал Дейв и свалился, потеряв сознание.

Король Таррин отвернулся, залез на свою ящерицу, не обращая больше внимания на врага, он для него был уже неважен, вставил кристалл, нажал рычаг и метало двинулся в сторону жителей мира Ирдис. Рука все еще не двигалась, пульсирующая боль перешла в ноющую. Однако Эйган не обращал на это внимания, единственное, что его заботило, это как примут его бывшие подданные. С каждой секундой приближения сердце сжималось все сильнее, холодный пот лился ручьем по спине. Мысли «а что если?» вызывали больше боли и волнения, нежели безжизненная рука. «А что если это такой маневр, дабы выманить меня и убить?», «А что если предателей больше, нежели тех, кто еще хранит мне верность?», «А что если?», — мысли роились в голове, перебирались, всплывая одна за другой. Те несколько минут, что длилась дорога, от поверженного Борга к армии, казались мучительно долгими. Наконец он приблизился настолько близко, что мог различить лица людей. Еще через несколько секунд он стоял лицом к лицу с многотысячным войском. В один миг люди напротив короля утихли настолько, что если бы сейчас пролетела муха, ее жужжание слышали дальние ряды.

Эйган немного оторопел, он такого не ожидал. Не зная, что сказать, Таррин выкрикнул первую мысль, что пришла на ум.

— Я Эйган Таррин, наследник Илина Таррина, законный преемник престола и ваш король! — в эти слова он постарался вложить душу и выразительность произношения, при этом вскинул руку с мечом вверх.

Тишина среди воинов длилась несколько секунд, потом человек, что ближе всего находился к Таррину, слез с металлического пса. Посмотрев королю прямо в глаза, он встал на колени и преклонил голову. Остальные последовали его примеру, и через несколько минут все войско мира Ирдис стояло на коленях перед королем Эйганом Таррином. Из всех возможных исходов такой был наименее вероятен. Посему глаза короля расширились, брови поползли вверх, далее удивление перешло в гордость, слезы выступили на глазах. В тот момент Эйган забыл и о предательстве этих самых людей, что стояли на коленях, и о

тяжелых решениях, принятых из-за них же. В тот момент король Таррин гордился своими людьми.

Солдаты, находившиеся с противоположной стороны, поняв, что произошло, ликующе подняли оружие вверх, стали выкрикивать «слава императору!», некоторые снимали шлемы, жали друг другу руки, обнимались. На душе Айриса стало легко и тепло, война закончилась, потери минимальные, это лучший исход, что он мог себе вообразить. Внезапно взор солдат переметнулся в другую сторону, к границам земель Имиль. Крики, шум, указывания пальцами в ту же сторону пронеслось по рядам армии. Император тогда и сам обратил внимание — вдалеке бежали три человека, по пояса голых, как и все имильцы, один из них в руках нес знамение, высоко подымая над головой. Хормиус, также заметивший знамя, выдвинулся им навстречу, прихватив еще четырех воинов. Император не очень придавал этому значение, однако после того, как сын вождя поговорил со своими людьми, он быстрым ходом направился прямо к Айрису. Он подошел ближе, его расширенные зрачки и частое дыхание насторожили правителя.

— Птица с посланием прилетела пять дней назад, — тихо, словно забывая слова, сказал Хормиус и протянул ему кусок пергамента. Айрис взял письмо и стал читать, по мере прочтения его глаза расширялись, брови лезли на лоб. Сердце замирало с каждым следующим прочтенным словом. Он оторвал глаза от письма, посмотрел вокруг, еще с минуту ничего не говоря, пытался переварить прочитанное. Рональд, сначала не придавший этому большего значения, сейчас смотрел на отца, внимательно пытаясь прочесть реакцию на его лице.

— Что в письме? — постарался как можно мягче спросить принц. Император посмотрел на него потерянным взглядом и протянул сверток.

— Дикари взяли столицу, в ваших рядах предатели, — Рональд перечитал еще, и еще, и еще, он не мог поверить, как это возможно. Сердце сжалось в груди, ярость всыхнула в глазах. Он выхватил рог с пояса отца и закричал что есть силы:

— Дикари — предатели, убить их! — и сам, обнажив меч, бросился на ближайшего жителя лесов.

Поселенцы, не понимая, что происходит, стали падать замертво, получая кто стрелу в глаз, кто нож под ребра. Солдаты Империи в союзе с воинами Имиль взяли дикарей в кольцо, те отчаянно пытались отбиться, но попытки оказались тщетны, их перебили в считанные минуты, тридцать шесть человек взяли в плен. В числе пленников оказался и Эдмундо Барнс.

Больше книг на сайте - Knigoed.net